АМЕРИКАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ПРОБЛЕМЫ
МЕТ

AMERICAN SOCIOLOGY

PERSPECTIVES, PROBLEMS, METHODS

EDITED
BY TALCOTT PARSONS

Basic Books, Inc., Publishers
NEW YORK – LONDON
1968

Для научных библиотек

АМЕРИКАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРОБЛЕМЫ
МЕТОДЫ

Сокращенный перевод с английского
В. В. ВОРОНИНА и Е. В. ЗИНЬКОВСКОГО

Редакция и вступительная статья
доктора философских наук
Г. В. ОСИПОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1972

Редактор *И. Прокченков*
Художественный редактор *Л. Шканов*
Технические редакторы *А. Чуркин и Т. Воскресенская*

Подписано к печати 12.X. 1972 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. л. 6¹/₈. Печ. л. 20,58. Уч.-изд. л. 20,21. Изд. № 9/12499. Заказ № 1592. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Прогресс» Государственного Комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Московская типография № 5 «Союзполиграфпрома» при Государственном Комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Мало-Московская, 21.

Редакция литературы по философии и праву

1-5-3
БЗ № 26—15—72

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Предлагаемая вниманию советского читателя книга является сборником статей видных американских социологов под общей редакцией, с предисловием и заключительной статьей крупного представителя этой дисциплины Т. Парсонса. В сборнике, где представлены самые различные направления буржуазного социологического знания, предпринята попытка подвести некоторый итог развитию как западной социологии в целом, так и отдельных ее отраслей. Данное издание в известной степени можно сравнить с опубликованным в нашей стране в 1965 году переводом сборника видных американских буржуазных социологов «Социология сегодня». Это родство обнаруживается не только при сопоставлении имен авторов (часть из них приняла участие в обоих сборниках), но и при анализе общей теоретической позиции, которая оказывается весьма сходной в обеих книгах.

Первоначально «Американская социология» была задумана как цикл лекций для передач «Форум» радиостанции «Голос Америки». Выполнение официального заказа этой радиостанции предопределило тенденциозный и апологетический характер сборника. В ряде статей буржуазные социологи без какой-либо заслуживающей внимания аргументации восхваляют внешнюю и внутреннюю политику США и делают выпады против социалистических и развивающихся стран.

Сборник дает весьма определенное представление о той незавидной идеологической и практической роли, которую играет так называемая «академическая социология» в американском обществе. За «академическим» фасадом, внешней «аполитичностью» и «беспристрастностью» скрывается апологетика капитализма и воинствующий антикоммунизм.

Издание настоящего сборника на русском языке позволит советскому читателю получить довольно ясное представление о том, каково положение дел в современной буржуазной американской социологии в целом. Какова связь между социологией, американским обществом и его идеологией? Какова функция социологии в этом обществе, по крайней мере в том виде, в каком она представлена авторами сборника?

Мы рассмотрим два аспекта содержания этого сборника: идеологический и теоретический.

Прежде всего, следует отметить, что материалы сборника представляют, как правило, точку зрения, связанную лишь с одним теоретическим направлением — тем, которое сейчас называется «академической социологией» и которое развилось на базе структурного функционализма Парсонса. Поэтому речь идет не о различных подходах к социологическим проблемам вообще, а о различиях подходов в рамках данного теоретического направления.

Таким образом, все теоретические и идеологические черты, характерные для «академической социологии», достаточно отчетливо прослеживаются и в материалах сборника.

Следует отметить, что одной из важнейших «ценностей», провозглашенных представителями «академической социологии», является так называемая «идеологическая независимость», «свобода» от оценочных суждений, «объективный анализ» социальных процессов. Однако сами же представители этого направления социологии утверждают, что люди благодаря воспитанию и образованию (или, если воспользоваться популярным социологическим термином, благодаря «социализации») усваивают различные наборы господствующих в обществе представлений, в том числе и идеологических, которые «оформляют» их деятельность и поведение. К социологам это относится не в меньшей, а в большей степени, чем к кому бы то ни было. Общность теоретической позиции авторов сборника обусловлена не только разделяемой ими логикой построения рассуждений, но и сходством способов сбора и анализа данных. Она коренится в сходстве некоторых фундаментальных представлений о мире вообще, которые определяют отбор тем исследования, точек зрения, гипотез и т. п. И одним из важнейших компонентов этих

отправных положений является идеология определенного социального класса — буржуазии.

Поэтому нет ничего удивительного, что, несмотря на провозглашаемую свободу от оценочных суждений, материалы сборника оказались пронизанными единой идеологической окраской. Ниже мы покажем, каковы же основные черты этой идеологии.

При анализе материалов сборника прежде всего привлекает внимание тот факт, что авторы, скатываясь на позиции мифотворчества, рассматривают собственную буржуазную социальную систему как образцовую (даже по сравнению с развитыми западноевропейскими государствами, не говоря уже о социалистических и развивающихся странах). Важнейшими ценностями, которые, согласно буржуазной социологии, присущи американскому обществу и выгодно отличают его от всех остальных типов обществ, являются якобы стабильность, демократия и эгалитаризм или социальное равенство. Именно такая точка зрения часто находит выражение на страницах сборника «Американская социология».

«Стабильность», «интегрированность», «поддержание социального порядка» суть важнейшие понятия «академической социологии». В зависимости от степени наличия этих характеристик *оценивается* любая социальная система. Они выступают как важнейшие эталоны, близость к которым делает систему «хорошей», или адекватно функционирующей. Исходя из этих представлений, некоторые авторы соответствующим образом оценивают и нынешнее состояние американского общества. Особенно характерна в этом отношении позиция политолога Сеймура Липсета. Оценивая мировые государства в терминах «стабильности — нестабильности», он утверждает, что «единственными республиками, отвечающими условиям, которые предусматриваются определением стабильной демократии, являются Соединенные Штаты и Швейцария да еще, может быть, Уругвай» (стр. 207 настоящего сборника). Употребляя понятие «стабильность», Липсет подразумевает также и отсутствие ярко выраженных социальных движений. Однако общеизвестен факт, что именно на протяжении последнего десятилетия социальные движения в США значительно активизировались (движение за гражданские права негров, молодежное университетское движение, «новые левые» и т. п.). Отдавая

себе отчет в противоречии между утверждением относительно стабильности своего государства и существующими ныне массовыми социальными движениями, Липсет пытается преодолеть его следующим образом. Он социально «обесценивает» тех, кто участвует в такого рода «левых движениях». «Более либеральные, или левые, партии, — говорит он,— пользуются непропорционально большой поддержкой со стороны малоимущих, рабочих, крестьян-бедняков, людей недостаточно образованных, членов религиозных, расовых или этнических групп с низким общественным статусом» (стр. 216—217). Раскрывая вопрос о том, что же стоит за этим утверждением, можно сказать примерно следующее: если, как это принято считать в американской социологии, американское общество состоит главным образом из представителей среднего, обеспеченного класса с достаточно высоким уровнем образования, а малоимущие слои и слои с низким социальным статусом составляют меньшинство (см. анализ социальной структуры в статье Б. Барбера), то любое левое движение получает поддержку столь малозначительную, что оно едва ли может оказать влияние на состояние социальной системы. А чтобы подкрепить это предположение, Липсет вводит второе допущение, касающееся механизма, нейтрализующего силу и роль социальных движений и стабилизирующего status quo. «При прочих равных условиях,— пишет он,— людям свойственно, если у них имеется какой-нибудь выбор, видеть себя скорее среди более привилегированных, чем среди менее привилегированных. Политически это означает давление, побуждающее людей становиться более консервативными. Это может служить иллюстрацией *присущего стратификации «консервативного уклона*» (курсив наш.— *Г. О.*), помогающего положить предел влиянию антиэлитарных левых партий, аккумулирующих к недовольству и устремлениям многочисленных менее привилегированных слоев» (стр. 218). Суть этих рассуждений сводится к тому, что, даже если и возникают левые движения, сама ориентация большинства членов общества на господствующие социальные ценности амортизирует силу этих движений, возвращая систему в прежнее равновесное состояние. Здесь нет никакого сомнения, что такого рода позицию можно назвать крайне консервативной.

Ни один из авторов сборника не выражает какого-либо

сомнения относительно того, что демократия, дескать, присуща американскому обществу и способствует его процветанию и развитию. Предполагается, что в принятии политических решений здесь участвуют якобы широкие массы населения, что̀ делает эти решения приемлемыми для всех, укрепляя таким образом «социальное согласие», на котором и зиждется «социальный порядок». Однако рассуждения Липсета о государстве полностью переводят понятие демократии в разряд иллюзорных представлений. «Стало быть, должны существовать какие-то механизмы, *побуждающие* людей признавать как должное систему принятия решений и *заставляющие* их подчиняться и даже выполнять те решения, которые им не по вкусу. Вместе с тем, поскольку различные группы в системе неизбежно будут расходиться во мнениях относительно того, какую политику следует проводить, государства *должны* сформировать механизмы, при помощи которых такие группы могли бы максимизировать свою способность *оказывать давление на структуру принятия решений»* (курсив наш.— *Г. О.*) (стр. 205). Речь идет не о выработке общего решения путем достижения общего добровольного согласия, а о решении, принятом под *давлением* определенных группировок. Эти группировки, вероятно, обладают большой властью или могуществом, коль скоро они оказываются способными влиять на решение других посредством давления. Таким образом, речь идет о том, что одни группы вынуждены согласиться с тем, что предполагают другие, а это сводит на нет миф о всеобщем социальном равенстве.

Идея эгалитаризма или социального равенства, столь популярная в «академической социологии», тесно связана с понятиями социальной стратификации и социальной мобильности. Социальная стратификация, по словам Парсонса, «...является важнейшей областью всей нашей науки. Подобно другим живым системам... социальные системы подвержены дифференциации, причем одной из главных ее осей всегда выступает «вертикальная» ось» (стр. 34). Именно положением на вертикальной оси определяется в такой системе социальный статус человека в обществе. Однако апологетическая позиция современных американских социологов заставляет их все чаще говорить об американском обществе как «обществе благоденствия», якобы осуществляющем идеалы социального равенства. В этом

отношении характерно утверждение Э. Хьюза о том, что «оказалась размытой граница между привилегированными профессиями и другими профессиями умственного труда, так же как и границы между последними и «белыми воротничками», между «белыми воротничками» и ручным трудом» (стр. 78). Это означает, что в социальном отношении, по мнению автора, американское общество чрезвычайно близко к состоянию однородности. Сходное утверждение содержится и в статье М. Троу, который замечает, что, «согласно прочно укоренившейся ценности американского общества, доступ к высоким положениям в обществе открыт для достойных и способных независимо от их социального происхождения» (стр. 186).

О равенстве, якобы доступном в политическом отношении, говорится в статье Б. Барбера, который, не ссылаясь на какие-либо фактические данные и явно фальсифицируя социальную действительность капиталистического общества, заявляет: «С постепенным предоставлением права голоса большинству населения в западном обществе власть и могущество подверглись еще более широкому дроблению, причем низшие группы служащих и рабочий класс увеличили свое относительное влияние. Когда большинство людей имеет право голоса и существует демократический политический и социальный процесс, массы, состоящие из средних и низших слоев населения, могут объединить свои индивидуальные малые доли власти и оказывать общее влияние, достаточно сильное для того, чтобы по меньшей мере уравновешивать влияние высших социальных классов, а порой и брать над ними верх» (стр. 237). Говоря о тенденциях, связанных с экономическим положением, он также скатывается на позиции апологета капитализма, утверждая, что «в общем и целом различные страны современного западного общества постоянно поднимают прожиточный минимум тех, кто находится в самом низу структуры дохода и богатства». И далее: «Не исключена возможность, что в западном обществе значение денег будет уменьшаться по мере того, как доступ к образованию да и к самим высокооцениваемым ролям ставится во все более прямую зависимость от проявляемых способностей» (стр. 238).

Однако, несмотря на такую, казалось бы вполне благополучную, картину, изображенную американскими социологами, им все же приходится признать, что в отно-

шении равенства в реальности все американское общество сталкивается с очень серьезными экономическими, социальными и политическими проблемами. Так, например, Э. Хьюз замечает: «И тем не менее в США все же есть класс безработных. По мере того как спрос на дешевый, неквалифицированный труд снижался и дошел почти до нуля, люди, занимавшиеся таким трудом, оказались хронически безработными» (стр. 80). Говоря о преобразованиях, имеющих место в американском обществе на нынешнем этапе его развития, Р. Белла указывает на необходимость «заняться проблемами борьбы с нищетой и несправедливостью, которые все еще сохраняются в обществе и особенно бросаются в глаза на фоне успешного разрешения столь многих объективных проблем» (стр. 279). То же относится и к проблеме образования. Так, Б. Барбер, который, как мы видели, объявил тенденцию к достижению равенства доминирующей в современном западном обществе, признает вместе с тем, что «...даже сегодня полное равенство возможностей в области получения образования остается, несмотря на весь прогресс, достигнутый в этом направлении, скорее надеждой, чем реальностью» (стр. 239). И далее: «Если и создается впечатление, что теперь исчезли различия по части престижа, власти, дохода или стиля жизни, это впечатление обычно оказывается иллюзорным и рассеивается при более пристальном взгляде на реальную социальную действительность» (стр. 244).

Авторы сборника вынуждены признать и целый ряд других тревожных тенденций, нарастающих в американском обществе. Прежде всего, это относится к феномену «массовой культуры», распространение которой приводит к повсеместной стандартизации, потере индивидуальности и т. п. Если принять во внимание, что «автономии сообщностей» и «идентификации» людей со своей сообщностью американской социальной наукой придавалось чрезвычайно большое значение, что именно сообщности считались контролирующими как местную, так и «большую» политику, то весьма понятной становится тревога, с которой буржуазные социологи говорят о вызванных «массовой культурой» новых тенденциях в развитии сообщностей. Прежде всего, это проблема «ослабления контроля сообщностей над имеющими место на их территориях функциональными процессами и организациями»,

проблема увеличения зависимости сообщностей и их членов от культуры и организации большого, или массового, общества. А это означает, что «процессы принятия решений и управления в местных сообщностях оказались под контролем элиты, хотя форма протекания этих процессов внешне остается демократической». Наконец, американский социолог констатирует тот факт, что имеет место «упадок сообщностной автономии» и что это «подтверждается весьма обширным материалом» (стр. 107—108).

Таким образом, попытки представить американское общество как стабильное, подлинно демократическое «общество равных возможностей» пришли в противоречие с фактами, которые вынуждены признать даже сами авторы сборника. Стабильность оказывается весьма относительной, демократия — чисто внешней, видимой, за которой кроется господство правящей монополистической элиты, а равенство возможностей находится на уровне чего-то желаемого, но пока абсолютно недостижимого.

И тем не менее, как мы уже говорили, общий тон большинства статей крайне апологетичен. Более того, авторы не устают доказывать превосходство американской социальной системы над социалистической при помощи приемов, которые едва ли можно назвать корректными с научной точки зрения.

Во-первых, это обозначение одинаково описанных явлений различными терминами в зависимости от того, идет ли речь о капиталистической или о социалистической системе. Так, положение дел, при котором законодательная и исполнительная власть осуществляет свои функции, опираясь на большинство населения страны, называется Липсетом, например, «демократией», когда речь идет об американском обществе, и «тиранией», когда речь идет о социалистических обществах.

Во-вторых, это приписывание системе наличия или отсутствия некоторой характеристики, которая терминологически оказывается неопределенной. Так, тот же Липсет пространно рассуждает о законности власти в США и кризисе законности, свойственном якобы социалистическим и развивающимся странам. (Интересно отметить, что кризис законности Липсет прямо связывает с социальными изменениями, что безусловно указывает на его крайне консервативную позицию.) В своих многочисленных статьях он постоянно возвращается к мысли о том, что

законность — это положительная характеристика системы, а ее отсутствие свидетельствует о нестабильности социальной системы вообще. Он утверждает, что законность свойственна-де обществам типа США и не свойственна послереволюционным республикам. Однако следует заметить, что Липсет так и не определяет понятие законности. В этом смысле интересно обратиться к статье Л. Мейхью «Социология права», в которой он пишет: «С социологической точки зрения право должно пониматься как социальный процесс, но все больше выясняется, что понять право как социальный процесс — значит понять функциональное значение правовых норм: как они проводятся в жизнь, как применяются, толкуются и в конечном счете через посредство шаблонов использования воплощаются в институциональную структуру общества» (стр. 233—234). И далее: «Задача социологии права — объяснить, каким образом юридические органы и частные группы используют право для формирования и регулирования поведения посредством образования социальных институтов» (стр. 234). Весьма неясным в социологическом отношении представляются и механизмы функционирования правовых норм. Кроме того, сама проблема законности или организации правовых структур, обеспечивающих прочную опору для использования правовых норм, остается пока не решенной, равно как и проблема, связанная с влиянием права на поведение.

Наконец, в ряде случаев социалистическим странам приписываются явно надуманные процессы, которые безусловно должны вызвать заведомо отрицательную оценку читателя.

Итак, резюмируя сказанное выше, можно еще раз подчеркнуть, что в идеологическом отношении сборник статей отмечен прославлением современного американского общества, попытками доказать его «непоколебимость» и «непогрешимость». Недостаток же аргументации компенсируется чисто идеологическими выпадами против социалистической системы. К оценке книги с этой точки зрения следует добавить и то, что высказал о ней известный американский социолог Э. Гоулднер: «Несмотря на то, что книга опубликована в разгар войны во Вьетнаме и написана в тот период, когда враждебность между черными и белыми сообщностями достигла стадии периодических насилий и мятежей, ее основное настроение — это наст-

роение самовосхваления и самопрославления» (A. Gouldner, The Coming Crisis of Western Sociology, N. Y., 1970, p. 48). Гоулднер называет стратегию авторов этой книги стратегией «великого опущения». «В этой книге вряд ли можно найти упоминание о войне... слова «империализм» нет в указателе, и ничего не сказано о связи между демократией, изобилием и войной»; молчанием обойдены также вопросы социальных и антирасистских движений.

Один из авторов сборника, Р. Н. Белла, заметил, что «периоды... религиозной стабильности не стимулировали серьезных интеллектуальных попыток разобраться в сущности религии» (стр. 265). Если это утверждение распространить на более широкий класс идей, включающий и представления об обществе, а данный сборник рассматривать как интеллектуальную попытку разобраться в том, что же происходит в социологии и в обществе, то вряд ли можно характеризовать общество, в котором выходит такая противоречивая книга, как стабильное. Хотя тот же Белла в духе широко распространенных концепций деидеологизации говорит о том, будто есть повод утверждать, что «в наш век идеологии придет конец» (стр. 279), однако материалы книги показывают, что пресловутая объективность «академической социологии» оборачивается весьма определенной идеологической тенденцией.

Переходя к анализу основных теоретических предпосылок и некоторых результатов теоретических и эмпирических исследований, представленных в настоящем сборнике, мы еще раз напомним, что все они связаны с одним социологическим направлением — «академической социологией» (бывшим «структурным функционализмом»).

Одним из важнейших вопросов в любой научной дисциплине является вопрос о взаимосвязи между теоретическими моделями объяснения исследуемых явлений реальности и получаемым фактическим материалом. Для американской социологии вопрос соотношения теории и эмпирии — это вопрос болезненный, нерешенный. Так, в сборнике «Основные тенденции исследования в социальных и гуманитарных науках» П. Лазарсфельд, характеризуя американскую социологию, указывал на то, что анализ эмпирических данных ведется отнюдь не с позиций общесоциологической теории. Ведутся социально-по-

литические, социально-правовые исследования, есть социология медицины, семьи, урбанизации и т. п. Однако, по его мнению, эти направления не ведут особенно далеко, поскольку такие понятия, как «референтные группы», «роли», «стратификация», «социализация» и т. п., будучи важными для анализа, совершенно не образуют взаимосвязанного целого, составляющего «теорию общества» (P. Lazarsfeld, La sociologie, в книге: «Tendances Principalles de la recherche dans les sciences sociales et humaines», Parte 1: Sciences sociales, UNESCO, Paris, 1970, p. 70). Сборник «Американская социология» может рассматриваться как характерная иллюстрация к этому высказыванию. Пестрота и неоднородность материалов дала повод составителю сборника Т. Парсонсу определить нынешний период «академической социологии» таким образом: «это период не консолидации и синтеза, а расширения, экспериментирования в области идей и методов, период, в который социология сталкивается со множеством новых проблем» (стр. 26—27).

Возможно, это и так, однако при таком «расширении» данные некоторых областей социологии оказываются несопоставимыми из-за отсутствия общего языка, а отсутствие единой социальной теории создает такое положение, что большое количество эмпирических данных «повисает в воздухе», оставаясь необъясненным, не включенным в общую картину социальной реальности.

По-прежнему острой для американской социологии остается проблема эмпиризма. Например, по мнению Р. Макгинниса, современный американский социолог — это прежде всего собиратель фактов, главными рабочими инструментами которого все еще являются техника интервьюирования и статистический анализ. «Его главнейшая методологическая забота — адекватность и надежность его наблюдений и связанные с этим проблемы измерения». Далее он констатирует, что «американский социолог оказался захлестнутым морем фактов и тем не менее страдающим от жажды: он жаждет утолить потребность в надежных теориях, которые могли бы упорядочить эти факты» (стр. 150—151). Автор замечает, что существуют также и социологи-теоретики, «однако по сравнению с ордами собирателей эмпирических данных их число ничтожно мало» (стр. 150).

Другой важнейшей проблемой является несопостави-

мость фактов, полученных в результате различного рода эмпирических исследований, в рамках единой социологической теории. «В нашей области,— говорит Макгиннис,— язык теории и язык исследования стали настолько чужды друг другу, что перевод с одного языка на другой оказался практически невозможным. Что у теоретика «каузация», у эмпирика — «корреляция» и т. д. В теории у нас есть мощные основополагающие понятия: «роль», «статус», «власть» и т. п. В исследовании мы применяем эмпирические категории, такие, как «возраст», «пол», «профессия» (стр. 151).

Такое положение дел, безусловно, связано со сложностью самого объекта исследования. Различные исследователи предлагают свои объяснительные схемы одним и тем же социальным явлениям. В результате появляется множество несопоставимых «переменных» и эта несопоставимость делает чужими друг другу даже тех исследователей, которые изучают одно и то же явление. «Сложность объектов, с которыми мы имеем дело,— замечает П. Лазарсфельд,— вынуждает нас разрабатывать не всегда очевидные «единицы», а «теорий», которые бы позволяли делать немедленный выбор между равно аргументированными альтернативами, пока недостаточно» (стр. 135). Иллюстрацией и подтверждением этому может служить положение, которое, по мнению Ч. Тилли, сложилось в области исследования урбанизации. Отсутствие общей теории, терминологии и неоднородность эмпирических данных ставит исследователя в такое положение, когда он «вынужден извлекать закономерности этого процесса из таких источников, как страдающие неполнотой исторические хроники, хаотическое множество противоречивых статистических данных, клубок собственных субъективных представлений и пестрая фрагментарная масса исследований конкретных городов, районов, периодов» (стр. 119).

Таким образом, проблема единой социологической теории и связи теории с объяснительными моделями, построенными на уровне эмпирических исследований, остается для американской социологии нерешенной.

Теперь рассмотрим «ядро» американской социологии — «академическую социологию», направление, возглавляемое Т. Парсонсом и претендующее на роль общесоциологической теории. В своей уже цитированной нами работе

«The Coming Crisis of Western Sociology» Э. Гоулднер убедительно показал, что «академическая социология» ныне переживает глубокий кризис, проявляющийся в том, что даже среди сторонников этой теории нет единого мнения относительно основных понятий и допущений, относительно некоторой адекватной модели объяснения.

Данный сборник отмечен крайней противоречивостью исходных методологических позиций.

Прежде всего, это объясняется, по-видимому, поворотом ведущих теоретиков «академической социологии» от «структурного функционализма» к «неоэволюционизму» (одной из социологических модификаций столь распространенной ныне общей теории систем). Поворотным пунктом здесь была статья Т. Парсонса «Эволюционные универсалии развития», опубликованная в журнале «American Sociological Review» (№ 3, 1964). Однако изменение некоторых позиций в теории высшего уровня не было координировано с теориями среднего уровня, основанными на прежних допущениях. Ибо, если новое теоретическое направление стало более внимательным к социальным изменениям и проблемам управления этими изменениями, то на среднем уровне теоретики продолжают еще уповать на спонтанные процессы саморегуляции в обществе как на единственный механизм поддержания порядка (см., например, статью Липсета в данном сборнике).

Во-вторых, такая теоретическая неоднородность в рамках одного направления связана с неопределенностью понятий. Выше мы уже упомянули об этом в связи с понятием «законность». Однако этот пример отнюдь не единственный. Прежде всего это относится к самому главному понятию социологической теории — «социальной системе». С позиций общей теории систем система считается описанной, если выявлены и определены составляющие ее элементы, характер связей между ними с указанием специфики этих связей, если дана характеристика границе системы как механизму, отбирающему данные входы и выходы с определением их специфики. Что же касается понятия «система», как оно употребляется в данном сборнике, то оно, по выражению математиков, является «пустым». На уровне конкретных областей исследования это понятие употребляется так, как если бы оно было четко и непроти-

воречиво определенным. Однако это оказывается совсем не так на уровне теоретической позиции, представленной Т. Парсонсом и Э. Шилзом. И тот и другой описывают общество как социальную систему через набор признаков, выделение которых не имеет общего логического основания и которые не определены как необходимые и достаточные. Так, у Э. Шилза «главными факторами, создающими и сохраняющими общество (как социальную систему. — *Г О.)*, являются центральная власть, согласие и территориальная целостность» (стр. 346). Т. Парсонс определяет общество как «социальную систему, обладающую относительной самодостаточностью с точки зрения критериев равновесия между такими факторами, как территориально ориентированная политическая организация, доступ к экономическим ресурсам, восполнение и социализация населения и культурная легитимизация системы как независимого целого» (стр. 362). Как видно из обоих определений, ни одно из них не позволяет выявить специфику системы и не может быть положенным в основу объяснительной схемы, раскрывающей факторы, которые влияют на различие экономических, политических и культурных переменных в тех или иных социальных системах. Кроме того, совершенно не ясно, почему именно эти факторы, а не какие-либо иные определяют общество как систему; достаточно ли только их для определения систем или нет и в каких взаимоотношениях должны находиться эти факторы, чтобы можно было говорить об обществе как о социальной системе.

То же самое можно сказать и о менее общих понятиях, которые широко распространены в социологии. Обратим здесь внимание на чрезвычайно популярное среди американских социологов понятие «установка». Как известно, нет ни одной работы, посвященной проблеме индивида в обществе, где не употреблялся бы термин «социальная установка». И тем не менее, как отмечает Дж. Э. Дэвис, «установка относится к числу наиболее изученных и наименее четко определенных переменных, которыми оперирует социальная наука». Далее он говорит, что все явления, описываемые термином «установка», носят столь общий характер, «что определения, которые можно обнаружить в учебниках, служат скорее для указания на теоретический лагерь автора, чем для определения объекта анализа» (стр. 54). Столь же неоп-

ределенными в американской социологии остаются понятия «город» и «урбанизация». «Поэтому,— говорит Ч. Тилли,— если бы и существовали какие-то единые шаблоны в развитии урбанизации, они оказались бы скрытыми сумбуром противоречивых определений и несопоставимых статистических материалов» (стр. 117—118).

Еще одним важным аспектом, характеризующим противоречивость «академической социологии», является противоречие между направлением, возглавляемым Т. Парсонсом, ориентированным на поддержание status quo как на основную часть социологической теории, и направлением, делающим ключевым моментом социальной теории проблему социальных изменений.

Позиция, рассматривающая социальную интеграцию в качестве краеугольного камня построения рассуждений и фокуса всех социальных процессов, представлена в сборнике подавляющим большинством авторов. И нам кажется целесообразным более подробно остановиться здесь на точке зрения Т. Парсонса как основоположника и лидера этого направления. Он прямо утверждает, что «основной проблемой социологии как теоретической дисциплины является *интеграция* социальных систем... Следовательно, социология должна заниматься широким кругом черт, факторов и последствий «интегративных состояний» социальных систем самых разных уровней» (стр. 27).

И еще: «Согласно моему представлению, социология занимается лишь одним, преимущественно функциональным, аспектом социальных систем, а именно изучает структуры и процессы, имеющие отношение к *интеграции* этих систем, включая, конечно, и случаи неудавшейся интеграции, равно как и силы, благоприятствующие интеграции или же препятствующие ей» (стр. 364). Первое из указанных утверждений Парсонса открывает настоящий сборник, второе — закрывает его. Таким образом, позиция декларирована и не вызывает сомнений. Здесь уместно вновь обратиться к общей теории систем, поскольку, как мы уже упоминали, «академическая социология» сейчас объявила о своем переходе на системные позиции. В рамках общей теории систем основным процессом развития является рост системы, подразумевающий два фундаментальных процесса: дифференциацию и интеграцию. Дифференциация — это чрезвычайно важ-

ная сторона развития социальной системы. Именно этот процесс побуждает систему переходить из одного состояния в другое, выступая, например, на социоэкономическом уровне как процесс разделения труда, процесс изменения соотношения классов, процесс зарождения и развития новых классов и социальных слоев. Спору нет, дифференциация неразрывно связана с процессом интеграции, при теоретическом анализе развития социальных систем процессом дифференциации нельзя пренебрегать; он столь же важен, как и процесс интеграции, и без анализа тенденций дифференциации социальной системы, как нам представляется, адекватное объяснение процессов и состояний системы оказывается невозможным, а проблема интеграции автоматически становится проблемой поддержания status quo.

Следует отметить, что социальные изменения все же находят известное отражение на страницах книги. Об этом свидетельствуют, например, рассуждения Б. Барбера об изменениях в системе социальной стратификации. Изменениям в области религии посвящена статья Роберта Н. Беллы. Однако основной тенденцией авторов книги при анализе социальных изменений является признание того, что изменения происходят на уровне лишь некоторых подсистем социальной системы, не разрушая и не модифицируя основные ее рамки, то есть в границах неизменно существующей институциональной системы. На это Т. Парнонс прямо указывает: «Интегративное состояние» какой-либо социальной системы безусловно является важной функцией состояний, структур и процессов других подсистем совокупной социальной системы, причем *интегративная функция не есть основная функция этих подсистем»* (курсив наш.— *Г. О.)* (стр. 28). То есть социальная система как интегративное начало «приспосабливает», по-видимому, происходящие на других уровнях изменения к существующим социальным институтам.

Однако изменения, происшедшие и происходящие в американском обществе, заставляют некоторых социологов самым серьезным образом обратиться к поиску причин, обусловливающих их. Школа Парсонса породила нескольких теоретиков, таких, например, как У. Мур и Н. Смелсер, для которых процесс развития социальной системы является прежде всего связанным с социальны-

ми изменениями. Эти исследователи чрезвычайно внимательно изучают наследие К. Маркса, признавая его основоположником теории социальных изменений. В сборнике это направление представлено статьей Н. Смелсера «Социология экономической жизни». Ее автор рассматривает экономику как начало, оказывающее в конечном счете решающее влияние на динамику социальных процессов. Придавая важнейшее значение экономике, автор признает всю значимость вклада К. Маркса в социологию экономики. Он подчеркивает, что впервые с такой убедительной силой поставленные К. Марксом вопросы, связанные с условиями эффективности власти в организациях, определением условий, при которых различные заинтересованные экономические группы вступают в борьбу друг с другом, степенью доминирования экономической системы над политической, «по-прежнему играют определяющую роль в научных исследованиях, посвященных взаимному влиянию экономических и политических факторов» (стр. 200). Однако постановка Смелсером в один ряд основоположника научного коммунизма К. Маркса и немецкого буржуазного социолога М. Вебера лишена всякого основания. К. Маркс впервые в истории социологической мысли дал подлинно научное, материалистическое объяснение основным проблемам социально-экономического развития истории.

Еще одним важным моментом, характеризующим теоретическую неоднородность «академической социологии», является противоречие, возникшее между «безличностью» теории высшего уровня и необходимостью введения личностных и групповых социально-психологических переменных, обусловленной потребностью в построении адекватной объяснительной схемы для различных социальных процессов. «Безличность» социальной теории, свойственная «академической социологии», абстрактность ее понятий подчеркивается Парсонсом: «Социальная система рассматривается... не как конкретное целое, а как определенный набор абстракций из конкретных форм взаимосвязи и поведения, исследуемых с точки зрения взаимодействия» (стр. 28). Поэтому «социальные системы, в том числе и общества, мы рассматриваем не как конкретную агрегацию взаимодействующих и проявляющих себя в поступках людей, а как получившую аналитическое определение подсистему всей совокупности социальных дей-

ствий людей, абстрагированную на основе аналитического вычленения процессов взаимодействия и структур, образуемых взаимоотношениями между исполняющими свои роли людьми» (стр. 363). Такая теоретическая позиция оказывается неадекватной на современном этапе развития американской социологии даже в рамках одного и того же направления.

Это особенно ярко продемонстрировано А. Инкельсом. Одним из факторов, объясняющих, по его мнению, безличность социальной теории, является то, что многие поколения социологов, привыкших считать «Самоубийство» Эмиля Дюркгейма образцом социологического анализа, в процессе своей профессиональной подготовки учились бороться за «чистый» (то есть не психологический) социологический анализ, какой бы ценой это ни достигалось» (стр. 39). Однако развитие социологии, исследование различных социальных процессов, анализ и сопоставление многочисленных эмпирических данных обнаружили необходимость введения теории личности. Это было обусловлено тем, что характер и особенности многих социальных процессов, таких, например, как коммуникация, выработка решений, переговоры и т. п., во многом определяются именно личностными характеристиками участников этих процессов. Кроме того, вопросы, связанные с профессиональной ориентацией и с профессиональной пригодностью, также практически неразрешимы без введения личностных черт. Итак, по утверждению Инкельса, «адекватный социологический анализ многих проблем оказывается либо невозможным, либо чрезвычайно ограниченным без широкого привлечения наряду с социологической теорией и ее данных также психологической теории и ее данных». И далее: «Таким образом, система личности становится одной из основных промежуточных переменных при любой оценке влияния одного аспекта социальной структуры на другой» (стр. 37).

Практические задачи, стоящие перед современными американскими социологами, заставили их перенести акцент с поиска абстрактных, всеобщих закономерностей на отыскание теоретических описательных и объяснительных схем, помогающих анализировать конкретные социальные процессы. Среди важнейших проблем, стоящих перед американскими социологами и требующих безотлагательного решения, выделяются такие проблемы, как

отбор индивидов для адекватного исполнения основных социальных ролей, внутриинституциональные изменения, проблемы принятия решения в «малых группах», влияния «малых групп» на экономическое поведение и т. п. Поэтому-то «безличная» социальная теория все больше и больше сменяется подходами, принимающими во внимание микросоциальные процессы, которые включаются в объяснительную модель макропроцессов. Вот почему такие исследователи, как Т. Миллз, Н. Смелсер и А. Инкельс, активно выступают за введение в общую социологическую теорию психологических и социально-психологических переменных.

Наконец, несколько слов о положении современного американского социолога в обществе. Как известно, число американских социологов быстро возрастает. По данным, приведенным Парсонсом, общее количество членов Американской социологической ассоциации составляло в 1966 году около 10 000 человек. Из них примерно 40% являлись дипломированными профессиональными социологами или представителями родственных дисциплин; остальные 60% — это студенты и ассоциированные члены. Если в 1947/48 учебном году в США было присвоено лишь 66 научных степеней доктора социологии, то в 1961/62 году таких степеней было присуждено уже 173. С 1951 года по настоящее время профессиональных социологов увеличилось более чем вдвое (см. стр. 361). Такой рост, безусловно, не случаен. Он объясняется тем, что при переходе американского общества от спонтанного самоуправления к необходимости осуществления более централизованного руководства представителям законодательных и исполнительных органов потребовались знания определенных социальных явлений и процессов. В социологии появились такие новые области, как теория управления и теория организации. Это дало новый толчок развитию математических методов, применяемых в социологии. Так, П. Лазарсфельд замечает: «Хотя никто не будет утверждать, что социальные науки привели к возникновению совершенно новых математических идей, они, безусловно, внесли свой вклад в стимулирование развития некоторых разделов алгебры и теории вероятности» (стр. 145). В современной социологии наряду с уже традиционным статистическим анализом результатов все более широкое распространение находит

математическое моделирование. «Применение математики и компьютеров,—утверждает Р. Макгиннис,—особенно их применение в качестве орудий теоретика, безусловно, наиважнейшее из последних методологических достижений в области социологии» (стр. 151—152).

Все большее количество социологов работают по заданиям различных политических и промышленных организаций, решая их текущие практические задачи. Таким образом, сейчас в Америке социология перестала быть «чисто» академической дисциплиной, ограниченной университетскими рамками. Однако, по мнению американских социологов, такое положение имеет и свои отрицательные стороны. Об этом прямо говорит Норман У. Сторер в статье «Социология науки». Он указывает на то, что «ученый, принятый на службу (в государственные учреждения.— *Г. О.)* специально из-за его исследовательских способностей, должен подчиняться требованиям своего работодателя. Следовательно, он не может быть полностью свободным в выборе проблематики своих исследований и руководствоваться только соображениями расширения знания и в этом смысле менее «эффективен» как ученый» (стр. 256). В промышленных и государственных организациях, считает Сторер, «обычно предполагается, что ученый должен работать над теми проблемами, которые важны для его работодателя... что принесет пользу компании, а не науке в целом» (стр. 258). Поскольку сейчас, по словам Сторера, таких ученых большинство, поскольку действительно каждая компания значительно больше заинтересована в увеличении дохода, а не в умножении научных знаний и поскольку проблемы компании — это всегда достаточно узкие, частные проблемы, то, по-видимому, эмпиризм и разрыв между теорией высшего уровня и эмпирическими объяснительными моделями еще долго будут оставаться характерными чертами американской социологии.

Итак, открытая апологетика капитализма, внутренней и внешней политики США, воинствующий антикоммунизм, полная теоретическая беспомощность и эмпиризм — таковы основные характерные черты так называемой беспартийной американской «академической социологии».

Г. Осипов.

ВВЕДЕНИЕ

Талкотт ПАРСОНС

В этой книге нам представилась приятная возможность по крайней мере частично обрисовать быстрорастущую и изменяющуюся область социальных наук. Последний сопоставимый с этим обзор положения дел в американской социологии дан в книге «Социология сегодня» [1], которая была опубликована в США в соответствии с решениями, принятыми в 1957 году Американской социологической ассоциацией (АСА) на ее очередном ежегодном съезде. Однако между этими двумя трудами существует целый ряд различий, обусловленных не только десятилетней разницей во времени их публикации. Во-первых, издание настоящей работы никоим образом не было официально связано с «организованной» американской социологией, то есть с АСА. Во-вторых, она в значительно большей степени ориентирована на непрофессионального читателя, чем «Социология сегодня», которая была предназначена главным образом для социологов-профессионалов. В-третьих, так как ответственность редакторов этих двух книг была различной, то организация их и выбор авторов отражают в какой-то степени и различные точки зрения.

Мы пытались достичь представительности двумя путями: во-первых, охватом как можно большего числа существенно важных областей социологии и, во-вторых, выбором таких авторов, которые дали бы хорошо сбалансированные обзоры специфических тем каждой главы.

---

[1] R. K. Merton, L. Broom and L. S. Cottrell, Jr. (eds.), Sociology Today; Problems and Prospects, New York, Basics Books, 1959. См. также русск. пер.: «Социология сегодня. Проблемы и перспективы», М., изд-во «Прогресс», 1965.

Вряд ли нужно говорить, однако, что социология как научная дисциплина еще не достигла той стадии развития, на которой от нее можно было бы ожидать полной объективности и беспристрастности. И хотя мы никоим образом не представляем случайный набор «школ» мысли, у нас, безусловно, имеются различные «точки зрения», которые и будут отражены в данной книге.

Другой редактор и другие авторы нарисовали бы другую картину. Я, как «координатор» и редактор, ответствен прежде всего за приглашения авторам сотрудничать в создании этой книги. Конечно, не все эти приглашения были приняты. Я намеренно предоставил каждому автору максимально возможную свободу строить изложение своей всегда очень широко очерченной темы по собственному усмотрению, и изменения, вносившиеся мной в авторские тексты, минимальны.

После второй мировой войны социология как существенная часть значительно более обширной области поведенческо-социально-культурных дисциплин испытывает беспрецедентный процесс расширения и развития в самых различных аспектах. Это всемирный процесс, но он особенно характерен для США. Он включает в себя, конечно, и чисто количественный рост социологов, и расширение и развитие преподавательско-исследовательской деятельности (как части общего процесса распространения высшего образования и научных исследований), и значительное распространение социологии за академические рамки, и увеличение количества публикаций, и рост членов и деятельности соответствующих научных ассоциаций (не только главной из них — Американской социологической ассоциации, но и ряда региональных обществ и др.).

Однако основное значение данной книги не имеет прямого отношения к этим аспектам. Наша задача — анализ содержания самой дисциплины, изучаемых ею проблем, подходов к этим проблемам, применяемых в ней методов и некоторых эмпирических и теоретических выводов, к которым она пришла. Но быстрые и в некотором отношении фундаментальные изменения собственной структуры социологии заложены уже чуть ли не в самой природе процесса постоянного расширения и развития этой науки. Совершенно очевидно, что нынешний период — это период не консолидации и синтеза, а расшире-

ния, экспериментирования в области идей и методов, период, в который социология сталкивается со множеством новых проблем.

Подобные обстоятельства значительно осложняют задачу такого сборника, как наш. Ведь у нас нет не только «официальной» социологической точки зрения, но и авторитетной рубрикации (не говоря уже о логически симметричной классификации) разделов и подразделов социологии. Частично наша линия была определена просто ограниченностью количества авторов. Если бы мы могли выпустить два тома примерно с пятьюдесятью главами, мы бы организовали наш материал по-другому. В частности, как проблемы объема, так и проблемы выбора потенциальных авторов вынудили нас опустить значительное число полноправных тем.

Чтобы избежать неправильных представлений, важно было высказать эти соображения в самом начале. Однако они не должны служить поводом для отчаяния. В самом предмете социологии достаточно внутренней упорядоченности, и, я думаю, можно сказать, что, несмотря на постоянную перестройку, в целом социология неуклонно становится наукой как более четкой, так и более стройной.

Моя собственная часть этой книги — последняя глава — является попыткой охарактеризовать основное поле теоретических исследований в социологии и выделить в ней различные теоретические и эмпирические разделы. Вероятно, после того как читатель ознакомится со всеми другими главами книги, он сможет лучше оценить и логику содержания последней главы.

В качестве введения мне хотелось бы кратко остановиться на причинах группировки материала именно таким образом, как он здесь представлен. Я считаю, что основной проблемой социологии как теоретической дисциплины является *интеграция* социальных систем, включая в первую очередь препятствия к ее достижению и случаи безуспешной интеграции. Следовательно, социология должна заниматься широким кругом черт, факторов и последствий «интегративных состояний» социальных систем самых разных уровней, начиная с семьи и других малых групп, через многие промежуточные уровни типа локальных сообществ и формальных организаций и кончая обществами, как таковыми, и даже системами обществ.

Социальная система рассматривается ввиду этого не как конкретное целое, а как определенный набор абстракций из конкретных форм взаимосвязи и поведения, исследуемых с точки зрения взаимодействия. Поэтому, что бы мы ни вкладывали в термин «социальная система», она всегда рассматривается как «открытая» система, находящаяся в отношениях взаимозависимости и взаимопроникновения с рядом «окружающих» систем. Отсюда следует, что специфические способы связи открытых систем с окружающими системами должны находиться в центре внимания социологии, в известном смысле это теоретический центр «второго порядка», но от этого он не становится менее важным.

«Интегративное состояние» какой-либо социальной системы безусловно является важной функцией состояний, структур и процессов других подсистем совокупной социальной системы, причем интегративная функция не есть основная функция этих подсистем. Эти различия особенно отчетливо видны на «макросоциальных» уровнях.

В других случаях они привели к появлению самостоятельных дисциплин, родственных социологии, а именно экономической и политической. С одной стороны, их следует рассматривать как самостоятельные дисциплины, а с другой — они теснейшим образом взаимозависимы с социологией и их пограничные проблемы становятся объектами исследования всех трех наук. «Политическая социология» очерчена как поддисциплина сравнительно четко. Что касается предмета «экономической социологии», то точность его определения — сегодняшняя задача науки.

Третья пограничная проблема представляет большие трудности. Лучше всего ее можно охарактеризовать как зону, в которой социальная система наиболее тесно взаимодействует на своих границах с теми несоциальными факторами, которые наиболее близко примыкают к ней. Для целей данного изложения их можно ограничить культурными и психологическими факторами. Я называю эту зону «системой поддержания образцов». Один из аспектов такого взаимодействия имеет прямое отношение к обсуждаемому здесь вопросу: его обычно называют «институциональным аспектом».

Культурный элемент является по традиции главным в организации религии, с ее акцентом на ценности.

Светская культура современных обществ оказывает на них свое влияние через искусство, преподавание гуманитарных наук и ведение исследований в этих науках. Что же касается психологической стороны, то наиболее важный контекст ее — это семья и родственные связи, ибо двумя наиболее существенными функциями семьи являются так называемая «социализация» индивида, начиная с его младенчества, и регулирование мотивационного равновесия (у взрослых), особенно через супружество и воспитание детей.

Здесь необходимо отметить одно тонкое различие, существующее между вышеупомянутыми пограничными проблемами и проблемами, лежащими на границах социальной системы вообще. Первые касаются связей центральной интегративной подсистемы с другими основными функциональными подсистемами общества или подсистемами других социальных систем — экономической, политической и системы поддержания образцов. Вторые также являются прежде всего культурными и психологическими проблемами, но более «удаленными» в том смысле, что культурные и психологические системы — причем последняя как «личности» индивидов — функционируют скорее автономно, а не непосредственно как части социальной системы. Пограничные связи в случае с психологическим аспектом весьма успешно охватываются такой промежуточной дисциплиной, как социальная психология. Возможно, столь же успешно ведутся систематизация и исследования в таких областях, как социология познания, в некоторых разделах культурной и социальной антропологии, а также в ряде наук, которые объединены в большую группу под общим названием «гуманитарные науки» (например, в лингвистике) [2].

---

[2] На уровне более профессиональном, чем это представляется здесь необходимым, я бы выделил также самостоятельную границу между социальной системой и организмом, значимость которой очевидна в таких областях, как различные аспекты проблем здравоохранения, а также проблемы регулирования роста населения. Другие связи — это особая связь между экономикой и физическим окружением (через технику) и связь между религией — как социальной, так и культурной — и «конечной реальностью» (ориентация на эту связь имеется, например, в ответах, к которым пришел человек в вопросах по «проблемам значения»). Мой собственный наиболее позднейший и относительно полный анализ системы соотне-

Поскольку эта система соотнесения весьма сложна — причем я понимаю, что подобная сложность выходит за рамки обычных уровней, имеющих хождение в социологии,— мне представляется целесообразным выделить все статьи, в которых структурный акцент превалирует над другими, в две группы, а именно разделы I и III. Однако определенное перекрещивание предметов описания все-таки имеет место, а отсюда неизбежна и произвольность в классификации некоторых статей.

В разделе I рассматриваются элементы, которые социологу следует изучать как компоненты социальной системы и которые всегда обнаруживаются (при достаточно дифференцированных уровнях анализа) не только в каждой системе, но и в каждой подсистеме. Эти элементы в свою очередь подразделяются на две группы. Первая группа (раздел I-А) находится ближе к социально-психологическому уровню (см. статьи «Личность и социальная структура» Алекса Инкельса, «Социология установки» Джеймса Э. Дэвиса, «Работа и досуг» Эверетта С. Хьюза). Эти три главы охватывают лишь небольшую часть тех тем, которые по праву могли бы войти в данный раздел. Сюда можно было бы включить такие темы, как процессы социального научения (часто называемые «социализацией»), а также социально-психологические аспекты определенных мотивационных комплексов, представляющие особый интерес для социологов, например мотивация на достижения или различные аспекты того, что некоторые психологи называют «потребностью в принадлежности» (к «другим».— *Е. З.*).

Здесь возникает серьезная проблема возможного перекрещивания тем. Одним из важнейших комплексов интегративных проблем, стоящих перед обществом при его взаимодействии с личностями индивидов, является комплекс вопросов, относящийся к мотивационному «приятию» социальных экспектаций в противоположность

сения, лежащий в основе этой весьма схематичной картины, дан в статье «Социальные системы и подсистемы» (см.: «New International Encyclopedia of the Social Sciences») и в теоретических разделах моих работ в серии под редакцией А. Инкельса «Основы современной социологии» (см.: «Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives», A. Inkeles (ed.), Prentice-Hall, 1966, Ch. 2; «The System of Modern Societies», A. Inkeles (ed.), Prentice-Hall, 1968, Ch. 2).

«отчуждению» от них, а также, что не одно и то же, к поведенческим последствиям в виде конформного или отклоняющегося поведения. Нам показалось более целесообразным вынести тематику этой области в раздел V, где рассматриваются вопросы зависимости социального поведения от ситуаций напряжения, а также вопросы равновесия между тенденциями к отклонению и механизмами социального контроля. Раздел V содержит главу «Отклоняющееся поведение и контроль над ним», написанную Альбертом К. Коэном, а также две другие главы, посвященные важным конкретным областям, в которых эти вопросы ставятся остро: «Молодежь в современном обществе» Чарлза Э. Бидуэлла и «Расовые отношения в Соединенных Штатах Америки» Томаса Ф. Петтигрю.

Если бы мы располагали соответствующими статьями, мы включили бы в этот раздел серию материалов по пограничным проблемам культуры (аналогично разделу I-А). Наиболее подходящей для этого казалась статья «Социология религии», написанная Робертом Н. Белла, но мы предпочли объединить ее в разделе IV со статьей Нормана У Сторера «Социология науки», поскольку трактовка этих тем близка к моей концепции предмета социальных наук и поскольку (в силу своего вхождения в подсистему поддержания образцов) наука и религия находятся «ближе» к центру социальной системы.

Раздел I-Б, таким образом, посвящен коллективным компонентам общего характера, рассмотрение которых начинается с уровня малых групп; он открывается статьей Теодора М. Миллза «О социологии малых групп», в которой обсуждаются главным образом проблемы исследования экспериментальных групп в лабораторных условиях. Следующая глава — «Исследования формальных организаций» — написана Питером М. Блау. В ней рассматриваются основные единицы специализированной социетальной функции, особенно характерные для промышленных и государственных институтов, а также и для других областей. Третья глава называется «Некоторые социологические проблемы американских сообществ». Ее автор—Элберт Дж. Рейсс-младший. Она посвящена профильной основе организации — локальной сообщности как специфической системе. Наконец, в последней главе раздела I-Б, «Формы урбанизации», написанной Чарлзом Тилли, дается сравнительный ана-

лиз урбанизации как массового явления, столь характерного для современных обществ.

В ходе нынешнего развития социологии наряду с попытками анализа основных проблем структуры и функции социальных систем и проходящих в них процессов невероятно много внимания уделяется разработке методов их эмпирического изучения. Очевидно, можно безоговорочно сказать, что все основные достижения эмпирических наук явились результатом определенного совмещения хорошо разработанных методов эмпирии и аналитических гипотез и концепций более или менее общей теории, хотя относительная важность эмпирии и теории в каждом отдельном случае различна. Однако эмпирические методы пронизывают любую классификацию автономных областей исследования. Хотя возможность их применения в исследовании различных проблем и областей различна, общее, что их объединяет,— это их важность для науки, причем очень часто для более чем одной науки. Поэтому раздел, посвященный эмпирическим методам, кажется, весьма целесообразно поместить сразу после раздела, рассматривающего автономные компоненты социальных систем. Этот раздел состоит из двух глав; одна из них написана П. Ф. Лазарсфельдом, другая — Р. Макгиннисом. Главы эти несколько отличаются друг от друга по их акценту на более традиционные методы, получившие особенное распространение в сравнительно недавний период развития социологии, и более новые методы, заявившие о себе в самые последние годы.

Далее, в разделе III, мы возвращаемся к дифференцированному методу описания, но порядок дифференцирования социальных систем здесь иной; в широком смысле слова его можно назвать функциональным. Шесть глав этого раздела разбиты на три подкатегории. Первые две главы: «Семья и родство» Эзры Ф. Воугела и «Социология образования» Мартина Троу вновь рассматривают социально-психологическую пограничную область. Их отличие от аналогичных глав раздела I-А заключается в специфичности соответствующих социетальных функций и в особой позиции структур, необходимых для их оперирования в социальной системе. Отмечая вновь трудности классификации, укажем, что образование можно было бы рассматривать и в разделе IV вместе с религией

и наукой, однако его связь с семьей столь тесна, что оправдывает скорее ту группировку, которая принята здесь.

Две следующие главы — «Социология экономической жизни» Нейла Дж. Смелсера и «Политическая социология» Сеймура Мартина Липсета — определенно входят в интрасоциетальный пограничный класс, а именно социологический анализ экономических и политических явлений. Эти две «социологии», как уже отмечалось, быстро становятся общепризнанными промежуточными дисциплинами в области наук о социальной системе. В определенном смысле их можно сравнить с социальной психологией, находящейся на более отдаленных границах социальной системы и личности.

Две последние главы данного раздела посвящены некоторым аспектам центральной области интегративных явлений в социальной системе. Особенно интересно, что одна из этих глав — «Социология права» Леона Мейхью — представляется очень близкой к промежуточной категории, и в одном существенном отношении она действительно принадлежит к этой категории. Очевидно, что во всей современной культуре, так же как и в других культурах, интеллектуальные традиции права — одни из самых древних и великих. Однако с развитием социологии (хотя это, естественно, сравнительно новое явление) в различных обществах, особенно в США, постепенно развивается новый тип интеграции. Сущность этого заключается, конечно, в том, что в резко дифференцированных обществах право выступает как наиболее конкретный и формализованный аспект нормативного компонента, являющегося решающим в социетальной интеграции. Оно находится в основании социального «порядка» главным образом не в смысле подавления «беспорядка», а в смысле регулирования и регламентирования экспектаций в социальном взаимодействии.

Социологам необыкновенно повезло, что они могут использовать богатый материал, накопленный правовой мыслью и практикой в течение многих и многих веков. Однако, как и в целом ряде других подобных случаев, перед объединением интересов обеих дисциплин стоят большие трудности. Можно сказать, что интересы права — в профессиональном смысле — сконцентрированы на двух основных (хотя и не единственных) аспектах: во-

первых, на условиях и процедурах урегулирования дел путем вынесения решений и, во-вторых, на структуре и содержании «буквы» закона, на проблемах согласованности и несогласованности, на условиях обобщений, на утверждении принципов, на правомерности применения закона в различных ситуациях и т. п. С другой стороны, социолог интересуется главным образом функционированием социальной системы в целом, — следовательно, отношениями между нормативным содержанием закона и различными правовыми процедурами (включая вынесение решений), а также рядом других детерминант социальной структуры и процессов.

Последняя глава этого раздела — «Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности» — написана Бернардом Барбером. В ней рассматривается традиционная, центральная область исследований социологии, как таковой, та область, на которую серьезно не претендует ни одна другая наука и которая (здесь со мной согласятся, вероятно, все социологи) является важнейшей областью всей нашей науки. Подобно другим живым системам, таким, как организмы и особи, социальные системы подвержены дифференциации, причем одной из главных ее осей всегда выступает «вертикальная» ось. Это выдвигает острые проблемы отношений между нормативными компонентами социальной структуры, например ценностями и правовыми нормами, и столь же острые проблемы интеграции «интересов» (как на групповом, так и коллективном уровнях) и мотивов индивидов в социальной системе. Одной из важнейших является, безусловно, проблема «равной справедливости», зависящая как от ее нормативной трактовки, так и от многих других сложных условий.

«Социальное изменение» есть обобщенный аспект явлений, характерных для социальных систем, аспект, присущий этим системам наравне с «социальной структурой». Существенное отличие компановки данной книги от компановок, к которым, возможно, прибегли бы другие составители, заключается в том, что проблема изменения не выделена в ней в качестве специальной темы анализа. Однако, я думаю, у читателей не создастся впечатления, будто авторы различных разделов книги писали свои главы со «статичных» позиций. Как уже отмечалось, темы, имеющие особое отношение к проблеме изменения, поме-

щепы в основном в раздел V. Столь же большое внимание уделено этой проблеме и в последней, самостоятельной части книги, в разделе VI. Различие между этими разделами заключается в том, что в V разделе некоторые проблемы рассматриваются с определенным акцентом на микроуровень, на конкретное общество на конкретной стадии его развития, в то время как раздел VI посвящен макроуровню, а отсюда с неизбежностью — сравнительному анализу. Рейнхард Бендикс дает в нем общую классификацию современных обществ. Эдуард Шилз рассматривает характерную и многогранную проблему плюралистичности обществ.

От имени по крайней мере большинства, если не всех, моих коллег авторов я могу сказать, что мы рады возможности представить этот обзор американской социологии — каким бы фрагментарным и неполным он ни был — по двум основным соображениям. Первое — это важность сводного описания положения дел как в различных тематических подразделах социологии, которые мы здесь затронули, так и во всей дисциплине в целом. (В этом отношении «Американская социология» близка к сборнику «Социология сегодня», некоторые авторы которого приняли участие и в данной работе.) Второе — возможность для социологии выйти на более широкий круг читателей как в рамках прочих общественных дисциплин, так и среди других наук и профессий, дав им некоторое представление о состоянии социологии в целом и в ее конкретных областях.

Большинству образованных людей нашего времени становится все более очевидной огромная важность роста науки, стремительного увеличения количества исследований и исследователей и всей связанной с этим системой высшего образования. В рамках этой общей картины, на которой естественные науки занимают, конечно, наибольшее место, относительная роль социальных наук также быстро увеличивается. До начала нашего столетия эти науки были почти незаметны, а после второй мировой войны их рост стал просто невероятен. Используя термин, популярный среди исследователей экономического роста, можно сказать, что социальные науки явно находятся на стадии «взлета». И поскольку они имеют дело не с физическими условиями, лежащими в основе социальной жизни, а с самой этой жизнью как с непосредственным объектом своих исследований, их непреходящая значимость

в деле формирования социального мира человека вряд ли может быть переоценена, если они и дальше будут приносить научно обоснованные и важные результаты. Ученые-обществоведы, находящиеся в гуще этого процесса, и их мыслящие сограждане должны постоянно общаться друг с другом, ибо последние, хотя и не являются непосредственными участниками этого процесса, в огромной степени подвержены его влиянию и в свою очередь сами оказывают на его ход столь же большое влияние. Поэтому-то постоянное общение между первыми и вторыми — одна из самых насущных потребностей нашего сложного общества.

Январь 1968 г.

РАЗДЕЛ I
КОМПОНЕНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

А. СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ

1

ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Алекс ИНКЕЛЬС

Центральным для этого очерка является тезис о том, что адекватный социологический анализ многих проблем оказывается либо невозможным, либо чрезвычайно ограниченным без широкого привлечения наряду с социологической теорией и ее данных также психологической теории и ее данных. Можно утверждать, что почти ни один социологический анализ не проводился без привлечения, хотя бы и неявного, психологической теории. Представляется очевидным, что осознанное использование этой теории и систематическое применение ее данных при решении социологических проблем приведет к увеличению масштабов и адекватности социологического анализа.

Роль общей теории личности

Цель исследователя социальной структуры — объяснить последствия (в плане действия) данной совокупности институциональных мероприятий. Чтобы достичь этого, он должен правильно определить значение этих мероприятий или их влияние на человеческую личность. Все подобные мероприятия опосредуются в конечном счете действиями индивидов. Поэтому последствия любого такого мероприятия зависят, по крайней мере частично, от того, какое влияние оно оказывает на личность человека в широком смысле этого понятия. Таким образом, система личности становится одной из основных промежуточных переменных при любой оценке влияния одного аспекта социальной структуры на другой. Потребность в теории лич-

ности, по-видимому, наиболее очевидна при изучении тех «процентов», которые, с одной стороны, представляют собой суммарный, или конечный, продукт тысяч и миллионов индивидуальных решений и действий, а с другой — обладают конкретной величиной, характерной для данного общества или культуры. Для иллюстрации роли, которую может и должна играть теория личности в подобном анализе, я вынужден ограничиться самым беглым рассмотрением двух примеров — процента самоубийств и преступности. Однако этот способ рассмотрения столь же уместен и для других «процентных» проблем, таких, как частотность и стереотипы миграции, профессиональная мобильность и т. д.

В своем строгом социологическом анализе Дюркгейм обнаружил, что процент самоубийств, особенно эгоистических, детерминируется степенью интеграции данных социальных структур — будь то церковь, семья, политическая партия, государство и т. п. Даже те, кто наиболее скептически относится к анализу Дюркгейма, не могут отрицать того факта, что он выявил основной стереотип корреляции. Но механизм причинной зависимости процента самоубийств от степени интеграции социальной структуры вызывает большие сомнения. Действительно, несмотря на свои намерения подойти к причинам самоубийств «непосредственно», «независимо от индивида, как такового, от его мотивов и мыслей», Дюркгейм был в конце концов вынужден ввести общую теорию личности как переменную, промежуточную между степенью интеграции социальных структур, с одной стороны, и процентом самоубийств, непостоянство которого он пытался объяснить,— с другой. На вопрос о том, каким образом степень интеграции социальной структуры может служить причиной самоубийства, он отвечал ссылкой на «психологическую конституцию» человека, которая, по его словам, «требует цели, стоящей выше его». В слабоинтегрированном обществе такая цель отсутствует и соответственно «индивид, обладающий слишком острым восприятием самого себя и своей ценности... стремится быть своей собственной единственной целью, а поскольку такая цель не может его удовлетворить, он влачит апатичное и безучастное существование, которое впредь кажется ему лишенным смысла» [1].

[1] E. Durkheim, Suicide (translated by J. A. Spaulding and

Здесь не место давать оценку адекватности психологической теории, к которой в конце концов прибег Дюркгейм, или последствий того, что он не смог прийти к ясному и систематическому использованию этой теории в своем анализе. Я хотел бы, скорее, подчеркнуть неравномерность развития исследований в области самоубийств. Блестящий анализ Дюркгейма представлялся столь категоричным аргументом и столь явным образцом, что в течение почти шестидесяти лет в нашем понимании этого явления, по существу, не было никакого прогресса. Поколения исследователей приучались рассматривать «Самоубийство» Дюркгейма как образец социологического анализа. Вся их подготовка строилась на том, чтобы они были готовы к борьбе за «чистый» (то есть не психологический) социологический анализ, какой бы ценой это ни достигалось.

Лишь совсем недавно в работе Хенри и Шорта «Самоубийство и убийство» [2] в исследовании этой важной проблемы был сделан серьезный шаг вперед. Спрашивается, что же позволило сделать такой шаг? Конечно, не горы новых данных, хотя некоторые данные и были получены; и не применение новых методов, статистических или каких-либо еще, неизвестных во времена Дюркгейма. Достижение Хенри и Шорта оказалось возможным главным образом благодаря тому, что наряду с теорией Дюркгейма о роли социальной интеграции и социального сдерживания в основу своего анализа они положили систематическое использование психодинамической теории. Хенри и Шорт рассматривают самоубийство как акт агрессии, вытекающий из сдерживания и соответствующей фрустрации. Они полагают, что как самоубийство, так и убийство характеризуется одним и тем же — агрессией, хотя эти две реакции и отличаются одна от другой по направленности

G. Simpson), Glencoe, Ill., The Free Press, 1951, p. 151, 208—261, 356.

[2] A. F. Henry and J. S. Short, Suicide and Homicide, Glencoe. Ill., The Free Press, 1954.

[3] Насколько четко видел эту связь Дюркгейм, не совсем понято даже Хенри и Шортом. Дюркгейм писал: «Аномия фактически порождает состояние раздражительности и нервозной утомленности, которое в зависимости от обстоятельств может обернуться либо против самого носителя этого состояния, либо против другого лица; в первом случае мы имеем самоубийство, во втором — убийство» (op. cit., p. 357).

выражения агрессии: в первом случае она обращена на себя, а во втором — вовне. Сочетая в своем анализе ситуационный фактор, который выделял Дюркгейм, — степень внешнего сдерживания — и личностный фактор — склонность к выражению агрессии внутрь или вовне,— Хенри и Шорт смогли установить важную связь между процентами самоубийств и убийств, разрешить некоторые противоречия, имевшиеся в анализе Дюркгейма, объяснить отдельные новые данные таким образом, что они оказались согласованными с остальным анализом, и предложить ряд важных направлений для дальнейших исследований. Все это было достигнуто без какого-либо «принижения» важности социологических факторов и без какого бы то ни было сведения социальной действительности к личности. Эта небольшая работа представляет собой ориентир, указывающий путь, по которому мы пойдем или должны пойти в следующие десятилетия.

Дюркгейм и изучение феномена самоубийства — случай образцовый, но важность моей позиции зависит от существования других случаев. Мы сможем дать здесь лишь самое беглое описание аналогичного развития исследований, проводившихся в значительно более позднее время,— исследований юношеской преступности. В своей классической работе «Районы преступности» К. Р. Шоу [4] дал объяснительную схему, поразительно сходную с «теорией самоубийств» Дюркгейма. Дифференцированные уровни преступности, как обнаружил Шоу, детерминируются степенью дезорганизации сообщности и соответствующим ослаблением социального контроля. (Шоу добавил сюда также новый элемент: концепцию наличия в районах преступности особой подкультуры, причем преступность рассматривается им как заученное поведение в рамках данной подкультуры. Хотя эта концепция весьма существенна, но для целей нашей статьи она не представляет большой важности.) Однако подобно Дюркгейму Шоу не смог указать механизм, посредством которого свойства сообщности сказываются на индивидуальных действиях, которые в конечном итоге и дают «уровень» или «процент» преступности.

В этой области прогресс также шел медленно, пока

[4] C. R. Shaw, Delinquency Areas, Chicago, University of Chicago Press, 1931.

двадцать лет спустя С. и Э. Глюки не опубликовали своей работы [5], в которой уровень преступности оказался действительно связанным с дезорганизацией сообщности через промежуточную переменную,— типы личности, формируемые в условиях дезорганизации. Своим монументальным исследованием Глюки позволили нам увидеть, почему социальные условия (которые были известны и раньше) в районах преступности приводят к преступному действию: они выявили, что у личностей, находящихся в этих особых условиях, возникают реактивные склонности к преступному действию. Они позволили нам также понять то, что не смог объяснить Шоу: почему среди людей, оказывающихся под воздействием преступной культуры, лишь меньшинство фактически усваивает эту культуру.

Этот анализ не принижает значения преступной подкультуры или объективных качеств района преступности: физический упадок местности при переходе к индустриализации, высокий процент расовых или этнических меньшинств, высокий уровень алкоголизма и преступности, а также серьезно нарушенная семейная жизнь. В то же время данный анализ значительно увеличивает как наше понимание явления, так и способности прогнозировать его и управлять им благодаря наложению и интеграции — но не сведению — социальных и психодинамических элементов ситуации.

Личность и социальные движения

В дополнение к своей роли в объяснении уровней социального действия общая теория личности имеет также громадное значение для анализа основных социальных движений и процессов.

У Макса Вебера, пожалуй величайшего из социологов, изучавших крупномасштабные социальные процессы, не было недостатка в психологической проницательности. В самом деле, его анализ влияния протестантизма на капитализм [6] во многих отношениях есть характеристика

---

[5] S. Glueck and E. Glueck, Unraveling Juvenile Delinquency, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1950.

[6] M. Weber, The Protestant Ethik and the Spirit of Capitalism (перевод Парсонса), New York, Scribner's, 1930.

типов личностей, которые так или иначе составляют предпосылку и необходимое условие развития капитализма. Тем не менее фундаментальный вопрос его проблемы — какие элементы экономической этики протестантизма стимулируют капитализм — не требует с необходимостью введения общей теории человеческой личности. Тип личности оказывается данным, по крайней мере в скрытом виде в религиозной этике, и проблема заключается главным образом в том, чтобы показать, как этика переводится в действие в экономической сфере.

Среди более поздних исследований социальных последствий капитализма выдающимся примером применения общей теории личности для объяснения социальных движений, вытекающих из конкретных форм социальной организации, является работа Эриха Фромма «Бегство от свободы» [7]. В ней он ставит большую проблему: каково влияние капитализма как социоэкономической системы на человека, рассматриваемого с позиций общей теории личности?

В основе анализа Фромма лежит самая общая проблема «роли психологических факторов как активных сил в социальном процессе». Он исследует эту проблему главным образом с точки зрения значимости двух общих потребностей: потребности в связанности с другими и потребности в свободе или автономии. Истоки этих потребностей лежат «не в анатомических процессах, а в самом существе образа и практики человеческой жизни». О первой потребности, «потребности избегать одиночества», он говорит: «Отсутствие связанности с ценностями, символами, образцами можно назвать моральным одиночеством и утверждать, что моральное одиночество столь же невыносимо, как и физическое; вернее, физическое одиночество становится невыносимым только тогда, когда оно подразумевает также и моральное одиночество». Это — состояние, «которого человек страшится больше всего на свете». Определение Фроммом свободы менее конкретно; оно представляется означающим свободу от инстинктов и других ограничений, препятствующих формированию индивидуальности, развертыванию внутреннего потенциала, или «роста внутренней силы».

---

[7] E. Fromm, Escape from Freedom, New York, Farrar and Rinehart, 1941, p. 19.

Постулировав эти две общие человеческие потребности, Фромм далее утверждает, что вся человеческая история характеризуется «конфликтом и борьбой», ибо: «Каждый шаг в направлении роста индивидуализации угрожает людям новыми опасностями. Однажды нарушенные первичные связи оказалось невозможным наладить вновь. Однако если экономические, социальные и политические условия, от которых зависит весь процесс индивидуализации человека, не дают основы для реализации его индивидуальности... и если в то же время люди уже утеряли те связи, которые создавали им безопасность, то свобода в силу подобного разрыва оказывается невыносимой... Возникают мощные тенденции бегства от такой свободы к подчинению или к каким-либо другим отношениям с людьми и миром, к отношениям, обещающим освобождение от неопределенности, даже если это лишает человека его свободы» [8].

С таких позиций Фромм прослеживает историю современного человека от средних веков через Реформацию до установления современных демократий и тоталитарных режимов фашистского типа. Его работа претендует на исключительно высокий уровень обобщения. Пользуясь своим преимуществом историка, он заранее знает, что отобранные им факты не вступят в противоречие с его теорией, и пытается совместить эту теорию с многовековым ходом истории. Тем не менее Фромм внес свой вклад в социальную историю и в наше понимание современного человека. Действительно, его «Бегство от свободы» является, по-видимому, одной из лучших работ в области социальных наук XX века. Однако приведение доказательств в поддержку идей этой книги не является целью ее рассмотрения в моей статье. Важность работы Фромма для данного разбора заключается в специальном использовании им общей теории личности как независимого элемента анализа непрерывного процесса социального изменения.

Как мы уже говорили, общая формулировка Фромма подчеркивает, что человек должен обладать одновременно и высокой степенью связанности с другими и свободой от ограничений, препятствующих процессу его индивидуализации. В увеличивающих индивидуальность, но

[8] Там же, стр. 36—37.

снижающих связанность социальных контекстах будет наблюдаться стремление вновь обрести эту связанность путем отказа от свободы ради групповых целей. Считается, что любой период истории можно описать в терминах его возможностей меняться в соответствии с его способностью удовлетворять потребности в связанности и индивидуальности.

Весьма большой заслугой Фромма является то, что он не пытается выводить из этих общих человеческих потребностей природу экономических и политических структур. Справедливо полагая, что «психологические силы обладают своей собственной динамикой», он утверждает, что, хотя «выражение человеческих потребностей... может меняться в зависимости от шаблона, [сами потребности] уничтожить нельзя». Тем не менее Фромм признает, что «экономические силы должно понимать не как психологическую мотивацию, а как объективные условия... зависящие от объективных факторов, таких, как естественные производительные силы, техника, географические факторы...» [9]. В этом отношении его работа стоит выше работ Фрейда и Кардинера [10]. Последний, хотя и не включает сюда экономические отношения, пытается выводить основные характеристики мифа, религии и других проекционных систем почти исключительно из шаблонов воспитания детей, специфичных для данной культуры.

Поскольку «психологизация» социальной огранизации пользуется среди многих представителей социальных наук дурной репутацией (и, пожалуй, заслуженно), необходимо подчеркнуть ряд решающих различий между подходом, развиваемым здесь, и некоторыми другими, имевшими большое значение в прошлом. Психологические теории общества и социальных движений были в основном двух типов. Первые выводили социальное поведение и институты непосредственно из психологических свойств человеческой психики, включая в случае с Фрейдом психологическую историю расы. Типичным, хотя и крайним, примером этого служит концепция об агрессивном инстинкте человека, следствием которого являются войны [11]. Теории

[9] E. Fromm, Escape from Freedom, p. 298.

[10] A. Kardiner, The Psychological Frontiers of Society, New York, Columbia University Press, 1945.

[11] См.: T. H. Pear (ed.), Psychological Factors of Peace and War, New York, Philosophical Liberary, 1950.

второго типа, которые Сорокин окрестил «психологистской» школой в социологии, просто переводят все социальные явления на язык психологии; в их современном варианте эти теории утверждают, что единственно «реальные» социальные явления или переменные — это личности, психология индивидов, из которых состоит любая данная группа.

Фромм, Эриксон и Кэнтрил не могут быть втиснуты ни в одну из этих категорий. Как показывает приведенная выше цитата, Фромм признает социальные институты, в частности системы экономической организации, в качестве относительно независимых переменных с их собственной историей и законами развития. Он не считает их простой проекцией личности или систем потребностей. Эти авторы признают также, что многие процессы, происходящие в политических или экономических системах, такие, как накопление капитала, не могут быть сведены к психологическим понятиям или полностью описаны через них. Сущностью этого типа анализа является скорее его акцент на то, что все формы социальной организации имеют для ее членов личностное значение или психологический подтекст и что различные социальные системы обладают различными психическими значениями. Схема анализа, которой придерживаются указанные авторы, обычно бывает следующей: на основе общей теории личности утверждаются определенные главные потребности или стремления человека; затем исследуется социальная среда для выявления ее влияния на эти потребности. Если выясняется, что потребности остаются неудовлетворенными или удовлетворяются какими-то нетипичными способами, эти авторы вновь прибегают к теории личности, чтобы установить типичные способы реакции человека на подобные фрустрации. Затем они определяют влияние личностных реакций на социальную систему, уделяя особое внимание вероятности возникновения эквилибриума или дальнейших фрустраций, что в свою очередь может дать толчок новым социальным движениям. В этой модели предрасположение индивида к действию выводится не из общества, а из общих теорий личности. В свою очередь культура и социальная структура рассматриваются исторически, без выведения их из личностных факторов и без сведения первых к последним. Однако первые оказывают на личность свое влияние

и в зависимости от формы этого влияния вызывают у нее реакции, которые могут привести к социальным изменениям в первоначальной социокультурной системе.

Роль модальных шаблонов личности

Исследователю социальной структуры нужна не только адекватная общая теория личности; ему может потребоваться также измерение конкретных качеств личности, которые характеризуют «популяцию» какой-либо данной социальной структуры. Подобная информация имеет громадное значение при исследовании по крайней мере двух важнейших социологических проблем: 1) рекрутирования, подбора индивидов для исполнения основных социальных ролей и адекватности их исполнения; 2) интеграции и изменения всякого рода институтов, составляющих общество.

Всякое рутинное исполнение роли социологи традиционно объясняют как логическое следствие системы санкций (против тех, кто не соответствует экспектациям общества) и поощрений (для тех, кто этим экспектациям соответствует). Исполнение роли, таким образом, рассматривается как зависящее в основном от факторов, находящихся «вне» индивида. Единственное, что приходится в данном случае постулировать как находящееся «внутри»,—это общее стремление избегать наказаний и получать поощрения. Какими бы важными эти стремления ни были сами по себе, их вряд ли достаточно, чтобы объяснить сложный феномен дифференцированного исполнения ролей. Не пытаясь сколько-нибудь подвергать сомнению решающее значение объективных факторов, детерминирующих ролевое поведение, я хочу подчеркнуть, что рекрутирование лиц для исполнения тех или иных ролей и качество этого исполнения могут в серьезной степени зависеть от индивидуальных качеств человека, благодаря которым он оказывается предрасположенным к выбору той или иной роли и которые обладают очевидным влиянием на качество исполнения этих ролей, как только он в них вступает. Далее, необходимо признать, что это явление оказывается достаточно крупномасштабным, чтобы быть одним из решающих факторов функционирования

того или иного института, малой или большой социальной системы. В той степени, в какой это утверждение верно, для прогнозирования функционирования какого-либо института, малой или большой системы нам необходимо знать не только систему статусов, но и распределение личностных характеристик как во всей популяции, так и среди исполнителей данных конкретных ролей.

Подобные модальные различия личности независимо от того, вытекают ли они из рекрутирования или развиваются в процессе работы, могут быть значимы для социолога только в том случае, если будет доказано, что они влияют и на индивидуальное исполнение роли и соответственно на функционирование института. Исследования, в которых одновременно приводились бы данные как по личности, так и по ролевому исполнению, очень редки. Систематической работы в русле многообещающего примера, данного Мертоном много лет назад [12], почти не ведется. Те немногие исследования, которыми мы располагаем, говорят как раз о явном влиянии личности на исполнение роли. Изучая медсестер психиатрической лечебницы в оценках их руководителей, Гилберт и Левинсон [13] ранжировали их обращение на «казенное», «деспотическое» и «человечное». Медсестры, оцененные как «казенные», чаще других казались больным какими-то слишком строгими и грозными, которые первостепенное значение придавали поддержанию в палатах тишины и порядка. «Человечные» медсестры относились к больным с большим доброжелательством и уважением, принимая роль «социальных терапевтов» для своих палат. Ранговая корреляция между «казенностью» в обращении с больными и баллом авторитарности личности по шкале-Ф оказалась для медсестер трех бостонских лечебниц равной 0,75.

В ряде социологических исследований было проведено соотнесение личностных характеристик с успеваемостью в школе. Сделав выборку учеников государственных средних школ Нью-Хейвена, стратифицированных по соци-

---

[12] R. K. Merton, Bureaucratic Structure and Personality, в: «Social Forces», XVIII, 1946, 560—568.

[13] D. Gilbert and D. J. Levinson, Role Performance, Ideology, and Personality in Mental Hospital Aides, в: M. Greenblatt et al., (eds.). The Patient and the Mental Hospital, Glencoe, Ill., The Free Press, 1957.

альному признаку, Роузен[14] замерил их успеваемость и мотивацию на достижения. Хорошие оценки чаще получали те, чей балл по шкале потребности в достижениях был достаточно высок: 69% из них имели оценки «хорошо» и выше (против 35% из тех, чья потребность в достижениях была невысокой). Между тем проверка ценностных ориентаций не дала значимых различий между хорошо и плохо успевающими. Потребность в достижениях оказалась также высококоррелирующей с социальным положением, однако специальный замер по последнему признаку показал, что с учетом мотивации на достижения и этот фактор, по существу, не имеет независимого влияния на успеваемость.

Стерн, Стайн и Блум[15] получили ряд замеров успеваемости двух групп студентов (61 человек), соответственно высоко- и низкоранжированных по стереопатии, черте, во многом близкой к авторитарности (шкала-Ф). Оказалось, что умственные способности влияют на различия в баллах по стереопатии лишь в небольшой степени; и тем не менее было учтено любое возможное влияние различий в умственных способностях между студентами этих двух групп путем их сопоставления по данному измерению. На вступительных экзаменах оценки представителей этих групп значительно отличались по гуманитарным и социальным наукам и английскому языку. По биологическим наукам, физике и математике разница была, напротив, только случайной. Акцент в данном колледже (по-видимому, в Чикагском университете) делался на «способности к беспристрастности, к воздержанию от поспешных заключений, к терпимости в отношении противоречивых неясностей в противовес стремлению к структурным абсолютам». Это давало преимущество для тех качеств, которые характерны для нестереопатов и относительно невелики у стереопатов. Подобные качества были, однако, явно менее важны на экзаменах по естественным наукам и математике, причем требования и тесты в этих областях также более стандартизированы.

Поразительные различия обнаружились и в даль-

---

[14] B. C. Rosen, The Achievement Syndrome: A Psycho-Cultural Dimencion of Social Stratification, в: «American Sociology Review», XXI, 1956, 203—211.

[15] G. G. Stern, M. I. Stein and B. S. Bloom, Methods in Personality Assessment, Glencoe, III., The Free Press, 1956.

нейшей успеваемости двух групп. К концу первого года колледж оставило 20% студентов-стереопатов, в то время как среди нестереопатов этого не сделал никто: разница, значимая на уровне 0,001. Умственные способности не оказали на это фактически никакого влияния. Жалобы студентов-стереопатов, бросивших колледж, заставили предположить, что их действия были результатом несоответствия между их личностями и их стремлениями и надеждами, с одной стороны, и специфичными требованиями данного колледжа — с другой. Более всего они жаловались на якобы отсутствие дисциплины, отказы преподавателей давать «правильные» ответы и на разрыв между содержанием читаемого курса и их непосредственными практическими профессиональными интересами. Этот результат оказался в значительной степени таким, каким он и прогнозировался после анализа особых качеств образования, даваемого в данном колледже, и особых личностных черт студентов-стереопатов.

Из этих исследований становится ясно, что рекрутирование лиц на те или иные роли и особенно исполнение роли нельзя надежно прогнозировать на основе только внешних свойств статуса и его места в более общей социальной структуре. На качество исполнения роли сильное влияние будут оказывать личности тех, кто займет эти статусы. А поскольку индивиды, вероятно, рекрутируются на те или иные статусы не наугад, то модальные шаблоны личностей могут оказывать серьезное влияние на качество исполнения ими ролей, предписанных этими статусами. Поэтому их влияние на другие части социальной структуры также может быть значительным. Мы вновь, как и в приведенном выше случае с социальными «процентами», убеждаемся, что и социальная структура и личность должны рассматриваться как важные независимые, но взаимодействующие переменные, оказывающие свое влияние на ход социального процесса.

Личность и социальная система

Если изучение личности в ее влиянии на рекрутирование и исполнение ролей представляет серьезные методологические проблемы, то неизмеримо сложнее эти проблемы оказываются для тех, кто пытается раскрыть зна-

чение личностных шаблонов для интеграции социальных систем и их изменения. Понятие «национальный характер» не только устарело, но и давно уже критикуется за видимое родство с дискредитировавшими себя теориями о расовой психологии. Однако, как бы мы ни стремились избежать упреков в предубежденности или, еще хуже, в «расизме», мы не можем как ученые уйти от постоянного вопроса, существует ли значимое различие между национальными или субнациональными популяциями в распределении конкретных черт или типов личностей. Если да, то как это сказывается на функционировании социальной системы. Можем ли мы утверждать, что данная социальная структура будет функционировать одним и тем же образом независимо от набора личностей, помещенных в этот контекст? Какой стимул к социальному изменению следует из отсутствия соответствия между потребностями личностей и требованиями системы? И каковы ограничения, налагаемые на это изменение отсутствием у участников определенных мотиваций?

Чтобы ответить на эти и подобные им вопросы, мы должны иметь возможность замерить у достаточно репрезентативной выборки из национальной популяции распределение личностных черт и синдромов, или типов личностей, подобно тому как сейчас мы строим распределение установок и намерений избирателей. Прежде чем приступить к этой трудной задаче измерения, мы должны знать, какие элементы личности следует измерять для целей социологического анализа. Сделав замеры важных личностных параметров таких популяций, мы должны будем научиться интерпретировать результаты, а затем интегрировать эти выводы с информацией о структурных аспектах системы, разработать тактику прогнозирования и испытать адекватность нашей теории на новых популяциях и в новых условиях.

Хотя это может показаться слишком претенциозным, но мы находимся значительно ближе к достижению цели, чем многие думают. Теоретические усилия, предпринятые в последнее время, приблизили нас к установлению некоторых компонентов личности, которые, по нашему мнению, имеют величайшую значимость для анализа социальных систем. За последние два десятилетия был достигнут серьезный прогресс в разработке вполне надежных тестов личности, которые легко и просто применимы к

большим выборкам, особенно это относится к тесту тематической апперцепции (ТАТ) и другим тестам, проводимым с помощью карандаша и бумаги. Более того, весьма короткие и простые тесты личности по одному параметру уже включались в национальные опросы общественного мнения. Многие дилеммы, особенно касающиеся межкультурной надежности психологических тестов, остаются пока не решенными, однако дальнейший путь представляется вполне ясным, а перспективы многообещающими.

Другой существенной областью связи между психологическими и социологическими исследованиями является изучение проблем воспитания детей. Конкретные способы воспитания, приводящие к тем или иным последствиям в личности взрослого, явно представляют собой главным образом психологическую проблему. Однако мне кажется, что социологу предстоит внести важный вклад в вопрос о том, почему родители поступают так, как они поступают. Если практика воспитания детей разнообразна, мы едва ли можем считать это разнообразие не связанным с условиями жизни родителей и с различными видами давления, которому они подвергаются. Исследование Миллера и Суонсона [16] по этим вопросам представляет серьезный шаг вперед: они показали теснейшую связь, существующую между тем, в каких условиях занятости и работы находятся родители, какие способы воспитания они применяют или «примеряют» и каковы последствия этого для личности ребенка. Я думаю, не будет преувеличением сказать, что одним из важнейших ключей (причем этим ключом поразительно пренебрегают) к формам, посредством которых социальное напряжение в одном поколении ведет к социальным изменениям в следующем, являются различные способы воспитания родителями своих детей [17]. К сожалению, отведенного мне места достаточно лишь для того, чтобы вскользь отметить, что здесь опять лежат большие возможности для самостоятельного, но координированного влияния личностных мод и социальной структуры на поддержание социальной стабильности и генерирования социальных изменений.

---

[16] D. Miller and G. E. Swanson, Inner Conflict and Defense, New York, Henry Holt, 1957.

[17] Описание пилотажных исследований этих процессов см: A. Inkeles, Social Change and Social Character: The Role of Parental Mediation, в: «Journal of Social Issues», XI, 1955.

Итоги и заключение

Итак, я считаю, что социологический анализ — попытка понять структуру и функционирование социальных систем — зачастую требует использования общей теории личности и знания конкретных личностных характеристик членов системы в целом, либо членов ее основных подсистем, причем личности должны рассматриваться в их конкретных ролях. Многим с первого взгляда может показаться, что я предлагаю «сведение» социологического анализа к якобы более фундаментальному уровню психологического анализа. Однако это ни в коей мере не так. Вопрос стоит не о сведении одной дисциплины к другой, а о совместном использовании их для решения данных конкретных проблем в конкретных условиях.

Выше уже подчеркивалось, что я рассматриваю эти две дисциплины как имеющие весьма различные центры аналитической фокусировки. Позвольте теперь добавить, что существует много таких областей традиционно социологического исследования, для которых теория личности или знания модальных шаблонов личностей не представляются достаточно релевантным. Например, это такие области, как большинство демографических исследований, значительная часть социологии города и множество проблем измерения или социального картографирования, включая картографирование классовых структур. Но стоит нам выйти за рамки такого картографирования и заняться поведением представителей различных классов и уровнями, скажем стабильности в данных классах или мобильности между ними, как психологические данные могут обрести важное значение в общей модели анализа. Это не означает, конечно, что рассматриваемая проблема сводится к психологии личности. Очевидно, что в пирамиде профессий, где лишь относительно небольшое их число представляется желаемым, а большинство определяется как менее желаемые, величина мобильности из низших классов объективно детерминируется характером самой этой пирамиды. Если прерогативой для достижения определенных профессиональных уровней является уровень образования или его качество, причем для сельских районов оно обычно вообще недоступно, то процент мобильности для жителей этих районов будет детерминирован в первую очередь этими факторами.

Однако в рамках таких структурно заданных границ существуют обширные области приложения и иных сил. Те, у кого имеются возможности для мобильности, могут не использовать их из-за отсутствия соответствующей мотивации. Среди тех, кто пытается использовать такие возможности, одни будут достаточно способны для этого, другие — нет. Национальные потребности США в открытии и соответствующей подготовке прирожденных талантов вызвали за последнее время много новых исследований. Даже беглый взгляд на эти исследования обнаруживает серьезные просчеты, допущенные нами из-за того, что для определения стремлений к мобильности значимыми считались только объективные факторы «возможностей». Если мы хотим пойти дальше от простого составления статистических таблиц уровней мобильности различных страт к более сложным объяснительным схемам, обладающим возможностями прогноза в новых ситуациях, мы должны уметь обращаться с личностным компонентом — мотивированным субъектом деятельности в условиях социального действия. Итак, уровень мобильности общества не сводится просто к вопросам личностной психологии. Он остается социальной, а не личностной характеристикой.

Это же относится и к другим аспектам социального контекста действия индивида. Тем не менее в любых ситуациях действия индивидов являются личностными, как бы они ни отражали детерминирующего влияния социального окружения. В свою очередь это окружение может быть отражено в действии индивида лишь в той степени, в какой оно опосредуется через систему личности. Таким образом, полное понимание любой социальной ситуации и ее возможных последствий предполагает знание не только основных моментов социальной структуры, накопление которого считается привилегией социологического исследования, но и основных моментов личностей, функционирующих в этой структуре. Поэтому для создания более всеобъемлющей объяснительной схемы нам и требуется интеграция или координация этих двух основных областей, что, однако, не означает сведения одного из указанных способов анализа к якобы более фундаментальному уровню другого.

2

СОЦИОЛОГИЯ УСТАНОВКИ

Джеймс Э. ДЭВИС

Установка относится к числу наиболее изученных и наименее четко определенных переменных, которыми оперирует социальная наука. Действительно, чувство приязни или неприязни, выбор или отвержение, предрасположенность или непредрасположенность, одобрение или неодобрение—как бы они ни назывались, подобные положительные и отрицательные чувства столь всеобщи, что определения, которые можно обнаружить в учебниках, служат скорее для указания на теоретический лагерь автора, чем для определения объекта анализа.

Цель данного очерка — описание некоторых последних тенденций в американских социологических теориях в области приязни и неприязни. В частности, я хочу описать развитие подхода к установкам, который может быть назван *структурным,* то есть развитие ряда теорий, рассматривающих установку как функцию структуры межличностных отношений.

Позволю себе вскользь заметить, что у социологии нет монополии на изучение установок. Большая часть этой главы подпадает под ту гибридную дисциплину, которая называется социальной психологией, а многие наиболее важные данные были почерпнуты из работ политологов, изучавших избирателей и их установки. Более того, если установки определять настолько широко, что они будут включать в себя предпочтения и выборы вообще, то окажется, что наиболее разработанные теории имеются у экономистов, а экономические теории начинают приобретать все большее значение в социологии; но это еще одна тенденция, обсуждать которую здесь я не буду. В качестве последней оговорки позволю себе заметить, что основное внимание будет уделено мною американским исследовани-

ям, то есть исследованиям, проводимым в США, хотя в развитие описываемых мною идей вносят свой вклад и ученые всего мира.

Чтобы увидеть, где же мы находимся сейчас, мы должны знать, откуда идем, если даже и окажется, что мы ходили изнурительными кругами. Точка отсчета зависит от вкуса, и несомненно, что уже Аристотелю было что сказать об установках. Но для тех из нас, чей исторический горизонт у́же, Гордон Оллпорт предлагает в качестве отца-основателя исследований установок Герберта Спенсера, поскольку это слово появляется в 1862 году в его книге «Первые принципы».

Однако подлинная история научных идей — это история, которая может быть прослежена от учителей к ученикам, становящимся затем учителями других учеников, и т. д. В этом смысле изучение установок началось в американской социологии в 1918 году работой У. И. Томаса и Флориана Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Не много гипотез этого монументального исследования адаптации иммигрантов сохранилось в том виде, в каком они существовали тогда, но очень многие социологи помнят, что Томас и Знанецкий определяли социальную психологию как *научное исследование установок*. За «Польским крестьянином» последовал знаменательный расцвет социологических работ в Чикагском университете. Этот расцвет относился к двадцатым годам. Диапазон «Чикагской школы» начинался со статистических исследований городской экологии и кончался изучением биографий воров. С этой школой ассоциируется много известных имен, однако ее вклад в исследования установки достиг своей высшей точки в работах социального философа Джорджа Герберта Мида.

Работы Мида абстрактны, сложны и схематичны, ведь он был философом, а не исследователем установок. Если к этому добавить печальный факт, что опубликованные книги Мида—это не его собственные тексты, а стенограммы его учебных лекций, становится ясно, почему его работы спорны в самых разных отношениях. Тем не менее, несмотря на запутанность и сложность учения Мида, его основная тема ясна, и именно она доминировала в американских социологических подходах к установке в двадцатые и тридцатые годы нашего столетия.

Тема эта такова: наши установки на объекты, на «дру-

гих», и особенно наши установки на любимый объект наших мыслей — на себя,— порождаются и поддерживаются социальными факторами. Что нам нравится и что не нравится, наша приязнь или неприязнь по отношению к самим себе возникают из нашего опыта общения с другими, особенно из нашей способности видеть мир и самих себя так, как его видят другие и как это определено социальными символами. Ключевая гипотеза Мида состоит в том, что мы развиваем свои установки путем приятия, по его терминологии «интернализации», установок других.

Сейчас большинству из нас подобные идеи уже не кажутся ни смелыми, ни оригинальными, но в этом и заключается триумф, а не провал мидовской мысли, так как его позиция в области межличностных отношений, культуры и феноменологии стала аксиоматичной. Однако при том интеллектуальном климате, который был в США в период между двумя мировыми войнами и который характеризовался общераспространенной идеологией «яростного индивидуализма» и психологическими доктринами бихевиоризма Уотсона, подобные идеи были далеки от аксиоматичности.

При всей утонченности и широте мидовской социальной психологии именно эта широта является ее основным недостатком, ибо, как гласит афоризм, «то, что объясняет все, не объясняет ничего конкретного». Хотя его социальная психология и предоставляет нам основание, на которое могут быть поставлены исследования установки, однако ни Мид, ни кто-либо из многих его учеников не дали нам достаточного количества конкретных гипотез, которые поддавались бы научному исследованию. Мид уверяет нас, что «другие» являются решающим фактором в формировании наших установок. Но, за исключением особого случая с ребенком, он не говорит, какие именно «другие». В этом смысле развитие социологических теорий установки можно, вероятно, рассматривать как серию попыток ответить на вопрос: «Кто эти другие?»

Однако прежде чем перейти к этому вопросу, мы должны упомянуть еще одно направление, а вернее сказать— «обходное направление». Интересно заметить, что с ним тесно связаны радио и подъем тоталитаризма. Как поразительная популярность радио, так и систематическое использование фашистскими режимами в тридцатые годы средств массовой коммуникации привели к бурному росту

эмпирических исследований этих средств. Эти исследования стали одной из основных американских традиций в изучении установок. Поэтому не случайно один из ведущих социологических исследовательских институтов Америки — Бюро по прикладным социальным исследованиям Колумбийского университета — начал свое существование как Отдел исследований в области радио.

Изучение радио и других средств массовой коммуникации дало громадное количество информации по установкам просто потому, что использующий эти средства часто пытается создать или изменить какие-то установки — будь это государственный деятель, стремящийся организовать поддержку сиюминутных политических акций, или рекламный агент, вербующий почитателей для своей марки зубной пасты.

Я уже отметил, что исследования тридцатых и сороковых годов в области массовых коммуникаций можно представить как «обходное направление». Дело выглядело примерно так. Потенциальные возможности радио в конце концов внушили его работникам и исследователям благоговейный страх. Мысль, что один-единственный человек, говорящий в палку с набалдашником, в состоянии достичь миллионов ушей, не может не поразить, а ведь голые цифры количества читателей, слушателей, а теперь и зрителей в современном мире грандиозны!

Поэтому было естественным предположить, что средства массовой коммуникации имеют невероятную силу влияния на установки. И человек искусства, считавший, что эта сила развратит национальную культуру, и педагог, мечтавший о повсеместном распространении просвещения, — все соглашались на том, что радио, газеты и журналы обладают громадной способностью формировать установки. Когда же мы вспоминали об очевидных успехах министерств пропаганды фашистских государств, массовые коммуникации представлялись как сила, непобедимая в своей способности утверждать или ломать наши установки.

Соответственно большое внимание уделялось в это время раскрытию невидимых сил массового коммуникатора. Одновременно с интенсивным изучением конкретных коммуникаций делались попытки обнаружить с помощью конкретного анализа те едва уловимые мотивы, которые правили людьми. Наиболее известным из исследований конкретных коммуникаций явилось, несомненно, исследо-

вание Хэдли Кэнтрила «Вторжение с Марса». В 1938 году исключительно правдоподобная радиоинсценировка романа Герберта Уэллса «Война миров» вызвала панику среди некоторых слушателей. Кэнтрил попытался выяснить, почему одни слушатели были введены в заблуждение, а другие — нет. Его основной переменной — что было типично для того времени — явилась личностная характеристика, «критическая способность».

Как и можно было ожидать, не все исследования поддерживали мысль о том, что массовые коммуникации обладают сильным влиянием на установки. Прежде всего налицо был простой факт: большинство американских газет регулярно выступало против кандидатуры Франклина Рузвельта, тем не менее он каждый раз получал большинство голосов и становился президентом. Более того, начиная с 1940 года был проведен ряд тщательных исследований американских кампаний по выбору президента, и эти исследования обнаружили удивительно незначительные изменения намерений, то есть установок, избирателей в разгар предвыборных кампаний. Изучение отдельных явлений также обнаруживало незначительный эффект массовых коммуникаций. К таким выводам пришел, например, Национальный центр по изучению общественного мнения, проводивший после войны исследование результатов кампании, направленной на увеличение интереса к ООН среди жителей одного американского города.

Я не хочу утверждать, что средства массовой коммуникации не эффективны. Многочисленные данные исследований показывают, что они исключительно важны для распространения информации, для привлечения внимания к различным вопросам и т. п., но эти же данные пока говорят, что сами по себе средства массовой коммуникации являются относительно слабым фактором изменения или формирования сильных установок.

Однако социологи не были обескуражены. Они просто перевернули проблему. Вместо того чтобы задаваться вопросом: «Почему средства массовой коммуникации столь эффективны?», как это сделал Кэнтрил, они поставили другой: «Почему эти средства оказывают на установки столь незначительное влияние?» Как ни странно, такой переворот проблемы привел к серьезному теоретическому прогрессу и заставил вновь вернуться к вопросам, впервые поставленным Мидом.

Одна из основных тем этого «второго поколения» анализа установки вышла из многочисленных исследований «доверия к источнику» или «предположений о престиже». Характерным здесь является исследование, проведенное в 1941 году Луис. Луис предложила группам студентов несколько политических лозунгов, причем в одной группе автором этих лозунгов она называла одного политического деятеля, в другой — другого. Как и можно было ожидать, реакция студентов на эти лозунги разнилась в зависимости от имени «автора». Лозунг принимался с большим одобрением, если он приписывался популярной политической фигуре.

Это исследование, как и многие другие, поддерживает следующее обобщение: если источник коммуникации нам нравится, мы склонны принять ее содержание, если же он нам не нравится, мы будем склонны к неприятию содержания. Этот принцип имеет большое значение для объяснения ограниченности возможностей средств массовой коммуникации в изменении установок, так как фактически он означает, что большинство проповедников прельщают обращенных, но отвращают грешников.

Этот весьма приемлемый и интуитивно очевидный принцип дает нам пока лучший однозначный ответ на вопрос Мида: «Кто эти другие?» Похоже, что это те «другие», которые нам очень нравятся или не нравятся. Более того, у этого принципа есть интересное логическое достоинство: он не вводит в наше умозрение новой переменной; он вводит новое лицо — коммуникатора. Я имею в виду следующее. Мы начали с отдельного лица и спросили, какие другие люди оказывают влияние на его установки. Между тем доверие к источнику или предположения о престиже можно рассматривать просто как еще одну установку, как благоприятную или неблагоприятную установку на коммуникатора. Таким образом, наименьшая социальная единица формирования установок представляется состоящей из структуры, включающей в себя: а) двух людей — слушателя и коммуникатора, б) установку, поощряемую коммуникатором, и в) установки слушателя на коммуникатора.

Из этих простых элементов — двух лиц, «чего-то», что обсуждается, и трех установок — возникает одна из самых влиятельных теорий современной социальной психологии, теория структурного баланса Фрица Хайдера. Хайдер, пси-

холог, впервые предложил эту теорию в одной из своих статей в 1946 году. Позднее ее более детальная разработка была опубликована им в книге, вышедшей в 1958 году. Его теория очень проста, но, как и многие простые теории, она изящна, что делает ее исключительно полезным инструментом мышления и исследования.

Теория структурного баланса — это простая математическая модель, состоящая из трех элементов: индивида (обозначаемого латинской буквой *P*), другого лица (обозначаемого буквой *O*) и объекта установки (обозначаемого буквой *X*). Эти три элемента составляют треугольник, называемый треугольником *P—O—X*. Различные установки, имеющиеся среди этих трех элементов, рассматриваются как линии, соединяющие элементы — вершины этого треугольника. Так, например, лицом *P* может быть избиратель, другим *O* — политический комментатор, а объектом *X* — политический кандидат. Здесь есть целый ряд возможных комбинаций установок. Например, лицо *P* восхищается комментатором *O*, комментатор *O* критикует кандидата *X*, лицу *P* кандидат *X* не нравится. Модель проста, причем она позволяет Хайдеру сделать ряд конкретных прогнозов. Так, он утверждает, что некоторые из возможных комбинаций установок в треугольнике *P—O—X* стабильны (он называет их «сбалансированными»), в то время как другие не стабильны («не сбалансированы»). Хайдер утверждает, что мы склонны предпочитать сбалансированные ситуации, причем это подтверждается целым рядом соответствующих исследований.

Теория структурного баланса Хайдера—исключительно важный инструмент современного анализа установок. Она может применяться для осмысления широкого круга данных различных исследований. Тем не менее, если мы вновь вернемся к вопросу, оставленному нам Мидом: «Кто эти другие?», одной теории баланса окажется недостаточно. Она советует нам искать тех других, по отношению к которым у нас имеются сильные установки, но она не говорит, где они.

Некоторые убедительные ответы на этот вопрос приводятся в книге «Личное влияние», опубликованной в 1955 году учеными Бюро по прикладным социальным исследованиям Элихью Кацем и П. Ф. Лазарсфельдом. Их тезис известен как тезис о «двухступенчатом потоке коммуникации». Они описывают это так: «Идеи часто представ-

ляются идущими от радио и прессы к лидерам общественного мнения, а от них — уже к менее активным группам населения». Иными словами, памятуя о важности фактора доверия к источнику, мы видим, что имеются другие конкретные индивиды, играющие существенную роль в коммуникационном процессе. Этот знакомый термин — «лидеры общественного мнения» — дан нам «Личным влиянием», положившим начало большому количеству исследований в области межличностных факторов в коммуникационном процессе, начиная с изучения решений фермеров о выращивании нового сорта кукурузы и кончая изучением решений врачей, прописывающих новое лекарство.

Насколько это направление исследований важно для изучения средств массовой коммуникации, настолько же оно важно и для общих теорий формирования установок, так как оно предполагает следующее обобщение: личное влияние на установки представляется обратно пропорциональным социальной дистанции. Мощное влияние на наши установки оказывают те, кто рядом с нами, люди, с которыми мы сталкиваемся на каждом шагу, а не те блестящие фигуры, которые населяют высший мир. Так, например, исследования избирателей постоянно показывают, что мы склонны заимствовать наши политические установки от друзей, а не от газетных мужей или партийных ораторов. Военные исследования также свидетельствуют, что установки солдат в значительной степени находятся под влиянием их приятелей, а штабные призывы на них почти не действуют. В эти обобщения, возможно, следует внести поправку, учитывающую влияние престижа, но если и так, то вот адекватная формулировка: наибольшее влияние на наши установки имеют те, кто стоит к нам ближе всех социально, но немного выше нас по престижу.

Теперь мы имеем два положения: первое — самыми важными в социологии формирования установок являются узы симпатий; второе — наибольшее влияние на наши установки оказывают те, кто рядом с нами. Если соединить эти две идеи вместе, мы получим костяк для того, что может быть названо структурным подходом к социологии установки.

С этой структурной точки зрения группу или даже целое общество можно рассматривать как сложную сеть или структуру межличностных чувств, в которой почти все индивиды связаны с несколькими другими установками при-

язни, неприязни, уважения, ненависти и т. п. Хотя каждый человек обладает сильными установками лишь по отношению к небольшому числу других, эти другие связаны с третьими, а те в свою очередь — с четвертыми и т. д. Таким образом, все общество в конце концов можно представить как легкую паутину межличностных чувств или установок. Каждый данный человек может быть представлен сидящим в центре сотканной им паутины, связанным прямо с немногими другими и косвенно — со всем миром.

Если мы вернемся теперь к теории структурного баланса Хайдера, то увидим, что каждые два человека, связанные этой паутиной непосредственно, составляют две вершины треугольника *P—O—X*. Хайдер, в сущности, считает, что, если узы их чувств положительны, если они нравятся друг другу, их установки будут склонны к уподоблению, а если эти узы отрицательны, у них будут развиваться противоположные установки. Вся сеть, таким образом, состоит из тысяч и даже миллионов таких треугольников Хайдера, подобно тому как физическая материя состоит из астрономического числа элементарных частиц.

Итак, мы начали с того, что отметили, что через сорок восемь лет после Томаса и Знанецкого социологи приняли положение о значительном влиянии на установки конкретных «других». Затем мы отметили бурный рост средств массовой коммуникации и исследований поведения избирателей в тридцатые и сороковые годы, исследований, которые начали придавать этой системе соотнесения конкретные положения. Мы особо отметили ряд исследований в области влияния престижа и доверия к источнику, которые увенчались ведущей гипотезой Хайдера: установки лица *P* и другого *O* на *X* зависят от отношений симпатии между *P* и *O*. Наконец, мы отметили исследования в области влияния, которые заставили нас оперировать не парами индивидов, а гигантской сетью межличностных чувств.

Очевидно, что теперь наша задача заключается в определении свойств этой сети и принципов, позволяющих прогнозировать ее функционирование. Эта работа только начинается, однако и достигнутого уже достаточно, чтобы можно было описать некоторые последние достижения в области теории и методов исследования.

Теоретический анализ сетей (точнее, «линейных графов») — хорошо разработанный раздел математики, и

многие успехи в понимании функционирования сетей чувств были достигнуты именно благодаря применению к социальным отношениям теории графов. Позволю себе сделать краткий обзор двух важных работ. Обе они вышли в 1956 году и обе принадлежат перу ученых, связанных с Исследовательским центром групповой динамики Мичиганского университета.

Начнем с хорошо известной работы Дорвина Картрайта и Фрэнка Хэрери. Это математическая разработка теории Хайдера; вынуждено опуская подробности, я отмечу в ней две черты. Первая: Картрайт и Хэрери сумели обобщить принципы Хайдера до систем, включающих в себя любое количество индивидов, в то время как в первоначальной модели их было всего двое. Польза такого обобщения для анализа сетей очевидна.

Вторая: Картрайт и Хэрери вывели довольно примечательную математическую теорему. Она гласит, что если положения Хайдера истинны и если система межличностных отношений содержит наряду с положительными чувствами и отрицательные, то такая система должна состоять из двух клик, в одной из которых все установки положительны, а в другой — отрицательны. Эта теорема получила недавно дальнейшее развитие, включив в себя наряду с ситуациями двух клик ситуации со множеством клик.

Так вот, если эта теорема подтвердится эмпирически — а многообещающие данные в пользу такого подтверждения только начинают появляться,— нам придется модифицировать наши понятия о паутине чувств. Возможно, ее лучше рассматривать как состоящую из скоплений, из малых групп, внутренне связанных позитивными установками ее членов друг на друга и отделенных внешне от других групп неприязнью или безразличием. Этот тезис напоминает нам гипотезу, высказанную Джорджем Хоумансом в его книге «Человеческая группа»: «Симпатии по отношению к друзьям внутри группы идут рука об руку с определенными антипатиями по отношению к посторонним».

С этой позиции мы можем представить один из основных процессов формирования установок как процесс, при котором мы подгоняем наши симпатии и антипатии к симпатиям и антипатиям наших друзей в рамках нашей группы, одновременно отмежевываясь от позиций, ассоциируемых с различными их носителями вне нашей группы. В своей монографии «Конфликт в сообщности» Джеймс

Коулмен обрисовал модель типичного развития раздоров в сообщности, которая весьма близка к предлагаемым здесь понятиям.

Вторая математическая разработка анализа сетей была сделана Дж. Р. П. Френчем-младшим и опубликована в статье «Формальная теория социальной власти». Френч рассуждает следующим образом: если мы склонны усваивать установки тех, кого мы почитаем, то, картографировав потоки симпатий в группе и просто идя по ним в обратную сторону, мы получим каналы влияния. Чем больше неравенство в чувствах, хотя и позитивных, внутри данной группы, тем прочнее структура межличностных влияний. Так, например, если А и Б — друзья, но А уважает Б значительно больше, чем Б уважает А, то в конечном счете влияние Б на установки А будет сильнее, чем А — на Б. Это старое положение. Оно появилось еще в 1920 году в книге Е. А. Росса «Принципы социологии». Кроме того, оно обнаружилось в «принципе наименьшего действия» Уилларда Уоллера. Однако задачей Френча было показать, что на основании структуры сети чувств, имеющейся в группе, можно делать целый ряд надежных прогнозов о процессе влияния, проходящем в этой группе. Так, можно предсказать, придет ли группа к единодушным установкам, если в ней начался процесс взаимного влияния, предвидевшийся Хайдером. Например, Френч показывает, что группа, в которой каждый нравится другому в равной степени, придет к единой установке очень скоро.

Френч доказывает, что, если чувства не полностью взаимны, если они принимают иерархическую форму (конкретнее — парциальный порядок), группа будет склонна к единодушному усвоению установки, имеющейся у лидера. Если единого лидера нет, а имеется группа лидеров, окончательное общее мнение будет чем-то средним от первоначальных установок этих лидеров. Насколько я знаю, конкретных данных, подтверждающих гипотезы Френча, нет, однако иерархия популярности среди положительных скоплений обнаруживается столь большим количеством исследований малых групп, что модели Френча представляются вполне правдоподобными.

Взятые вместе, эти две теоретические работы дают следующую широкую гипотезу о структуре чувств и установок: динамика формирования установок включает в себя

двойной процесс, при котором по мере адаптации установок ординарных членов групп к установкам, проявляемым более авторитетными ее членами, мнения в рамках этой группы или скопления будут становиться все более единодушными, в то время как мнения различных скоплений склонны к расхождению до такой степени, что межгрупповые симпатии перерастают в антипатии.

Не приходится говорить, что подобные модели чрезвычайно упрощают реальность, в которой чувства напоминают скорее известную «банку с червями», чем четкие линии структурных моделей. В частности, можно смело предположить, что эти модели скоплений далеки от совершенства, ведь во многих позитивных скоплениях существуют и какие-то отрицательные чувства, а целый ряд людей имеют друзей в группах, антагонистичных их собственной группе. Последняя ситуация, кстати, представляется весьма интересной, так как именно такие люди служат, без сомнения, мостками, или связками, предотвращающими разрыв структуры на враждующие подгруппы.

Позвольте теперь от теории перейти к исследованиям. Легко предположить, какую трудность представила для исследователя структурная теория. Изучение установок основывается обычно на выборочных обследованиях, при которых выборка состоит из значительного числа людей. Хотя мы получаем таким образом информацию о репрезентативных индивидах, разбросанных по всей паутине чувств, традиционные методы дают нам мало сведений о самой структуре. Очевидно, что описание всей сети представляет собой феноменальную трудность и даже изучение небольшой подсистемы очень трудоемко. Такие подсистемы анализировались Джеймсом Коулменом в его книге «Общество юных», которая содержит данные о сетях дружбы в десяти средних школах. Подобным же образом при помощи очень большой социометрической анкеты Уолтер Уоллес изучал систему межличностного влияния целого колледжа.

Однако существует метод исследования, обещающий быть довольно полезным. Он называется «контекстуальным анализом». Подобно очень многим другим успехам в социологическом исследовании, он связан с именем П. Ф. Лазарсфельда, хотя в его разработку внесли свой вклад и многие другие ученые, и в первую очередь Пи-

тер Блау. Особенности контекстуального анализа можно показать на следующем примере.

Как нам известно, решение о поступлении в колледж после окончания средней школы — одно из важнейших, которое человек принимает в своей жизни. Далее, из многих американских и зарубежных исследований нам известно, что молодежь из слоев с низким социоэкономическим статусом реже поступает в колледж. Менее очевидными оказались данные, подтвержденные сейчас несколькими исследованиями и показывающие, что юноши и девушки — выходцы из слоев с низким статусом с большей вероятностью будут планировать поступление в колледж, если они учатся в средней школе с высоким процентом учеников — выходцев из семей с высоким статусом. Это контекстуальная связь, корреляция между контекстом группы (социальный состав средней школы) и индивидуальным поведением. Более того, эти данные оказываются необъяснимыми через такие «очевидные» факторы, как баллы теста умственных способностей.

Почему же существует такая контекстуальная связь? Те из нас, кто исповедует структурные теории установки, рассуждают следующим образом: установка ученика средней школы на высшее образование находится под сильным влиянием установок его друзей из тех, кого он почитает. Если ученики из семей с высоким статусом склонны к поступлению в колледж вначале больше, чем ученики из семей с низким статусом, то чем выше в школе пропорция первых, тем более вероятно, что у юноши из семьи с низким статусом есть друг из семьи с высоким статусом, который и будет оказывать влияние на его поступление в колледж.

Этот пример выбран не случайно. Каждое из указанных положений подтверждается недавней работой Эрнеста Кэмпбелла и К. Нормана Александера, исследовавших выборку учеников тридцати средних школ. Их данные показывают, что контекстуальная связь объясняется именно дружбой: когда дружба принималась за константу, первоначальная контекстуальная связь исчезала.

Насколько я знаю, работа Кэмпбелла и Александера — единственное исследование, которое смогло аргументировать структуры чувств как промежуточную переменную в контекстуальной связи. Но если дальнейшие исследования поддержат это положение, появится больше уверен-

ности, что мы можем изучать влияние обширных сетей чувств без необходимости анализа каждой возможной связи, подобно тому как статистические модели генетики популяций позволяют генетику изучать наследственность, не прибегая к изучению индивидуальных генеалогий.

Мы находимся сейчас в такой ситуации, когда идей и гипотез намного больше, чем конкретных данных. Для теоретика и исследователя это волнующий период, однако для тех, кто хочет иметь достоверные факты, это период ожидания.

Поддержат ли дальнейшие исследования идею социально-структурных моделей формирования установок? И возможно ли будет анализировать формирование мнений в их совокупности, по типу генетики популяций? Эти вопросы остаются открытыми. Безусловно, крах моделей, рассматривающих массовую коммуникацию как всесильное средство, должен нас насторожить. Однако провал теории — это тоже новое знание.

Итак, подтвердятся ли в конце концов описанные здесь мною идеи или будут предложены лучшие, мы в любом случае постепенно приближаемся к более точным ответам на вопрос, оставленный нам Джорджем Гербертом Мидом: «Кто же эти другие?»

3

РАБОТА И ДОСУГ

Эверетт С. ХЬЮЗ

«Жизнь и работа жителей Лондона» — так назвал свой отчет об обширном исследовании лондонской бедноты его автор Чарлз Буф. Исследование проводилось в девяностых годах прошлого века. Несколько томов было посвящено людям различных профессий — их заработной плате и условиям работы; их расходам на еду, одежду, выпивку, квартиру; условиям их жизни вообще. Досуг даже не упомянут в названии. Но когда Буф и его коллеги описывали в последних томах «Влияние религии», они были вынуждены признать, что влияние это на трудовую бедноту мало и что воскресенье стало, по существу, днем отдыха. Через несколько лет факты того же порядка привели американского социолога Роберта Э. Парка к заключению, что религия стала разновидностью досуга, соперничая в этом с кино и гольфом. В Англии и Америке подобные обследования предшествовали тому, что позднее стали называть социологией. Многочисленные сторонники этих обследований интересовались жизнью бедных, тем, как они зарабатывают на жизнь, как тратят свое время и свои деньги, находясь вне работы.

В промышленном веке городской рабочей бедноты стало намного больше. Во всех индустриальных странах и их работа и их досуг рассматривается как социальные проблемы, требующие и изучения и действия. Все чаще работа и досуг встречаются вместе в одном заголовке. Это относится как к европейским промышленным странам, так и (а возможно, в еще большей степени, чем к ним) к США. В этих странах, как и в Англии, первые социальные обследования были посвящены не мнениям и вкусам, как сейчас, а трудам и расходам времени и денег трудящимися классами. Однако старые и новые обследования нельзя

считать не связанными между собой, ведь нынешние исследования в значительной степени посвящены выбору, который люди, по их словам, делают в отношении расхода своего времени и денег. Разница заключается в технике, а также в том факте, что современные обследования не выискивают бедных; скорее, акцент в них — через «случайную» выборку населения — делается на огромный и продолжающий расти средний уровень, на людей, обладающих значительной долей покупательной способности.

Разница между первыми английскими и американскими социальными обследованиями была вызвана тем, что очень большую часть трудящихся американских городов, например Питтсбурга, в котором было проведено первое крупнейшее американское обследование, составляли недавние иммигранты из Европы. Наравне с изучением бедности эти обследования превратились в изучение обычаев и традиций иммигрантов. Своеобразие их песен и танцев заинтриговало американских исследователей, большинство из которых были протестантами. В целом же они считали, что иммигрантам лучше приучиться расходовать время и деньги так, как это принято у американцев. Однако в то время как дети иммигрантов учились в американской школе и воспитывались в американских традициях, замкнутый мирок поселкового домика их родителей поощрял в последних склонность к проведению досуга в традициях их прежней отчизны.

В этот период — до, во время и после первой мировой войны — возникло широкое движение за улучшение условий отдыха масс. Строительство площадок для игр и занятия спортом, строительство домов поселкового типа, попытки сделать города более красивыми и удобными — все это делалось с целью увеличения часов досуга работников. Даже движения за воздержание от спиртных напитков и за их запрещение подчеркивали важность улучшения условий для отдыха. Они пытались найти замену салуну — «клубу работяги», в котором поглощались виски, пиво и время. Различные реформаторские движения стремились как к увеличению времени досуга, так и к его более целесообразному использованию. Досуг мог быть увеличен за счет упразднения детского труда и сокращения рабочего дня и рабочей недели. Но так как свободное время потенциально опасно, то те же реформы были направлены на увеличение числа вечерних школ, парков и площадок, на

упразднение институтов, культивировавших алкоголь и карточные игры, и на поощрение умеренности и воздержания.

Было бы не совсем точно приписывать все эти движения социологам, но люди, которых стали потом так называть, были частью этих движений, а значительная доля их преподавательской и исследовательской деятельности проходила именно в контексте этих движений. Ранняя американская социология не особенно-то интересовалась самим трудом. Ее взгляды были обращены скорее к жизни рабочих вне их рабочих мест.

Между тем во Франции конца прошлого века Габриель Тард читал свои лекции по «Экономической психологии». Он пророческим тоном провозглашал тогда наступление эпохи досуга: «Экономическая жизнь человека состоит не только из работы, но и из досуга. И досуг, который экономисты почти полностью игнорируют, в определенном смысле даже более важен для изучения, чем работа: ведь не досуг существует для работы, а работа для досуга».

Уточняя свою мысль, Тард продолжал: «В той степени, в какой рабочий день крестьянина и рабочего стал короче, в этих классах растут новые потребности, порожденные новым досугом и открывающие несравненно большие рынки сбыта для производства. Ведь чем меньше человек работает, тем больше у него потребность в потреблении» [1].

Далее он говорит о прошлом, когда увеличение производства просто увеличивало количество людей праздного класса, в то время как в XIX веке увеличение производства за один человеко-час привело к распределению досуга среди всего трудового населения. Не будем спорить, прав ли Тард относительно прошлого. Но что касается нашего с вами времени и будущего, он, безусловно, оказался прав. Посмотрите, как невероятно растет объем товаров, производимых человеком за один рабочий час, и как соответственно уменьшается число часов в день, дней в неделю и в год, которые трудовые массы должны расходовать на оплачиваемой работе. Если о времени, свободном от оплачиваемой работы, можно говорить как о досуге, то

---

[1] G. Tarde, Psychologie Economique, vol. I, p. 123, 149 и далее.

досуг, безусловно, значительно возрос. Каковы бы ни были неравенства в доходах, вся мужская половина американцев равна перед давлением и экспектациями того, что они будут работать со дня окончания школы и до дня их формального выхода на пенсию. В целом рабочий день мужчин с более высокими доходами длиннее, чем рабочий день лиц с обычными доходами. Некоторые дольше учатся, и интересные исследования показывают, насколько каждый год формального образования увеличивает общий доход таких людей.

Экспектации, что *она* должна работать, также интернализованы значительной частью американских женщин. Женщина выходит на рынок труда после или во время формального обучения, покидает его при появлении у нее детей и очень часто возвращается на него после тридцатилетнего возраста, продолжая работать в течение еще какого-то периода времени. О ее занятости на работе говорят как о «неполной», если она работает меньше часов в день или дней в неделю, чем работает в аналогичных условиях мужчина. Но так как мужчина работает теперь меньше часов, чем раньше, и так как рабочее время разнится в зависимости от типа работы, женщина, считающаяся занятой неполный рабочий день, может оказаться работающей дольше, чем многие мужчины, считающиеся занятыми весь рабочий день. Вчерашний неполный день — сегодняшний полный или даже день со сверхурочными часами.

Таким образом, мы вправе говорить о колоссальном перераспределении работы и досуга. Работу ожидают почти все люди, и почти ото всех она ожидается. Однако количество времени, затрачиваемое ими на работу, весьма различно, измеряется ли оно в часах в день, днях в неделю, неделях в год или годах за жизнь. Досуг, или время, свободное от работы, разнится в порядке, обратно пропорциональном рабочему времени. Но, кроме обязанности работать за плату, люди, безусловно, имеют другие обязанности, которые также разнятся в зависимости от возраста, пола, положения в семье, места в обществе и других обстоятельств.

Пожалуй, нам следует говорить о новой экономии времени и его использовании, а не просто об увеличении процента населения, иногда работающего за плату, и об уменьшении времени, необходимого для производства такого количества товаров, которое люди могут потребить

при имеющемся у них количестве денег и свободного времени. Дорога на работу и с работы, домашние дела, забота о детях, другая деятельность различного рода, а также развлечения, отдых и заботы об аксессуарах отдыха — все это требует времени.

Существуют разные мнения о том, какие из этих видов деятельности заслуживают названия «досуг». Но философия досуга не является предметом данной главы, нас здесь интересует скорее фактическое использование времени в век индустриальной цивилизации.

Не подлежит сомнению, что американская экономика в очень высокой степени зависит от потребительской способности ее работающего населения. Это экономика, достигшая такого высокого уровня производства, для которого необходим громадный объем потребления на душу населения. Но чтобы потреблять, нужно иметь досуг. Экономист Кеннет Боулдинг называет экономику США «постиндустриальной». Имеется в виду, что распространение товаров и услуг стало теперь большей трудностью, чем само их производство. Это отражается в характере американской рабочей силы, требующей относительно меньшего числа производственных рабочих и относительно все больше и больше работников, занимающихся распределением товаров, продукции и услуг (обслуживание является, по существу, операцией, в которой производство и распределение суть одно и то же). Это в свою очередь оказывает еще большее влияние на распределение времени. В промышленности говорят о рабочем потоке, имея в виду такой способ координации рабочих операций и всех аспектов поставки и подготовки материалов, при котором ни одна фаза процесса не тормозится какой-либо другой фазой. В идеале это такая непрерывная работа механизмов, при которой появление и уход рабочих обусловливаются потребностями машины. Подразумевается, что производство остается константным, в то время как рабочая сила меняется от часа к часу, ото дня ко дню и т. д., но тенденции этих изменений поддаются прогнозированию и контролю. Производимые в результате товары могут отправляться на склады для последующего их распределения в зависимости от потребностей.

Для институтов распределения товаров, продукции и обслуживания проблема оказывается более сложной. Спрос и потребление людьми товаров и услуг проходит по колеб-

лющимся графикам и календарям. Например, накануне рождества или Нового года, как и перед другими праздниками, магазинам требуется намного больше продавцов, чем обычно. Часы, дни и сезоны «пик» существуют и в больницах. Поэтому в периоды особого спроса со стороны населения многие женщины средних лет нанимаются на временную работу в школы, магазины, больницы, поликлиники, государственные учреждения. Однако рабочий поток можно прогнозировать с помощью компьютеров (ЭВМ), приспосабливая к нему количество занятых. Таким образом, продолжительность рабочего дня и даже всего рабочего стажа становится все более разнообразной и манипулируемой. В результате получается сложное взаимодействие работающих и потребляющих, когда каждый человек поочередно играет и ту и другую роль: работа одного есть потребление другого. Чем больше экономика зависит от распределения — то есть от все увеличивающегося потребления товаров и услуг,— тем более сложным становится распределение рабочего времени и соответственно свободного времени, то есть досуга.

Я пока почти ничего не сказал об американской социологии. Скорее, я пытался представить общую картину все более изменяющихся социальных условий, в которых приходится работать американским социологам. Это условия, при которых даже просто идти в ногу с тенденциями изменений в работе и досуге — задача, сама по себе требующая почти лихорадочных усилий. В целом же стремление «давать последние известия» о социальных изменениях в некоторых областях жизни страны — характерная черта американской социологии. Однако одни ее критики ругают нас именно за то, что мы уделяем «последним известиям» слишком большое внимание и пренебрегаем разработкой общих теорий; другие, наоборот, осуждают нас за то, что мы опаздываем с «последними известиями» об основных тенденциях, происходящих в американском обществе.

Какие же аспекты работы и досуга привлекают внимание социологов США?

Один из таких аспектов может быть назван «расовым и этническим разделением труда». Давным-давно в Северную Америку (так же как и в Вест-Индию и Южную Америку) для работы на хлопковых, табачных и сахарных плантациях были ввезены черные африканцы. Позднее

сюда в громадных количествах стали прибывать ремесленники и крестьяне из Европы, становившиеся как промышленными рабочими, так и земледельцами. Через Тихий океан приплыли китайцы и японцы, ставшие строителями, разнорабочими, фермерами, мелкими торговцами. Мы захватили и частично освоили территории, осваивавшиеся ранее французами, испанцами, мексиканцами. Эти миграции и расширение нашей территории дали нам чрезвычайно разнообразную рабочую силу. Причем сила эта не только разнообразна, но, как и в большинстве стран мира, шаблонирована. Многие этнические группы сконцентрировались на определенных видах и уровнях профессий, занятий, отраслей, однако последние ни в коей мере не соответствовали тем видам труда, которыми они занимались у себя на родине. Миграция обычно означала революцию в видах и стилях работы. При вступлении на американский рынок труда та или иная группа могла обнаружить, что она подвергается здесь дискриминации. Пытаясь перейти со своих первых в Америке видов работы и профессий на новые, более высокие уровни, представители такой группы могли вновь встретиться с дискриминацией. В свою очередь, достигнув какого-то уровня, они сами становятся дискриминаторами по отношению ко вновь прибывающим, но дискриминаторами амбивалентными, проповедующими социальную доктрину равных возможностей и в значительной степени практикующими ее.

В период освоения земли и развития промышленности всегда был велик спрос на неквалифицированных рабочих (за исключением периодов экономических кризисов). Таким образом, каждая этническая волна иммигрантов находила ступеньку, с которой она могла начать — быстрое или медленное — восхождение «по лестнице рабочей силы». Однако этот спрос на неквалифицированный труд исчез. Чтобы вообще выжить в американской экономике, будущие работники должны иметь опыт и навыки городской бюрократической работы и образование неизмеримо выше того, которое требовалось когда-то. После изменений, затруднивших американским неграм выход на городской постиндустриальный рынок труда, их судьба — потеря своего места (каким бы жалким оно ни было) в сельском хозяйстве южных штатов. В подобной же ситуации находятся вновь прибывающие пуэрториканцы и латино-

американцы: все они испытывают все большие затруднения с поиском рабочих мест, потому что позиции, которые они надеялись занять, уже захвачены другими группами.

Этническая пестрота рабочей силы характерна для всех стран с процветающей современной промышленностью. Благодаря огромному разнообразию, быстрому росту и изменениям и, наконец, благодаря положению страны, вероятно первой вошедшей в постиндустриальную фазу, США представляют для социологического анализа поразительный случай. Фактически американские социологи уделяют очень много внимания этническим и расовым аспектам рабочей силы, роли этнической дискриминации в ней и движениям, стремящимся положить конец этой дискриминации. Проблема эта все еще существует, хотя социологи интересуются сейчас скорее не этим, а выдвижением на позиции «белых воротничков», интеллигенции, государственных служащих и управляющих тех групп, которые до сих пор концентрировались на более низких уровнях работы.

В двадцатые годы нашего столетия некоторые американские социологи и представители других социальных наук занялись изучением скорее самого труда, нежели характеристик рабочей силы и социальных условий жизни работников. Это было время значительного интереса, проявлявшегося во всех индустриальных странах, к влиянию средств массового производства на работников, их мотивацию и удовлетворенность (или неудовлетворенность) трудом. В 1911 году американский социолог Богардус писал об «индустриальной усталости»; примерно в то же время Макс Вебер в своей монографии «Психофизика промышленного труда» писал о том, что индустриальные рабочие «включают тормоза»; в Англии начало разрабатываться нечто под названием «индустриальная психология».

Новый интерес американских ученых к промышленным работникам был обращен к взаимодействию работников друг с другом и с руководством, к неформальным системам коммуникации и взаимоконтроля, которые возникали на производстве, и к влиянию на производительность и установки работников различных изменений в организации и руководстве. Подобные индустриальные исследования превратились в американской социальной науке в

целое движение, которое охватывало социологов, социальных антропологов, психологов и исследователей промышленного труда и управления. Сейчас исследования такого типа, пожалуй, более популярны, чем когда бы то ни было, хотя их методы и некоторые цели изменились. Теперь они проводятся и в больницах, и в школах, и в общественных и государственных учреждениях. По существу, одной из ведущих тем американских социологов стали ныне сравнительные исследования этих современных организаций, в которых предприимчивость в достижении целей объединяется в нелегкий союз с бюрократической стандартизацией правил и процедур работы. К целой обойме методов, применяемых в подобных исследованиях, добавился экспериментальный анализ малых групп и моделирование социальных ситуаций с помощью компьютеров и математических моделей.

Как я уже сказал, эти исследования не ограничиваются работниками промышленных предприятий. Социологи заинтересовались более старыми профессиями*, такими, как профессии врача, адвоката, учителя и т. п., имеющими в странах английского языка особый статус и привилегии. Изучаются ими и новые профессии современных обществ. В XIX веке произошла довольно фундаментальная реорганизация привилегированных профессий. Их взаимоотношения с государством и обществом были переопределены через введение регистрации и новых форм получения лицензий. Обучение привилегированным профессиям стало более тесно связано с университетами, чем это было в странах английского языка раньше. Реорганизация этих про-

---

* В английском языке понятие «профессия» вообще передается термином occupation. В данном случае в тексте стоит термин profession, содержание которого аналогично французскому professions libérales, немецкому freie Berufe и которому ранее соответствовало русское понятие «свободная профессия». Однако с течением времени содержание английского и русского понятий разошлись. Английское profession наряду с профессиями, традиционно принадлежавшими к этому классу — богословием, правом и медициной,— стало включать в себя некоторые другие занятия, например воспитание, социальное обеспечение и т. п. Русский же термин «свободная профессия» стал относиться главным образом к людям искусства — художникам, поэтам, музыкантам и т. п. В связи с этим английское profession мы переводим здесь как «привилегированные профессии».— *Прим. перев.*

фессий продолжается и сейчас, особенно относительно распределения их услуг. Кроме того, есть много других профессий, новых и старых, претендующих на статус и преимущества привилегированных. Получается, что посредством некой коллективной социальной мобильности свой статус стремится улучшить целая категория людей. В Англии внимание ко всему кругу этих явлений было привлечено социологом Карр-Сондерсом. Они находятся в соответствии с потребностями современных обществ во все более эзотерических услугах. Американские социологи также изучают целый ряд аспектов этой тенденции. Одна из групп проблем связана с рекрутированием и подготовкой кандидатов для различных профессий.

Это включает в себя и приобщение к обычаям и правилам поведения представителей данной профессии (подобное приобщение называют обычно «профессиональной социализацией»).

Другим направлением таких исследований является анализ отношений коллег друг с другом в рамках данной профессии, а также анализ систем отношений между различными привилегированными профессиями в процессе оказания услуг отдельным лицам и организациям и анализ систем отношений между этими профессиями и населением. Различные виды профессиональных услуг — здравоохранение, образование, социальная ориентация, обеспечение отдыха — рассматриваются теперь как закономерная принадлежность уровня жизни всего населения. Распределение таких услуг проводится теперь в США методами и способами, совершенно отличающимися от тех, которые существовали раньше, когда подобные услуги были доступны лишь немногим. Сейчас отношения между представителем привилегированной профессии и его клиентом (индивидом или организацией) редко бывают простыми, непосредственными, без вмешательства третьих лиц. Изучение сложных систем предоставления и распределения услуг привилегированных профессий, а также изучение меняющихся и зачастую противоречивых мнений о них стало неотъемлемой частью современных социологических исследований общества.

Для североамериканца его профессия всегда кажется недостаточно весомой, и он, как уже говорилось, постоянно стремится улучшить ее престиж в целом, причем не просто ради получения более высоких гонораров или заработ-

ной платы *. Люди хотят гордиться своей профессией. Не удивительно, что ранжированием профессий по их престижу у населения занимались многие представители американской социальной науки. Иногда подобные шкалы сопровождались вопросами о том, какому социальному классу принадлежит та или иная профессия по мнению отвечающего. Недавно некоторые исследователи проводили сравнение между престижной ранжировкой профессий американцами и жителями некоторых других стран. Эти сравнения обнаружили, что в индустриальных обществах независимо от их форм правления и политической философии ведущие профессии ранжируются примерно одинаково. Так, например, везде высоко оцениваются привилегированные профессии, и в первую очередь те из них, которые связаны с наукой и техникой.

В этих данных заложен определенный парадокс: хотя привилегированные профессии и высоко ранжируются по престижу и стремлению овладеть ими, некоторые из них охвачены сейчас серьезными волнениями. Как в Западной Европе, так и в Америке бастуют врачи, медицинские сестры, учителя, инженеры, государственные служащие. Ряд американских социологов занимается сейчас изучением установок представителей привилегированных профессий и всего сектора «белых воротничков» рабочей силы. Хотя люди этих профессий, овладение которыми требует все больших и больших сроков обучения, номинально обладают высоким престижем, они начинают ощущать все большую неуверенность за свое место в обществе, становясь довольно амбивалентными по отношению к организациям, в которых они работают, и к людям, которых призваны обслуживать. Судя по всему, проблема заключается не просто в том, что условия работы для этих профессий настолько изменились, что оказалось под вопросом их независимое положение. Проблема скорее в том, что оказалась размытой граница между привилегированными профессиями и другими профессиями умственного труда, так же как и границы между последними и «белыми воротничками», между «белыми воротничками» и ручным трудом.

---

* В странах английского языка принято говорить, что рабочие получают заработную плату (wages); служащие и т. п.— жалованье (salary); врачи, адвокаты и т. п.— гонорары (fees).— *Прим. перев.*

Сейчас громадное число людей различных рангов и профессий занимается — причем отнюдь не с горячим энтузиазмом — на различных курсах усовершенствования, которые проводятся или в свободное время, или в рабочие часы и на рабочих местах. Они предназначены для тех, кто хочет продвинуться по работе либо приобрести новые специальности и навыки взамен устаревающих. Для таких людей потребность в дополнительном обучении уменьшает время досуга, которое в противном случае увеличилось бы за счет уменьшения рабочих часов.

В статье «Досуг» Энциклопедии социальных наук Ида Крейвен пишет: «Одним из самых поразительных последствий современной цивилизации оказалось то, что машина, обещающая возможность иметь свою долю досуга каждому — в то время как рабство давало досуг лишь немногим, — до сих пор приносила только все увеличивающуюся безработицу, а также праздность для многих женщин среднего класса; вместе с тем она дает все больше возможностей для образования и досуга молодежи».

Этот диагноз, поставленный во время великой депрессии тридцатых годов, не подходит для современного общества. Безработица в Соединенных Штатах сейчас есть, но никогда раньше пропорция занятых в США не была столь велика, включая и якобы праздных женщин среднего класса. Целый набор малых машин помогает такой женщине вести домашнее хозяйство, но управляет этими машинами она сама. Если раньше она могла рассчитывать на помощь прислуги из иммигрантов и негров, то сейчас либо сами эти люди, либо по крайней мере их дети перешли на другие виды работ.

Хотя промышленный рабочий часто стремится к снижению количества «официальных» рабочих часов, но он также стремится увеличить и свои заработки, а возможно, и время, проводимое вне дома, за счет сверхурочных или совместительства. Тем не менее у него остается время и для досуга. Изучение установок на работу по воскресеньям среди североамериканских рабочих-католиков показало, что они стремятся избегать работы в эти дни, но не по религиозным соображениям, а потому что хотят иметь время досуга и проводить его со своими знакомыми, друзьями, родственниками. Конечно, почти у всех американских рабочих есть собственные телевизоры и они

регулярно смотрят телепередачи, принесшие в их дом спортивные состязания и кино.

Пропорции рабочего времени и досуга различны. Деятельность людей в свободное время продолжает быть одним из главных объектов исследований социальных наук. Причина этого заключается не только в том, что люди — особенно молодые — могут использовать свое свободное время во вред себе и обществу, а скорее в том, что процент населения, располагающего и свободным временем и деньгами, столь велик, что соотношение между рабочим временем, досугом и временем, требующимся на другие виды деятельности, постоянно меняется. Это тот аспект жизни, на который мы, американцы, с неизбежностью обращаем особое внимание.

И еще одна проблема, связанная с этой, привлекает наше внимание. Высказывание о том, что машина принесла с собой беспрецедентную безработицу, оказалось ошибочным, если брать всю массу рабочей силы в целом. И тем не менее в США все же есть класс безработных. По мере того как спрос на дешевый, неквалифицированный труд снижался и дошел почти до нуля, люди, занимавшиеся таким трудом, оказались хронически безработными. Собранные в трущобы городов-гигантов или засосанные в болото трущоб некоторых сельских районов, эти безработные располагают массой свободного времени. Но ведь это не досуг, ибо, чтобы иметь досуг, надо иметь работу. Те, кто, бывало, пел осанну праздному классу, считали, что, если человеку не нужно трудиться, чтобы зарабатывать на жизнь, он будет упорно трудиться на общее благо. Правы они или нет — почти не имеет практического значения. Но дело в том, что в наше время те, кто не могут найти работу, вряд ли могут сделать многое для общего блага. Некоторые из обойденных «обществом изобилия» принадлежат к такому возрасту, что едва ли что можно сделать для их интеграции в это общество и его экономику. Другие же представляют собой безработную молодежь сельских и городских трущоб. Склонные слишком рано бросать школу, они оказываются недостаточно подготовленными для получения работы на новом постиндустриальном рынке труда. Сейчас в США проводится множество исследований и экспериментов, которые должны показать, можно ли (и если да, то как) так адаптировать американскую систему воспитания, чтобы она могла стиму-

лировать эту культурно отсталую молодежь к продолжению школьного образования. Это даст ей возможность приобрести такие навыки, установки и привычки, которые необходимы, чтобы найти равновесие между работой и досугом, право на который каждый должен иметь с рождения.

Б. ТИПЫ КОЛЛЕКТИВОВ

4

О СОЦИОЛОГИИ МАЛЫХ ГРУПП

Теодор М. МИЛЛЗ

Анализ работы, ведущейся в американских университетах и исследовательских лабораториях, показывает, что многие представители социальных и других наук большое внимание уделяют изучению того, что происходит между людьми, когда они встречаются друг с другом «на ближней дистанции». Это поиск новых подходов к динамике малых групп.

Что же представляют собой малые группы? Нам более известны понятия «индивид», «организация», «институт», «общество», однако между отдельным индивидом и организацией находятся самостоятельные образования, группы, состоящие из двух или более индивидов, входящих друг с другом в целевые контакты и придающих этим контактам особое значение. Некоторые группы, например семья, относительно самостоятельны; другие же, например правление директоров, являются частями более крупных группировок; третьи включают в себя такие образования, как строительная артель, компания охотников, муниципальный комитет, хореографическая группа, экипаж бомбардировщика, команда легкоатлетов и многие, многие другие. Если учесть, что численность населения земного шара составляет около 3,2 млрд. человек и что каждый человек является членом пяти-шести групп, общее количество существующих сейчас малых групп окажется равным 4—5 млрд. (принимая во внимание фактическое участие каждого индивида не в одной, а сразу в нескольких группах). А если к этому добавить группы, имевшиеся в прошлом, и группы, которые будут существовать в будущем, то мы увидим, что общее число малых групп достигает многих и многих миллиардов, опережая по количе-

ству и число обществ, и число людей, которые когда-либо жили и которые когда-либо будут жить на Земле.

Для чего нужно изучать малые группы, если иметь в виду не только их огромное количество? Необходимость их изучения можно проиллюстрировать на четырех группах примеров.

Первое — это прагматическая сторона. Нам нужно знать, что́ происходит в малых группах, как потому, что принимаемые ими решения имеют первостепенное значение для истории сообществ, так и потому, что их динамика воздействует на образ жизни и быта людей. Мы знаем, что кучка лидеров может принудить свою нацию к определенному курсу действий; что сугубо индивидуальные решения, принимаемые миллионами семей о деторождении, приводят к демографическому взрыву. Мы знаем также, что группы, окружающие индивида в его повседневной жизни, являются не только источниками уважения, любви и безопасности, но и причиной напряжений, перекрестных давлений, конфликтов и фрустрации. Знание групповой динамики может помочь человеку в его функционировании в группе.

Второе — социально-психологическая сторона. Малая группа представляет собой поле столкновения социальных и индивидуальных давлений, под влиянием которых постоянно находится человек. Поэтому контекст группы и является тем благоприятным контекстом, который способствует наблюдению за взаимодействием этих давлений и эксперименту с ними. Научные исследования могут помочь выявить общие законы того, как справляется индивид с проблемами социальной реальности.

Третье — социологическая сторона. Прямая задача здесь — познание малых групп, как таковых, и разработка эмпирически обоснованных теорий динамики этих многомиллиардных переходных систем, подобно тому как задача психологии — формирование рабочих теорий динамики переходных живых организмов.

Четвертый аспект более претенциозен. Малые группы — это особый случай систем более общего типа: социальных систем. Но они не просто микросистемы. В значительной степени они суть микрокосмы больших обществ. В них представлены в миниатюре многие социетальные черты: разделение труда, система этических символов, правление, способы обмена, иерархия престижа, идеоло-

гии, мифы и религиозные традиции. Посредством тщательного изучения этих микросистем можно строить теоретические модели, которые можно будет затем апробировать — подвергая дальнейшей проверке и модификации,— в применении к обществам, менее доступным для непосредственного исследования. Изучение малых групп — это источник эффективных путей умозаключений о социальных системах вообще.

Научный анализ групп — явление, присущее главным образом XX веку. Социологи прошлого столетия по понятным причинам интересовались прежде всего основными историческими тенденциями. В связи с появлением новых капиталистических обществ и бюрократических государств, формированием новых классовых структур и распадом закрытых группировок в традиционных сообществах все больше внимания стало уделяться не тому, что ломалось и уходило в прошлое, а тому новому, которое появлялось на месте старого. Большинство исследований того времени основывалось на дихотомии «изолированный индивид — большая система». Правда, в это же время Лепле исследовал жизнь семьи, Дюркгейм признал значение первичных групповых связей как фактора, противостоящего самоубийству, а Зиммель разглядел в социальных отношениях феномен взаимности. Тем не менее это были исключения: малые группы оставались незамеченными, а поэтому оставалась и дихотомия. Новая психология занималась индивидом, новая социология — обществом, как таковым.

Частично реакцией на этот разрыв стали в США работы Чарлза Х. Кули, подчеркивавшие тесную связь между индивидом и группой. Как писал Кули, младенец превращается из дикаря в социальное существо через тесное и продолжительное взаимодействие с той первичной группой, которой является семья. Тесные связи с другими людьми поддерживают индивида в течение всей его жизни, упорядочивая его образ мышления и придавая ему ощущение целенаправленности. Кули отмечал, что представить в гипертрофированном виде границы между индивидом и группой легко; труднее разглядеть связи между ними. Подобные связи были продемонстрированы в работах У. И. Томаса и Трэшера. Томас выявил, что при дезинтеграции группы ее члены также склонны к дезинтеграции. В свою очередь Трэшер показал, как преступные

клики готовят своих членов к совершению преступлений, воспитывают в них лояльность по отношению к клике и защищают их от санкций общества. Подобный вид криминального поведения является в той же степени групповым феноменом, как и индивидуальным.

Между тем влияние группы на индивидов стало выявляться экспериментаторами и врачами. Немец Мёде обнаружил, что группа гонщиков движется быстрее, если в ней есть тот, кто может задавать темп движения. Американец Ф. Х. Оллпорт показал, что присутствие других улучшает целевую деятельность, а Шериф нашел, что лица, характеризующиеся недостаточно надежным фундаментом для оценки реальности, склонны приспосабливать свое восприятие к определению ситуации группой.

В Бостоне Прэтт совершенно случайно открыл терапевтический эффект группы: он обнаружил, что находящиеся в подавленном состоянии больные туберкулезом оказывают друг другу такую поддержку (просто беседуя друг с другом о своих невзгодах), какую он как врач оказать им не может.

Выводы о том, что влияние группы имеет большое значение, оказались очень важными. Как обнаружил Мэйо, показатели выпуска продукции тесно зависят от сети групповых отношений рабочих. Дело не только в том, что они производят такое количество продукции, которое соответствует стандартам неформальной группы. Их идентификация с компанией, их ощущение себя как частицы более крупной организации зависят от степени близости первичных отношений уважения и общности между доверенными лицами компании и неформальной группой.

Итак, индивид, группа и компания соединены первичными связями. Позднее другие полевые исследования подтвердили плодотворность положений Мэйо. Например, исследования, проводившиеся во время второй мировой войны, показали, что силы и чувство безопасности у бойца зависят от его лояльности по отношению к ближайшим товарищам. Его мотивация на то, чтобы сражаться, локальна: он не должен подводить своих парней. В более общем плане: боеспособность военной машины зависит от сети накладывающихся друг на друга первичных связей.

Тем временем Морено стремился изменить социальную организацию рабочей группы, с тем чтобы она более точно соответствовала эмоциональным отношениям среди ее

членов. Он изобрел метод, который оказался в социологии чрезвычайно плодотворным. Он просто просил членов группы рассказать ему, как они относятся к своим товарищам, кто им нравится, кто — нет, с кем бы они хотели работать, а с кем — нет. Благодаря этому приему было нащупано важное измерение эмоциональных отношений членов группы. С его помощью оказалось несложным делать графическое изображение и сравнение структуры этих отношений. Исследователи быстро приняли этот метод, и теперь он применяется весьма часто и широко.

Новое направление в исследовании групп было дано Куртом Левином, иммигрировавшим в тридцатые годы в США из Германии. Курт Левин был одним из тех, кто предвидел более интенсивное применение в социальных науках экспериментального метода. По его мнению, социальное поведение закономерно, то есть подчинено определенным законам. Эти законы следует искать через познание поля психологических и социальных сил, которые в данный момент могут оказаться причинами поведения. Наука о группах зависит от локализации и измерения этих сил. Одним из методов такой локализации и измерения может служить создание различных групп с известными характеристиками и изучение их функционирования. Например, можно создать группы с различными типами лидеров, затем проследить поведение этих лидеров и реакции других членов группы, сравнить результаты и таким образом прийти к эмпирически обоснованным выводам о динамическом эффекте стиля лидерства. При помощи подобных простых, но научно обоснованных процедур соответствующие теоретические гипотезы можно подвергнуть проверке в экспериментальной лаборатории.

Идеи Левина привлекли целое поколение способных ученых: Дейч исследовал дифференцированное влияние на группы сотрудничества и соперничества; Бэвелас искусственным путем определил, кто и кому передает в группе информацию, и исследовал влияние этой сети коммуникаций на эффективность группы и ее удовлетворенность; Фестинджер, Шехтер и Бэч изучали влияние сплоченности группы на степень давления, которое она оказывает, чтобы добиться конформности групповым нормам. После Левина доминирующей, хотя и не единственной, темой экспериментальных исследований стал классиче-

ский вопрос социальной психологии о влиянии группы на ее отдельного члена.

В начале пятидесятых годов появились концепции более четко выраженного социологического характера. В первую очередь сюда следует отнести работу Бейлза. В тесном сотрудничестве с Парсонсом и Шилзом и под влиянием их концептуальной схемы, представленной в труде «По направлению к общей теории действия», Бейлз разработал социологическую теорию группового взаимодействия, а к ней — методику эмпирического баллирования. Будучи крошечными социальными системами, группы стоят перед проблемой, типичной для любой системы: как адаптироваться к реальностям непосредственно данной ситуации, как достичь групповых целей, как сохранить сплоченность группы и как удовлетворить потребности ее членов. Группа, если она вообще жизнеспособна, должна разрешать эти проблемы. Поскольку взаимодействие между членами группы представляет собой попытку разрешить ту или иную системную проблему, то каждое действие можно классифицировать в зависимости от проблемы, на разрешение которой оно направлено. Хотя группы и разнятся между собой по культурам, все они стоят перед одним и тем же набором проблем. Соответственно все группы можно классифицировать по их ориентациям на эти проблемы. Применяя стандартный метод классификации взаимодействия к самым разнообразным группам, можно обнаружить универсальные шаблоны их реакций на системные проблемы, включая тенденции, проявляющиеся в процессе непосредственного взаимодействия групп, тенденции членов группы к разделению своего труда, влияния разрешения одной проблемы на усложнение другой.

Важность подхода Бейлза состоит в том, что акцент здесь делается не на влияние группы на своих членов и ситуацию, а на влияние последних на группу. Сами групповые процессы представляются здесь феноменом, требующим своего объяснения. Каким образом такие переменные, как величина группы, личности ее членов, эмоциональные симпатии и т. п., влияют на процесс взаимодействия? Какие законы управляют наблюдаемым нами процессом? Какие законы управляют взаимодействием во всех малых группах? А может быть, эти же законы управляют и всем обществом?

Простота методики Бейлза привела к ее широкому применению в качестве стандартного метода исследования. Она привела также к разработке дополнительных методов, позволяющих баллировать некоторые другие измерения группового процесса, например такие, как содержание бесед, эмоциональная ориентация членов группы по отношению к «другим».

Если теория социальной системы дает абстрактную концепцию групповой динамики, то акцент на процесс позволяет сделать ее подвижной. Эти качества привели как к построению математических моделей группового взаимодействия, так и к моделированию процесса принятия решений в лабораторных условиях и на быстросчетных компьютерах.

Указанные тенденции ведут к систематизации и абстрактным построениям. Однако существуют и другие тенденции, ведущие к более тесному контакту между наукой и конкретными явлениями. Наиболее важным проявлением таких тенденций было создание групп самоанализа. Цель здесь — изучение самой группой ее динамики через анализ происходящих в ней процессов, то есть эти процессы изучаются не со стороны, а самими членами группы. Исторически подобные группы выросли из концепций «групповой терапии», разработанных Бурроу. Обоснование групповой терапии было предложено им в двадцатые годы. По его мнению, эмоциональные нарушения являются следствием нерешенных проблем, возникающих в сети межличностных отношений. Познание этих проблем достигается с большей эффективностью, если пациент не просто находится в традиционной диаде «врач — пациент», а взаимодействует с целой группой себе подобных. В этом случае искаженное представление пациента о самом себе отражается в восприятии многих людей, выявляя и показывая противоречивый характер его отношений с другими. Умозаключения Бурроу были приняты весьма прохладно, и метод групповой терапии не находил признания вплоть до второй мировой войны. Нужды военного времени, помноженные на нехватку психиатров, дали групповой терапии определенный толчок. Целый ряд врачей, особенно Байон в Англии и Семрад в США, разглядели в ней большие возможности.

Однако практика вскоре показала, что когда пациенты оказываются вместе, они уже не просто представляют со-

бой свое «межличностное прошлое». Собравшись вместе под защитой терапевта, они становятся новой первичной группой с ее собственной символикой и структурой. Члены этой группы склонны дорожить ею, ощущать лояльность по отношению к ней и идентифицироваться с ней. Сложность заключается в том, что если терапевт хочет изучить каждого пациента в отдельности, он должен прежде изучить группу в целом и ее влияние на своих членов. Короче говоря, он должен начать исследовать групповую динамику.

Одним из способов достижения этой цели является создание групп особого типа, способных анализировать самих себя. Семрад вел семинары в Гарвардском университете, на которых студенты-медики и молодые психологи собирались вместе, наблюдая за своим собственным взаимодействием и излагая друг другу свои представления о функционировании группы. Хотя этот способ был довольно простым, вскоре стало очевидно, что подобные группы представляют собой революционный подход в том смысле, что они являются социальными системами нового порядка. Коллективная цель их членов — познание своего коллективного опыта. Цели, преследуемые другими группами, остаются в стороне, с тем чтобы эта группа была свободна в развитии своего самоосознания, в раскрытии того, что есть «я», а вернее — «мы», когда это «мы» означает «группа». Подобные группы обладают внутренне присущим им потенциалом для самоосознания, для становления самопознающими социальными системами, то есть социальными системами нового порядка.

Эти группы не только привлекают внимание к более латентным явлениям в межличностной ситуации и к потребности в системных методах их оценки; они дают также своим членам непосредственный прагматический опыт, на основании которого члены группы могут оценивать мифы и убеждения здравого смысла относительно групп. Подобное познание вселяет доверие. Подкрепленное другими исследованиями и экспериментами, это доверие привело к значительному росту попыток более глубокого анализа групп и более широкого применения наших знаний о них.

Конкретные примеры этого обнаруживаются во многих университетах и лабораториях США. Так, в городе Бетел (штат Мэн) функционируют летние семинары под-

готовки методом группового самоанализа, в которых бизнесмены, ученые, преподаватели и др. из первых рук приобретают опыт в области групповой динамики. В Университете Западного побережья группам студентов одну за другой дают безнадежно трудные задачи. Цель этого эксперимента — определить, отвергают ли женщины слабых членов группы с такой же легкостью, как и мужчины, а также выявить реакции первых на самых сильных представителей группы. В другом университетском городке проводятся регулярные встречи местных психиатров, которые пытаются выявить, почему их группа функционирует именно так, как она функционирует, а не иначе. В одной из лабораторий Восточного побережья мать, отец и двое их детей-подростков дают совместную интерпретацию пятна Роршаха. Подобную же задачу они решали и в домашней обстановке. Цель экспериментов — определить, как изменяются семейные отношения в условиях научной лаборатории. Еще в одном университете привлекательная студентка делает вид, что она законченная расистка. Цель этого эксперимента — выявление реакции группы на подобный вид отклоняющегося поведения. А рядом в психиатрической клинике муж, жена и их сын — пациент этой клиники — работают вместе над серией задач, составленных психиатрами для выявления ролевой структуры семьи и места в ней сына. В другой клинике первенцев семьи сравнивают с их младшими братьями и сестрами, сопоставляя таким образом их податливость давлению, принуждающему их к конформности групповым нормам. Наконец, большая группа исследователей совершенствует методику обработки на быстросчетных компьютерах каждого утверждения, произносимого в групповых беседах, почти моментально получая таким образом квинтэссенцию того, что говорится.

Все эти пестрые исследования объединяет одно — недавнее переоткрытие феномена малых групп и все большая уверенность в том, что мы можем существенно увеличить наши знания о них.

За свою короткую историю анализ малых групп достиг целого ряда значительных успехов. Во-первых, постепенно решается трихотомия «индивид — группа — общество». Вместо взгляда на человека как на стоящего *вне* группы и противоборствующего ей, его рассматривают сейчас как находящегося *в* группе и *принадлежащего* об-

ществу. Так, солдаты в бою, сражающиеся друг за друга и ищущие друг в друге свою безопасность, — это и они сами, и они как группа, и они же в их идентификации с нацией. Близость индивида и группы становится более очевидной, когда сбор данных не ограничивается классификацией тех элементов, которые являются сугубо индивидуальными (например, внешнее поведение), а включает в себя также такие разделяемые другими элементы, как чувства, мысли, убеждения и ценности. Использование как индивидуальных, так и общих элементов дает нам новую информацию об этих процессах, являющихся как личностными, так и коллективными.

Второе достижение — перенос акцента с анализа влияния группы на анализ самой группы, на ее внутреннюю динамику. С операциональной точки зрения это означает, что если раньше мы зависели исключительно от замеров, делавшихся *до* и *после* группового действия, то теперь перешли к наблюдению и анализу процессов, происходящих *во время* этого действия. Это достижение идет рука об руку с развитием адекватных методов анализа групповых процессов.

Третье достижение — успешное применение метода эксперимента. Если раньше исследователи брали группы лишь такими, какие они есть, то теперь они формируют их в зависимости от своих целей, создавая между ними экспериментальные различия; это дает возможность эффективной проверки гипотез.

Четвертое достижение — изобретение метода группового самоанализа. Если раньше группы изучались сторонним наблюдателем, то теперь их составляют из людей, действующих одновременно и в качестве участников этих групп, и в качестве наблюдателей, которые обмениваются друг с другом результатами наблюдений и впечатлениями. Собирается новая информация о том, что является значительным и важным для индивидов как членов группы.

Наконец, развивается успех в применении к малым группам общей теории социальных систем.

Социология малых групп слишком молода, чтобы говорить сейчас, куда она может нас вывести, но ее сегодняшние задачи весьма показательны. Она должна разработать методы выявления латентных состояний, имеющих место в группе, таких, как чувства, надежды, неосознанные представления и т. п. Она должна изучить трансформацию

долговременных групп от их зарождения до распада. Ей нужно заняться сравнительными исследованиями самых различных культур и выявить, какое влияние оказывает культура на групповые процессы. Ей нужно знать, как меняется группа под влиянием самого процесса исследования и эксперимента. И прежде всего ей нужно создать новые теории для применения их к феномену группы, даже если знание этих теорий членами группы и будет оказывать на нее свое влияние. Но это, вероятно, потребует значительного отхода от современной теории, по крайней мере от первых теорий, принадлежащих Кули, Дюркгейму и Лепле.

5

ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Питер М. БЛАУ

Если у нескольких человек имеется общая цель, но каждый из них работает, не обращая внимания на других, так, как кажется наиболее целесообразным ему самому, вероятнее всего, они будут делать много лишней работы. Рано или поздно кто-то из них попытается найти выход из подобного положения и предложит: «Давайте-ка мы займемся этим организованно!»

Эффективное выполнение общей задачи требует, чтобы люди организовали свои усилия путем установления процедур и правил совместной работы. Иногда это делается неформально, через имплицитные соглашения. Однако чаще, особенно когда это касается большого числа людей, они устанавливают официальные процедуры для координирования своей деятельности по достижению каких-то целей, а это означает, что они создают формальную организацию. Это может быть клуб или фирма, профсоюз или политическая партия, полиция или больница. Для каждой организации устанавливаются правила и процедуры, регулирующие отношения между членами этой организации и определяющие их обязанности в ней. Как только организация утвердилась, она стремится к индивидуализации, которая делает ее независимой как от ее основателей, так и от ее членов. Так, организация может пережить несколько поколений людей, но изменения, которые могут в ней происходить, не означают потери ею своего лица, своей индивидуальности, если даже все люди, составляющие эту организацию, будут со временем заменены другими. Сегодняшняя армия США — это та же организация, что и армия США в период первой мировой войны, хотя от ее прежнего состава остались лишь единицы, а ее структура претерпела существеннейшие изменения.

Коллективные усилия людей могут стать формально организованными либо в том случае, если все они разделяют общие интересы, либо в том, если какая-то подгруппа данного коллектива находит стимулы для того, чтобы остальные его члены работали в интересах этой подгруппы. Заводские рабочие организуются в профсоюзы, чтобы вести коллективные переговоры с управляющими, а последние организуют свои задачи с целью такого производства продукции, которое может приносить доход. Профсоюзы и заводы — это примеры формальных организаций, так же как государственные учреждения, политические партии, армии, больницы.

Понятие формальной организации

Хотя существует много различных организаций, но, когда мы говорим «организация», обычно совершенно ясно, что́ подразумевается под этим термином. Мы можем называть организацией, скажем, Американскую медицинскую ассоциацию или департамент государственных сборов, профсоюз или компанию «Дженерал моторс», церковь, Союз дочерей американской революции или армию. Но семью не назовем организацией, так же как не назовем ею группу друзей или сообщность, экономический рынок или политические институты общества. Какой же специфический и дифференциальный критерий мы подразумеваем, когда интуитивно выделяем организации из других видов социальных группировок и институтов? Очевидно, этот критерий должен иметь какое-то отношение к тому, как поведение человека становится социально организованным, но он не связан — как можно подумать при первом взгляде — с наличием социального контроля, предписывающего и организующего поведение индивидов, ибо такой контроль имеет место и в том и в другом случаях.

Существует два фундаментальных закона, управляющих социальной жизнью. Один из них — закон организаций. Возникновение социальных структур может быть совокупным результатом самых разных действий самых разных индивидов, каждый из которых преследует свои собственные цели. Либо же они могут появляться в ре-

зультате совместных усилий индивидов, преследующих общие цели. Так, благодаря конкуренции индивидов и групп той или иной сообщности, их вступлению в отношения обмена с другими и использованию ими своих ресурсов для давления на других развиваются экономическая система и классовая структура. Как экономическая система, так и классовая структура обнаруживают организованные шаблоны социального поведения, хотя в явном виде усилия отдельных людей никто не организовывал. С другой стороны, национальное правительство или руководство футбольной команды, например, представляют собой социальные структуры, специально созданные для достижения определенных целей, и наблюдаемые в них закономерности отражают их целевую конструкцию. Различие здесь — это в принципе различие, проводимое Уильямом Грэхемом Самнером между «самовозникающими» и «предписанными» институтами. Организации суть социальные системы, порожденные формально вводимыми (предписанными) процедурами, а не просто самовозникающими силами. Хотя это различие аналитическое, так как обычно социальная система находится под взаимодействующим влиянием и самовозникающих, и предписанных сил, оно находит свое выражение в реально существующих образованиях — в той массе организаций, которые легко обнаружить в современных обществах.

Как только люди начинают взаимодействовать друг с другом, между ними развивается социальная организация, но отнюдь не каждый коллектив имеет формальную организацию. Критерий для определения, что́ такое формальная организация или, короче, просто организация, находится в процедурах мобилизации и координации усилий различных (обычно специализированных) подгрупп для достижения общих целей. Однако, если бы все отношения между членами организаций и всю их деятельность можно было полностью предопределить формальными процедурами, очевидно, что организации не представляли бы значительных проблем для научного исследования, так как в подобном случае любой феномен организации можно было бы фиксировать посредством простого анализа официальных структур деятельности и взаимодействия, уставов, инструкций и т. п. Фактически же социальное взаимодействие и проходящая в организациях деятельность никогда не могут полностью соответствовать

официальным предписаниям (причем не только потому, что не все предписания являются непротиворечивыми); и их-то расхождения с формальными схемами и являются объектом эмпирического исследования. Хотя определенной чертой организации служит формальная организация коллектива, научный интерес к ней вызван тем, что развивающаяся в ее рамках социальная структура с неизбежностью лишь приближенно совпадает с официально установленными формами.

Обычно у организаций имеется административный механизм — специальный административный персонал, постоянно ответственный за поддержание организации и за координирование деятельности ее членов. На большом заводе, например, имеется не только рабочая сила, непосредственно занятая в производстве, но и администрация, состоящая из оперативного персонала, руководителей, канцелярских служащих и т. п. Для обозначения этих административных аспектов организации применяется термин «бюрократия». Обычно под этим термином подразумевается волокита и неэффективность, однако в социологии его значение нейтрально. Общим как для обиходного, так и для научного значения данного термина является то, что он указывает скорее на усилия, затрачиваемые для поддержания функционирования организации, а не на усилия, необходимые для достижения ее основных целей. Не все солдаты непосредственно участвуют в бою, не все работники промышленных концернов являются производственными рабочими, не все сотрудники полиции — «оперативные» сотрудники. Многие члены каждой организации несут административные обязанности по поддержанию ее функционирования. Однако степень бюрократизации организаций весьма разнообразна. Она зависит от величины усилий, направленных на решение административных проблем, от процента административного персонала, от иерархического характера организаций, от жесткости административных процедур и т. п.

Теория бюрократии М. Вебера

В своей классической теории бюрократии Макс Вебер, немецкий социолог, выделил характерные черты бюрокра-

тически организованных формальных организаций. Наиболее существенными из них являются следующие [1].

1. Задачи организации распределяются среди различных позиций в ней как официальные обязанности. Здесь предполагается четкое разделение труда по позициям, делающее возможной высокую степень специализации. Специализация в свою очередь способствует повышению квалификации служебного персонала как непосредственно, так и опосредованно, через возможность найма сотрудников на основе их производственных качеств.

2. Позиции или должности организованы в иерархическую структуру власти. Обычно такая иерархия имеет форму пирамиды, в которой каждое должностное лицо ответственно перед вышестоящим как за свои собственные решения и действия, так и за решения и действия своих подчиненных и в которой каждое должностное лицо располагает властью над теми, кто находится ниже его. Величина власти начальника над подчиненным четко обозначена.

3. Решения и действия должностных лиц управляются формально установленной системой правил и инструкций. В принципе деятельность в таких административных организациях означает применение этих общих инструкций к конкретным ситуациям. Инструкции обеспечивают единообразие деятельности и вместе со структурой власти дают возможность координировать ее различные виды. Они обеспечивают также непрерывность деятельности независимо от изменений в штатах, поддерживая таким образом стабильность, которая отсутствует во многих других типах групп или коллективов, например таких, как социальные движения.

4. Формальная организация располагает специальным административным штатом, в задачу которого входит обеспечение ее функционирования, в особенности функционирования ее каналов коммуникаций. Низший уровень такого административного аппарата составляют канцелярские служащие, ответственные за ведение письменной документации, в которой находят свое отражение все официальные решения и действия организации. В то время как

[1] M. Weber, Essays in Sociology, New York, Oxford University Press, 1946, p. 196—204, and The Theory of Social and Economic Organization, Glencoe, Ill., The Free Press, 1947, p. 329—336.

«производственный» штат участвует в достижении целей организации непосредственно — будь то производство машин, сбор налогов, ведение войны или лечение пациентов, — административный персонал участвует в достижении ее целей лишь опосредованно, путем поддержания ее функционирования.

5. Должностные лица в своих контактах с клиентами и другими должностными лицами обязаны руководствоваться безличностной ориентацией. Каждый клиент должен рассматриваться как очередное «дело», причем предполагается, что при этом сотрудник обязан отбросить все личные соображения и сохранять полнейшую эмоциональную беспристрастность; подобным же безличным образом следует обращаться и с подчиненными. Предполагается, что такой формальности будет способствовать социальная дистанция, существующая между иерархическими уровнями и между должностными лицами и их клиентами. Безличность и беспристрастность призваны предохранить рациональность суждений сотрудников при выполнении ими своих обязанностей от влияния личных чувств и настроений.

6. Наем организацией сотрудника предусматривает его продвижение по службе. Типичное должностное лицо — это сотрудник, занятый в данной организации полный рабочий день и на всю жизнь связывающий свои надежды на продвижение с данным учреждением. Наем служащих основывается на производственных качествах кандидатов, а не на политических, семейных и других связях *. Обычно эти качества устанавливаются либо специальной проверкой, либо по соответствующим документам, подтверждающим уровень подготовки и образования кандидатов (например, по дипломам колледжей). Подобные образовательные ограничения создают определенную степень однородности среди должностных лиц, так как лишь относительно немногие выходцы из рабочего класса имеют высшее образование и ученые степени, хотя их число и увеличивается. Должностные лица не выбираются на позиции (должности), а назначаются, завися, таким образом, от вышестоящих начальников, а не от какой-либо группы избирающих. После прохождения периода проверки служащие

* В данном случае мы вновь сталкиваемся с типичной для буржуазных социологов апологетикой капиталистического строя.— *Прим. ред.*

вступают в должность на длительный срок и подлежат защите от произвольного увольнения. Вознаграждения выдаются им в виде жалованья, а после отставки по возрасту — в виде пенсии. Продвижение по службе происходит «либо по принципу старшинства, либо по принципу успешности работы, либо по обоим принципам вместе» [2].

М. Вебер провел функциональный анализ взаимозависимости между параметрами бюрократии, где критерием функции служит рациональная эффективная бюрократия. Эффективное крупномасштабное решение комплексных административных задач требует их подразделения на ряд участков, ответственность за которые должны нести профессионально квалифицированные эксперты. Подобное резко выраженное разделение труда создает ряд проблем координационного плана, особенно если дело касается крупных организаций. Для управления каналами коммуникации и для координации требуется специальный административный персонал со строго иерархизированной властью. Такая иерархия помогает координировать решение различных задач, ставящихся для достижения целей организации. Благодаря иерархии власти чем выше иерархический уровень, на котором стоит тот или иной начальник, тем большим числом подчиненных может он руководить (прямо или опосредованно). Однако жесткий контроль за всеми решениями неэффективен и ведет к возникновению напряжений. Для стандартизации операций и ограничения прямого вмешательства руководителя главным образом исключительными случаями вводится система безличных официальных правил. Но, несмотря на профессиональную подготовку и официальные правила, личные чувства и предубеждения все-таки могут сказаться на способности индивида принимать рациональные решения. Функция предупреждения подобного вмешательства иррациональных факторов в официальные решения возлагается на безличность и беспристрастность. Чтобы безличная дисциплина иерархической бюрократии не вызывала отчуждения ее членов, они должны быть спокойны за свою карьеру, что уменьшает их отчуждение и повышает лояльность по отношению к организации.

Короче говоря, проблемы, вызываемые в организации одним фактором, стимулируют развитие другого фактора,

[2] M. Weber, The Theory of Social and Economic Organization, Glencoe, Ill., The Free Press, 1947, p. 334.

призванного решить эти проблемы. Ряд взаимозависимых процессов этого типа создает плеяду черт, характерных для типичной бюрократии в описании Вебера. Он считал, что эти черты административной организации и особенно их сочетание «способны привести к высшей степени эффективности» [3].

Неформальная организация

М. Вебера критикуют за идеализированную концепцию бюрократии. Подразумеваемая им функциональная схема обращена к проблеме того, как данный элемент организации способствует ее силе и эффективному функционированию. Однако, дав описание функций различных элементов, он не учел ни их *дисфункций* [4], ни конфликтов, возникающих между составляющими систему элементами. Так, если даже иерархия власти и способствует дисциплине и координации деятельности, не отталкивает ли она подчиненных от принятия ответственности? Или при условии, что продвижение по службе основывается на объективных критериях, а не на личных соображениях или семейных связях, какой из двух основных критериев должен быть выбран: старшинство или заслуги? Когда встают подобные вопросы, становится ясно, что односторонний акцент Вебера на функционирование бюрократических институтов закрыл для него целый ряд самых существенных проблем, создаваемых бюрократизацией.

Другое обвинение, выдвигаемое против веберовского анализа, заключается в том, что он обращал внимание только на формально создаваемые аспекты бюрократий, игнорируя неформальные отношения и несанкционированные шаблоны поведения, развивающиеся в рамках формальных организаций. Селзник подчеркивает, что формальная структура — это только один из аспектов реально существующей социальной структуры и что члены организации взаимодействуют как цельные личности, а не про-

---

[3] M. Weber, The Theory of Social and Economic Organization, p. 337.

[4] См.: R. K. Merton, Social Theory and Social Structure, Glencoe, Ill., The Free Press, 1957, p. 50—54, где автор обращает внимание на важность систематического изучения не только функций, но и дисфуикций.

сто как безличные исполнители порученных им формальных ролей [5]. Многие эмпирические исследования производственных групп в формальных организациях обращают наше внимание на важность неформальной организации, возникающей в этих группах и представляющей собой активную силу.

Несомненно, Вебер понимал, что фактическая реальность не совпадает пункт за пунктом с формальной схемой. Однако новое здесь заключается в том, что характер этих несовпадений оказывается не идиосинкразическим, а социально организованным. Неформально создаваемые самими членами организации социальные шаблоны дополняют шаблоны, формально создаваемые для них руководством. Более того, как отмечает Барнард, неизбежно возникающая в рамках формальной организации неформальная организация жизненно важна для функционирования системы [6].

Одновременно с Барнардом к таким же выводам пришла группа ученых, изучавших рабочих на одном электрозаводе. Ротлисбергер и Диксон [7] обнаружили, что неформальные отношения в рабочей группе имеют явно выраженную структуру, что в ее рамках существуют статусные различия и подгруппы и возникают неформальные нормы, регулирующие производственную деятельность рабочих. Так, рабочие ожидают, что их товарищ не будет работать ни слишком быстро, ни слишком медленно, и любое нарушение этих групповых норм наказывается высмеиванием, отказом в статусе и даже остракизмом. Другими словами, рабочие сами неформально организуются для контроля над выпуском продукции, а дополняется этот организованный социальный контроль неформальной структурой статусов. Поэтому неформальная организация оказывает на производство серьезное влияние.

После этого первого исследования количество работ в области человеческих отношений в промышленности стало быстро расти, причем в целом ряде монографических исследований бюрократий была сделана попытка применить

---

[5] Ph. Selznick, Foundations of the Theory of Organizations, в: «American Sociological Review», XIII, 1948, 25—35.

[6] Ch. Barnard, The Functions of the Executive, Cambridge, Harvard University Press, 1958, p. 115—123.

[7] F. J. Roethlisberger and W. J. Dickson, Management and the Worker, Cambridge, Harvard University Press, 1939.

положения Ротлисбергера и Диксона для усовершенствования анализа Вебера. Например, Гоулднер показал, что сменявшие друг друга руководители одной организации способствовали ее бюрократизации (как это и должно быть по теории Вебера) в силу того, что незнакомый с неформальной практикой руководитель вынужден полагаться на официальные способы выполнения его приказов. Однако такое — основанное на бюрократических правилах и дисциплине — отправление власти необходимо отличать от власти, которая зиждется на профессиональной квалифицированности. У Вебера четкого различия между этими видами власти не проведено [8].

Из подобных монографических исследований неформальных организаций в бюрократиях можно сделать следующий вывод: процедуры, формально устанавливаемые в организациях для достижения поставленных целей, регулярно создают трудности для осуществления другой деятельности, а неформальные шаблоны, возникающие обычно для преодоления этих трудностей, часто ведут к коренной перестройке функционирования.

Внеся определенные усовершенствования в теорию Вебера, акцентирование на неформальную практику и отношения в то же время увело исследователей далеко в сторону от изучения фундаментальных структурных характеристик сложных организаций.

Последние тенденции в изучении административной структуры

Цель теории формальной организации — объяснение характерных черт этих сложных структур с позиций каких-то общих принципов, например объяснение условий, при которых в организациях развивается глубокое разделение труда, или появляется специализированный административный аппарат, или вырабатывается формальный свод правил и т. д. Иными словами, теория организации не должна брать свойства организации как данные; ее задача — всегда ставить вопрос, *почему* эти свойства существуют. Первый шаг на пути к ответу на этот вопрос —

---

[8] A. W. Gouldner, Patterns of Industrial Bureaucracy, Glencoe, Ill., The Free Press, 1954.

определение того, какие черты организаций проявляются в совокупности друг с другом, а это требует сравнительного анализа черт многих самых разных организаций. Основным недостатком монографических исследований производственных групп в организациях является то, что они вынуждены принимать свойства исследуемой организации как данные, и анализ сводится просто к тому, как эти данные свойства влияют в каждом конкретном случае на неформальные отношения и практику. Поэтому в таких монографических исследованиях с неизбежностью игнорировалась центральная проблема теории организации — а именно что́ порождает те или иные бюрократические свойства, — так как эту проблему можно изучать лишь методом сравнения, при котором проводится противопоставление многих организаций. Веберовский метод анализа предполагает именно такой прием, при котором центром внимания являются сами свойства организаций. Монографические исследования не используют этот прием, однако за последнее время изучение организаций опять стало ориентироваться на сравнительный анализ.

Так, в ряде эмпирических исследований изучалось соотношение административного штата к общему числу работников в зависимости от величины организации. Вебер считал, что крупные организации более бюрократизированы, чем малые, и что совершенствование административного механизма есть черта бюрократическая. Отсюда следует, что относительная величина административного компонента должна находиться в прямой зависимости от величины организации. Однако в действительности изучение индустриальных концернов, больниц и некоторых других организаций показало, что по мере увеличения размеров организации пропорциональная величина административного компонента в ней уменьшается [9]. Безусловно, административный коэффициент у более сложных организаций выше, чем у менее сложных, а сложность характерна именно для крупных организаций, но пропорциональное количество работников, занятых решением административных задач, уменьшается по мере увеличения размера организации. Это экономия за счет масштаба, позволяющая более крупным организациям обходиться

[9] Обзор подобных исследований см. в: P. M. Blau and W. R. Scott, Formal Organizations, San Francisco: Chandler, 1962.

сравнительно меньшим числом административного персонала.

По крайней мере один аспект бюрократизации — совершенствование административного аппарата — не является, как думал Вебер, функцией увеличения размера организации. Однако другие ее аспекты, по-видимому, непосредственно связаны с размером организации, как это и предполагалось веберовским анализом. Так, в одном из исследований была обнаружена очень сильная связь между размером государственных учреждений и разделением труда в них: чем крупнее учреждение, тем более специализированы обязанности [10]. Официальные правила и инструкции, видимо, также играют в крупных организациях большую роль, чем в малых [11]. Более того, эти сравнительно недавние исследования подтверждают также некоторые положения Вебера о функциональной взаимозависимости между свойствами организаций. Например, хотя целевая специализация в государственных учреждениях и улучшает решение текущих задач, она в то же время усложняет их организационную структуру, а вместе с тем — и систему коммуникаций. Последнее же затрудняет решение общих задач. Внушительный административный аппарат сложных организаций как раз и выполняет функцию разрешения этих коммуникационных проблем, восстанавливая, таким образом, атмосферу, благоприятную для решения оперативных задач.

Путем сравнительных исследований можно выявить условия, благоприятные для возникновения в организациях свойств, характерных для бюрократий. В этом плане сравнительные исследования обещают внести наибольший вклад в дальнейшую разработку теории организаций. Наконец, можно привести еще один пример поискового исследования функций письменных инструкций и правил в различных типах организаций.

Важным и широко дискутируемым является вопрос о взаимоотношениях между профессионализацией и бюрократизацией. По Веберу, эти две тенденции сопутствуют друг другу, однако некоторые его критики указывают на фун-

---

[10] P. M. Blau et al., The Structure of Small Bureaucracies, в: «American Sociological Review», XXXI, April 1966.

[11] P. M. Blau and A. W Orum, Conditions of Bureaucratic Formalization, ed. by A. J. Reiss, Jr.

даментальное различие между этими двумя путями рационализации социального действия. Так, можно предположить, что профессионализация уменьшает потребность в конкретных письменно зафиксированных правилах. Однако сравнительный анализ дает основание считать, что так происходит не всегда. Сравнение организаций с высоким и низким показателями профессионализации обнаруживает, что последняя, вероятно, имеет стандартизующее влияние на принцип письменно фиксируемых правил. Если письменных правил мало (как, например, в небольших организациях), профессионализация склонна поощрять их разработку; если же их много, как в крупных организациях, она тормозит их развитие. Представляется, что исполнение профессиональных обязанностей затрудняется не только избытком бюрократических правил, посягающих на независимость исполнителей, но и их недостаточным для поддержания упорядоченной рабочей обстановки количеством.

На основании этого поискового исследования можно сделать следующий гипотетический вывод, который необходимо будет подтвердить дальнейшими исследованиями: профессионализация способствует развитию в организациях конкретных письменных правил, если количество этих правил невелико; если же их уже много, она будет препятствовать их дальнейшей разработке.

Чтобы делать выводы подобного типа, необходимо проводить сравнение организаций, ибо только такое сравнение может выявить, какие же свойства организаций обычно присущи ей в совокупности и каковы условия их появления. А так как развитие веберовской теории организации требует именно дальнейшего определения условий возникновения в организациях различных скоплений свойств, то от сравнительного анализа можно ожидать очень многого.

6

НЕКОТОРЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АМЕРИКАНСКИХ СООБЩНОСТЕЙ

Элберт Дж. РЕЙСС-младший

Сообщности относятся к наиболее распространенным единицам социальной организации. За некоторым исключением, люди более или менее постоянно организуют свою повседневную деятельность в пределах какой-то общей территории. Возникающий таким образом коллектив и есть сообщность [1]. Члены сообщности взаимодействуют в институциональном контексте, который в значительной степени является производным от так называемого большого или массового общества и который организован на территориальной основе. Несмотря на то что разнообразие сообщностей в том или ином обществе весьма велико, их суть одна: они микрокосмы общества.

Нигде это не проявляется с большей очевидностью, чем в развитых индустриальных странах типа США. Хотя американские сообщности отличаются друг от друга по величине и плотности шаблонов заселения, по экономической основе, по социальному составу населения и по масштабам организации, их институциональные и структурные параметры, по существу, одинаковы.

Система классовой стратификации, например, в своей основе одинакова во всех американских сообщностях, несмотря на то, что удельный вес той или иной страты в различных сообщностях США различен. Поэтому, хотя в одном городе может преобладать «средний» класс, а в другом — «рабочий», классовые отношения, престиж различных классов и поведение их представителей будут в этих сообщностях весьма сходны. Поэтому-то человек,

[1] См.: A. Hawley, Human Ecology: A Theory of Community Structure, New York, Roland Press Co., p. 257—258; T. Parsons, The Social System, Glencoe, Ill., The Free Press, 1951, p. 91.

переходящий из одной сообщности в другую, переносит в нее и свой классовый статус.

Таким образом, будучи микрокосмами большого общества, американские сообщности обнаруживают значительное единообразие. Тем не менее между ними имеются и существенные различия. Но не все эти различия одинаково хорошо изучены и зафиксированы. Так, имеется большой материал по различиям в составе населения, в функциональной дифференциации, в сегрегации по расовым и этническим признакам, в мобильности. Подобным же образом изучены различия в структурах власти в сообщностях, в величине городов, оптимальной для культурной деятельности, в экономической базе и в политической организации. Меньше всего материалов имеется, пожалуй, по различиям в способах интегрирования в местные сообщности и функционирования в них ценностей и системы организации большого общества. Столь же мало известно о том, как разнятся сообщности по шаблонам нововведений и адаптации к ценностной структуре и организации большого общества.

Итак, имея в виду эти недостатки нашего знания, обратимся к рассмотрению ряда проблем, обсуждавшихся за последние десятилетия в социологической литературе по американским сообщностям.

Во-первых, сюда следует отнести проблему ослабления контроля сообщностей над имеющими место на их территориях функциональными процессами и организациями. Вместе с тем увеличивается зависимость сообщностей и их членов от культуры и организации большого или массового общества, от организационных подсистем, находящихся вне контроля этих сообщностей, и от других сообщностей [2].

Во-вторых, исследователей заботит потеря членами местных сообщностей идентификации с последними. Следствием этого является рост массовой культуры и группирование индивидов скорее по обособленным, а не по сообщностным интересам [3].

В-третьих, растет озабоченность тем, что процессы

---

[2] Обзорный анализ этой темы см.: R. L. Warren, The Community in America, Chicago, Rand McNally Co., 1963, Ch. 3.

[3] Там же, гл. 3. См. также: M. R. Stein, The Eclipse of Community, Princeton, N. Y., Princeton University Press, 1960.

принятия решений и управления в местных сообщностях оказались под контролем элиты, хотя форма протекания этих процессов внешне остается демократической [4].

Наконец, сообщность становится центром внимания как место, где фактически разыгрываются ценностные и организационные конфликты, характерные для американского общества. В связи с этим внимание уделяется также той роли, которую играют локальные сообщности в стабилизации или изменениях, происходящих в социальных институтах и организациях общества в целом.

Интерес к автономности сообщностей имеет несколько источников: социологический интерес к возможностям сообщностей в эффективном планировании и управлении локальной средой; политический интерес к функционированию в обществе демократических процессов; идеология локализма как часть ценностной организации американского общества. Упадок сообщностной автономии подтверждается весьма обширным материалом.

Поразительной чертой сообщностей в развитых индустриальных обществах, таких, как США, является их взаимозависимость, а также их зависимость от институциональных и организационных систем общества в целом. Взаимозависимость сообщностей в таких обществах вызвана, в частности, тем фактом, что они конкурируют между собой за природные и социальные ресурсы, такие, как вода, земля, поступления от налогов и т. п., которые обычно дефицитны и потому подлежат распределению. Кроме того, взаимозависимость сообщностей вызвана также другими факторами, связанными с мобильностью в динамическом обществе товаров и людей и с проблемами социального контроля, которые порождаются этой мобильностью.

Ясно, что общество, характеризующееся динамической взаимозависимостью, ограничивает автономное действие. Одновременно с ростом сообщностной взаимозависимости в американском обществе, так же как и в других обществах земного шара, начали развиваться новые институциональные и организационные способы связи сообщностей и их членов друг с другом. Некоторые из основных спосо-

[4] В американской социологии существует многочисленная литература по структуре власти в сообщностях, начиная с работы: R. S. and H. M. Lynd, Middletown in Transition, New York, Harcourt Brace 8c Co., 1937.

бов связи между сообщностями и их членами основываются на системе государственного устройства штатов и страны в целом и на формальных организациях, создаваемых властью этой системы для решения проблем, возникающих из взаимоотношений сообщностей и их членов с другими сообщностями и другими институтами и лицами. Так, основной формально организованный способ существования американских сообщностей — это их существование в качестве политических территорий, наделенных со стороны штатов правовыми полномочиями. Располагая такими полномочиями, американские сообщности в то же время всегда находились и находятся под юрисдикцией других локальных подразделений, таких, как графства, и под юрисдикцией штатов и страны в целом.

Эти новые организационные способы взаимоотношений между сообщностями все в большей степени принимают в США форму специализированных функциональных властей, которые обычно создаются на основе региона или крупного города, а сфера их полномочий ограничивается конкретной функцией или деятельностью (транспорт, водоснабжение и санитария, школы, отправление законов). Примерами таких специализированных функциональных подразделений, обслуживающих большое число политических сообщностей в муниципальной зоне, являются городское транспортное ведомство Бостона, чикагский санитарный район, сводные городские и сельские школьные районы, управления по соблюдению законов в Лос-Анджелесе (штат Калифорния) и в графстве Дейд (штат Флорида). Однако сообщности оказываются взаимосвязанными не только благодаря системе государственного устройства, но и благодаря организациям частного сектора. Так, состязания в профессиональном спорте проводятся в соответствии с делением команд на лиги в зависимости от их силы, а не принадлежности к сообщности. Таким же примером может служить и множество других организаций, создаваемых для отправления общественных и частных функций сообщностей.

Связь сообщностей со штатами и государством в целом меняется сейчас благодаря увеличению федеральных программ штатов, посвященных проблемам урбанизации и городского планирования. Размах решения проблем урбанизации при помощи федеральных программ нашел свое отражение в создании в федеральном правительстве

специальной должности министра по делам урбанизации. Величина программ, проводимых в сообщностях федеральным правительством и относящихся к государственному жилищному строительству, общественному транспорту, перепланировке развития городов, проблемам обездоленных, несомненно, меняет взаимоотношения сообщностей с федеральным правительством. Тем не менее было бы ошибочно считать, что подобные программы ведут лишь к ослаблению местной власти и автономии. Конкретное воплощение этих программ поручается обычно местным организациям, подотчетным как местным, так и федеральным властям. Эти программы значительно увеличили влиятельность местных бюрократий, получивших, таким образом, ресурсы и средства, которые в ином случае были бы для них недоступны.

Пожалуй, наиболее существенные изменения в американских сообщностях (как и в сообщностях других передовых индустриальных стран) были вызваны системой их интеграции в большое общество.

Местные организации все в большей и большей степени становятся составной частью таких организаций, чьи масштабы и влияние простираются далеко за пределы сообщностей. Одним из важных следствий этого является то, что решения, существенные для местных организаций — и поэтому для функциональной интеграции самой сообщности,— принимаются индивидами или организациями, не входящими в эту сообщность. Таким образом, планы и программы местных организаций, вероятно, все в большей степени составляются в централизованных подразделениях, которые ориентируются на потребности скорее своих, а не местных организаций, так же как и не на интересы тех членов своих организаций, которые живут в данной сообщности.

В большей части эти изменения являются следствием экономики крупномасштабного предпринимательства, следствием преимуществ бюрократической организации функций и следствием власти, появляющейся у организаций по мере их роста. Это относится как к основанным на сообщностном принципе добровольным организациям, так и к частным промышленным организациям и профсоюзам. Например, коллективные договоры ориентируются сейчас скорее на интересы межнациональных профсоюзов и интересы промышленности и профессий, на основании

которых последние организуются, чем на интересы местных сообщностей. Подобным же образом вертикально интегрированная национальная корпорация будет оценивать свои действия в отношении того или иного своего подразделения в зависимости от влияния этих действий на корпорацию, а не сообщность, на территории которой находится это подразделение.

Тем не менее, хотя влияние на сообщности внешних обстоятельств и решений, лежащих вне сферы их власти, несомненно, проблема может оказаться преувеличенной. Как указывает в своем исследовании Тернстром [5], в ранний период развития американских городов многие важные промышленные объекты, находившиеся на их территории, контролировались теми капиталистами, которые сами не принадлежали к числу их жителей. Возможно, что описываемые здесь изменения следует считать скорее количественными, а не качественными.

Растущая литература по массовой культуре, организациям и идентификации с сообщностью показывает, что американцы больше привязаны к интересам, лежащим вне сообщности, что для них характерна потеря чувства идентификации с местной сообщностью и апатичность по отношению к локальной политической жизни, что они люди, принадлежащие массовому обществу.

Хотя материалов, подтверждающих эти черты эмпирически, обычно немного, представляется возможным сделать несколько выводов об отношении современного американца к своей локальной сообщности. Исследования американских сообщностей показывают, что идентификация с сообщностью ее жителей основывается на статусном, а не сообщностном принципе (то есть житель того или иного района идентифицируется с ним тем сильнее, чем выше статус этого района, а не на основании того, что это место, где проходит значительная часть его деятельности) [6]. Использование жителем сообщности предоставляемых ею возможностей основывается на соображениях удобства, а не на чувстве солидарности с местными организациями.

---

[5] S. Thernstrom, Yankee City Revisited: The Perils of Historical Naivete, в: «American Sociological Review», XXX, April 1965, 234—242.

[6] H. L. Ross, The Local Community: A Survey Approach, в: «American Sociological Review», XXVII, February 1962, 75—84.

Степень ориентации жителей на свою сообщность и ее проблемы весьма различна. Уже со времени исследований Мертона, посвященных «локально ориентированным» и «космополитичным» индивидам, было ясно, что значительная часть членов сообщности является «локалами» в том смысле, что их основные интересы и ориентации связываются с сообщностью, в которой они проживают[7].

Далее, как показывает целый ряд исследований, хотя микрорайон уже не является, вероятно, основой для шаблонов общения, типичная городская семья поддерживает тесные контакты с родственниками, проживающими в данной локальной сообщности[8].

Как видно из других исследований, большинство современных городских жителей проводит в своей нуклеарной семье больше времени, чем раньше (главным образом в результате уменьшения времени, затрачиваемого на работу), причем основным фактором прямых контактов ради общения с другими является скорее профессия и место работы, а не величина сообщности[9].

Наконец, представляется очевидным, что с ростом массовой культуры различия между жителями американских городов становятся все менее яркими. Даже для бедных есть доступ к телевидению, все менее заметны различия в одежде, уменьшаются и различия в образе жизни. Хотя вместе с этим массовая культура привела, вероятно, к увеличению стандартизации различий между членами американских сообщностей, социальная дистанция в них между элитой и массой уменьшилась. Действительно, как отмечает Эдуард Шилз, масса в современных обществах оказалась сейчас ближе к «центру», чем когда бы то ни было ранее[10]. Это, несомненно, относится и к американским сообщностям, что подтверждается ростом давле-

---

[7] R. K. Merton, Patterns of Influence: A Study of Interpersonal Influence and of Communications Behavior In a Local Community, в: P. F. Lazarsfeld and F. N. Stanton (eds.), Communications Reseach, 1948—1949, New York, Harper and Brothers, 1949, p. 189—214.

[8] M. Aiken, Kinship in an Urban Community, University of Michigan, 1965.

[9] A. J. Reiss, Jr., Rural-Urban Status Differences in Interpersonal Contacts, в: «American Journal of Sociology», LXV, September 1959, p. 182—195.

[10] E. Shils, The Theory of Mass Society, в: «Diogenes», XXXIX, 45—66.

ния массы на элиту за уравнение в правах, за доступ к средствам удовлетворения социальных потребностей и к источникам власти.

Исследователи американских сообщностей отмечают не только уменьшение их автономии в принятии решений, но и происходящие в них сдвиги в структуре власти и во влиянии на них местных элит. Судя по всему, решения локального характера принимаются в сообщностях не большинством их членов через референдумы или систему гражданского контроля, а местной элитой, которая в наши дни состоит зачастую из государственных служащих и профессионалов, находящихся под косвенным контролем экономических групп. Однако вопрос о весомости этих фактов осложняется проблемами структуры принятия решений в американских сообщностях, особенно проблемами той роли, которую в состоянии играть избиратели той или иной крупной сообщности в принятии решений. Без большого числа сравнительных исследований невозможно установить, что же такое контроль элиты». Принятие решений в американских сообщностях представляет собой процесс уравновешивания интересов. Данные свидетельствуют, что вопрос о том, чьи интересы будут максимизироваться в том или ином конкретном случае, зависит главным образом от существа этого «случая». Возможно, что контроль элиты не столь значителен, как это предполагается в некоторых исследованиях, особенно если учесть, что сообщности оказываются вовлеченными в принятие решений по проблемам, лежащим вне пределов контроля местных элит. Поэтому любая местная элита ограничена — в своих попытках осуществлять контроль — теми проблемами, которые входят в компетенцию главным образом локальной автономии.

Мы уже отмечали, что сообщности суть микрокосмы большого общества. Одним из наиболее существенных моментов здесь оказывается то, что американская сообщность — это арена, на которой разыгрываются ценностные и организационные конфликты большого общества. Это необходимо иметь в виду при любом рассмотрении конфликтов, преследующих современное американское общество: конфликтов по поводу гражданских прав и программ помощи обездоленным, конфликтов по поводу качества и объема образования, по поводу занятости и оказания помощи безработным.

Американские сообщности оказываются фокусом этих проблем не только потому, что сообщность — это сцена повседневной деятельности, но и потому, что, с одной стороны, ценности большого общества и их организация вторгаются в повседневную жизнь людей, а с другой стороны, основные институты поддержания этих ценностей и отправления социального контроля зачастую функционируют в сообщностях и через них.

Хорошим примером этого может служить нынешний конфликт, развернувшийся вокруг гражданских прав. Именно в сообщности некоторые американцы подвергаются дискриминирующему обращению: на местных рынках жилья, находящихся под контролем местных владельцев недвижимости; в местных школах с неравными возможностями для получения образования; на местных предприятиях, где одним дается работа, а другим в ней отказывают; в местных культурных учреждениях, в которых процветает дискриминация. Общеамериканское давление, направленное на изменение подобной ситуации, должно осуществляться как через мобилизацию местных групп и организаций, так и через национальные организации.

Именно в сообщностях прорывается насилие, и именно в них приходится иметь дело с бунтами. В подобных условиях именно местная полиция призвана поддерживать порядок, а местные суды — отправлять правосудие, хотя в некоторых случаях эти проблемы оказываются подпадающими под юрисдикцию более высоких инстанций. Локальная сообщность располагает также значительной законодательной властью, которая имеет большое влияние на права и возможности людей, так как в США существенная часть законодательства, относящегося к использованию земли, жилищному строительству, движению транспорта, здравоохранению, образованию и социальному обеспечению, разрабатывается и отправляется на местном уровне.

Подобным же образом сообщность оказывается одной из основных политических единиц как стабилизации, так и изменения вышеперечисленных факторов. Поэтому не удивительно, что конфликты и проявления насилия встречаются в Соединенных Штатах именно в рамках сообщностей. Данный факт свидетельствует о том, что сообщность как единица американской социальной системы бо-

лее автономна и жизнеспособна, чем это явствует из большей части американской социологической литературы.

Хотя социология в США была в последнее время тесно связана с изучением структуры и функционирования американских сообщностей, она прошла мимо рассмотрения сообщности как арены, на которой нередко зарождаются, часто проходят и обычно разрешаются ценностные конфликты общества.

В последующие годы социология может и должна преодолеть эти упущения.

7

ФОРМЫ УРБАНИЗАЦИИ

Чарлз ТИЛЛИ

В течение первых девятисот девяноста тысяч лет своего существования на Земле человек обходился без городов. За последние десять тысяч лет он с лихвой наверстал это упущение. С тех пор как где-то между восьмым и третьим тысячелетиями до новой эры на территориях между Босфором и Персидским заливом из оседлого земледелия возник новый тип общины, почти каждое увеличение способностей человечества к коллективным действиям и к освоению окружающего его мира приводило к новым скачкам в росте городов. Безусловно, у этой тенденции были и периоды затишья, и даже периоды обратного действия. Так, тот период европейской истории, который на западе односторонне называют мрачным средневековьем,— лишь один пример деурбанизации. Тем не менее города чаще росли, а не сокращались. Их доля в мировом населении увеличилась невероятно: пять тысяч лет назад она была практически равна нулю, в 100 году до новой эры она составляла менее 1%, в 1800 году—менее 5% и, по-видимому, более 30% — в 1965 году. Но больше всего выросло влияние городов друг на друга и на население, проживающее фактически вне городов. Много ли людей может считаться находящимися вне влияния большого города?

Самая высокая из всех волн урбанизации, которые когда-либо видел мир, продолжает захлестывать его и в наши дни. Возникла она где-то в начале XVIII века как совместный продукт многих сложных процессов, из которых можно выделить появление крупномасштабной промышленности и становление национальных государств.

Эти сложные процессы до сих пор изучены недостаточно. Прежде всего перед нами стоят два очень важных вопроса:

1) Обусловлены ли некоторые изменения в образе жизни людей и организации их деятельности просто ростом городов независимо от причин этого роста, будь то промышленное производство, рост государства, международная торговля или что-либо еще? Существует ли единый, всеобъемлющий процесс урбанизации?

2) Не говоря о росте городов в древнем Китае, средневековой Европе и Западной Африке XVI века, можно ли считать, что процесс индустриальной урбанизации, охвативший столь многие районы современного мира, следует общим закономерностям и ведет к созданию городов единого типа? Повторят ли развивающиеся страны историю урбанизации стран, которые уже стали индустриализированными?

На эти вопросы напрашиваются такие ответы: во-первых, этого никто толком не знает. Во-вторых, если рассматривать конкретные аспекты городской организации, оказывается, что ни единого всеобъемлющего процесса урбанизации, ни тенденции к возникновению единого типа городов не существует. Весь этот процесс испытывает значительное влияние той причины, которая ведет к росту городов,— индустриализации, расширения торговли, администрирования и т. п. Тем не менее в конечном итоге представляется возможным выделить какие-то общие закономерности, характерные для различных видов урбанизации; все-таки можно найти что-то общее у стран, испытывающих промышленную урбанизацию; в каком-то смысле во всех частях мира развитие городов движется в одном и том же направлении.

Почему же мы все-таки не знаем, насколько стандартны изменения, присущие процессу урбанизации? Одной из причин этого являются значительные расхождения в теоретических и практических определениях как понятия «город», так и понятия «урбанизация». Почти все эти определения указывают, что города — это сообщности, в которых происходит координация деятельности крупных масс людей, находящихся вне границ этой сообщности, и что урбанизация есть концентрация человеческой деятельности в таких сообщностях. Но когда дело доходит до конкретизации, каталогизации и классифицирования, каждая страна и каждая группа исследователей изобретает свои собственные принципы и правила. Поэтому, если бы и существовали какие-то единые шаблоны в развитии урба-

низации, они оказались бы скрытыми сумбуром противоречивых определений и несопоставимых статистических материалов.

Кроме того, нам не хватает надежных данных. Лишь немногие страны мира проводили когда-либо достаточно точные переписи всего своего населения, а чтобы иметь ясную картину изменений, происходящих в его размещении и составе, необходимо проведение по крайней мере двух таких переписей. Только незначительное меньшинство стран, например Швеция, располагают чем-то похожим на регулярную регистрацию, позволяющую следить за движением населения из месяца в месяц или хотя бы из года в год. Ни в одной стране не ведется «социальная бухгалтерия», которая дала бы возможность быстро и надежно выявлять изменения в таких переменных, как принадлежность к той или иной организации, структура родства, религиозная лояльность и даже профессиональная мобильность. Героические усилия, предпринимаемые ООН для сбора международных статистических данных в области демографии, не привели пока к искоренению нездоровой смеси из неполной информации и непоследовательных определений.

Наконец, у нас нет ответов на поставленные выше вопросы просто потому, что очень велика сложность процесса урбанизации, который в соответствии со своей природой развивается лишь в сопровождении множества других, затемняющих его собственный ход явлений. Многие ученые занимались и занимаются в том или ином варианте обследованиями, суть которых заключается в следующем: отбирается ряд стран и ранжируется в зависимости от процента городского населения и ряда других критериев сложности (таких, как потоки корреспонденции, доход на душу населения, процент рабочей силы, занятой в обрабатывающей промышленности, и т. п.); затем анализируется корреляция между этими различными параметрами. И всегда оказывается, что величина городского населения и другие переменные находятся в тесной связи друг с другом. Возможно, что прочность статистических связей действительно указывает на ту решающую роль, которую играет рост городов в модернизации обществ. Однако само сочетание таких факторов, как именно эта прочность связей, несовершенство методов измерения и непродолжительность временно́го интервала, делает прак-

тически невозможным выделение последовательности явлений, их причинных отношений или хотя бы определение той степени, в какой различные индикаторы действительно измеряют один и тот же феномен. Положение таково, что исследователь урбанизации вынужден извлекать закономерности этого процесса из таких источников, как страдающие неполнотой исторические хроники, хаотичное множество противоречивых статистических данных, клубок собственных субъективных представлений и пестрая, фрагментарная масса исследований конкретных городов, районов, периодов.

Первое, что поражает того, кто начинает работать с этим материалом,— это разнообразие городов и видов урбанизации. Знаменитый антрополог Клод Леви-Стросс рассказывает, что, когда он впервые попал в Северную Америку, он был обескуражен: «Мера человека и мера вещей оказались там настолько иными, что единый шаблон был уже невозможен». Здания, улицы и города были просто слишком большими. В то же время у американцев, приезжающих в Европу, часто складывается противоположное впечатление: даже крупнейшие европейские города кажутся им необычными, переполненными людьми и «тесными».

С одной стороны, этот эффект объясняется простой разницей в масштабах зданий и пространств; с другой — различиями в плотности населения. Даже в США плотность крупнейших городов разнится от 990 человек на квадратный километр в Далласе до 9000 — в Нью-Йорке и 30 000 — на главном нью-йоркском острове Манхэттене. Фактически же диапазон плотности еще больше, так как интенсивность контактов находящихся в городе людей зависит, кроме всего прочего, от количества ежедневных поездок в центр и из центра; от степени освоения человеком вертикального и горизонтального пространства данного города; от объема деятельности, проходящей в общественных местах, а не за «закрытыми дверями», и просто от ритма передвижения по городу. В соответствии с этим будут различными и представления о том или ином городе.

Североамериканские города имеют меньшую плотность, чем аналогичные им по площади города большинства других стран мира. Одна из наиболее важных причин этого состоит в том, что североамериканские города росли вместе с ростом средств передвижения (особенно автомашин),

поощрявшим рассеивание населения и поглощавшим значительную часть центральной части городов. Даже в сравнении с 9000 жителей на квадратный километр в Нью-Йорке обыденное представление о Москве (14 000), Париже (28 000), Дели (50 000) будет иным. Метро, небоскребы и т. п. резко раздвигают границы Нью-Йорка и Москвы вниз и вверх, в то время как такие густонаселенные города, как Дели, Сингапур, Каир, используют лишь поверхность земли. Поэтому-то нынешняя статистика значительно преуменьшает различие в плотности (а отсюда — и в интенсивности движения) на уровне улиц.

Кроме того, статистические данные огрубляют сложное разнообразие плотности населения и в рамках каждого города в отдельности. Обычно плотность достигает своего пика в центре города и падает по мере удаления от него, концентрируясь вдоль транспортных магистралей, пульсируя вместе с суточным ритмом города и сходя на нет в районах пустырей и заброшенных участков.

Далее, сама форма плотности зависит от типа города: новые районы на периферии южноамериканских городов заселены более плотно, чем подобные районы аналогичных североамериканских городов; в компактных азиатских городах падение плотности с увеличением расстояния от центра происходит резче, чем в занимающих бо́льшие территории американских городах; промышленные города порождают типично центробежные шаблоны плотности и ее колебаний; западноафриканские города разбиты на сравнительно однородные части, каждая из которых населена жителями, отличающимися от жителей других частей по национальному или региональному признаку, причем густонаселенное промышленное и торговое ядро такого города обычно расположено в стороне от его центра.

Наконец, в западных странах современный процесс урбанизации, как правило, идет таким образом, что вначале в самом центре города наблюдается резкое увеличение плотности, а затем, по мере расширения этого города, его центр испытывает длительное падение плотности. Вместе с тем азиатские города, значительно более часто страдающие от недостатка территории, обычно подвержены постоянному увеличению плотности своих центров. Эта разница иногда сказывается в том ощущении неиспользованного пространства, которое испытывает азиат, попавший в центр американского города.

Карты городской плотности похожи на отпечатки пальцев: о них всегда можно сказать, что это именно карты плотности города; они поддаются типологизации в зависимости от типов городов, и в то же время они уникальны, как уникальны конкретности, характерные для данной уникальной сообщности.

Подобная же смесь уникальности и единообразия наблюдается в шаблонах использования земли или шаблонах местожительства различных слоев населения. Географическое положение каждого города обусловливает присущее ему использование земли и характер жилых массивов. Рио-де-Жанейро заключил в свои объятия живописнейшую гавань. Токио растянулся вдоль берега громадного залива. Аристократический Буда и коммерческий Пешт долго были разделены Дунаем, а затем соединены им же в Будапешт. Но так как в конкретных обществах и в конкретных типах городов развиваются определенные склонности к различным участкам земли и к их стандартному использованию, даже географическая местность может способствовать унификации городов, несмотря на их разнообразие. Так, у расположенных на берегах озер североамериканских городов, например у Торонто, Кливленда, Чикаго, имеется общая структура, выражающаяся в прямолинейности улиц, идущих к порту, в их росте — вначале вдоль берега, а затем под прямыми углами к нему, и в строго регулярном, ранговом движении населения к районам большего престижа, все более удаляющимся от центра.

Что верно для конкретных городов, еще более верно для путей их развития. Разнообразие этих путей огромно. Даже города и районы урбанизации, движущиеся в одном направлении, сохраняют печать своей прошлой истории. Наиболее четко эти следы прошлого видны в топографии: бульвары располагаются вдоль бывших крепостных стен, капитальные здания заменяют замки, а зажатые между домов, искривленные улочки напоминают о тех временах, когда не было автомобилей и люди стремились жить поблизости друг от друга.

Следы прошлого обнаруживают себя и в социальной организации, для которой характерен различного рода дуализм: иногда он выражается в разделении столиц бывших колоний на «старый» и «новый» города, в живучести национальных и племенных различий, в постоянстве влия-

ния традиционных элит. Если рассматривать формы урбанизации с близкого расстояния, они представляются обескураживающе пестрыми.

Если немного отойти, эти формы начинают приобретать некоторую упорядоченность, зависящую от основных процессов, стимулирующих рост городов. В наше время массового производства легко представить весь феномен урбанизации как некоторую концентрацию, порожденную якобы современной крупномасштабной промышленностью. Однако вряд ли подобное утверждение можно хотя бы даже назвать смелым. Оно не годится по двум соображениям: во-первых, несомненно, что в прошлом уже были примеры, когда рост городов вызывался не промышленностью, а другими причинами; во-вторых, эти другие причины порождают несколько иные формы городов и шаблоны урбанизации.

Даже при отсутствии резких перемен в промышленности урбанизация так или иначе постоянно стимулировалась такими факторами, как рост торговли, возникновение могущественных империй, расцвет новых религиозных организаций, и даже крупномасштабным и бюрократическим ведением сельского хозяйства. Китай перешел к энергичной индустриализации совсем недавно, тем не менее эта страна на протяжении почти всей истории человечества была одной из наиболее урбанизованных и цивилизованных стран мира.

Урбанистская история Японии не столь длительна, однако и она на несколько веков опережает период роста японской индустрии. После почти двухсотлетнего перерыва Токио вновь стал вторым по величине городом мира. Громадную роль в этом сыграло бурное развитие промышленности, тем не менее первый невероятный скачок в росте Токио (начавшийся через несколько столетий после возникновения города в XVI веке) был вызван его ролью как столицы и центра торговли. Ядром, из которого вырос великий город, был дворец императора. И даже сейчас он скорее, чем какое бы то ни было другое место, является центром водоворота жизни Токио.

Подобные доминирующие в городе структуры часто являются индикаторами деятельности, превалировавшей во времена его зарождения: для традиционного японского города это крепость или замок, для старых европейских городов — собор, для городов первых американских шта-

тов — здание муниципалитета. В зависимости от той деятельности, которая вела к формированию городов, значительно разнятся и их очертания, и их социальная организация. Возьмите средневековый европейский торговый город с его статусом вольного города, управляемого гильдией купцов, с его центром, занятым церковью и ратушей, и с расположенными поблизости рынком и ярмаркой, к которым ведут извилистые улочки, застроенные жилыми домами вперемежку с лавками. И возьмите затянутый дымом промышленный город XIX века с его доминирующим районом заводов и фабрик и центральным «деловым» районом: с резким отделением дома от работы, с его геометрически правильными транспортными путями и с чудовищными приливами и отливами внутригородского движения. А теперь возьмите традиционный мусульманский город: на пересечении двух из весьма немногочисленных улиц, проходящих через весь город,— крепость, рынок и главная мечеть; кварталы, заложенные как обособленные поселения различных племен и национальностей, зачастую отделенные друг от друга стеной и воспроизводящие в миниатюре все институты города как целого; застройки вперемежку с пустырями и бесконечное вторжение частных лиц на общественные земли; отсутствие формальных институтов муниципального правления; религиозно-интеллектуальная элита; муллы и муфтии, разрешающие споры между жителями города и говорящие от их имени с султаном.

Ни один из подобных видов деятельности нельзя считать единственной причиной возникновения этих городов. Однако свою печать на средневековый город наложила торговля, на город XIX века — массовое производство и на исламские города-государства — институт султаната плюс религия.

Те же различия характеризуют взаимоотношения этих городов с их окружением. Средневековый европейский город был расположен среди помещичьих деревень, из которых он оттягивал избытки рабочей силы и продовольствия и которые он лишь медленно и не в полной мере вводил в свое подчинение, не оказывая почти никакого влияния на быт крестьян.

Промышленный центр XIX века рос в ногу с быстрыми изменениями в сельскохозяйственном производстве и землевладении и в деревенском укладе жизни; он в рав-

ной степени притягивал жителей как близлежащих, так и дальних деревень; он обеспечивал свою жизнеспособность эффективными транспортными средствами и постоянным расширением своих рынков за счет сельских районов.

Военные правители исламских городов прошлого, как правило, держали окружающие их селения в вассальной зависимости, получая с них в виде дани деньги, продовольствие и т. п. Племена кочевников всегда держали в этих городах нечто вроде опорных баз; в них стекались люди, согнанные с земли голодом, наводнениями, эпидемиями, войнами и т. п. Разрастались эти города за счет строительства новых однородных обособленных поселений, весьма сходных с сельскими общинами, из которых и вышли их жители.

Разновидности этого типа города можно, конечно, увидеть и далеко за пределами мусульманского мира. Одно из основных измерений современного урбанистического «пространства» лежит между двумя точками: первая точка — это города, организованные вокруг сложной, специализированной (хотя частично и унифицированной) и явно выраженной урбанистской профессиональной структуры; вторая точка — это города, представляющие собой агломерации деревень или деревенских жителей. Все «настоящие» города имеют что-то и от того и от другого: до сих пор в Париже существуют алжирские кварталы, а в Нью-Йорке — итальянские; в то же время в городах Западной Нигерии многие жители-иорубы, овладевшие современными профессиями, утверждают, что племенных связей у них не сохранилось. Тем не менее разница в соотношении между этими двумя формами социальной организации и порождает серьезные контрасты между социальной жизнью Парижа и Ибадана.

Часто эти формы наиболее остро противостоят друг другу в колониальных городах-форпостах или городах, которые когда-то были таковыми. В них особенно заметно разделение на два района жилых массивов, два рынка, две системы коммуникаций и образа жизни. На одном полюсе находится старый, туземный город, на другом — компаунд, возведенный в XVIII—XIX веках какой-нибудь европейской державой для целей торговли или военного контроля. Сюда относится Каир, город-лабиринт аборигенов в его восточной части и странно похожий на Париж

колониальный город в его западной части. Здесь же мы видим довоенный Шанхай с международными кварталами высоких зданий и просторных улиц и с китайскими кварталами беспорядочно наставленных домиков, выглядывающих из-под приземистых крыш. Опять же Дели, распадающийся на Старый Дели и Новый, на традиционный густонаселенный восточный и современный, с невысокой плотностью населения. Поскольку с уходом европейских правителей подобные колониальные центры часто становились национальными столицами, многие развивающиеся нации теперь либо пытаются объединить трудносовместимые части этих городов, либо переносят свои столицы в новые города, строящиеся по единому плану и как единое целое (или хотя бы в города, чей колониальный характер выражен не столь резко).

Частично причиной такого могущественного дуализма колониальных городов-форпостов явилась та роль, которую они играли для находящихся под их контролем территорий. Слово «паразитирующий», наверное, будет несколько сильным, но о слове «экстрактирующий» этого не скажешь. Что ж, все города являются в какой-то степени экстрактирующими, так как они всегда извлекают (экстрактируют) средства к существованию, оборонные выгоды и население из каких-то сельских местностей и так как почти всегда их деятельность направлена на накопление, присвоение и перераспределение излишков энергии, товаров, продовольствия, рабочей силы и капитала, отбираемых ими у зависимых от них территорий. Колониальные города-форпосты просто представляют собой квинтэссенцию такого экстрактирования. Обычно они достигают этого путем сосредоточения своих усилий на вывозе сырья и получаемых на плантациях пищевых продуктов. Подобная концентрация усилий (в сравнении, скажем, с производством текстиля) проводит резкую разграничительную линию между теми, кто занят торговлей или ее защитой, и всеми другими участниками экономического процесса. Эта линия проходит и через сам город, отделяя торговцев и администраторов от остальной части населения. Прекрасной иллюстрацией таких восточноафриканских колониальных городов-форпостов служат Дар-эс-Салам, экспортер сизаля, и Занзибар, бывший когда-то экспортером рабов, а затем — гвоздики и кокосов.

В случае успеха экспортирующий город концентриру-

ет в своих руках значительную часть ресурсов, власти и населения данной страны. Экстремальные случаи таких городов ученые назвали «городами-приматами», подчеркивая их подавляющее преимущество над другими поселениями их ареала. Популярные примеры: Бангкок, Джакарта, Рангун — все во много раз больше, чем их ближайшие конкуренты. В то же время величина городов крупнейших западных стран представляет собой удивительную последовательность: самый большой город примерно вдвое крупнее города, второго по величине, второй — третьего и т. д. Поэтому североамериканским географам сразу бросается в глаза процент всего городского населения, приходящийся на Аккру в Гане, Коломбо — на Цейлоне и даже на Буэнос-Айрес — в Аргентине. Колониальная история знает много таких городов-приматов. И сегодня вероятность концентрации населения, деятельности и власти в одном-единственном городе намного больше для тех стран, в экспорте которых основное место занимают сырьевые материалы.

Вопрос о том, хороша такая концентрация или плоха, вызывает ожесточенные споры специалистов в области регионального планирования. Одни указывают на опасность «хранения всех яиц в одной корзинке» *; другие отвечают, что, когда яиц мало, единственная возможность сделать омлет — это собрать их все вместе. Так или иначе, размещение и просто пропорция городского населения превратились в одну из решающих проблем национальной политики стран, пытающихся идти по пути планируемой индустриализации.

Проблемы урбанистической политики стоят перед очень многими государствами, и отнюдь не только такими, которые когда-то были колониями. Дело в том, что организация городов, вызванных в прошлом к существованию торговлей, завоеваниями или какими-то другими причинами, отличается от организации крупных индустриальных центров. Многие социологи проводят основное различие между индустриальными и «доиндустриальными» формами городов и урбанизации. Как мы уже видели, это различие едва ли может считаться заслуживающим вы-

---

* Английское выражение «to have all one's eggs in one basket» (дословно: «хранить все яйца в одной корзинке») означает: «поставить на карту все», «рисковать всем».— *Прим. перев.*

сокой оценки под тем предлогом, что все неиндустриальные формы роста городов проявляют якобы чрезвычайное единообразие. Скорее, оно имеет смысл потому, что сегодня в большинстве стран мира индустриальная форма урбанизации практически вытесняет все другие ее формы, и потому, что хотя бы по масштабам и темпам индустриальная форма превалирует над всеми другими.

Еще двести лет назад ни в одной стране мира число городского населения не превышало десяти процентов и ни один город не насчитывал более миллиона жителей. В сегодняшней Англии десять процентов — это количество сельских жителей; в одной Италии есть не менее трех-четырех городов с миллионным населением, а Токио и Нью-Йорк — по некоторым вариантам подсчета — приближаются к двадцати миллионам. Причина этого — индустриализация, которой сопутствовал рост современных национальных государств.

Но все-таки каков же механизм действия индустриализации? Простейшая часть ответа на этот вопрос — указание на последствия появления новой техники. Крупномасштабное индустриальное производство как никогда раньше способствует концентрации производителей, рынков и посредников между ними, а также производству избытков материальной продукции для удовлетворения потребностей, связанных с усложнением профессий и институтов. Научное ведение сельского хозяйства сенсационно уменьшило количество сельскохозяйственных работников, необходимое для прокормления ста городских жителей. Большие скорости и подвижность транспорта и коммуникаций позволяют одному центру поддерживать контакты со сложными и разнообразными видами деятельности, ведущейся на обширных территориях. Организованная санитария и здравоохранение уменьшают вероятность массовой смертности жителей крупного города, скажем от холеры или дизентерии. А сама техника градостроительства! Стальные каркасы, железобетон, сборные конструкции — все это увеличивает темпы и масштабы строительства.

Конечно, не новая техника сама по себе автоматически и безболезненно создает большие современные города. Почти все индустриализованные страны извлекают большую часть своего оборотного капитала из неохотно расстающегося с ним села. Это делается путем введения на-

логов, процентов, поборов, контроля цен и прямой конфискации. Там, где эффективность сельского хозяйства быстро возрастает, а государство или частные предприниматели стремятся к созданию избыточной продукции и овладению ею, экстракция может чрезвычайно благоприятствовать росту городов и промышленных предприятий. Хорошим примером этого служит Англия.

Однако нередко извлечение избытков оказывается плохо налаженным, и периферийным районам удается избегать контроля центра. Подобные проблемы стоят, например, перед Индонезией.

В том или ином случае этот процесс ведет к острым конфликтам между городом и деревней и к применению городом той или иной формы принуждения. Весьма характерным примером этого служит один из глубинных конфликтов, развившихся во время Французской революции между городом-приматом Парижем и находившимися в пределах его досягаемости деревнями и купеческими городками, от которых Париж постоянно требовал поставок зерна. Революционные армии парижан, маршировавшие по провинциям для утверждения своих политических целей, не забывали уделять самое пристальное внимание и обеспечению Парижа зерном. Подобную же конвергенцию потребностей революции, потребностей экономического роста и потребностей своих городов испытало и множество других стран.

Борьба города с деревней наблюдается при всех видах урбанизации. Индустриальная урбанизация просто обостряет этот процесс своими невероятными темпами, масштабами, потребностями в капитале и концентрации. Многие общие черты различных форм индустриальной урбанизации коренятся именно в масштабах, а не каких-либо других качествах процесса, обусловливающего рост городов. Среди других закономерностей, проявляющихся в индустриальной урбанизации, «индустриальное», вероятно, более важно, чем «урбанизация». В ходе этого процесса явно все более сложным становится разделение труда в городах данной страны, резко увеличивается число специалистов в области координации, коммуникации и управления, возрастает роль формальной организации, сильнее дифференцируется использование городского пространства, быстрее ускоряются темпы мобильности — по крайней мере до определенного момента. В индустриальном горо-

де нуклеарная семья, состоящая только из отца, матери и детей, приобретает новую независимость и новое значение по сравнению с кланом, родом и другими более крупными формами родственных групп; доля времени, проводимого людьми в тесных группах друзей, соседей и родственников, уменьшается; безличностные ситуации и безличностные каналы коммуникаций играют все большую роль в повседневной жизни. Хотя эти явления вызывают самые жаркие споры и многочисленные трактовки, высказанные здесь утверждения о них являются, вероятно, справедливыми.

Однако подлинная проблема заключается в том, какую роль играют урбанизация и индустриализация города, *как таковые*, в тех основных изменениях, которые сейчас имеют место. Американским социологам тридцатых годов, руководствовавшимся определением Луиса Уорфа («урбанизм есть образ жизни»), большой город представлялся либо злодеем, либо спасителем. С тех пор целые потоки исследований неосмотрительно затемнили проблему, хотя и показали, что она более сложна, чем это представлялось ранее. Эти исследования обнаружили, что в крупных городах таких высокоиндустриализированных стран, как Англия, Франция и США, до сих пор имеются значительные вкрапления так называемых традиционных социальных организаций — деревенские уклады, крупные родственные группы и т. д. Что еще более важно, эти исследования выявили распространение типично индустриальных форм социальной организации далеко за пределы города, заставив нас еще больше усомниться в якобы неизбежной зависимости этих форм от города.

Мы *можем* сказать следующее: во-первых, развитие городов в беспрецедентных масштабах есть обычный аспект индустриализации. Во-вторых, в ходе индустриализации города́ в еще большей степени становятся узловыми пунктами координации и управления той деятельностью, которая характерна для всего общества. В-третьих, типичные формы индустриального общества находят свое наиболее полное выражение в больших городах. В-четвертых, города играют особую роль в насаждении индустриального образа жизни как путем привлечения и ассимиляции представителей традиционного образа жизни, путем накопления и распространения нового в собственных рамках, так и путем передачи нового вовне

Распространение индустриального образа жизни и обмен его различными формами между городами и между городом и деревней стимулируют стандартизацию некоторых ключевых видов деятельности всего общества. Один из примеров такой стандартизации — введение единого расписания прихода на работу и ухода с нее и т. п. Занятость людей и вещей проходит по расписанию. Нечто важное стоит за тем фактом, что Советский Союз и США являются ведущими странами в изучении бюджетов времени.

Еще один пример урбанистической стандартизации — язык. Так, образцовый итальянский язык распространился за последнее столетие по всей Италии из таких городов, как Рим и Флоренция, заменяя бесчисленные диалекты (или по крайней мере сосуществуя с ними), из-за которых лингвистическая карта Италии некогда представляла собой пестрый набор лоскутов. В Африке такие повсеместно принятые для общения языки, как хауса, вначале были племенными языками, затем они стали средством общения для различных племенных групп, населявших крупные города, и, наконец, национальными и межнациональными языками.

Поскольку темпы нововведений, степень специализации и почти неизбежное появление в очень сложных структурах «темных пятен» и т. п. неконтролируемых ячеек работают против тотальной стандартизации, стандартизация одних сторон жизни происходит с одновременным увеличением разнообразия других. Это ставит в тупик исследователей, критически настроенных по отношению к урбанистско-индустриальному образу жизни и видящих в нем лишь серую монотонность. Кроме того, они не замечают и положительных сторон самой стандартизации, которая уже достаточно велика, чтобы позволить людям коммуницировать из города в город и накопленный ими опыт, и самих себя.

На ранних этапах индустриальной урбанизации, когда смертность более или менее нейтрализует прирост населения крупных городов за счет рождаемости (причем других городов, из которых первые могли бы черпать свои людские ресурсы, слишком мало), их население увеличивается за счет миграции из сельских районов. Некоторые из таких миграционных потоков постоянны, некоторые временны. В значительной степени они состоят из деревенских жителей, переселяющихся в город к своим родствен-

никам, поселившимся там раньше. Преобладание миграции такого типа способствует возникновению в городе племенных региональных и национальных анклавов, о которых мы говорили выше. Хорошим примером такого города является конголезский Стенливиль *, разбитый на обособленные районы, каждый из которых заселен представителями того или иного племени (лукеле, баманга, бакусу и т. д.). Подобным же образом пятьдесят лет назад Чикаго гордился тем, что он был одним из самых крупных «польских» и «немецких» городов, не говоря уже о значительных скоплениях в нем чехов, греков, итальянцев и представителей других национальностей.

Постепенно сельские источники миграции становились все слабее. Тем не менее мобильность оставалась высокой: все большее и большее значение стал приобретать обмен населением между городами. Сейчас три четверти миграционного пополнения американских городов-гигантов происходит за счет жителей других крупных городов и их пригородов.

По мере того как миграция меняет свой характер, уровень транспортных передвижений и корреспонденции как между городами, так и внутри больших городов быстро поднимается. Замещение передачи «репродукций» людей передачей их «оригиналов»— через такие устройства, как телефон и телевидение,— происходит столь неуклонно, что уровень мобильности людей может, чего доброго, даже понизиться, по мере того как будет и дальше возрастать объем коммуникаций. Пока такого понижения ни в одной стране не наблюдается (а реактивные самолеты, поезда и машины продолжают отсчитывать все большее количество человеко-километров). Тем не менее самым поразительным эффектом индустриального города может в конце концов оказаться его влияние на человеческое общение. Вследствие массовой концентрации в индустриальном городе людей, информации и сложных задач он постоянно перегружает существующие средства хранения и коммуникации, последовательно стимулируя, таким образом, изобретение новых средств, начиная с пневмопочты и кончая компьютерами, читающими языковой текст. За время жизни лишь нескольких поколений индустриальная урбанизация создала новый тип человека, приспособив-

* Ныне Кисангани.— *Прим. ред.*

щегося к средствам массовой коммуникации и регулирующего с их помощью многие важные стороны своей жизни.

Необходимо помнить, что общие тенденции индустриальной урбанизации не следуют по какому-то единственному, предопределенному пути. Хотя в истории, скажем, Японии и Англии есть некоторые существенные общие моменты, первая не повторяет истории второй. Тот факт что одни страны уже прошли по данному пути, позволяет другим изучить их опыт и использовать методы, которые были недоступны для первых. Различны у этих стран и «пункты отправления». Большинство государств, поднимающихся сейчас по самым первым ступеням индустриальной урбанизации, развивается вне рамок западноевропейских традиций. Они находятся под критическим давлением величины населения и испытывают мощную конкуренцию со стороны других, более богатых государств; они приняли политический уклад, значительно отличающийся от политического уклада тех западных стран, которые вступили в процесс индустриальной урбанизации первыми. Целенаправленная государственная политика играет сейчас более существенную роль в формировании того или иного вида индустриальной урбанизации, чем когда бы то ни было ранее. Контролируемая миграция, тщательное планирование использования земли, строительство новых городов, решения о размещении индустриальных объектов, принимаемые на правительственном уровне,— все это превращает развивающиеся страны в главнейшие лаборатории современной урбанизации. Не будет неожиданностью, если конструктивно новые идеи в области урбанистской организации начнут появляться именно из этих экспериментов, повернув в обратную сторону тот привычный поток нового, который раньше шел из высокоурбанизованных стран в другие государства.

Индустриальная урбанизация еще довольно долго будет менять лицо мира. Вероятнее всего, мы увидим еще более гигантские города, чем те, которые существуют сейчас. В то же время можно предвидеть и возникновение новой формы территориального размещения людей, а именно тщательно продуманных географически самостоятельных поселений, соединенных между собой молниеносными электроэнергетическими, транспортными и коммуникационными артериями. Лишь весьма немногие страны избе-

гут интенсивной урбанизации, но и здесь формы будут различными.

Очень многое о процессах урбанизации нам еще только предстоит узнать. Тем не менее мы уже знаем, что индустриальная урбанизация привносит в жизнь страны некоторые стандартные изменения, что та основная деятельность, которая стимулирует урбанизацию, серьезно сказывается на характере последней, что в общей теме у каждой страны есть своя вариация...

Урбанизация принимает многие формы. Все они принадлежат человеку.

8

ИЗМЕРЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ

Поль Ф. ЛАЗАРСФЕЛЬД

Испытываем ли мы какие-то чувства или принимаем какие-то решения, мы используем при этом (часто сами того не подозревая) определенные измерения.

Мы говорим, что сегодня у нас настроение лучше, чем вчера. Мы нанимаем прислугу только после того, как решим, что эта женщина подходит нам больше, чем другие. Те из нас, у кого есть дети, должны вести себя с ними так, как если бы мы знали, какое соотношение между свободой и дисциплиной является для них наилучшим. Чаще всего исключительная точность в таких вопросах нам не требуется. Но чем значительнее социальные последствия наших поступков, тем точнее мы должны быть.

Члены комиссии по отбору абитуриентов в колледж должны разработать тщательные критерии выбора среди кандидатов; экономический успех завода может в значительной степени зависеть от знаний директора о наиболее эффективных формах руководства рабочими бригадами. Коль скоро мы социологи, одной из наших задач является выяснение природы измерения и квантификации в различных областях, затрагивающих социальные отношения.

Все те примеры, которые мы привели, предполагают идею ранжирования. Одна вещь оказалась более предпочтительной, чем другая; по сравнению с предыдущей ситуацией данная ситуация улучшилась; определенный тип организации более эффективен, чем другой. Подобные виды ранжирования являются краеугольным камнем проблем измерения.

Между прочим, если расплывчатый термин «измерение» назвать «поиском упорядоченной классификации», это будет хорошим определением. А на основании этого

можно уже вводить любые другие виды конкретизации. Здесь уместно вспомнить, что мы делаем с физическими объектами. Классический пример ранжирования — расположение минералов в зависимости от их твердости, которая, как мы говорим, есть их сопротивление царапанию. Но иногда нам достаточно классификации «подходит — не подходит»; так, для жокеев существует определенный лимит веса, поэтому нас интересует лишь одно: превысил данный жокей этот лимит или нет.

В других случаях нам требуется значительно большая точность, чем та, которую мы можем получить с помощью ранжирования: если мы находимся на диете, то, потеряли ли мы за неделю полфунта или фунт, значит для нас очень много. Ограничивать понятие измерения какой-то одной из этих процедур нецелесообразно. Если же мы дадим ему широкое определение, мы будем иметь возможность, когда это потребуется, дополнить его более точными вербальными характеристиками.

Когда имеется в виду использование чисел, мы применяем термин «квантификация», фактически же он имеет то же значение, что и «измерение». Коль скоро мы примем обоснованную терминологию и откажемся от поверхностных сравнений с физическими науками, мы подойдем к центральной проблеме квантификации в социальных науках: сложность объектов, с которыми мы имеем дело, вынуждает нас разрабатывать не всегда очевидные «единицы», а «теорий», которые бы позволяли делать немедленный выбор между равно аргументированными альтернативами, пока недостаточно. Проиллюстрируем это на примерах.

Начнем с «вечной» в социальных науках проблемы измерения — проблемы измерения социальной стратификации. Мы все как-то представляем, что существует нечто вроде «быть выше» или «быть ниже» на социальной лестнице. Но что под этим подразумевается в действительности? Безусловно, какое-то отношение к этому имеют деньги, однако, как знает всякий, кто изучал «Социальный реестр», деньги не всегда могут купить престиж. Значит, говоря о стратификации, мы также должны иметь в виду и престиж. Продолжая анализ наших представлений, мы, вероятно, придем и к другим элементам, например власти. Но сейчас для целей данного изложения нам достаточно двух компонентов стратификации — денег и

престижа. Сложность, о которой мы говорили выше, становится очевидной уже при отнесении индивида к тому или иному социальному классу. Как нам ранжировать представителя старой, знатной, однако обедневшей фамилии по сравнению, скажем, с богатым выскочкой? Единого ответа не может и не должно быть. Все зависит от конкретной проблемы, которая рассматривается в том или ином случае. Для одних целей правильным будет усреднение этих двух компонентов — богатства и престижа, — и тогда и обедневший джентльмен и нувориш окажутся на одном и том же уровне, причем выше их обоих будет находиться богатый человек с престижем, а ниже — бедный и безвестный. Для других целей мы уделим особое внимание тому, что называется «расхождением статусов». При рассмотрении людей на одном и том же среднем классовом уровне нам, возможно, понадобится знать, есть ли какие-либо особенности у тех индивидов, чье среднее от престижа и благосостояния является результатом сложения крайне расходящихся компонентов. Так, люди с большим расхождением статусов будут скорее голосовать за радикальные партии, чем те, чья ранжировка на том же среднем уровне есть результат небольшого отклонения (скажем, престиж несколько выше, а доход несколько ниже среднего).

Очевидно, что в предыдущих абзацах, говоря о выведении средней между доходом и престижем, мы сделали определенную натяжку. Если числовое измерение дохода не вызывает сомнений, то как же мы получим числовое выражение престижа? Для этого есть много способов, два из которых заслуживают особого внимания. При первом методе используются оценки (ratings), выставляемые людьми, с мнением которых считаются. Престиж является здесь хорошим примером, особенно если вспомнить, что̀ мы под ним подразумеваем. Престиж есть чувство уважения и зависти, которое испытывают по отношению к данному лицу другие. Однако, будучи социологами, мы мыслим в терминах не отдельного индивида, а многих ему подобных. Мы знаем также, что положение индивида в современном обществе определяется главным образом его профессией. Поэтому выяснению ранжирования профессий населением было посвящено не одно исследование. Приведем небольшую выдержку из подобной ранжировки престижей.

Профессия (или занятие)	Балл	Ранг
Ядерный физик	93	2
Управляющий банком	85	24,5
Бухгалтер	70	49,5
Буфетчик	48	83

Но как мы получаем числа в колонке «балл»? Один из наиболее простых способов — попросить определенное количество людей выбрать для каждой профессии оценку из следующего набора: отличная, хорошая, средняя, несколько ниже средней, плохая. Затем мы произвольно присваиваем этим оценкам числовое выражение: отличная — 100, хорошая — 80, средняя — 60, ниже средней — 40, плохая — 20. Далее, из оценок всех респондентов выводится средняя оценка. При этом встает целый ряд статистических проблем, однако обсуждать их здесь мы не будем. Отметим лишь, что подобные шкалы престижа профессий оказались весьма стабильными как при повторном проведении исследований (с интервалом десять лет), так и при сопоставлении аналогичных шкал, разработанных в других западных странах.

Мы еще не сказали, каким образом для получения стратификационного уровня складываются доллары и описанные выше оценки престижа. Это не так уж трудно, ведь доллары довольно просто перевести в подобные же оценки. Оставим читателю возможность подумать о подобных методах, если перед ним стоит следующая задача: требуется оценить доходы представителей различных академических уровней, от профессоров до лаборантов, не указывая, какое жалованье они получают фактически.

Иногда непосредственное применение системы оценок оказывается затрудненным. На выставке собак мнения экспертов могут легко разойтись, если они будут оценивать собак в целом. В их мнениях будет больше единодушия, если каждая характеристика собаки (стойка, шерсть, уши и т. п.) оценивается отдельно, а затем выводится окончательная средняя.

Весьма часто, имея дело с очень сложными социальными объектами, мы оказываемся не в состоянии дать непосредственную оценку ни одной из их характеристик.

В таком случае мы вынуждены прибегать к помощи индикаторов, которые затем комбинируются в шкалы. Шкала признаков (так она называется), вероятно, самый распространенный инструмент измерения в социологии, поэтому подобные шкалы заслуживают особого внимания.

Допустим, что нам требуется ранжировать города в зависимости от степени их интеграции. Чтобы разработать соответствующую шкалу, нам придется пройти четыре ступени.

1. *Осмысление первоначальных «образов».* Умозаключение и анализ, кульминационной точкой которых является классификационный инструмент, начинаются с возникновения довольно смутных образов или конструктов. Исследователь может подметить в разобщенных явлениях какую-то общую глубинную черту. Или же он мог ухватить определенные закономерности, которые теперь ему предстоит объяснить. В том или ином случае впервые возникший конструкт — это какое-то смутно представляемое единство, придающее смысл наблюдаемым отношениям. Так, исследователь, занимающийся «интеграцией», может представлять себе людей, симпатизирующих друг другу, сотрудничающих в попытках сделать свой город лучше, избегающих конфликтов друг с другом и не желающих жить нигде, кроме как в этом городе. Перед таким исследователем встанет целый ряд проблем. Что определяет степень интеграции? Каковы последствия этой интеграции для жизни горожан? Что бы ни служило ему здесь отправной точкой, через некоторое время ему потребуется сделать следующий шаг.

2. *Конкретизация конструкта.* Первоначальные образы конкретизируются при помощи выделения в них каких-то «аспектов», «измерений» (dimensions) и т. п. В случае с интегрированностью сообщностей исследователь может рассуждать следующим образом: элементарными единицами социальных групп являются нормы и люди, следовательно, интеграция начинается с двух измерений (dimensions): «культурного» измерения, в соответствии с которым превалирующие *нормы* не должны быть противоречивыми, и «человеческого» (personal) измерения, касающегося отношений между *людьми*. Есть два типа отношений: *знаковое общение* (discussion), в соответствии с которым идет обмен символами, и функ-

циональное отношение, в соответствии с которым происходит обмен товарами и услугами. Наконец, необходимо, чтобы люди подчинялись превалирующим нормам; отсюда — третье, *нормативное* измерение интеграции. Теперь ясно, что вторая проблема — это проблема отыскания для этих измерений конкретных индикаторов. Это та ступень, на которой «шкала признаков» отличается от простой оценки (rating).

3. *Выбор индикаторов.* Как же «придумываются» индикаторы? Это старая проблема. В своей работе «Значение истины» Уильям Джеймс писал: «Положим, мы говорим, что такой-то человек осторожен. Конкретнее это означает, что он страхуется, «ставит на двух лошадей сразу», «семь раз отмерит и лишь потом отрежет» и т. д. Чтобы подчеркнуть его постоянное свойство, не перечисляя все подобные типы поведения и абстрагируясь от них, его называют «осторожным». От образа Джеймс переходит к ряду индикаторов, подсказываемых здравым смыслом. В действительности никто не думает, что «осторожный» человек *всегда* будет «отмерять семь раз» или будет страховаться от *всех* возможных опасностей. Вместо этого мы говорим о *вероятности* того, что этот человек поступит так-то и так-то в отличие от менее осторожного человека. Кроме того, мы знаем, что индикаторы осторожности могут значительно отличаться друг от друга в зависимости от социального окружения данного индивида.

Трехмерный анализ оказывает большую помощь в отыскании индикаторов интеграции. Какие конфликты норм («возлюби ближнего своего», с одной стороны, и «максимизируй доход» — с другой) встречаем мы в художественной литературе, в решениях судов, в межличностных конфликтах? Каков объем коммуникации между людьми, какова сила предубеждений, существующих в одних группах по отношению к другим? В какой степени повседневная жизнь человека зависит от того, что производят другие? Как часто и с какой легкостью нарушается обращение этих услуг? Как часто люди нарушают нормы (возможный индикатор — уровень преступности); с какой легкостью исполняют они свои гражданские обязанности (возможный индикатор — участие в благотворительности)? После того как индикаторы для каждого измерения отобраны, необходима их перегруппировка, так как оперировать всеми этими измерениями и индикаторами вне

их зависимости друг от друга нельзя. Это подводит нас к четвертой ступени.

4. *Конструирование шкал и индексов.* В литературе описано много показателей качественности городов. Одни из этих показателей одномерны, другие — многомерны, третьи касаются лишь какого-то специфичного измерения. Окончательные суждения о достоинствах таких числовых выкладок можно делать только после их длительного применения. Все зависит от ценности выводов, к которым можно прийти на основании этих выкладок, и от возможности их объединения в более общие системы умозаключений. Часто ту или иную шкалу обвиняют в том, что она не дает «подлинного» отражения подразумеваемого конструкта. Это нередко способствует поискам более адекватных измерений или дополнительных индикаторов. Хотя абсолютное решение здесь невозможно, что можно и нужно делать — это доводить применяемые процедуры до полной четкости и ясности. Для обоснования группирования индикаторов разработано значительное количество математических моделей.

Наш краткий обзор дает, разумеется, крайне упрощенную схему количественного анализа, оставляя нетронутыми многие проблемы. Однако, чтобы осветить основные вопросы, необходимо сделать следующие существенные замечания:

1. Описываемые операции применимы как к отдельным индивидам, так и к коллективам и неодушевленным предметам. Говорим ли мы о темпераменте человека или сравниваем шаблоны культуры, задача одна: построение классификационных систем, в которые можно бы было поместить данный конкретный объект.

2. Подобная классификация всегда представляет собой выявление латентных классов. Для определения вероятности принадлежности того или иного объекта к этим классам применяются комбинации индикаторов. Отношение между наблюдением явных свойств (manifest observation) и выявлением латентных классов (latent classification) можно пояснить на примере медицинского диагноза, при котором — для установления, скажем, инфаркта миокарда — применяется целый ряд различных тестов. Описываемая здесь процедура является частным случаем разработанной в логике общей теории диспозициональных понятий.

3. Отношение между наблюдением явных свойств и латентной классификацией (выявлением латентных классов) носит вероятностный характер. Показатели индивида по отдельному индикатору могут случайно измениться, но его основное положение в классификации останется неизменным. Или же наоборот, меняется основное положение, а показатели по какому-то индикатору случайно остаются теми же. Но если для шкалы или индекса имеется много индикаторов, крайне маловероятно, чтобы значительное их число случайно изменилось в одном направлении, в то время как изучаемый индивид (или группа) фактически сохранял бы свое основное положение неизменным.

Инструменты классификации по признакам имеют по сравнению с мерами в физических науках два недостатка. Во-первых, у них нет естественной нулевой точки, как у мер длины или ширины. Но, в конце концов, нет такой точки и у шкалы температуры Фаренгейта, где нулевое деление было выбрано совершенно произвольно. Вторая, и более серьезная, проблема — это проблема дистанции между пунктами социологических шкал. Никто не может утверждать, что на ординарной шкале интеграции дистанция между пунктами 30—40 равна дистанции между пунктами 40—50. Есть много способов относительного преодоления этой трудности, однако они слишком сложны, и объяснять их здесь мы не будем. Фактически это и не столь важно, потому что в эмпирической работе нас интересуют главным образом общие закономерности отношений, а не мельчайшие подробности и детали. Так, например, важно, что с увеличением образования индивидов уменьшаются их баллы по известной шкале-Ф, измеряющей авторитарность. При нынешнем уровне нашего знания нам фактически безразлично, какое значение имеет здесь каждый «лишний» год образования. Или другой пример: наблюдая за работой малых групп, мы видим, что с просьбами высказать свое мнение или дать совет чаще обращаются к тем членам группы, которые сами склонны к разговорам со своими коллегами в большей степени, чем другие. Подобные взаимозависимости выражаются так называемыми коэффициентами корреляции, при выведении которых деталями конкретных различий пренебрегают.

Многие применяемые в социологических исследовани-

ях шкалы, особенно относящиеся к установкам и мнениям, основаны на прямых вопросах, задаваемых нами тем людям, которых мы изучаем. Именно здесь возникает еще одна дополнительная трудность. Может оказаться, что наши респонденты знают, что мы хотим выяснить, и поэтому они будут отвечать так, как это им выгодно в тех или иных обстоятельствах. Чтобы скрыть подлинные цели исследований, разрабатывается специальная техника их проведения. Вот один из примеров подобной проецирующей техники.

Исследователю, изучающему процессы индустриализации развивающихся стран, часто нужно знать, насколько честолюбивы их жители (с точки зрения ценностей западной культуры) и насколько они готовы энергично трудиться, если вознаграждение будет соответствовать их труду. Типичный проекционный тест, дающий возможность замера уровней таких устремлений, заключается в показе респондентам рисунков, изображающих ситуации, которые можно интерпретировать по-разному. Например, на рисунке может быть изображен взрослый мужчина, разговаривающий с мальчиком, или молодой человек, сидящий поздно вечером за рабочим столом. Респондентов просят рассказать, что они видят на этих рисунках, то есть дать свою собственную интерпретацию. Один может сказать, что взрослый и мальчик — это отец и сын и отец говорит сыну, что тот должен лучше учиться в школе; другой же ответит, что отец и сын обсуждают очередную рыбалку. Один может сказать, что молодой человек, сидящий поздно вечером за рабочим столом, упорно трудится, чтобы получить повышение: другой ответит, что этот человек пытается выкрасть из ящика стола лежащие там деньги, чтобы иметь возможность вести легкую жизнь. Эти интерпретации используются затем для определения степени устремлений или потребности в достижении, имеющейся у респондентов.

Судя по всему, в еще не индустриализированных странах уровни замеренных подобным образом устремлений весьма различны, причем те, кто оказывает развивающимся странам техническую помощь, имели возможность использовать подобные данные при определении своей политики.

В принципе любая черта человека, группы или организации может быть выражена в единицах той или иной

меры. Эмпирическое исследование заключается во взаимоотнесении подобных мер, которые мы обычно называем переменными. Чтобы получить значимые результаты, таких переменных требуется весьма много. Например, используя в США шкалу политических интересов, можно прийти к довольно тривиальному выводу, что к участию в голосовании более склонны те лица, которые интересуются политикой. Эти результаты оказываются более любопытными, если исследование проводится по мужчинам и женщинам раздельно. Корреляция между интересом и участием в голосовании для мужчин значительно ниже, чем для женщин. Но это требует дальнейшего объяснения. Допустим, что социальное давление, заставляющее мужчин голосовать, даже если они не интересуются политикой, больше, чем социальное давление, оказываемое в этом плане на женщин. Чтобы проверить эту интерпретацию, нам потребуется разработка дополнительных переменных. Один из примеров подобной разработки — анкета, при помощи которой различными путями выясняется степень осознания мужчинами и женщинами своего гражданского долга относительно участия в голосовании. Но мы могли бы также прибегнуть к различного рода технике, которая вообще не требует проведения каких-либо опросов. Например, мы могли бы организовать наблюдение, цель которого — выявить сравнительный объем пропаганды, которая призывает принять участие в голосовании и которая «достает» мужчину в конторе или на фабрике, а женщину — дома. Такую технику наблюдения иногда называют замером без прямого привлечения исследуемого (unobtrusive measure). Самый известный пример подобного замера восходит к периоду запрета на продажу спиртных напитков (США, 1919—1933.— *Е. З.*). В то время люди вряд ли бы стали признаваться в количестве потреблявшегося ими спиртного, однако его можно было определить, подсчитав число пустых бутылок в мусорных ящиках.

Едва ли можно найти сейчас какой-либо раздел социальной жизни, по которому не имелось бы количественных данных, причем во многих отношениях техника социологов оказала и продолжает оказывать влияние на другие дисциплины. В то время как экономисты занимаются денежными бюджетами людей, то есть тем, как они тратят деньги, социологи рисуют картину бюджетов

времени. Появилась целая новая область, экономика досуга, которая получает доходы, используя многочисленные социологические данные о том, что́ люди читают, что́ они предпочитают смотреть по телевидению и т. п. (Между прочим, важность исследований массовых коммуникаций состоит и в том, что они дают информацию о различиях во вкусах, существующих среди тех или иных социальных страт.) Психологи всегда интересовались формированием и изменением установок, но их материалы основывались на ограниченных лабораторных экспериментах. Теперь к ним могут быть добавлены многие крупномасштабные исследования, проводившиеся для оценки эффективности рекламных и политических кампаний. Эти исследования оказали в свою очередь влияние на политологов. Сейчас социологами проводятся так называемые панельные исследования, при которых респонденты подвергаются многократному интервьюированию для выявления, скажем, их намерений голосовать за того или иного кандидата. При помощи этой техники становится возможным обнаруживать людей, меняющих свои партийные симпатии, непосредственно в момент их поворота от одной партии к другой. В результате этого становится также возможным выявление той роли, которую соответственно играют в этом партийные машины, средства пропаганды и личное влияние.

В области истории техника количественного социологического анализа применяется в двух формах. Во-первых, теперь вместо цитирования какой-то газетной передовой или письма, выбранных наугад, историк, скорее, проведет репрезентативную выборку подобных документов и даст числовую картину распределения мнений. Между прочим, такой систематический контентный анализ уже вступил в век компьютеров. Во-вторых, данные об избирательных кампаниях, учитывавшиеся как историографический материал с начала XIX века, анализируются сейчас иначе. Упоминавшиеся нами ранее различные виды техники анализа дают теперь политологам возможность включать в него все большее число переменных и разрабатывать более углубленные объяснения политических тенденций.

Некоторые аспекты подобного «объединения сил» заслуживают особого внимания. Когда процедуры количественного измерения сводятся в более крупные системы,

надежным орудием исследования становится формальная математика. Эта тенденция начинает развиваться только сейчас, причем она слишком сложна, чтобы здесь о ней говорить. Хотя никто не будет утверждать, что социальные науки привели к возникновению совершенно новых математических идей, они, безусловно, внесли свой вклад в стимулирование развития некоторых разделов алгебры и теории вероятности, подобно тому как инженерные проблемы стимулировали разработку дифференциального исчисления.

Количественные методы помогают также преодолевать барьеры, существующие между различными дисциплинами социальных наук. Наиболее примечательный пример — быстрый рост области сравнительных исследований. Проблемы слаборазвитых стран и соперничества между восточной и западной политическими системами значительно обострили интерес к изучению крупных национальных образований во всех их аспектах — экономическом, политическом и культурном. Однако сопоставление исследований различных стран и институтов вряд ли возможно без создания новой системы мер, которая позволит превратить скромные шкалы социологов в более смелые измерения (dimensions).

Основная задача эмпирической социологии заключается в поисках все более утонченной техники разработки шкал и их комбинирования во все более сложные взаимозависимости. Но как много еще предстоит сделать! Самая незначительная часть анализа может потребовать такого количества переменных, что их невозможно эмпирически упорядочить. Та или иная проблема может быть столь сложной, что разрешать ее количественными методами оказывается просто слишком дорого... Возьмите, например, вопрос о том, какой из двух методов психотерапии, скажем метод Фрейда или метод Адлера, более эффективен. Во-первых, нам нужно будет знать, истории болезни каких видов направляются к врачам той и другой школы; мы должны будем отделить влияние техники врача от его влияния как личности; нам потребуются довольно четкие критерии излечения; наконец, чтобы отличить краткосрочные эффекты лечения от долгосрочных, подобное исследование потребует долгих сроков своего проведения.

Поэтому не удивительно, что значимость квантифика-

ции оценивается весьма по-разному. К счастью, в ходе дискуссии две крайние позиции быстро сходят на нет. Некоторые пионеры от квантификации утверждали, что она делает социальные науки более «научными». Эта фраза не только пуста. Она может оказаться вводящей в полное заблуждение, если она призвана создать ложное чувство родства с престижными естественными науками. Оппоненты поборников квантификации утверждали, что социальные явления столь неуловимы, что их невозможно поймать в тенета холодных цифр. Мы надеемся, что на предыдущих страницах была ясно показана ошибочность такого подхода к квантификации. Многие сложные идеи могут быть переведены на язык переменных и их взаимозависимостей, но как ни один учебник по электричеству не в состоянии передать все величие грозы, так и ни от одной, даже наиболее искусной таблицы не следует ожидать полного отображения сложности социальной жизни.

Более умеренные противники квантификации опасаются, что она окажется своего рода узурпатором, скрывающим достоинства других, не количественных, методов. Никто не может отрицать, что интуитивная интерпретация и широкий исторический кругозор — ключевые орудия социолога. Между тем имеется большая потребность в четком определении этих качественных методов анализа, что позволило бы более точно установить их отношение к количественным методам.

С другой стороны, иногда утверждается, что результаты количественного анализа в большинстве своем тривиальны, что он может фиксировать лишь то, что для каждого и так очевидно. Представляется уместным заключить наши замечания кратким обсуждением этой проблемы очевидности, что позволит читателю определить свою собственную точку зрения.

Во время второй мировой войны в американской армии проводилось большое число обследований солдат как в условиях боевой обстановки, так и в лагерях подготовки дома, в США. После войны руководитель этих исследований С. А. Стоуффер обобщил их результаты в подробном четырехтомном отчете. В нижеследующих абзацах приводится несколько примеров количественного анализа, а затем объясняется, почему они могут казаться некоторым читателям очевидными.

1. Солдаты с более высоким уровнем образования проявляли больше психоневротических симптомов, чем их менее образованные товарищи. (Психическая нестабильность интеллектуала в сравнении с более инертной психологией «человека с улицы» часто является предметом обсуждения.)

2. Солдаты — выходцы из сельских районов обычно находились в хорошем настроении чаще, чем солдаты — выходцы из городов (в конце концов, первые более привычны к трудностям).

3. Солдаты-южане лучше переносили жаркий климат островов Южного моря, чем солдаты-северяне (естественно, ведь южане более привычны к жаркой погоде).

4. Рядовые-белые больше стремились стать унтерофицерами, чем рядовые-негры (отсутствие у негров честолюбия вошло в поговорку).

5. Негры-южане предпочитали находиться под командованием белых офицеров-южан, а не северян (разве не известно, что у белых-южан больше отцовских чувств к их «черненьким», чем у белых-северян?).

6. Во время войны солдаты сильнее стремились вернуться домой в США, чем после капитуляции Германии (нельзя винить людей за то, что они не хотят быть убитыми).

В этих примерах заложены простейшие типы взаимосвязей — «кирпичиков», из которых строится количественная социология. Но почему для установления подобных данных тратится так много средств и энергии, ведь они столь очевидны? Не лучше ли принимать их без доказательств и сразу переходить к более углубленному уровню анализа? Возможно, это и было бы лучше, если бы не одно «но», касающееся приведенных выше примеров. Каждое из этих утверждений прямо противоположно тому, что было обнаружено в действительности. Солдаты с низким уровнем образования более невротичны, чем их более образованные товарищи; южане не обнаружили по сравнению с северянами большей адаптации к тропическому климату; негры больше стремились к повышению, чем белые, и т. д. Если бы мы с самого начала привели подлинные результаты исследования, читатель и их назвал бы «очевидными». Очевидно, что-то не в порядке с самим доводом очевидности. Его следует поставить с головы на ноги. Поскольку всегда можно представить

себе любой тип человеческого поведения, крайне необходимо знать, какие из них и при каких условиях проявляются чаще всего. Лишь в этом случае мы сможем ожидать от социальных наук дальнейшего продвижения вперед.

Если читатель пожелает более глубоко познакомиться с упоминаемыми в этой краткой главе темами, ему придется обратиться к довольно большому числу источников.

В одной из работ Леонарда Рейссмана (L. Reissman, Class in American Society, Glencoe, Ill., The Free Press, 1959, p. 113—168) имеется поучительная глава об измерении социальной стратификации. Там же детально описывается ранжировка профессий по престижу.

Проблема перевода конструктов в различного рода операции измерения имеет давнюю научную историю. Она была прослежена мною в статье, написанной для сборника «Конструкты, теория и объяснение в поведенческих науках» (G. J. DiRenzo, ed., Concepts, Theory and Explanation in the Behavioral Sciences, New York, Random House, 1966, p. 144—204). В качестве конкретного случая разработки параметров многомерного анализа мы взяли интеграцию городов. Этот пример приводится в работе Вернера С. Ландекера «Язык социального исследования» (W. S. Landecker, The Language of Social Research, New York, The Free Press of Glencoe, 1962, p. 19). Наиболее полное описание выбора индикаторов и группировки их в инструмент классификации дано в книге «Авторитарная личность» (T. W. Adorno, et. al., The Authoritarian Personality, New York, Harper and Brothers 1950, p. 222—290), где читатель может также подробнее познакомиться со шкалой-Ф.

В психологической литературе есть очень много работ по проекционным тестам. Конкретное их применение при изучении слаборазвитых стран см. в работе Дейвида Макклеллана (D. C. McClellan, The Achieving Society, Princeton, N. J., Van Nostrand, 1961), где в гл. 2 описывается техника, в гл. 3 — некоторые из наиболее важных результатов исследования. Применение техники замера без прямого привлечения исследуемого прекрасно описано и иллюстрировано в работе Юджина Дж. Уэбба и др. (E. J. Webb, et al., Unobtrusive Measures, Chicago, Rand McNally & Co., 1966). Роль многократных интервью в анализе изменений (панельные исследования)

подробно излагается в книге П. Ф. Лазарсфельда и др. (P. F. Lazarsfeld, et al., The People's Choice, New York, Columbia University Press, 1969).

Примеры для обсуждения проблемы «очевидности» взяты из книги «Американский солдат» (S. A. Stouffer, et. al., The American Soldier, Princeton, N. J., Princeton University Press, 1950). Эта работа содержит богатый источник фактического материала. Особый случай измерения представляют собой многочисленные тесты, применяемые в различных областях образования. В работах по этим аспектам измерения описываются специфичные проблемы (такие, как проблемы обоснованности и надежности методик), которые мы здесь не затрагиваем. Наиболее категоричную критику этих тестов и, конкретнее, того, что автор называет «квантофренией», можно найти в работе Питирима Сорокина (P. A. Sorokin, Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences, Chicago, Henry Regnery Co., 1956, p. 68—174).

Сейчас уже можно видеть новую фазу в развитии квантификации: решение проблемы классификации сложных организаций. Колледжи отличаются друг от друга по своему «климату», частные предприятия — по степени централизации, больницы — по способу координации собственно медицинской, кадровой, административной и хозяйственной работы и т. д. Обзор подобных проблем измерения дан в книге Аллена Х. Бартона и др. (A. H. Barton, et. al., Organizational Measurement, New York. College Entrance Examination Board, 1961).

9

НОВОЕ В МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

Роберт МАКГИННИС

Утверждать, что методологическая революция в социологии вот-вот свершится, было бы ошибкой. Однако признаки надвигающихся изменений налицо, и касаются они прежде всего соотношений между основными методами создания и проверки социологических теорий. Когда они наступят, это будет вторая в XX веке революция в области социологии.

Последние крупные изменения произошли здесь примерно в тридцатые годы нашего столетия. Грубо говоря, это был период противоборства гуманитариев и эмпириков. Именно в это сравнительно недалекое от нас время социологи отбросили наследство, доставшееся им от европейской гуманитарной социальной философии. Цель интуитивного понимания уступила место цели систематического познания. Социологи вышли из библиотек в поле повседневных событий. Схоластические процедуры исторического исследования были заменены инструментами точных наук. На смену масштабным умозрительным сочинениям пришли скрупулезные материалы конкретных исследований.

В основном и сейчас дела обстоят именно так. Социолог представляет собой собирателя фактов. Его главными рабочими инструментами являются техника интервьюирования в полевых обследованиях и статистический анализ. Его главнейшая методологическая забота — адекватность и надежность его наблюдений и связанные с этим проблемы измерения.

Существует, конечно, и другое племя социологов — теоретики, однако по сравнению с ордами собирателей эмпирических данных их число ничтожно мало. В итоге американский социолог оказался захлестнутым морем

фактов и тем не менее страдающим от жажды: он жаждет утолить потребность в надежных теориях, которые могли бы упорядочить эти факты. Но имеется еще одна проблема, более острая, чем проблема диспропорциональности между объемом фактов и теорий. Это проблема их несопоставимости.

Удачная метафора уподобляет науку непрекращающемуся диалогу между теоретиками и исследователями-практиками (theorist and researcher). Если исходить из этого, социологию следует считать второразрядной наукой. В нашей области язык теории и язык исследования стали настолько чужды друг другу, что перевод с одного языка на другой оказался практически невозможным. Что у теоретика «каузация», у эмпирика — «корреляция» и т. д. В теории у нас есть мощные основополагающие понятия — «роль», «статус», «власть» и т. п. В исследовании мы применяем эмпирические категории, такие, как «возраст», «пол», «профессия». Трудности в примирении этих столь различных языков и в переводе с одного из них на другой невероятны.

Мы говорим об этом не для того, чтобы представить социологию как науку, находящуюся в предсмертном состоянии. Совсем наоборот, это энергичная, растущая дисциплина, насчитывающая сейчас лишь в США более восьми тысяч специалистов. Число публикаций в области социологии растет с поразительной быстротой. Проблемы, одолевающие сегодняшнюю социологию — слишком большое количество эмпирических данных и слишком незначительное число надежных теорий,— присущи отнюдь не ей одной; ими поражены все научные дисциплины, особенно более молодые социальные науки.

За последние годы мы стали свидетелями двух многообещающих изменений, которые дают надежду на то, что качество социологических методов претерпит революционные преобразования. Одно из этих изменений касается языка социологии, другое — ее технической оснащенности. Оба изменения являются методологическими (в современном понимании этого термина). Суть их в том, что социологи вплотную подошли, во-первых, к языку математики, а во-вторых,— к использованию быстродействующих компьютеров. Применение математики и компьютеров, особенно их применение в качестве орудий теоретика, безусловно, наиважнейшее из последних мето-

дологических достижений в области социологии. Само сочетание терминов «теория» и «метод» оказывает на некоторых социологов раздражающее действие. В прошлом «метод» всегда ассоциировался с исследованием и почти никогда — с теорией. Социологов часто обвиняют в чрезмерности того внимания, которое они уделяют методам исследования, и в то же время, насколько я знаю, против социологов-теоретиков подобных обвинений не выдвигалось никогда. Вероятно, тот факт, что методолог становится сейчас помощником и теоретика, и исследователя-практика, заложен (в более глубоком смысле) в самой природе революции, надвигающейся в области социологических методов.

Итак, рассмотрим эти два основных аспекта нового подхода к социологическим методам: во-первых, применение математики и, во-вторых, использование быстродействующих компьютеров.

Математика в социологии

До сих пор социологи были традиционно далеки от математики. Этот факт красноречиво описан в недавней работе д-ра Элбриджа Сибли «Образование американских социологов» («The Education of Sociologists in the United States»). Аспирантам обычно рассказывают о хи-квадрате, корреляции и некоторых других шаблонных методах статистического анализа и лишь изредка — о более фундаментальных математических принципах. Несмотря на отсутствие математики — можно даже сказать, при отвращении к ней — в традиционных аспирантских программах, некоторые социологи начинают открывать ее для себя как потенциальный язык теории. Их привлекает надежда, возможно, даже обещание, которое сулит математика относительно улучшения социологической теории (подобно тому как математическая статистика способствовала качественному развитию социальных исследований). Математика — это язык, который богат, но не двусмыслен, скуп, но логичен. Для некоторых она идеальный, поистине единственный подлинно эффективный язык теории. Современный разговорный язык, даже обильно сдобренный социологическим жаргоном, страдает в этом

отношении (то есть как орудие теории) серьезными недостатками. Там, где математика недвусмысленна и где она приносит богатые плоды за счет дедуктивного анализа, сравнения и метафоры естественного языка создают бесчисленное количество ложных смыслов и логических ловушек. Сама красота естественного языка, его возможности в передаче малейших оттенков делают его использование в качестве инструмента науки крайне проблематичным.

Возможности математического анализа в физических науках не подлежат никакому сомнению. С помощью математики можно исключительно точно описывать и прогнозировать такие физические явления, как движение маятника, движение тела в свободном падении, даже движение звездных систем. Поведение человека потенциально значительно сложнее, чем самая сложная из физических систем. Может быть даже, что описание человеческого поведения находится за пределами возможностей математики. Что ж, сторонники математической теории в социологии не отрицают неизбежного факта человеческой сложности. Скорее, отталкиваясь от этого факта, они предлагают конкретную стратегию, которая позволит получить научное знание о поведении человека. Эта стратегия заключается в изучении прежде всего простейших форм социального поведения, а более сложные его аспекты должны становиться предметом рассмотрения на значительно более поздних стадиях. Самую скорую отдачу математический анализ сулит в исследовании именно простейших форм социального поведения, таких, как игры, выбор альтернатив, мобильность. Эта отдача намечается в виде непротиворечивых, хотя и довольно простых, теорий социального поведения; на основании таких теорий можно делать соответствующие прогнозы, которые в свою очередь могут быть проверены на основании конкретных данных.

Математические теории, или модели, не являются универсальными. Например, некоторые из них строго дескриптивны, другие служат основанием для прогнозов и т. д. Скажем, так называемая теория доминирования представляет собой инструмент описания. Она заключается в математическом описании группы взаимодействующих индивидов, связанных между собой таким отношением, при котором в каждой из возможных пар взаимо-

действующих один из них имеет власть над другим (либо доминирует над ним, либо управляет им, либо выражает свое превосходство как-то еще). Одна из разновидностей этой теории — теория соперничества, при котором каждый противостоит каждому в одиночку, причем ни одно единоборство не может перейти в союз. Такое взаимодействие, хотя оно и кажется простым, на самом деле является очень сложной социальной организацией. Если в нее вовлечено, скажем, лишь восемь индивидов, количество возможных шаблонов доминирования оказывается равным 268 миллионам. Десять индивидов дают уже более 35×10^{12} различных шаблонов. В настоящее время имеется целый ряд действенных дескриптивных теорем, касающихся структур доминирования, однако знаний, на основании которых можно было бы строить прогнозы, они почти не дают. В противоположность этим теоремам теории мобильности (о них мы будем говорить ниже) дают прогноз будущих событий.

Другой осью, на которой можно расположить математические теории, является ось «детерминизм — вероятность». В соответствии с различными детерминистскими теориями поведение отдельных элементов полностью регулируется математическими законами. Так, например, положение в пространстве, скорость и ускорение тела, испытывающего свободное падение в вакууме, можно точно рассчитать на основе соответствующих детерминирующих законов. Разрабатываются детерминистские теории и в области социальных наук, где их целью является объяснение таких феноменов, как последствия законов родства, обращение денег и т. д. К сожалению, эти теории редко подвергаются эмпирической проверке. Целью вероятностных теорий, напротив, является не детерминация индивидуального поведения, а описание совокупного поведения отдельных элементов. Поведение каждого элемента детерминируется такими теориями только до уровня вероятности события. Заметим, что в физике основой для вероятностных теорий служит статистическая механика.

В социальных науках они занимают значительно большее место, чем детерминистские теории. Отчасти это вопрос индивидуального выбора, однако, с другой стороны, такое соотношение между двумя типами теорий отражает взгляды на природу Вселенной и на восприятие ее чело-

веком, высказывавшиеся еще древними. В настоящее время социологи-теоретики склонны согласиться на том, что либо социальное поведение определяется главным образом законами, которые по своей сути являются вероятностными, либо детерминистские законы (если они вообще существуют) столь беспредельно сложны и многогранны, что анализировать их оказывается делом безнадежным.

Наконец, рассмотрим такое измерение, как время. Некоторым кажется смешным, когда время наделяется таким же статусом аналитической переменной, как масса, давление, плотность. Для них время — в лучшем случае вспомогательная переменная, подлежащая упразднению в окончательном анализе формальной теории. Для других ученых время — полноправная переменная, которую должна формализованно и полностью учитывать любая теория, претендующая быть прогностической. Как и вопрос о детерминизме, эта актуальная проблема уходит своими корнями глубоко в философию науки. Представителей формальной социальной теории можно найти в обоих лагерях. Некоторые социологические теории полностью игнорируют временное измерение, в других же оно играет центральную роль. Например, многие интеракционистские модели, такие, как теория доминирования, не учитывают время как переменную; вместе с тем модели, скажем, мобильности или денежного обращения обычно считают его одной из основных переменных.

Уже сейчас имеется много самых различных проблем, которые изучаются с помощью математического анализа. Процессы взаимодействия и мобильности, формирование коалиций, экономические шаблоны — вот лишь немногие из социологических явлений, математические модели которых уже построены. Судя по работам, появившимся за последнее десятилетие, математика стала применяться в социологии чрезвычайно широко. Назову лишь несколько из этих работ: «Введение в математическую социологию» Джеймса С. Коулмена («Introduction to Mathematical Sociology»), «Математические модели в социальных науках» Джона Кемени и Лоури Снелла («Mathematical Models in the Social Sciences»), «Формальные теории массового поведения» Уильяма Макфи («Formal Theories of Mass Behavior»). Диапазон математических приемов, использовавшихся в этих исследованиях, столь же

широк. Несмотря на это, многие модели достаточно просты, чтобы их могли освоить люди, располагающие не более чем средними математическими навыками.

Чтобы показать возможности и границы применения математики в социальной теории, я хочу кратко остановиться на феномене социальной мобильности. Социологов давно занимают различные аспекты этого явления, такие, как статусная мобильность, прохождение через семейный цикл, миграция. Таких аспектов много, причем каждый из них имеет глубокое эмоциональное содержание. И тем не менее это явление поддается математической абстракции и описанию в терминах формальной социальной теории.

Аппарат, необходимый для построения математической теории социальной мобильности, поистине прост. Другое дело — способ его применения. Теоретический подход, который я сейчас кратко обрисую, обладает прогностическим, вероятностным и временным характером. Необходимый для него аппарат включает в себя, во-первых, заранее обусловленный контингент элементов (обычно это специфическая человеческая популяция) и набор классов, или категорий, которые ученый, стоящий на позициях теории вероятности, назвал бы «состояниями природы». Эти состояния таковы, что в данной временной точке каждый элемент популяции может находиться в одном, и только одном, из них. Эти состояния, во-вторых, могут представлять собой социальные статусы, географическое положение, позиции в семейном цикле и любую другую классификацию популяций, в рамках которой их элементы могут переходить во времени из одного состояния в другое. Таким образом, при данном подходе нам требуется и единица времени, в качестве которой может выступать, скажем, календарный год.

Наконец, нам требуется два математических инструмента: вектор, или упорядоченное множество m целых чисел (где m — количество состояний природы), и матрица m^2 чисел, расположенных в m рядах и m столбцах. Вектор показывает долю популяции в каждом из m состояний в момент t. Ряды квадратной матрицы P(t) показывают местоположение групп популяции в момент $t-1$, а столбцы — в момент t.

Таков способ переложения на математический язык и сведения к последовательному ряду матриц столь слож-

ного социального явления, как мобильность. Действительно, существо человеческих эмоций и нюансы мотивов при этом теряются, однако компенсация за такую потерю весьма значительна. Использование математического анализа для выявления будущих последствий альтернативных систем мобильности может дать такие результаты, получить которые при помощи других, менее формальных способов анализа совершенно невозможно.

Описанный нами аппарат достаточно прост. Другое дело — возможные математические подходы к нему, диапазон которых весьма широк и которые отличаются друг от друга набором упрощающих допущений о поведении системы «мобильность».

В соответствии с правилами адекватности процедур первыми должны исследоваться те подходы, которые являются простейшими. Именно такой стратегии придерживалась группа ученых Корнелльского университета, когда десять-пятнадцать лет назад она занялась изучением мобильности рабочей силы США, точнее — изучением движения рабочих из одного сектора промышленности (например, сталелитейного) в другой (например, угледобывающий).

Прежде всего исследователи приняли два упрощающих допущения, которые вместе составили то, что принято называть вероятностной моделью, основанной на марковских цепях. В соответствии с первым допущением вероятность мобильности, скажем, из сталелитейной промышленности в угольную остается во времени инвариантной. Это допущение, по крайней мере для непродолжительного периода, не является некорректным. Однако границы второго допущения значительно строже: в соответствии с этим допущением предполагается, что передвижение из одного сектора промышленности в другой не зависит от шаблонов каких-либо предыдущих передвижений.

Сопоставив свою модель с фактическими данными, исследователи обнаружили, что ее соответствие действительности довольно посредственно. Иными словами, оказалось, что второе допущение было нереалистичным: оно предполагало, что для любых двух индивидов, находящихся в одном и том же секторе промышленности, будут верны одни и те же схемы мобильности. В действительности же люди отнюдь не столь однообразны. Прошлый

опыт — вот что отличает друг от друга и их, и шаблоны их мобильности.

Приняв во внимание вышеизложенное, ученые разделили исследовавшуюся популяцию рабочих на две категории: преимущественно мобильных («movers») и преимущественно немобильных («stayers»). Оказалось, что эти две категории характеризуются явно различными матрицами перехода. Подвергнув эти матрицы вторичному, уже раздельному анализу, исследователи обнаружили, что при таком подходе прогностическая способность марковской модели относительно кратковременных шаблонов мобильности значительно возрастает.

Для некоторых критиков подобные исследования — не что иное, как упражнения в практической статистике. «Где же здесь теория?» — вопрошают они. Ответим, что теория заключается именно в упрощающих допущениях модели. Высказанные в утвердительном порядке, эти допущения суть теория. В качестве таковой они должны и появляться из самостоятельного социологического контекста (а не из математики), и проверяться в нем же. В приведенном выше примере теория заключалась первоначально в двух допущениях. Первое допущение, будучи переведенным на «обычный» язык, предполагает, что «величина мобильности постоянна во времени». Второе — что «вероятность мобильности индивида не зависит от каких-либо других его характеристик».

Как мы уже видели, последнее теоретическое допущение оказалось явно нереалистичным, поэтому оно и было модифицировано третьим теоретическим предположением, которое на «обычном» языке утверждает, что «существует две категории рабочих: склонных и несклонных к передвижению, и второе допущение можно считать соответствующим истине только для каждой из этих категорий в отдельности».

Недавно другая группа исследователей Корнелльского университета разработала третью часть этой теории. Начали эти ученые с рассуждения о том, что вряд ли можно так просто разделить людей на две вышеуказанные категории. Вероятность передвижения индивида из окружающей его в данное время среды зависит от бесчисленного множества факторов его с ней взаимодействия. Эта идея легла в основу их аксиомы, которую стали называть «аксиомой кумулятивной инерции».

Если употребить метафору, то в соответствии с этой аксиомой окружающую среду можно уподобить банке с клеем, который постепенно застывает вокруг каждой попадающей в него частицы. Чем дольше та или иная частица находится в банке, тем она прочнее «схватывается» клеем. На более формальном языке эта аксиома утверждает следующее: вероятность того, что индивид останется в данном состоянии природы, увеличивается с каждым моментом его пребывания в этом состоянии. Можно сказать, что аксиома кумулятивной инерции импонирует в какой-то степени с интуитивной точки зрения, отражая такие обыденные понятия, как «пускать корни», постепенно сживаться с местом или условиями, обрастая путами привычек и сантиментов. Более того, результаты предварительных эмпирических проверок аксиомы оказались весьма обнадеживающими.

Ввод этой аксиомы в марковскую модель делает математику хаотично сложной. Прежде всего время становится «двухмерным». В дополнение к традиционному учету фактора времени как истории системы данная аксиома требует его введения в расчеты и как истории отдельных элементов системы. Это в свою очередь требует не просто единой последовательности матриц перехода, а целой матрицы матриц. Математический аппарат новой модели столь сложен, что исследователям пришлось недавно обратиться за помощью, но не к психологам, а к быстрорешающим компьютерам.

Применение компьютеров в социологии

Вторым основным компонентом в новой методологии социологии явилась техника компьютеров. Подобно математике, данное новшество обладает по крайней мере равным потенциалом как для теории, так и для практических исследований. Чтобы полнее понять это, необходимо помнить, что компьютер нечто значительно более важное, чем просто быстродействующее устройство по обработке данных. Компьютер — это также и генератор данных, и логическая машина.

В крайне примитивном представлении компьютер считают сверхскоростным арифмометром. И тому и другому

на входе даются числа; и тот и другой обрабатывают их посредством обычных операций сложения, умножения, возведения в степень, давая на выходе результаты в какой-либо визуально приемлемой форме. Однако на этом сходство кончается. Ограниченным механическим возможностям арифмометра противостоит, например, способность современных электронных компьютеров производить сложение за 0,0000014 долей секунды. Нет нужды описывать здесь замечательные способности компьютеров в обработке данных, скорость и легкость этой обработки. Эти свойства ЭВМ дали пищу бесчисленным популярным брошюрам и забавным карикатурам. Теперь всякому ясно, что̀ выберет социолог-исследователь или любой другой специалист, нуждающийся в обсчете больших массивов данных, если перед ним стоит дилемма: быстрая обработка на компьютерах или трудоемкая, чреватая ошибками обработка вручную. Компьютер выйдет победителем почти по̀ любым критериям. Однако отнюдь не все пока осознают, что компьютер может оказаться столь же бесценным помощником и для ученого-теоретика, безразличного к проблемам обсчета данных.

Описанные выше разновидности теоретического анализа мобильности имели несколько «тупиковых» направлений. Целью этого анализа было выяснение следующего вопроса: возможен ли переход пропорционального распределения элементов по каждому из состояний природы в эквилибриум, и если да, то каковы будут функциональные отношения между первоначальными и равновесными состояниями. Математические расчеты вскоре оказались безнадежно сложными, особенно по той причине, что у исследователей не было ни малейшего представления о вероятном характере окончательных результатов. Поэтому ученые решили смоделировать на ЭВМ как поведение данной системы мобильности, так и различные первоначальные условия (количество состояний природы, процент популяции в каждом из этих состояний в нулевой момент, первоначальные матрицы перехода). За менее чем пять минут компьютер воспроизвел поведение системы мобильности на протяжении 1500 временны́х единиц.

Целью этого эксперимента было не столько получение числовых данных, сколько получение возможности «подсмотреть» поведение системы мобильности в течение дли-

тельного периода времени. В этом смысле эксперимент оказался успешным. Несколько «запусков» ЭВМ показали, что в конце концов в этой системе действительно наступает состояние равновесия; были выявлены и причины, определяющие его распределение. Сейчас многое из того, что удалось тогда «подсмотреть», уже подтвердилось математическими вычислениями.

Благодаря способности моделировать структуру и временну́ю динамику сложных систем компьютеры представляют собой уникальный инструмент порождения теории. В социальных науках уже проводились эксперименты по моделированию таких различных явлений, как организация мозга, влияние притока негритянского населения в сообщность на стоимость недвижимости, экономика США на уровне домашних хозяйств, поведение человека в условиях выбора, международные отношения. Подобные эксперименты весьма перспективны для разработки количественных системных теорий, благодаря которым можно будет обобщить крупные массивы имеющихся сейчас данных и с большей целенаправленностью организовать процесс эмпирического исследования.

Я закончу свою статью тем, с чего начал: революция в развитии социологических методов наступит не завтра, но она приближается, и формы, которые она примет, достаточно ясны. Как и большинство революций в области познания, она обещает и большие достижения, и серьезные потери. Я уже довольно подробно говорил о перспективах достижений, поэтому давайте сейчас рассмотрим вкратце те издержки, которыми чреваты новые методологические орудия — математика и компьютеры — для социологии, как таковой, и для ее традиций как области познания.

Что касается учебных программ социологии, последствия новых методов достаточно ясны. Изучающим социологию потребуется практическое знание языка математики и тесное знакомство с принципами работы ЭВМ. В соответствии с этими потребностями на математических факультетах и факультетах электронно-вычислительных машин ведущих американских университетов создается все больше курсов, специально предназначенных для нужд представителей социальных наук. Это, хотя и в меньшей степени, относится и к некоторым техническим колледжам, поощряющим изучение представителями социальных

наук современных систем технических методов. Однако эти новые программы очень трудно совместить с тем ограниченным бюджетом времени, которым располагают сейчас студенты. Если эти новые курсы войдут в учебные социологические программы, время, отводимое на более традиционные предметы, придется урезать.

Профессиональных социологов новые методы могут поставить в затруднительное положение: они либо будут вынуждены проходить основательную переподготовку, либо окажутся отставшими и в техническом, и в лингвистическом отношении.

Я сильно сомневаюсь в том, что более традиционный подход к построению теории исчезнет. Да он и не должен исчезать. Его вклад в познание огромен. Тем не менее грядущие перемены, вероятно, приведут к важным изменениям в самой организации нашей науки. Традиционные области интереса — социология того-то и социология того-то,— по-видимому, постепенно отомрут и уступят место совершенно новым организационным конструктам. Подобные изменения могут привести к большим эмоциональным издержкам, так же как и к издержкам, обусловленным нарушением преемственности традиций. Однако в то же время они вызовут захватывающее чувство интеллектуального поиска и овладения новым знанием.

Таковы перспективы описанных здесь методов в социологии.

РАЗДЕЛ III
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ

10

СЕМЬЯ И РОДСТВО

Эзра Ф. ВОУГЕЛ

Несмотря на всю изобретательность человека и на огромное разнообразие политических и экономических организаций, начиная от примитивнейшего племени и кончая сложнейшим социальным строем, практически в каждом обществе основная нуклеарная семья, состоящая из родителей и детей, выступала и выступает в качестве отчетливо выраженной социальной единицы. Даже в таких первобытных обществах, в которых люди не имеют понятия о биологическом вкладе мужчины в производство потомства, ребенок связан с отцом особыми социальными узами. Известна по меньшей мере одна социальная группировка — военная каста наяров в Индии, где мужчины, как правило, жили не вместе с женщинами, а отдельно от них, в чисто мужской по своему составу военной организации. Но даже у наяров, у которых родитель не принимал никакого участия в воспитании ребенка, он сохранял с ним обрядовую связь, причем, согласно более надежным этнографическим данным, у родителя и ребенка поддерживались определенные обязанности по отношению друг к другу.

Чем же объяснить факт неизменного сохранения основной, нуклеарной семьи в каждом известном нам обществе? Некоторые исследователи видят в живучести семьи единственное средство ограничить тотальную конкуренцию среди мужчин, ведущих борьбу за женщин, и среди женщин, борющихся за мужчин. После того как отношения между конкретными взрослым мужчиной и взрослой женщиной обретают стабильность, их союз получает общественное признание. Символом этого общественного признания обычно становятся церемонии обручения или вступления в брак. Особая связь между матерью и ребенком

вполне понятна: мать рожает свое дитя и вскармливает его. Зато гораздо труднее объяснить регулярный характер связи между отцом и ребенком. Одни утверждают, что регулярность, с которой возникает в разных обществах социальное положение отца,—явление производное: статус отца обусловлен-де особым характером его связи с женой, а уже та особым образом связана с ребенком. Другие подчеркивают значение экономической и эмоциональной поддержки родителя, а также его авторитета. Малиновский утверждает, что значение отцовства состоит во введении ребенка в более широкий социальный контекст. Как минимум именно отец предопределяет законный статус ребенка в глазах общества. Помимо того, первоначальный статус ребенка в какой-то мере определяется статусом самого отца. По сути дела, в обществах, имеющих установившуюся структуру статусов (в которых господствуют родственные или кастовые группировки), социальное положение отца принимается в качестве важнейшего фактора, определяющего статус его ребенка.

Само собой разумеется, форма идеальной и фактической семьи в разных обществах бывает самой различной. Сплошь и рядом в конкретном обществе фактически существующие семейные единицы обнаруживают большое разнообразие в зависимости от принадлежности к тому или иному социальному классу, стадии жизненного цикла, профессии и прочих индивидуально-специфических факторов. Но как бы поразительно ни было разнообразие семейных форм, еще более поразительным является, пожалуй, тот факт, что некоторые важные черты структуры нуклеарной семьи носят почти универсальный характер. К их числу принадлежит запрет кровосмешения, запрет половой связи между членами семьи, за исключением мужа и жены. Для объяснения практически повсеместной распространенности запрета кровосмешения выдвигаются многочисленные доводы. Одни утверждают, что этот запрет обусловлен необходимостью сохранить отчетливо выраженные социальные роли и характер взаимоотношений между членами семьи. Другие указывают на важную роль, которую играет запрещение кровосмешения в деле установления связи между семьей и более широким обществом, и на значение брака по предпочтению для поддержания связей между определенными группами в обществе. Помимо того, что нуклеарные семьи повсеместно подвергают известному

ограничению кровосмешение, практически во всех семьях мира наблюдается, как указывают Парсонс и Зельдич, внутреннее разделение семейных функций по степени власти, основывающееся на возрастных различиях и различиях в сексуальных ролях; мужчина берет на себя более инструментальную роль, а женщина — более экспрессивную. Некоторые отмечают, что женщина склонна проводить большую, чем мужчина, часть своего времени в семье, а мужчина — посвящать большую по сравнению с женщиной часть времени внесемейным делам; даже если оба супруга работают, то муж, как правило, теснее связан со своей работой и более предан ей, чем жена; в случае, когда один из супругов работает далеко от местожительства, больше шансов, что это будет муж, а не жена.

В настоящей главе я хочу сосредоточить внимание на одной конкретной проблеме — проблеме связи между семейной организацией и более широким социетальным окружением. Вообще говоря, в обществах с прочной системой родства нуклеарная семья не выступает в качестве сравнительно обособленной и отчетливо выраженной единицы. Так, например, в обществе, где доминируют родственные связи по отцовской линии, материнские обязанности могут быть разделены с сестрами отца. В обществе же, где преобладающим является родство по материнской линии, родительская власть может быть разделена с братьями отца и матери.

Перейдя от изучения группировок, непосредственно связанных родством и совместным жительством, к рассмотрению связи между семьей и экономическими и политическими силами в более широкой сообщности, исследователь обнаружит, что экономические силы играют гораздо бо́льшую роль, чем политические, в определении преобладающих шаблонов семейной организации. Некоторые полагают, что существует прямое соответствие между семейными связями и политической системой. Макс Лернер, например, утверждает в своем большом труде об американской цивилизации, что демократическая политическая среда и более открытые и демократические типы семьи, вообще говоря, взаимно укрепляют друг друга. Он сравнивает это положение с ситуацией в Германии перед войной, где и семья и политический строй носили авторитарный характер. Пожалуй, чаще всего в поддержку точки зрения о наличии соответствия между типами семьи и по-

литических организаций приводятся объяснения психологического порядка. В процессе социализации ребенка семья формирует в его сознании определенные установки, которые впоследствии находят отражение в том, как он участвует в политических институтах общества. Исследователи с психоаналитической ориентацией отмечают, что установки, первоначально вырабатываемые ребенком по отношению к родителям, впоследствии переносятся на лиц, напоминающих ему родителей, в более широком обществе. Но вряд ли можно пойти дальше утверждений о том, что эти установки, берущие начало в семейном поведении, образуют лишь часть установок по отношению к власти. Степень важности таких психологических установок определяется отчасти типом политической организации. Например, в организации харизматического типа личные качества лидера (или, во всяком случае, представление о них, сложившееся у последователей) чрезвычайно важны, тогда как в организации рационально-бюрократического типа психологические факторы имеют меньшее значение.

Другие исследователи, занимающиеся изучением связей между семьей и политической организацией, подчеркивают значение ценностей, приобретенных в семье, при определении политических ценностей. Их аргументация, в сущности, такая же, как и у исследователей психологических факторов: ценности, приобретенные в семье, впоследствии найдут отражение в одной из политических ценностей.

В известных пределах можно найти подтверждение и тезису о том, что установки и ценности, приобретенные в семье, определяют собой впоследствии установки по отношению к власти.

Однако, на мой взгляд, связь семьи с системой государственного правления (проявляющаяся в сугубо политических вопросах) имеет меньшее значение, чем ее связь с экономикой. Ведь правительство обычно действует в большом отрыве от семьи; государственные дела оказывают сравнительно незначительное воздействие на семейную организацию, а семейная организация — сравнительно малое воздействие на организацию политическую. Хотя я и готов защищать эту точку зрения в качестве общего правила, однако подобный вывод нуждается в ряде уточнений. Во-первых, он предполагает, что общество достигло

определенной степени стабильности. Если поддержание стабильности оказывается для государственной власти настолько трудным делом, что общество в целом приобретает неупорядоченный характер, то царящий в нем беспорядок, очевидно, скажется на семейной жизни и семейной организации. Далее, государственная власть, добивающаяся полной мобилизации в период, когда страна находится в критическом положении, требует от людей такого самопожертвования, которое затрагивает семейное поведение. Частые случаи раздельного жительства супругов в военное время (обусловленные участием в военной, контрразведывательной, оборонной и прочей деятельности) и ограничения, накладываемые на поездки, почтовую и телефонную связь, средства развлечения и так далее, явно оказывают воздействие на семейное поведение. Само собой разумеется, устанавливаемые государством определенные формы вступления в брачные отношения и их прекращения, законы о наследовании и прочие правовые нормы ставят семейные связи в определенные рамки, но подобные нормы, как правило, определяют общие закономерности и не определяют конкретных форм семейной организации.

Исследователю, занимающемуся не семьями вообще, а семьями господствующих классов, будет гораздо легче проследить влияние семейной организации на государственное правление. Если государственный деятель входит в тесно сплоченную группу родственников, по отношению к которой он, как ожидается, должен выполнять определенные обязательства, шаблоны родства могут оказать влияние и на выполнение им государственных обязанностей. В подобном случае выполнение им обязанностей перед группой родственников может быть расценено с официальной точки зрения как получение незаконных доходов. С другой стороны, скрупулезное выполнение им государственных обязанностей может быть расценено с точки зрения родственной группы как предательство. Во многих обществах именно семьи, занимающие более высокое положение в обществе и имеющие наибольшие шансы получить посты у кормила власти, чаще всего имеют широко разветвленную сеть родственников. Происходит это в силу ряда причин. В обществе, где родственные группы играют важную роль, для получения доступа к государственной власти сплошь и рядом требуется заручиться поддержкой довольно многочисленной и влиятельной род-

ни, способной предоставить необходимые средства (будь то узаконение высокого статуса, связи, военная сила, богатство или талантливые помощники). Кроме того, дети из богатой и влиятельной семьи более склонны поддерживать тесные связи с родней, чем дети из семей, не имеющих власти и влияния.

В обществах, где лица, стоящие у власти, являются членами больших родственных групп, существуют разнообразные способы уравновешивания государственных интересов с интересами родственными. В некоторых обществах (скажем, в империях) высшие правительственные посты могут заниматься лишь лицами, принадлежащими к одной-единственной группе родственников. Даже внутри одного клана власть может оказаться сосредоточенной в руках той или иной его подгруппы. В таких случаях считается законным и даже справедливым, что государственная власть поддерживает правящую семью и заботится о ней. В то время как подобные привилегии могут быть предоставлены правящей семье или нескольким правящим семьям, вполне очевидно, что аналогичные привилегии невозможно распространить на все семьи государственных служащих, не обременив при этом государство большими расходами. Поэтому внутри государства возникают различные виды давления, требующие ограничить обязательства государственных служащих по отношению к группам родственников. Пример наиболее четко разработанных и формализованных ограничений, налагаемых на эти семейные обязательства, дает нам Китайская империя, где в качестве придворных использовались евнухи, а правительственным чиновникам запрещалось служить в их родных краях, чтобы лишить их возможности поставить свои семьи в привилегированное положение. Вырос целый лес правил о гражданской службе, что явно представляет собой важный шаг вперед в деле ограждения государственных обязанностей от давления родственных обязательств. В обществе, где нуклеарная семья сохраняет лишь слабые связи с группами родственников, эти проблемы не носят столь серьезного характера. Однако даже в этих обществах псевдородственные организации и патерналистски организованные фракции и клики могут поставить государственную власть перед такой же проблемой, какую порождают группы родственников в обществах, где они более сильны.

Если мы перейдем от рассмотрения семей официальных должностных лиц к изучению семейной организации простых граждан, то, вероятно, и здесь обнаружим какие-то связи между семьей и политической организацией. Например, весьма трудно удержать женщин и детей в строгом повиновении отцовской власти, если всем совершеннолетним предоставляется полное гражданское равноправие. Разительный контраст с этим положением составляет положение в тех странах, где государственная власть вступает в контакт только с главой семьи. Когда государство имеет дело исключительно с главой семьи и возлагает на него ответственность за поведение всех ее членов, это служит укреплению его власти и упрочению авторитета. Более того, если у других членов семьи имеются законные претензии к государственной власти, они могут предъявлять их только через него. Предоставление женщинам и совершеннолетним детям полного гражданского равноправия, напротив, поощряет у них стремление к автономии.

Однако, несмотря на эти модификации, большинство семей в обществе непосредственно не затрагивается политической деятельностью их правительства. Для выявления перемен в организации и поведении семьи гораздо важнее изучить экономические факторы, которые оказывают значительно более прямое воздействие на семейную организацию. Не случайно, что в наиболее капитальном из предпринятых поныне исследований современной семейной организации в мировом масштабе автор, профессор Колумбийского университета Дж. Гуд, ищет причины изменений в организации семьи прежде всего в сдвигах, происходящих в экономической организации.

В своем труде «Всемирная революция и типы семьи» профессор Гуд собрал большое число данных, свидетельствующих о том, что некоторые основные типы семейной организации широко совместимы, как оказывается, с современным индустриальным и урбанистическим обществом. В этом своем исключительно тщательном исследовании проф. Гуд ясно показывает, что даже в сфере экономики не существует четкой и обязательной причинной связи между той или иной экономической организацией и организацией семейной. Вместе с тем, за некоторыми незначительными и, возможно, временными исключениями, эволюция мира в сторону современного индустриального общества сопровождалась процессом относительного

обособления нуклеарной семьи от более широких групп родственников.

Это вовсе не означает, что нуклеарная семья появляется лишь в качестве формы семьи, сопутствующей индустриальному обществу. Действительно, ту же самую форму, относительно обособленную нуклеарную семью, мы обычно встречаем и в обществах, занимающихся охотой и собиранием плодов. При ограниченности ресурсов дичи и съедобных плодов члены общества, живущего за счет охоты и собирательства, должны рассредоточиваться, чтобы получить максимум продуктов питания; как правило, единицей, на которые разбивается группа, является небольшая по размеру первичная семья. Но и в этом случае невозможно предсказать форму семьи только на основе данного экономического факта, потому что в условиях войны нуклеарные семьи в этих охотничьих и собирательских обществах обычно объединяются, образуя большие семьи.

Одной из форм семьи, обладающей значительной устойчивостью и, судя по всему, хорошо приспособленной к сравнительно стабильным и упорядоченным аграрным обществам, является одноветвевая семья — семейная форма, в которой совместно живут три поколения, причем в ее состав входит только один женатый сын, остальные дети после женитьбы покидают родной кров. Благодаря этой форме семьи семейное имение сохраняется в неприкосновенности, так как на принадлежащей семейству земле остается жить только один сын и земельная собственность не дробится на мелкие участки, владельцы которых едва сводят концы с концами или вообще не могут прокормить себя. В одноветвевой семье уже сам тот факт, что один сын наследует недвижимость, а другие — нет, порождает дальнейшие внутрисемейные социальные различия между наследником и его братьями и сестрами.

Однако из хорошей приспособленности одноветвевой семьи к стабильному аграрному обществу еще нельзя делать вывод, что в аграрных обществах не встречаются иные типы семейной организации. Другая разновидность семьи, объединенная семья, в которой наследство делится между несколькими детьми, может оказаться вполне жизнеспособной там, где земля имеется в изобилии, а численность населения остается примерно на одном уровне. Однако в периоды роста народонаселения, по мере того

как семейные участки все больше дробятся при разделе между наследниками и мельчают по размеру, семья зачастую нищает, так что для обеспечения хотя бы прожиточного минимума становится необходимой та или иная форма перераспределения земли или миграция. В общем и целом одноветвевая семейная система обычно оказывается лучше приспособленной к стабильному или растущему аграрному обществу и в длительной перспективе имеет тенденцию сохраняться в этом экономическом укладе.

Аналогичным образом было продемонстрировано, что сравнительно обособленная нуклеарная семья является формой семьи, наилучшим образом приспособленной к современному индустриальному обществу. Проф. Гуд, который самым тщательным образом проанализировал имеющиеся данные, пришел к заключению, что распаду более крупных семейных единиц, существовавших до индустриализации, способствовал ряд факторов: 1) индустриальное общество требует физического передвижения лиц из одной местности в другую, и это обычно ограничивает частоту встреч между родственниками и уменьшает сердечность их отношений; 2) в индустриальном обществе имеются возможности для того, чтобы одни члены семьи заняли более высокое общественное положение, чем другие, что порождает различия в стиле жизни братьев и сестер, приводящие к натянутости отношений между ними и ослабляющие родственные связи; 3) развитие в урбанистических индустриальных обществах специализированных служб, предоставляющих гражданам физическую защиту, системы благотворительных фондов и ссуд ослабляют стремление искать опору в семье, что опять-таки снижает потребность в близких отношениях между родственниками; 4) индустриализация порождает новую систему ценностей, выдвигающую на первый план не знатность происхождения, а личные заслуги, в результате чего от человека ожидают, что он будет самостоятельно пробивать себе дорогу и не станет полагаться на родственников; 5) ввиду высокой степени специализации и роста крупных организаций статистически маловероятно, чтобы то или иное лицо имело возможность обеспечить работой своих родственников.

Из утверждения, что нуклеарная семья является преобладающей формой семьи в современном индустриальном обществе, никак не следует, что ее члены не общаются со

своими родственниками. Более того, как показал ряд недавно проведенных исследований, в наиболее индустриализированных странах сплошь и рядом отмечаются относительно частые контакты с родственниками, не входящими в нуклеарную семью. Наиболее крепкие узы между родственниками в современных индустриальных обществах наблюдаются, как правило, между женщинами, в особенности между матерью и дочерьми. Если по причине войны или длительной командировки мужчина живет какие-то периоды времени в разлуке с семьей, его жена и дети нередко живут вместе с матерью жены. В Советском Союзе и некоторых других странах, где замужняя женщина обычно работает, значительная часть забот по уходу за детьми выпадает на долю бабушки, которая живет вместе с семьей.

Разумеется, готовность членов нуклеарной семьи продолжать совместную жизнь с родственниками отчасти зависит от наличия удобств, предоставляемых другими учреждениями. Если культурно-бытовое обслуживание не предоставляется семье ни правительством, ни по месту работы мужа, ни какими-либо другими общественными службами, люди могут оказаться вынужденными полагаться на помощь расширенной семьи — фактор, способствующий семейному сплочению.

Экономические условия не только оказывают значительное воздействие на степень отделения первичной семьи от более широкой сети родственников, но и во многом определяют собой отношения внутри семьи. Если, например, отцу не удается найти хорошую работу, его авторитет и власть в семье оказываются в значительной степени подорванными. Продолжительная безработица, кроме того, сильно подрывает его собственное чувство уверенности по отношению к своей семье. Исследования наименее привилегированных групп в обществе, таких, например, как американские негры, принадлежащие к низшим классам, выявили отсутствие авторитета у отца в условиях длительной безработицы или малодоходной занятости. И наоборот, если у замужних женщин и детей экономические возможности улучшаются, это тоже отражается на их внутрисемейном статусе, о чем свидетельствует быстрое исчезновение патриархальной власти в семьях некоторых важных групп иммигрантов в Соединенных Штатах

Условия занятости могут также оказывать влияние и на взаимоотношения мужа и жены. Когда национальные потребности в рабочей силе вынуждают супругов в течение длительных периодов жить раздельно, это не только ослабляет связь между ними, но и обусловливает переход родительской власти к жене, которая, как правило, остается с детьми.

Максимум того, что мы могли сделать в настоящей главе, — это вскользь упомянуть некоторые из связей, существующих между семьей и экономическими условиями ее общества. Более того, автору этих строк, занимающемуся исследованием семейной организации, многие проблемы еще и самому недостаточно понятны. Однако, как бы то ни было, изучение семейной жизни ведется ускоренными темпами, и не подлежит сомнению, что экономика оказывает глубокое влияние на семейную организацию. Мы уже имеем достаточно данных, чтобы утверждать, что эта связь никоим образом не является односторонней. Выяснилось, например, что определенные виды семейных отношений в свою очередь способствуют экономическому развитию. Эта проблема еще мало изучена, но не подлежит сомнению, что в ближайшие годы социологи, специализирующиеся на изучении семьи, продвинутся вперед в своих исследованиях

11

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Мартин ТРОУ

Характерная особенность учебных и научных дисциплин состоит в присущей им тенденции создавать со временем специализированные сферы исследования, служащие единым полем деятельности для тех ученых, подвизающихся в данной дисциплине, которых связывает общность научных интересов. Одной из наиболее быстро развивающихся специализированных областей исследования внутри широкой дисциплины социологии является социология образования. Эта более узкая научная область объединяет социологов, которые специально интересуются формальными учебными заведениями и учреждениями — школами, колледжами, университетами и пр.; процессами обучения в них и связью между ними и другими частями общества, в котором они существуют. Благодаря все возраставшему в среде американских социологов интересу к этим вопросам в 1960 году внутри Американской социологической ассоциации была создана секция социологии образования, насчитывающая в настоящее время более 500 членов. В 1963 году ассоциация, продолжавшая проявлять неизменный интерес к данной проблематике, взяла на себя финансирование существовавшего в этой отрасли журнала, который, перейдя под ее покровительство, стал именоваться «Социология образования».

Интерес к проблемам образования социологи начали проявлять не только в последнее время. Известно, что уже давно многие крупнейшие фигуры в истории социологии, такие, как Герберт Спенсер и Эмиль Дюркгейм, уделяли учебным заведениям и процессам обучения большое место в своих трудах. И почти все без исключения видные американские социологи в то или иное время также писали о проблемах образования. Новое сейчас заключается в том,

что после второй мировой войны возникла особая область изучения форм и процессов образования, которую все большее число социологов избирает в качестве главной сферы своих профессиональных исследований, сохраняя при этом профессиональные и интеллектуальные связи с учеными, работающими в других областях социологии и в других социальных науках, и с их научной деятельностью.

Причины развития социологии образования в Соединенных Штатах

В Соединенных Штатах профессиональный интерес к социологии образования особенно быстрыми темпами возрастал в последнее десятилетие. Говоря о причинах этого явления, следует отметить, что они уже сами по себе проливают свет на положение в области образования, ставшее объектом изучения социологов. Отчасти этот рост стал возможным благодаря простому увеличению после второй мировой войны числа теоретически подготовленных и практически работающих социологов, что явилось одним из результатов специализации науки, сопровождающейся увеличением объема знаний и количества научных работников. Однако интерес к изучению образования обусловлен не только изменениями внутри научной дисциплины, но и по крайней мере в такой же степени внешними событиями и изменениями в окружающем обществе. Внимание многих исследователей-социологов к учебным заведениям и процессам обучения было привлечено целым рядом новых событий, происшедших в Соединенных Штатах за рамками социологии. Еще в 1940 году в американских колледжах и университетах училось лишь около миллиона с четвертью студентов, то есть около 15% молодежи в возрасте от 18 до 21 года. К 1963 году количество студентов, готовившихся стать дипломированными выпускниками американских колледжей и университетов, возросло до 4,2 млн. человек, что составляло примерно 40% соответствующей возрастной группы. Ныне число студентов, занимающихся в колледжах и университетах, составляет более 5 млн. человек. Этот рост количества уча-

щихся в высших учебных заведениях затрагивает американскую систему образования, а в конечном счете—и американское общество. Он с неизбежностью порождает массу вопросов, интересующих социологов. Первоначально это были вопросы, касающиеся причин самого этого роста; характерных особенностей и ожиданий большого количества новых студентов в колледжах и университетах; влияния, оказываемого на них приобретенным высшим образованием; организации и управления новыми и расширяющимися высшими учебными заведениями; проблематики набора персонала для удовлетворения новых потребностей и т. д. Многих социологов сначала привлекали лишь практические проблемы тех учебных заведений, в которых протекала их научная и преподавательская жизнь, но потом они углубились в изучение более фундаментальных свойств образования, в котором высшее образование является лишь одной из составных частей.

В дополнение к тому, что после второй мировой войны стремительно росло количество студентов, все больше возрастал также престиж высшего образования, особенно в научно-технической области, как важного источника промышленного и военного могущества. Отчасти под влиянием советских достижений в развитии военной и космической техники федеральное правительство США стало проявлять гораздо большую централизованную заботу о пополнении и обучении квалифицированного в техническом отношении персонала. Этот общенациональный интерес, нашедший отражение в щедром ассигновании средств на исследование подобных вопросов, побудил социологов заняться более тщательным анализом способов привлечения одаренных молодых людей к углубленному изучению научно-технических дисциплин. Рассмотрение этой проблемы, естественно, привело к постановке вопроса о нераскрывшихся способностях и утраченных потенциальных возможностях, которые воплощают собой учащиеся, прекращающие формальное обучение, далеко не достигнув уровня образования, какого они могли бы достичь при их одаренности. А этот вопрос в свою очередь привлек внимание к средним школам, в которых закладываются основы для научно-технической карьеры учащихся. В то же время все возрастало понимание того, что быстрые социальные и технические перемены уменьшают количество сравнительно неквалифицированных видов работы, повы-

шая вместе с тем спрос на более высококвалифицированных и образованных людей. Это вызвало также интерес к изучению масштабов раннего прекращения учебы и причин такого явления. Интерес к этому явлению постепенно перерос в заботу об обучении тех групп в обществе, которые находятся в неблагоприятном социально-экономическом положении, причем нередко вследствие существовавших в прошлом и существующих поныне расовых предрассудков и дискриминации. Характер расовых взаимоотношений, сложившихся в Соединенных Штатах в течение последнего десятилетия, вызвал к жизни огромное количество исследований, посвященных особым проблемам обучения детей из наиболее обездоленных, низших социально-экономических слоев.

Развитие массового высшего образования; забота о том, чтобы поставить образование на службу национальному могуществу и благосостоянию; заинтересованность в реформе среднего образования и пробудившийся сравнительно недавно интерес к обучению детей из обездоленных в социальном и культурном отношении семей—таковы мощные внешние силы, обусловившие быстро растущий интерес к социологии образования и стремительное расширение научной работы в этой области. Причем значительная часть этой работы служит отражением практических проблем и забот, которые стимулировали рост в данной отрасли *.

Расширение горизонтов

Бурное развитие образования, расширение его масштабов, его все более признаваемое значение и связь с государственной политикой, вне всякого сомнения, послужили главным стимулом, способствовавшим росту интереса социологов к этой области исследования, но их работа отнюдь не ограничивается практическими проблемами образования. История социологии образования в Соединенных Штатах на протяжении последних двух десятилетий говорит о постоянном расширении горизонтов и диапазона

* Как и во многих других местах, здесь также проявляется характерная черта буржуазной социологии: социальный миф выдается за реальность.— *Ред.*

охватываемых ею проблем, перспектив и дисциплин. Это расширение в немалой степени является отражением более широких интересов, привнесенных в изучение институтов и процессов образования социологами, чьи профессиональная подготовка и опыт предыдущей работы не были связаны с проблематикой образования. В годы перед второй мировой войной горстка людей, подвизавшихся в области социологии образования, работала по большей части в высших учебных заведениях, занимавшихся главным образом подготовкой учителей и администраторов для государственных начальных и средних школ; многие из них сами были выпускниками педагогических учебных заведений и, естественно, концентрировали внимание на практических проблемах учителей и школьных администраторов. Но затем социология образования стала во все большем количестве привлекать профессиональных социологов, ведущих научно-исследовательскую работу и преподающих на социологических факультетах университетов, и таких социологов из педагогических учебных заведений, которые сохраняют свое профессиональное лицо и поддерживают интеллектуальные связи с социологами, работающими в других областях. Благодаря этому важному сдвигу в профессиональной подготовке и направленности интересов исследователей в данной области социология образования вернулась в общее русло социологической мысли, от которой она было оторвалась, когда замкнулась в изучении непосредственно школьной проблематики.

Начав с исследования узких и непосредственных проблем школьного учителя и школьного администратора, которые до второй мировой войны находились в центре внимания всех, за исключением небольшой группы, социологов, занимавшихся вопросами образования, социология образования за последние годы широко раздвинула свои рамки институционально и теоретически и вышла за пределы национальных границ. В институциональном отношении социологи вдобавок к их традиционному интересу к государственным начальным и средним школам занялись изучением колледжей, университетов, профессиональных школ, научно-исследовательских центров и прочих институтов, где преподавание и обучение являются организованными видами деятельности. Но что еще важнее — социологи задались вопросом о природе систем образования и об их функциях в более широком обществе,

а это незамедлительно привело к установлению контакта с экономистами, политологами, антропологами и историками, каждые из которых подходят к институтам образования со своих собственных, совершенно отличных позиций. Проблематика такого широкого институционального комплекса, каким является образование, не признает границ между дисциплинами и требует от своих социологов приобретения гораздо более широких познаний о тех многообразных способах, посредством которых на институты и процессы обучения оказывают влияние, скажем, исторические традиции, типы семьи, структура занятий, технические изменения и политические процессы.

Теоретическими ресурсами того или иного направления научно-исследовательской работы следует считать не весь объем мысли и знаний, который ему потенциально доступен, а лишь ту часть такого потенциала, которая фактически вдохновляет работу в этой области. По мере того как раздвигались институциональные горизонты социологии познания, росли также и ее теоретические и интеллектуальные ресурсы. Среди проблем, интересующих социологов, важное место занимает проблема социальной стратификации, связанная с изучением природы, основ и степени социального неравенства. Американские социологи, занимающиеся проблемами образования, с давних пор проявляли неизменный интерес к влиянию неравенства в социальном происхождении, обусловленного по большей части социально-экономическим классом, к которому принадлежит ребенок с рождения, на успехи в учебе. Если социальное происхождение сказывается на учебных успехах, то учебные успехи в свою очередь во все возрастающей степени предопределяют то социальное положение, которое человек занимает в своей жизни, будучи взрослым. С одной стороны, учебные институты действуют как средство перевода социального положения человека при его рождении в достигнутый статус взрослого, а с другой — они представляют собой важный канал социальной мобильности, открывая перед молодыми людьми скромного происхождения пути к достижению более высокого положения в обществе, чем то, которое занимают их родители.

Интерес к проблемам связи образования с социальной стратификацией тесно переплетается с нынешним интересом к социальной психологии процесса обучения и умст-

венных способностей. Главный внешний стимул к работе в этом направлении дало движение за улучшение социального и экономического положения американских негров. Давно известно, что дети из малообеспеченных семей, на которых сказываются дурные последствия семейного разлада, расовых предрассудков, отсутствия заботы и т. д., обычно плохо успевают в школе, имеют в среднем более низкие показатели коэффициента интеллектуальности и рано бросают учебу, пополняя собой ряды безработных подростков, не имеющих специальности, которые собираются по углам улиц в трущобах больших городов. Теперь становится все более ясно, что многое из того, что мы называем «умственными способностями» или «академическими способностями», само приобретается в результате определенных видов социального опыта. Родители ребенка, его родственники и друзья, а также другие важные для него люди и жизненные впечатления оказывают влияние на его учебные успехи — отчасти путем воздействия на формирование его личности, отчасти путем поощрения культурных и интеллектуальных возможностей, которые они предоставляют ему. Одни социологи концентрируют свое внимание на различиях в лингвистических возможностях молодых людей разного классового и этнического происхождения — различиях, сильно сказывающихся на их последующих учебных успехах. Другие углубленно изучают воздействие расового предубеждения на самооценку ребенка и дальнейшее влияние этих представлений о самом себе на успеваемость в школе. Третьи сосредоточенно исследуют последствия, обусловленные составом семьи, и в особенности последствия отсутствия в доме отца (или взрослого мужчины, выполняющего функции отца). Эти и другие исследования находятся на стыке социологии образования с другими науками, но, проливая свет на социальные и психологические силы, воздействующие на обучение, они затрагивают центральную проблему нашей дисциплины.

Упомянутые противоречивые функции образования — передавать социальный статус от поколения к поколению и в то же время изменять его — стали предметом многообразных смежных исследований. Некоторые социологи сосредоточивают внимание не столько на ребенке, сколько на тех системах образования в различные периоды истории и в различных странах, которые выдвигают на первый

план передачу или, наоборот, изменение социального статуса. Происходящая во многих европейских обществах эволюция в сторону создания систем общеобразовательных средних школ и расширения возможностей получения высшего образования может рассматриваться как часть всемирной эволюции в направлении использования образования в качестве средства для осуществления социальной мобильности и для выявления и обучения талантливых и способных детей из всех слоев обществ. Необходимо научиться не только выявлять и вознаграждать умственные способности, но также формировать и воспитывать их в школах. А это требует внимания *как* к характеру систем образования, *так* и к природе источников интеллектуальности.

Горизонты социологии образования раздвигаются не только в плане расширения круга изучаемых ею институтов и увеличения многообразия теоретических установок и научно-исследовательских методов, применяемых ею в своих исследованиях. Ныне она перешагнула в США через национальные границы. Если до второй мировой войны американские социологи, изучавшие проблемы образования, уделяли, за редким исключением, сравнительно мало внимания институтам образования других стран, то теперь положение меняется прямо на глазах. Это является отражением возросшего во всем мире интереса к образованию и развития социологических исследований за пределами Соединенных Штатов, которые представляют непосредственный интерес и для социологов образования в Америке. Так, весьма важные исследования соотношения между социальным классом и академическими успехами проведены в Англии, Швеции и других странах, а в некоторых государствах ученые осуществили ценные исследования, посвященные студентам университетов, формированию кадров учителей и т. п. Американская социология образования интересуется тем, в какой степени и при каких условиях процессы образования, характерные для Соединенных Штатов, наблюдаются в других странах. Например, имеет большое практическое значение и вместе с тем интересна теоретически проблема выяснения того, в каком случае дети учатся лучше: когда их разбивают на параллельные классы, формируемые по степени успеваемости, или же когда они с различными способностями обучаются вместе. Результаты американских исследований, проведен-

ных в последнее время, не дают сколько-нибудь определенного окончательного ответа на этот вопрос, который стал сейчас предметом целой серии важных сравнительных исследований учебной успеваемости [1].

Интерес американских социологов растет не только к ценной работе зарубежных коллег, но и к связи образования с экономическим и политическим развитием. Будущее многих новых стран Африки и Азии, равно как и развивающихся стран Латинской Америки, зависит от успеха их собственных усилий улучшить питание, здоровье и общее благосостояние своего населения. Эти усилия в свою очередь требуют модернизации промышленности, сельского хозяйства и систем социального администрирования этих стран. И во всех этих усилиях система образования является решающим средством модернизации, ликвидирующим во многих странах неграмотность, создающим в некоторых из них общность социального опыта, языка и национального самосознания и повсеместно стремящимся сформировать кадры учителей, техников, инженеров, ученых, врачей и администраторов, в которых там ощущается столь острая нужда. В некоторых развивающихся странах имеются свои собственные, давно сложившиеся системы школьного и университетского образования; однако новые требования, обусловленные растущими экспектациями и быстро совершающимися социальными изменениями, ставят традиционные институты в довольно значительное затруднение. В других развивающихся странах, особенно в тех, которые освобождаются из-под колониального господства, системы образования смоделированы по западноевропейскому образцу, и преобразование этих моделей в соответствии с потребностями независимых и развивающихся государств сопряжено с весьма большими трудностями. Сравнительное изучение формирующихся систем образования и их роли в экономическом и политическом развитии представляет собой важную и относительно новую сферу исследования, которая привлекает внимание социологов.

---

[1] T. Husén, A Comparative Study of the Outcomes of Mathematics Instruction in Twelve Countries, vol. 2, Stockholm, Almqvist and Wiksells, 1966.

Различные подходы в социологии образования

Социологи в области образования подходят к своему общему предмету совершено по-разному. Некоторые начинают с практических проблем классных занятий и школьной системы, применяя свои социологические установки и методы исследования сначала для выяснения проблем, давших толчок к исследованию, а затем и для оказания помощи в их разрешении. Например, в последние десятилетия в США отмечался резкий рост требований реформы американской системы среднего образования, ее учебной программы, методов обучения и организационных форм. И вот социологи, откликнувшись на эти требования, занялись изучением таких аспектов среднего образования, как влияние молодежной субкультуры, работа советников по вопросам дальнейшей учебы и консультантов по выбору профессии и эффективность новых способов обучения, подобных преподаванию с помощью автоматов и групповому преподаванию. Перед социологом, как и перед специалистом по психологии образования, стоит здесь задача проанализировать природу трудностей, на преодоление которых направлены предлагаемые реформы; оценить вероятные последствия их принятия в данных конкретных обстоятельствах, а затем дать оценку фактических результатов этих изменений или нововведений. Без их помощи практическое усовершенствование методов преподавания и организации образования неизбежно осуществлялось бы либо вслепую, либо на основе старого опыта педагогов — опыта, далеко не всегда применимого по отношению к новым реформам или новым обстоятельствам. Было бы неправильно утверждать, что большинство решений, принимаемых в области образования, уже имеет под собой прочное научное обоснование. А поскольку многие проблемы образования неотделимы от политических различий и ценностных предпочтений, то маловероятно, чтобы их когда-либо удалось разрешить только на основе социологических или психологических открытий. Тем не менее социологи призваны внести важный вклад в практику образования, и они уже взялись за дело.

Если одни социологи, исследующие образование, начинают с практических проблем учебных заведений, то дру-

гие избирают несколько более отвлеченный подход и пытаются глубже понять институты и процессы образования путем более полного, чем прежде, описания их становления и нынешнего характера. В результате исследования характерных особенностей школ и колледжей, учеников и учителей, методов преподавания и форм обучения, а также изучения изменений в этих элементах образования, происходящих с течением времени, выясняется природа взаимосвязей между ними. Так, например, изучение роста в Америке массового среднего образования в государственных школах на протяжении первой половины текущего столетия во многом проливает свет на аналогичные силы, лежащие в основе нынешнего расширения системы высшего образования в стране. И в этом свете становится видно, что ныне меняются не только масштабы, но и функции системы высшего образования, по мере того как она превращается в главное средство высшей профессиональной подготовки в обществе, равно как и в источник преобразующих общество открытий в области социальных и естественных наук. Кроме того, этот подход позволяет нам увидеть, каким образом развитие и перестройка высшего образования изменяют также и функции средних школ, вынуждая их во все большей степени становиться подготовительными учебными заведениями для поступления в колледжи и университеты. Это навязанное изменение исторической роли средних школ создает в них всевозможные трудности, которые могут быть поняты только в категориях далеко идущих изменений во взаимоотношениях различных частей системы образования друг с другом и всей системы образования с обществом в целом.

Еще один подход, применяемый некоторыми социологами, заключается в том, что начинать исследование надо с выявления ряда основных функций, выполняемых системами образования во всех обществах, в которых они имеются. Например, известно, что школы, колледжи и университеты повсюду помогают передавать культуру общества — его верования, ценности и профессиональное умение — от одного поколения к другому. Вдобавок к этому они помогают молодым людям приобрести навыки, необходимые для жизни в их обществе, и научиться играть разнообразные роли, которые призваны играть в этом обществе взрослые, — скажем, роли мужа, отца, гражданина, клерка или инженера. Что касается некоторых из этих

ролей, то школы, конечно, лишь дополняют то, чему ребенок учится у своих родителей; большинство детей узнают, что значит быть отцом, главным образом в семье, а не в школе. Однако обучение другим ролям взрослых, и особенно ролям, связанным с зарабатыванием на жизнь, является в современных обществах специальной обязанностью школ. В современных обществах очень немногие дети идут по стопам своих отцов и обучаются у них их профессии или ремеслу. И хотя молодые люди по-прежнему усваивают свои будущие профессиональные навыки по большей части на своем первом месте работы, теперь они должны много знать, чтобы вообще получить эту первую в жизни работу, а знания эти приобретаются в школе. Но еще важнее следующее (хотя мы обычно и считаем это чем-то само собой разумеющимся): дети начинают в школе понимать, что люди за пределами их семьи, как правило, судят о них по их успехам, и с годами обучения они все яснее сознают важное значение успеха.

Школы играют также важную роль в деле подбора и подготовки людей к занятию различных профессиональных положений в обществе, а затем и соответствующего их размещения. Все большее количество занятий в современном обществе требует высокой квалификации и большой профессиональной подготовки, приобретаемых в средних школах, колледжах и университетах. Однако не все молодые люди в одинаковой степени способны к приобретению этих специальных знаний и навыков — отчасти, по-видимому, в силу различий в общих умственных способностях, а отчасти в силу различий в интересах, мотивациях, степени самодисциплины, родительском поощрении и пр. Некоторые из этих различий проявляются уже в первые годы обучения в начальной школе; в других же случаях учащийся приобретает интерес к учебным занятиям лишь в старших классах или даже позже. Поэтому, хотя многие преподаватели пытаются всячески побудить своих учеников прилагать максимум стараний в учебе, развить их способности и повысить успехи, они вынуждены также реагировать и на различия между их учениками в этом плане. Получаемые учащимися отметки влияют на то, в какие учебные заведения они пойдут учиться дальше, чему там будут обучаться, насколько длительным будет их курс учения и с какими дипломами или научными степенями они закончат его. А это в свою очередь самым непосредст-

венным образом скажется на том, какую работу они будут выполнять, когда станут взрослыми. Таким образом, в обществе, где возрастает количество и значение видов деятельности, требующих очень высокого уровня образования и профессиональной подготовки, роль школы в отборе молодых людей, которым следует предоставить возможность получить такую подготовку, поистине чрезвычайно велика.

Согласно прочно укоренившейся установке американского общества, доступ к высоким положениям в обществе открыт для достойных и способных независимо от их социального происхождения; вместе с тем мы считаем правильным и закономерным, что родители должны стараться дать своим детям «максимальные преимущества». Первая из этих ценностей находит отражение в государственной системе образования и в быстрорастущем государственном секторе высшего образования, охватывающем в настоящее время около двух третей всех студентов колледжей и университетов. Но вдобавок к этому упомянутые выше демократические ценности вдохновляют на новые исследования многих социологов, интересующихся таким вопросом, как социальные источники способности к обучению, и методами поощрения учащихся, принадлежащих к низшим классам общества, продолжать свое образование в средней школе, а затем и в колледже, где приобретается подготовка для наиболее ответственных занятий, требующих высокой квалификации. Итак, школы и колледжи в современных условиях способствуют передаче от поколения к поколению культурного наследия общества, помогают обучать и подготавливать детей к их взрослым ролям и принимают большое участие в отборе и распределении молодых людей на места работы, в значительной мере предопределяющие то положение, которое они займут, когда станут взрослыми.

Есть и еще одна задача, которую выполняют учебные заведения, в особенности колледжи и университеты, и которая приобретает теперь все большее значение, — задача выработки нового знания и применения его во всех областях социальной и экономической жизни. Стремительный рост научных знаний и их использования в сфере техники и медицинского обслуживания представляет собой наиболее заметную часть радикального изменения роли знания в обществе, в котором естественными экспектациями лю-

дей стали изменения, а не стабильность. Поиски нового знания и новых способов его применения превратились в современных обществах в важную сферу деятельности, в которой занято большое количество людей и на которую расходуются огромные суммы денег. Здесь социология образования становится составной частью тех самых явлений, которые она изучает, по мере того как социологи принимаются за изучение организации исследований; рекрутирования кадров работников научно-технических и гуманитарных дисциплин, а также различных профессий; сил, вызывающих к жизни нововведения; механизма передачи этих нововведений различным социальным институтам и их восприятия последними.

Однако, несмотря на всю проделанную работу и достигнутый прогресс, следует признать, что социологи только начали исследование мира образования. Трудовую деятельность и промышленность, политику, семью и религию они изучили гораздо лучше, чем образование и его институты. Быть может, это вызвано тем, что слишком многое переложено на плечи психологов образования, а возможно, и тем, что все мы лишь недавно осознали все значение образования в современном обществе. Какова бы ни была причина, отставание быстро преодолевается. Куда бы мы ни кинули взгляд, повсюду видны новые проблемы, а вместе с ними и новые возможности внести вклад как в социологическую теорию, так и в практику образования. Чего же еще может пожелать для себя социолог?

12

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Нейл Дж. СМЕЛСЕР

Экономическая наука и социология экономики

Стоит только употребить выражение «социологический анализ экономической жизни», как тотчас же возникает каверзный вопрос: поскольку экономическое поведение уже находится в центре внимания независимой и высокоразвитой дисциплины — экономической науки, то что нового могут сказать социологи об этом виде поведения? Или, если поставить этот вопрос шире, каковы различия между подходами экономиста и социолога к экономической деятельности и экономическим институтам?

Оба эти подхода можно сопоставить друг с другом различными способами.

Во-первых, можно провести сопоставление по изучаемому предмету. Во многих отношениях экономисты и социологи задают разные вопросы об экономическом поведении. Экономисты интересуются тем, каким образом люди используют свои ограниченные ресурсы для производства, распределения и обмена товаров и услуг в целях потребления. Точнее, они интересуются объяснением общего уровня производства в обществе; его состава по различным видам продукции, скажем ботинкам, пушкам и маслу; различных сочетаний факторов производства — таких, как земля, труд и капитал; а также способов распределения вознаграждений за экономическую деятельность, например заработной платы, ренты и прибыли. Итак, экономическая наука объясняет следующие основные категории: производство, методы организации ресурсов и распределение богатства. Социологи в области экономики иногда тоже интересуются этими вопросами, но они сосредоточивают свое внимание главным образом на других сторонах экономического поведения. Они подходят к нему как к конкретному случаю общего социально-

го поведения. Следовательно, они интересуются изучением экономического поведения как комплексов ролей и социальных организаций. Характеризуя эти роли и организации, они заостряют внимание на шаблонах власти, системах статусов, сетях коммуникаций и неформальных социальных группировках. Короче говоря, социологи интересуются объяснением вариаций в социальной структуре экономической деятельности и вариаций в поведении, связанном с этой социальной структурой.

Во-вторых, сопоставление можно провести по тем силам, которые оказывают воздействие на экономическое поведение. Экономисты признают, что неэкономические переменные — например, принадлежащие к области политики, права и образования — оказывают существенное влияние на экономическую жизнь. Но в своей собственной дисциплине экономисты обычно делают в интересах экономического анализа допущение, что эти влияния остаются постоянными и, таким образом, не изменяют экономических процессов; иными словами, принимается, что вкусы и институты «заданы». Упростив таким образом для себя картину экономической деятельности, экономисты приступают к анализу влияния экономических переменных друг на друга. В частности, они интересуются объяснением уровней производства, цен, зарплаты и т. д., категориями факторов спроса и предложения в рыночном контексте. Социологи же, так сказать, «ослабляют» строгую заданность таких допущений в соотношениях между экономическими и прочими социальными переменными и занимаются подробным объяснением того, каким образом эти различные типы переменных воздействуют друг на друга. Вот один пример. Экономист, изучающий заработную плату, концентрирует внимание главным образом на тех свойствах рынка, которые оказывают влияние на уровень зарплаты: предложении различных типов специалистов на рынке рабочей силы и спросе на этих специалистов, что в свою очередь обусловливается существующим уровнем техники и спросом на продукцию, производимую этими специалистами. Экономист, особенно если он интересуется, например, инфляцией, может также задаться целью определить воздействие уровня зарплаты на общий уровень цен. Социолог, изучающий то же самое явление заработной платы, вдается в исследование гораздо более широкого круга причин и следствий. Если, скажем,

администрация постоянно «мудрит» с уровнем зарплаты, это может привести к усилению неформальных компаний рабочих и склонить их к подрыву авторитета администрации или же может способствовать образованию нового профсоюза либо активизации уже существующего. И те и другие социальные последствия могут затем оказать обратное воздействие и повлиять на уровень заработной платы.

В-третьих, сопоставление подходов можно осуществить по теоретической разработанности соответствующих областей. Поскольку экономисты ограничивают число изучаемых ими переменных и поскольку они имеют возможность количественно выразить большинство своих переменных, они довели свою науку до высокого уровня теоретической сложности. Разработаны весьма отвлеченные и технические модели экономических процессов, причем зачастую они сформулированы в точных математических терминах. Правда, это теоретическое совершенство достигается нередко ценой чрезмерного упрощения экономистами связей между экономическими и прочими социальными переменными. Социолог проблем экономики избегает такого излишнего упрощенчества, делая упор на том, что социальные факторы во всем их многообразии оказывают влияние на экономическую деятельность, а эта последняя влияет на них. Но и социологу тоже приходится расплачиваться за расширение своих теоретических горизонтов: у него меньше, чем у экономиста, возможностей организовать свою более сложную тематику в достаточно строгие теоретические построения. Таковы некоторые из теоретических противоречий между экономической наукой и социологией экономики.

Проведенное мною сопоставление экономической науки и социологии экономики, возможно, создало впечатление, будто социология экономики — это вполне определившаяся дисциплина, формально организованная, преподаваемая и изучаемая как специальный курс в учебных заведениях. Ничуть не бывало. Социология экономики представляет собой скорее только возникающее перспективное направление исследований. Исследователи, вносящие в него свой вклад, многолики: это и эксперты по трудовым отношениям, и социологи промышленности, и демографы, и экономические антропологи; обучение же в этих областях ведется в рамках социологии труда, со-

циологии досуга, социологии экономического развития и т. д. Однако, несмотря на отсутствие четких организационных форм и многообразие источников, социология экономики последовательно проводит линию на применение социологической теории и социологических исследований к комплексу деятельности, связанной с производством, распределением, обменом и потреблением экономических товаров и услуг.

В остающейся части моих замечаний я проиллюстрирую — выборочно и, конечно, не исчерпывающе — способы, с помощью которых социология экономики проливает свет на связи между экономическими и другими социальными переменными.

Иллюстрация: первичная группа в экономической деятельности

Первичная группа издавна интересует социологов. Речь идет о такой группе, которая достаточно мала, чтобы ее члены могли сохранять тесное личное взаимодействие, и связи внутри которой характеризуются эмоциональной глубиной и лояльностью. В качестве примеров первичных групп можно привести нуклеарную семью, компанию друзей или небольшую боевую единицу, такую, как экипаж самолета. Иследования, проведенные за последние десятилетия социологами и учеными других специальностей, выявили многочисленные способы, посредством которых эти малые солидарные группировки влияют на экономическую деятельность и сами испытывают на себе ее влияние.

Прежде всего было обнаружено, что первичная группа оказывает существенное влияние в процессе *производства*. Еще лет сорок назад ни экономисты, ни промышленные социологи не интересовались воздействием, оказываемым на производство группами рабочих. Представление классических экономистов о поведении рабочего основывалось на логике спроса и предложения. Они исходили из того, что объем труда, предлагаемый индивидом на рынке рабочей силы, является своего рода функцией предлагаемых ему экономических вознаграждений.

Предполагалось, что и в процессе работы объем труда представляет собой функцию таких поощрительных мероприятий, как сдельная оплата и премиальная система. Для промышленной социологии начала XX века был характерен несколько отличный, но столь же ограниченный кругозор. Согласно господствовавшему тогда подходу — «научному управлению», связанному с именем Фредерика У. Тейлора,— рабочих в промышленных организациях можно рассматривать главным образом в качестве обособленных нейрофизиологических организмов с определенными способностями и навыками; более того, эффективность их работы является в основном производной от таких факторов, как скорость рабочих операций, величина расходуемой энергии, количество отдыха, предоставляемого для восстановления сил. Научно-управленческая школа в большей или меньшей степени игнорировала социально-психологические определяющие факторы: моральное состояние и работоспособность.

Признание значения солидарных группировок внутри промышленной организации тесно ассоциируется с возникновением в промышленной социологии в период между двумя мировыми войнами подхода под углом зрения «человеческих взаимоотношений». Когда в двадцатые годы начались знаменитые хоторнские эксперименты в области производительности труда на предприятиях «Вестерн электрик компани» в Чикаго, упор первоначально делался на влиянии различных несоциальных факторов, скажем освещения и перерывов на отдых, на производительность рабочего. Однако в ходе экспериментов исследователям стало ясно, что роль этих «физических» факторов в деле повышения морального состояния и производительности труда далеко не так велика, как роль различных «человеческих» факторов, таких, как обретение статуса, принятие рабочего в важную для него первичную группу и получение возможности высказать свои жалобы терпеливому и отзывчивому начальству. Короче говоря, исследователи выделили солидарные группировки в качестве определяющего фактора экономического поведения. Дальнейшие эксперименты, проведенные в этой области, показали, что компании рабочих могут также способствовать и понижению производительности труда путем введения и навязывания своих собственных неформальных норм выработки, отличающихся от норм,

установленных администрацией. Эти и подобные им открытия положили начало целой традиции научных исследований, посвященных разнообразным отношениям между формальными и неформальными организациями внутри бюрократии и тому, каким образом данные отношения сказываются на функционировании организаций.

Многочисленные исследования в области первичных групп вне экономических организаций выявили способы, посредством которых различные виды семейной структуры могут облегчать или затруднять экономическую деятельность. Некоторые виды семейной структуры, например характеризующиеся правом старшего сына наследовать недвижимость, могут способствовать формированию промышленно-городской рабочей силы, поскольку эта структура приводит к выдворению младших сыновей с земли и делает их потенциальными кандидатами для других видов занятий. Исследование, проведенное Конрадом М. Аренсбергом и Солоном Т. Кимболлом, показывает, что многие мигранты — это младшие сыновья землевладельцев из сельских районов Ирландии. Однако другие черты семейной жизни могут и затруднять экономическую деятельность. Кингсли Дэвис отметил тот факт, что совместная семейная система традиционной Индии в сочетании с ранним вступлением в брак препятствуют миграции людей с земли и потенциальному привлечению их к другим видам деятельности. Дэвид Лэндс доказывал, что характерная структура французской предпринимательской семьи обусловила небольшие размеры типичной фирмы и тем самым затормозила экономическое развитие. В своем исследовании китайской семьи Мэрион Ливи-младший выделил факторы партикуляристского фаворитизма и функциональной разбросанности в качестве характерных черт китайских родственных отношений, которые представляли собой преграду на пути индустриализации. И наконец, многие рыночные механизмы свидетельствуют о своего рода компромиссе между потребностями экономических организаций и потребностями семейной жизни. Особенно ярким примером такого компромисса является организация рынков рабочей силы во многих африканских странах, где рабочие-мужчины проводят часть года — или даже несколько лет — на заработках в городе вдали от своих жен и семей, а остальное время — вместе с ними в сельских районах.

Отношения между семейной жизнью и экономической деятельностью, конечно, не напоминают собой улицу с односторонним движением. Фактически большинство исследований в области этих отношений посвящено воздействию урбанизации и индустриализации на семейную жизнь. Кроме того, многие из исследований носят на себе отпечаток влияния трудов ряда социологов из Чикагского университета — особенно Уильяма Огборна и Эрнеста Берджесса,— делавших главный упор на доказательстве того, будто урбанизация и индустриализация приводят семью сначала к обособлению в маленькую, нуклеарную форму, а в конечном итоге — к ее распаду.

В более поздних исследованиях этот простой тезис, получивший широкое признание, был поставлен под сомнение. Талкотт Парсонс доказывал, что урбанистически-индустриальный комплекс отнюдь не обрекает семью на отмирание, а, наоборот, порождает более высокоспециализированную и в некоторых отношениях более эффективную семейную систему. Другие исследователи усомнились в том, что именно урбанистически-индустриальный комплекс является причиной современной революции в семейных отношениях. Так, например, Гидеон Сьоберг при исследовании «доиндустриальных» городов в Европе, Китае и на Среднем Востоке обнаружил многочисленные свидетельства наличия там патриархальной, широко разветвленной семейной организации; неравноправного положения женщин; родственного партикуляризма — короче говоря, всех характерных черт, ассоциируемых с традиционной *сельской* семьей. Предварительный вывод Сьоберга заключается в том, что урбанизация, как таковая, не причастна к современным изменениям семьи и что их первопричиной является скорее индустриализация. Другие исследователи также указывают на индустриализацию как на основную причину проблемы. Уильям Дж. Гуд отмечает, что современные изменения в семье совершаются на мусульманском Среднем Востоке в том же направлении, что и аналогичные изменения на Западе, происходившие на протяжении последних двух столетий, а ведь промышленная революция еще едва коснулась стран Ближнего Востока. В своем исследовании деревень на юге Индии Т. Скарлетт Эпстайн относит разложение широкой семьи не за счет индустриальных изменений, а, скорее, за счет определен-

ных типов ирригационных нововведений и перемен в характере земельной собственности. Подойдя к этому вопросу под другим углом зрения, Юджин Литвак высказал мысль, что, хотя потребности современной профессиональной структуры и способствуют высокой семейной мобильности, это не приводит к распаду широкой семьи. В сущности, он утверждает, что современные коммуникационные и транспортные системы делают возможными постоянный обмен визитами и прочие контакты между членами широкого семейного круга, даже если они живут далеко друг от друга. Итак, совершенно ясно, что воздействие урбанизации и индустриализации на семейную жизнь отнюдь не отличается такой простотой, какую первоначально приписывала ей Чикагская школа социологов семьи. Оказывается, и другие условия, помимо урбанизации и индустриализации, способствуют образованию более или менее обособленной нуклеарной семьи или семьи, состоящей из супругов, а урбанизация и индустриализация не во всех случаях приводят к созданию семейной системы этого типа. Более определенные представления об этих связях должны основываться как на более сложных и тонких концептуализациях индустриализации и урбанизации, так и на дальнейшем накоплении материалов тщательных сравнительных исследований.

Что касается *потребления*, то, хотя взаимосвязям между первичными группами и экономической деятельностью посвящено не так уж много исследований, вполне очевидно, что первичные группы оказывают заметное влияние на характер потребления. Так, например, жизненный цикл семьи поразительным образом сказывается на типах расходования и экономии средств потребителями. Посмотрим, какие закономерности прослеживаются в жизни американской супружеской четы. В первый, бездетный период своей супружеской жизни работать могут и муж и жена, но при этом бо́льшая часть заработка расходуется на такие предметы длительного пользования, как автомобили, мебель и, возможно, жилье. В ранние годы жизни детей семья по необходимости стремится экономить, либо делать крупные вложения, или откладывать значительную часть заработка в виде сбережений, поскольку расходы на детей все возрастают, а доходы семьи могут сократиться ввиду ухода жены с работы.

В средние годы супружеской жизни, ввиду того, очевидно, что необходимые расходы на зависимых членов семьи сокращаются, заработок мужа достигает максимальных размеров и жена возвращается на работу, семья получает возможность откладывать крупные сбережения на пенсионный период жизни. Однако в поздние годы доходы семьи резко падают в результате ухода супругов с работы и семье приходится жить частично на свои прошлые сбережения. В традиционалистских слоях таких обществ, как Индия, огромные расходы производятся в критические моменты жизненного цикла — такие, как свадьбы, похороны, поминки.

Помимо этих соображений, связанных с жизненным циклом, на характер расходов семьи влияние оказывают роли полов, тесно связанные с браком. Примером тому является спрос на одежду в современной Америке. Женщины, в сравнительно большей степени отдающие свое внимание развлечениям семьи и другим «экспрессивным» ролям, предъявляют спрос на гораздо более разнообразный и пестрый ассортимент одежды и фактически тратят на одежду больше, чем мужчины; напротив, мужчины, относительно более тесно связанные с безличной профессиональной обстановкой, предъявляют спрос на менее разнообразный ассортимент «рабочей одежды» и «служебных костюмов». Далее, резкое разграничение между работой и отдыхом у мужчин современной Америки символизируется в стилях одежды, что обусловливает раздвоение спроса на нее: одноцветную одежду темных оттенков мужчины носят на работе, а одежду более небрежного и даже яркого, цветистого стиля — в свободное время.

Уместно привести и еще один, последний пример того, как взаимоотношения внутри первичных групп сказываются на потреблении. При анализе социальных процессов, способствующих приобретению продуктов питания и предметов домашнего обихода, посещаемости тех или иных кинофильмов и переменам моды, Элихью Кац и Поль Лазарсфельд выделили фактор, который они назвали «двухступенчатым» потоком влияния. В любой конкретной сообщности имеется определенное количество «влиятельных» граждан, которые внимательно следят за национальной и международной рекламой товаров и услуг. Покупательские же склонности остальных потреби-

телей, которые обычно не следят за рекламой или не поддаются ее влиянию, складываются под *личным* воздействием «влиятельных», осуществляемым по большей части через неформальный контакт в сообщности. Помимо всего прочего, это исследование ознаменовалось обнаружением роли первичной группы (в которой тон задает личное влияние) в сфере потребления, подобно тому как ее роль была обнаружена промышленными социологами в производственных контекстах.

Дальнейшие иллюстрации: политические и культурные переменные в экономической деятельности

Я довольно подробно остановился на первичной группе не потому, что она имеет наиболее существенное значение, а по двум другим причинам. Во-первых, я считаю, что лучше более внимательно рассмотреть несколько иллюстраций, чем пытаться поверхностно охарактеризовать всю область социологии экономики. И во-вторых, ведь изучение первичной группы в экономической жизни является в значительной степени продуктом американской социологии. Большинство теоретических нововведений и эмпирических исследований в этой области осуществлено именно американскими учеными. Но, обращаясь к другим областям социологии экономики, мы обнаруживаем, что бо́льшая часть важнейших теорий и даже многие из современных направлений исследований имеют европейское происхождение. Это особенно бросается в глаза, когда речь заходит о месте политических и культурных переменных в экономической жизни. Большинство проблем, сохраняющих ныне актуальность в этих областях социологии экономики, восходит к научному вкладу — и конфликтам — двух гигантов социологической традиции — Карла Маркса и Макса Вебера.

Аргументы Карла Маркса в вопросе о взаимоотношениях между экономической деятельностью и социально-культурными структурами хорошо известны. По Марксу, важнейшие структуры в любом обществе строятся вокруг организации экономического производства. Общие черты

стратификационной системы, политической системы, религиозной системы и остальной надстройки общества определяются именно экономическим строем. Далее, в любой данной системе производства — такой, как капиталистическая,— политическая система и система религиозная рассматриваются в качестве орудий господствующего класса буржуазии в его борьбе с пролетарским классом. Социологические труды Макса Вебера в большей части посвящены изучению тех же самых общих взаимоотношений, но его формулировки радикально отличаются от выводов Маркса. В частности, Вебер интересовался некоторыми неэкономическими условиями, при которых возникает и процветает промышленный капитализм современного западного типа. Один из его наиболее известных аргументов сводится к тому, что подъем аскетического протестантства, особенно кальвинизма, создал социальные и психологические предпосылки возникновения именно этой конкретной формы капитализма. Другой его хорошо известный довод заключается в том, что бюрократия представляет собой наиболее рациональную форму социальной организации для увековечения промышленного капитализма. Вебер обнаружил, кроме того, многие другие плодотворные институциональные структуры в промышленно-правовом комплексе, особенно в имущественных законах и денежных системах.

После этого краткого описания тематики трудов Маркса и Вебера рассмотрим несколько примеров современных исследований, посвященных взаимоотношениям между экономическими явлениями, с одной стороны, и политическими и культурными факторами — с другой. Термин «политическими», взятый здесь в широком смысле слова, включает в себя изучение систем власти в организациях, изучение систем правления и изучение соперничества и конфликтов между группами. Социолог экономики как раз и занимается исследованием взаимоотношений между экономической деятельностью и этими разнообразными политическими явлениями.

Большинство исследований, посвященных системам власти внутри промышленных фирм, касается отношений между типом контроля (обычно характеризуемого в категориях авторитарно-демократического измерения) и моральным состоянием рабочих, их производительностью труда и восприимчивостью к нововведениям. Наиболее

распространенный вывод из таких исследований сводится к тому, что моральное состояние рабочего и его производительность труда выше при руководстве, ставящем в центр внимания работника, чем при руководстве, ориентированном на технические критерии эффективности. Большинство экспериментов и полевых исследований, посвященных контролю, было осуществлено главным образом в Соединенных Штатах и Англии. В обществах с иными политическими традициями иными, возможно, оказались бы результаты исследований.

Научные изыскания в области политических отношений между экономическими организациями и другими социальными единицами успешно продвигались вперед на целом ряде фронтов. Под рубрикой экономики несовершенной конкуренции экономисты исследовали разнообразные политические связи деловых фирм: способы, посредством которых крупные фирмы могут контролировать и, возможно, определять цены и объем производства в монополистических условиях; способы концентрации в хозяйстве богатства и власти и методы, с помощью которых государственная политика (например, антитрестовская политика) воздействует на структуру и поведение фирм. Экономисты и социологи посвятили не слишком большой объем исследований отношениям власти между акционерами и управляющими и между потребителями и предпринимательскими фирмами, зато куда больше исследований было проведено ими в сфере взаимоотношений с позиций силы и конфликтов между предпринимательскими фирмами и профсоюзами. В частности, ученые много изучали причины трудовых споров. Некоторые из этих причин установлены с достаточной степенью достоверности: забастовки происходят чаще в условиях процветания, притом чаще в обособленных отраслях промышленности с однородным составом рабочих и реже при тоталитарных формах правления и в периоды национального кризиса.

Наконец, в центре внимания многих современных исследований и дискуссий находятся взаимоотношения между бизнесом и правительством. Для этих исследований характерны идеологическая полемика и противоречивость полученных данных. Одна школа мысли, выдвинувшаяся благодаря трудам покойного Райта Миллза, утверждает, что за последние десятилетия происходит

нарастающая концентрация национальной политической власти в Соединенных Штатах и что небольшая группа корпоративных руководителей и высших военных чинов сосредоточила в своих руках власть и правомочия принимать важные решения. Однако эта точка зрения оспаривается как методологически, так и по существу. Эмпирические исследования средств экономического контроля над местной политикой также рисуют смешанную картину. В результате изучения одной южной общины Флойд Хантер пришел к выводу, что важные решения принимаются по указке небольшой группы лиц, занимающих доминирующее экономическое положение. Другие исследования, например исследование, проведенное Делбертом Миллером и Робертом Шульце, показывают, что степень господства деловых кругов над местной политикой весьма различна в разных сообщностях и в разные периоды времени.

Как показывают эти немногочисленные примеры, вопросы, с такой убедительной силой поставленные Марксом и Вебером, по-прежнему играют определяющую роль в научных исследованиях, посвященных взаимному влиянию экономических и политических факторов,— это такие вопросы, как условия эффективности власти в организациях; условия, при которых различные заинтересованные экономические группы вступают в борьбу друг с другом; степень доминирования экономической системы над системой политической.

Термин «культура» относится к тому комплексу символов, который придает осмысленный и узаконенный характер ведению социальной жизни. Конкретными элементами культуры являются мировоззрения, ценности, идеологии, эстетические произведения и научные знания. Социолог экономической жизни занимается изучением того, какими способами эти символы облегчают либо затрудняют различные виды экономической деятельности и какими способами экономическое поведение ведет к изменению культурных символов.

Весьма малоисследованной остается роль культурных факторов внутри экономических организаций. В центре внимания проведенных исследований находится главным образом проблематика эффективной коммуникации. Так, например, одной из постоянных проблем бюрократий является проблема разлада в работе, происходящего всякий

раз, когда необходимая информация вообще отсутствует, утаивается, искажается при передаче или поступает со слишком большим опозданием. Многочисленные исследования промышленной бюрократии позволили обнаружить типичные случаи искажений и упущений: подчиненные «припрятывают» информацию, если они не хотят, чтобы она стала известна их руководителям, а мастера «смягчают» приказы сверху из сочувствия к рабочим.

Лучше изучены социологами взаимоотношения *между* экономическими организациями и культурными символами. Некоторые исследования, например исследование Роберта Н. Белла на материале Японии эпохи Токугавы, непосредственно посвящены поднятой Вебером проблеме способов, посредством которых религиозные убеждения стимулируют или тормозят экономическое развитие. Другие ученые изучают отношения между идеологиями и экономической деятельностью. Наиболее досконально изучены способы использования идеологий в качестве инструментов социального контроля в промышленности в проведенном Рейнхардом Бендиксом сравнительном исследовании управленческих идеологий, сложившихся в ходе индустриализации четырех стран: Англии, Соединенных Штатов, СССР и ГДР. Основное внимание Бендикс уделяет тем оправданиям, которые управленческие классы выработали в процессе уговоров рабочих подчиниться их власти. Влияние идеологии в деле смягчения напряжений, присущих ролям, поставлено на первый план в исследовании Фрэнсиса Саттона и др., посвященном кредо американских предпринимателей; эти исследователи объясняют стойкое сохранение идеологии свободного предпринимательства в среде бизнесменов напряжениями в их ролях: например, их собственная амбивалентность по отношению к явлению гигантизма в американской экономике сглаживается в результате активного утверждения ценностей традиционного свободного предпринимательства. В осуществленном Илаем Чиноем исследовании рабочих автомобильной промышленности также подчеркиваются элементы идеологии, способствующие ослаблению чувства разочарования, которые зачастую помогают рационалистически объяснять противоречия между экспектациями, порожденными американской мечтой о равенстве возможностей, и положением рабочих в реальной жизни.

Эти примеры тоже показывают, что проблемы, поднятые Марксом и Вебером, находятся в самом центре современных исследований взаимосвязи культуры с экономической деятельностью, и особенно такие проблемы: следует ли считать, что культурные символы определяются экономическими ролями; оказывают ли эти символы независимое влияние на экономическую деятельность или же отношениями между этими двумя категориями управляет тот или иной вид взаимодействия. При ознакомлении с исследованиями складывается общее впечатление, что существует какой-то процесс общего взаимодействия, но пока социологам не удалось разработать соответствующую теоретическую формулировку этого процесса.

В настоящей главе я попытался обрисовать контуры разрастающейся области социологии экономики и выборочно осветить ее проблемы и исследования. Я не имел возможности полностью охватить всю эту область. Если бы позволяли размеры отведенной мне главы, я бы подытожил и оценил социологическую работу по изучению профессиональных ролей, сравнительных экономических структур, аналитических отношений между экономическими системами и прочими социальными системами и — что, пожалуй, важнее всего — взаимоотношений между экономическими и другими социальными переменными в периоды изменений, особенно когда они исследуются под углом зрения «модернизации». Наконец, как я надеюсь, эта глава дает представление о том, что область социологии экономики находится еще в зыбком, неоформившемся состоянии становления. Хотя уже проведено и проводится немало важных исследований, предстоит еще собрать гораздо большее количество эмпирических данных и создать гораздо более тщательно обоснованные теоретические построения, прежде чем эта область достигнет стадии полной научной интеграции.

13

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Сеймур МАРТИН ЛИПСЕТ

Со времени, когда термин «социология» впервые вошел в употребление, анализ политических процессов и институтов неизменно стоял в центре внимания социологической науки. Социологи утверждают — и многие политологи соглашаются с ними, — что политические процессы с трудом поддаются изучению, если они не рассматриваются как особые случаи более общих психологических и социологических отношений. В последние годы многие политологи разработали и подвергли проверке немало теоретических аспектов социальной науки, имеющих отношение к политике. Термин «политическая социология» получил признание и в социологии, и в политической науке как название дочерней дисциплины, которая охватывает общие области обеих этих наук.

В рамках политической науки данное направление исследований зачастую именуется бихевиористским или социально-научным подходом, а в рамках самой социологии политическая социология лишь сравнительно недавно выделилась в качестве важной научной отрасли; до второй мировой войны этот термин употреблялся в очень немногих курсах лекций и учебниках. Однако связь и частичное совпадение социологии и политической науки фактически восходят ко времени оформления обеих этих дисциплин в самостоятельные науки в конце XIX столетия. Вклад таких европейских ученых, как Вебер, Майкелс, Моска, Парето и Зигфрид, имел прямое отношение к выкристаллизации научных интересов, сформировавшихся впоследствии в две области науки. Остается спорным вопрос о том, кем были те или иные из этих ученых — социологами или политологами. Так, в одном из обзоров утверждается, что крупнейшие социологи конца XIX века

«в большей своей части являлись политическими социологами, можно даже сказать социологически мыслящими политологами» [1].

Наиболее просто политическая социология может быть определена как дисциплина, изучающая взаимоотношения между обществом и государством, между социальным строем и политическими институтами. Но в этом определении отнюдь не подразумевается причинно обусловленный приоритет общества перед государством; политическая социология не сводится, во всяком случае не сводится целиком, к изучению социальных факторов, обусловливающих политический строй. Ведь политические институты сами по себе являются социальными структурами и поэтому сплошь и рядом представляют собой независимые — то есть случайные в обыденном смысле слова — факторы, влияющие на другие неполитические аспекты социальной структуры. Например, во многих и многих научных трудах утверждается, что формальные положения, определяющие структуру исполнительной власти, характер разделения полномочий между различными политическими единицами, или же законы, определяющие методы избрания должностных лиц (избирательные системы, типы избирательных округов и т. д.), — все это оказывало сильнейшее, определяющее влияние на то, какую форму примет классовая структура, какие группы будут иметь групповое самосознание, каковы будут линии коммуникации, в какой мере данные страны разовьют значимые субкультуры и т. п. Социетальные представления о надлежащих отношениях в сфере власти могут сказаться на полномочиях должностных лиц, но зато способ, посредством которого политические институты распределяют политическую власть, может повлиять на ориентации по отношению к облеченным властью лицам в различных структурах. Политика, так же как и экономика, не является второстепенным производным от общих социальных структур.

Государственный строй можно рассматривать в качестве той части социальной системы, которая несет ответственность за распределение общественных ресурсов

---

[1] A. Lepawsky, The Politics of Epistemology, в «Proceedings of the Western Political Science Association», приложение к «The Western Political Quarterly», XVII, September 1964, 32.

и благ. Вполне очевидно, что различные подгруппы внутри общества интересуются, каким образом распределяются подобные ресурсы. Решения, которые принимаются лицами, стоящими у кормила государственного правления, неизбежно по-разному затрагивают интересы тех или иных групп и отдельных людей. Стало быть, должны существовать какие-то механизмы, побуждающие людей признавать как должное систему принятия решений и заставляющие их подчиняться и даже выполнять те решения, которые им не по вкусу. Вместе с тем, поскольку различные группы в системе неизбежно будут расходиться во мнениях относительно того, какую политику следует проводить, государства должны сформировать механизмы, при помощи которых такие группы могли бы максимизировать свою способность оказывать давление на структуру принятия решений. Методы, посредством которых государства вырабатывают общее согласие относительно правил игры и ретулируют взаимодействие между различными интересами и ценностями, исходя из общих категорий законности и раскола, как раз и являются одним из предметов анализа политической социологии.

Законность и эффективность

Стабильность любого данного государственного строя, его долговременная способность принимать решения и обеспечивать их соблюдение без открытого применения силы в значительной степени зависят от его законности и эффективности. Законность связана со способностью системы формировать и поддерживать убеждение в том, что существующие политические институты лучше всего подходят для данного общества; эффективность же означает фактическую деятельность, ту степень удовлетворительности, с которой система выполняет основные функции государственного управления, как их понимают большинство населения и его важнейшие влиятельные группы, например армия и круги, контролирующие основные экономические институты. Тогда как эффективность преимущественно инструментальна, законность носит оценочный характер, связана с ценностями.

Крупный немецкий социолог Макс Вебер высказал

мысль, что власть может обрести законность, то есть признанное «правооснование управлять», по существу, тремя способами. Она может обрести законность:

1. Благодаря *традиции*, иначе говоря благодаря тому, что она «всегда» обладала законностью. Правооснование власти в монархических обществах в основном принадлежит к этому типу.

2. Как *рационально-правовая* власть, существующая там, где лицам, стоящим у кормила правления, повинуются в силу общего признания правомерности системы законов, в условиях которой они пришли к власти и отправляют свои обязанности.

3. Как *харизматическая* власть, основывающаяся на вере в руководителя, которому приписывают великие личные достоинства: в некоторых случаях здесь возможен элемент обожествления, скажем когда дело идет о религиозном пророке, а в других случаях такая вера может возникнуть просто в результате проявления исключительных талантов[2].

Во многих обществах и государствах современного мира законность, как известно, слаба. Ее кризис, по существу, является кризисом изменений.

В подобных государствах весьма вероятно возникновение жестоких кризисов, обусловленных слабостью убеждения в законности политической власти, если 1) в период изменения строя угрозе подвергается *статус* главных традиционно значимых групп и 2) не все главные группы в обществе получают доступ к политической системе в переходный период или, во всяком случае, как только они выдвинут свои политические требования. Для того чтобы выработать законность, новая система должна на протяжении долгого времени оправдывать экспектации главных групп (на основе «эффективности»), с тем чтобы они приобрели твердое доверие к «правилам игры», в соответствии с которыми функционирует новая система, и стали принимать их как должное.

Совершенно очевидно, что наилучшим способом избежать политических трений явилась бы легализация основных структурных изменений при сохранении тради-

[2] В основе своей перечисленные различия были установлены Максом Вебером. См.: H. H. Gerth and C. W. Mills, eds., From Max Weber: Essays in Sociology, New York, Oxford University Press, 1946, p. 78 и далее.

ционной законности в политических институтах. Так, интересно отметить, что если мы подразделим демократические государства на стабильные и нестабильные, взяв в качестве критерия стабильности непрерывное сохранение политической демократии после первой мировой войны *при* отсутствии на протяжении последнего тридцатилетия крупного политического движения, выступающего против демократических «правил игры», то обнаружится прелюбопытный факт: десять из двенадцати-тринадцати существующих в мире стабильных демократических государств являются монархиями. Англия, Швеция, Норвегия, Дания, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Австралия, Канада и Новая Зеландия — все это королевства либо доминионы монарха, тогда как единственными республиками, отвечающими условиям, которые предусматриваются определением стабильной демократии, являются Соединенные Штаты и Швейцария да еще, может быть, Уругвай.

В первой группе стран благодаря сохранению монархии при переходе к современному индустриальному обществу государственный строй, судя по всему, сумел обеспечить лояльное к себе отношение со стороны аристократических традиционалистских и чиновничьих слоев населения, пусть даже эти группы негодовали и противились все более широкой демократизации и уравниванию. В тех же странах, где в результате революции монархия была свергнута и упорядоченное правопреемство оказалось нарушенным, пришедшие на смену монархии республиканские режимы оказались неспособными обрести законность в глазах всех важных слоев населения вплоть до пятого послереволюционного поколения или и того позже.

Вторая общая причина утраты законности в периоды радикальных социальных сдвигов коренится в способах, посредством которых различные общества регулируют кризис «выхода на политическую арену», то есть принимают решение о том, на каком этапе новые социальные группы получат доступ к политическому процессу. Всякий раз, когда новые группы становятся политически активными, скажем когда рабочие впервые пытаются получить доступ к экономической и политической власти, предоставление легкого доступа к *законным* политическим институтам обычно обеспечивает лояльное отношение та-

ких новых групп к политической системе, а они в свою очередь позволяют старым господствующим институтам или стратам, как, например, монархии или аристократии, сохранить свой *статус,* после того как те потеряют власть.

Политические системы, закрывающие новым стратам доступ к власти любым иным путем, кроме решительного нажима или революции, также ставят законность под угрозу, привнося на политическую арену надежды (утопические или несбыточные) на наступление «золотого века». Группы, которым приходится силой пробиваться к государственной власти, как правило, преувеличивают возможности, даваемые участием в политической жизни.

Итак, помимо того, что режимы, появившиеся под давлением подобных обстоятельств, испытывают трудности в связи с тем, что группы, лояльные по отношению к ancien régime, считают их незаконными, они могут быть также отвергнуты и теми, чьи надежды на создание в результате изменений «царства божия» на земле не сбылись. Сегодня многие государства Азии и Африки, недавно ставшие независимыми, сталкиваются с трудной проблемой: как обеспечить лояльность масс по отношению к государственному строю, который мало что может сделать для достижения утопических целей, выдвинутых националистическими движениями в период господства колониализма и в переходный период борьбы за независимость.

В свете встающих перед молодыми странами и послереволюционными обществами нелегких проблем обретения законности нет ничего удивительного в том, что многие из них, как видно, приходят к выводу, что их потребностям лучше всего отвечает харизматическая власть. Харизма, то есть культ личности руководителя в качестве источника власти, обладает большой гибкостью и не требует ни длительного времени для своего формирования, ни рационального набора общепризнанных норм. Руководитель харизматического типа прежде всего является национальным героем, символизирующим в своем лице идеалы и чаяния страны. Более того, он узаконивает новое светское правление, наделяя его «даром своей благодати» [3].

[3] См.: R. M. Morse, Political Theory and the Caudillo, в: Hugh M. Hamill, Jr. (ed.), Dictatorship in Latin America, New York, Alfred A. Knopf, 1965, p. 62—67.

Впрочем, социологи отметили, что государствам, характеризующимся харизматической законностью, присуща меньшая стабильность по сравнению с государствами с иными типами законности. Харизматический руководитель обычно является и *источником* и *представителем* власти. Однако в ограниченных монархиях и конституционных демократических республиках источник, будь то король, номинальный президент или конституция, не несет ответственности за действия того или иного конкретного режима. Население поощряют проводить различие между *источником* власти, который надлежит чтить, и ее *представителем*, политику которого можно *оценивать* как хорошую или плохую. При харизматической системе недовольство деятельностью правительства ослабляет законность государственного строя и может привести к свержению руководителя и его системы. Падение таких харизматических руководителей, как Ли Сын Ман в Корее, являет собой пример сравнительной непрочности харизматической власти в новых государствах Азии и Африки.

В книге «Первая новая страна» я провожу мысль, что на заре своего существования Американская республика, подобно многим новым странам современности, была узаконена посредством *харизмы*, хотя в ней сохранились также сильные элементы рационально-правовой законности, перенесенные из правительств штатов[4]. Мы склонны забывать о том, что Джорджа Вашингтона боготворили не меньше, чем боготворят сегодня многих руководителей новых государств. Однако в отличие от большинства из них он противился нажиму приближенных, пытавшихся превратить его в автократа. Впрочем, он умышленно принимал вид этакого конституционного монарха, сознавая, что важнейший его вклад в упрочение нового государства заключается в том, чтобы дать последнему время установить правление людей, руководствующихся законом, которое мы теперь называем рационально-правовой системой власти. Вашингтон позволил членам своего кабинета образовать враждующие фракции во главе с Гамильтоном и Джефферсоном, хотя сам он питал антипатию к взглядам джефферсонианцев. Он не

[4] S. M. Lipset, The First New Nation: The United States in Historical Comparative Perspective, New York, Basic Books, 1963.

захотел сполна воспользоваться своей харизмой и даже добровольно — притом пребывая, по-видимому, в добром здравии — отказался от президентства; поступив подобным образом, он больше способствовал ускоренному развитию американского государственного строя в сторону рационально-правовой системы власти, чем если бы он принял на себя харизматическую роль in toto. Это почти единственное в своем роде наполовину харизматическое, наполовину рационально-правовое руководство оказало сильнейшее стабилизирующее воздействие на эволюцию общества.

В условиях новых государств или послереволюционных государственных устройств законность приходится обретать с помощью наглядно демонстрируемой эффективности. Лояльность по отношению к системе приходится культивировать путем внедрения в сознание различных групп убеждения в том, что новый государственный строй представляет собой наилучшее — или, во всяком случае, превосходное — средство для достижения их целей. Ведь даже харизматические претензии население подвергает весьма прагматической проверке: велика ли будет выплата? Для большинства подобных режимов наглядная демонстрация эффективности означает сегодня одно — экономическое развитие. В условиях «революции растущих экспектаций» выплата в категориях экономических благ, товаров и жизненных уровней приобретает большее, чем когда бы то ни было, значение. Впрочем, выплата не обязательно должна определяться исключительно в экономических категориях.

Государственный строй может завоевать всеобщее признание через повышение национального престижа. Так, французская Пятая республика добилась широкого признания в среде левой интеллигенции потому, что упор, делавшийся де Голлем на роль Франции как одной из главных независимых стран и на превосходство французского языка и французской культуры, пришелся очень по душе образованным слоям населения.

Различные исследователи объясняют частоту, с которой совершаются в Латинской Америке государственные перевороты, тем фактом, что лишь немногие из латиноамериканских режимов обрели законность после их разрыва с Испанией и Португалией полтора века назад. Не обладая экономической или символической эффективно-

стью, они не сумели достичь законности и поэтому не способны выдерживать кризисы[5]. Всевозможные военные перевороты, происходившие в 1965—1966 годах в Восточной Азии, арабских государствах и Африке к югу от Сахары, также указывают на те проблемы, с которыми сталкиваются государства со слабой законностью, то и дело оказывающиеся перед лицом кризисов эффективности. Политическая устойчивость тех немногих афроазиатских государств, которые обладают традиционной законностью, например Эфиопии и Таиланда, составляет резкий контраст с положением в соседних странах — бывших колониальных территориях.

Как показывает новейшая история, политическое поведение военных ставит перед государствами со слабой законностью особую проблему. Ведь только военные имеют свою внутреннюю организацию, чувство групповой лояльности, авторитетную власть и, что самое главное, средства для быстрого свержения правительства, как только его действия придутся им не по вкусу. Следовательно, прочность норм, регулирующих взаимоотношения между военными и гражданской властью, имеет решающее значение при любом рассмотрении социальных факторов, способствующих политической стабильности. Потребность государственного строя в сильнодействующих нормах, предписывающих контроль штатских над военными, можно сравнить с потребностью семьи в запрете на кровосмешение. Социологи, пытающиеся объяснить повсеместный характер этого запрета и то глубокое отвращение, которое повсюду питают к кровосмешению, высказывают мысль, что данный запрет является жизненно важным условием существования человеческого общества. Они указывают, что в семье старшие ее члены обладают большей силой и властью, чем младшие, и что более сильные — родители, старшие братья и сестры — могли бы делать младших членов семьи своими сексуальными партнерами. При таком положении вещей, да еще при наличии чрезвычайно сильного полового влечения, единственное, что может предотвратить ту угрозу, которую представляет для устойчивости семьи возможность кровосме-

---

[5] См.: M. C. Needler, Latin American Politics in Perspective, Princeton, Van Nostrand, 1963.

шения,— это существование нормы, более действенной, чем все другие, которая преисполняет людей чувством ужаса и сознанием великого греха, если ее нарушают. Продолжая сравнение, следует сказать, что военные могли бы по своей прихоти свергать режимы и, значит, упразднить всякую возможность устойчивого правления. Поэтому государствам требуется действенная норма, которую соблюдали бы военные и которая настаивала бы на разделении политической и военной областей, как бы неприязненно ни относились военные к конкретной политике того или иного правительства.

Признание военными гражданской власти является неотъемлемой составной частью понятия законности. Следовательно, там, где законность слаба, запрет на вмешательство военных в политику также будет недостаточно силен, а военные, надо полагать, станут принимать участие в политической жизни всякий раз, когда государство будет действовать вразрез с их представлениями о том, что является правильным и справедливым, а что — нет. Учитывая эту возможность, общества устанавливают особо строгие нормы, запрещающие офицерам нарушать присягу — клятву повиноваться правительству. Присяге, этому клятвенному заверению в преданности, сопутствует изрядная доля символики и ритуала. В головы профессиональных солдат вдалбливается мысль, что послушание — наивысшая добродетель. (Разумеется, этот упор на послушание связан также и с необходимостью обеспечить повиновение солдат своим командирам во время боя.) А материалы судебных процессов над офицерами, замышлявшими произвести переворот или участвовавшими в попытках переворота, свидетельствуют о том, что зачастую они подолгу откладывали подобные действия под влиянием именно того чувства, что, нарушая присягу, они совершают чудовищное преступление, отрекаются от своей воинской чести. Многие немецкие офицеры, презиравшие Гитлера и нацистов и до глубины души возмущенные преступлениями, которые совершили нацисты, погубившие миллионы евреев и людей других национальностей, так и не могли заставить себя нарушить присягу.

Там, где законность слаба, где армия не воспитана в традициях признания власти штатских, где в недавнем прошлом военным приходилось менять свою преданность

одному режиму на преданность другому в результате получения страной независимости или революции, верность присяге не будет прочной. И если такие режимы не только обладают слабой законностью, но к тому же довольно неэффективно решают внутригосударственные и внешнеполитические проблемы, то можно ожидать, как мы уже отмечали, частых военных переворотов. Этот вывод указывает на необходимость рассмотрения взаимосвязи между применением силы внутри политических систем и эффективностью таких систем.

Инструментальная эффективность и законность имеют гораздо большее значение для демократий, чем для автократий, так как демократия зиждется на согласии. Демократия связана с предоставлением максимально широкого доступа к структуре принятия решений для различных групп и отдельных лиц в государстве. Причем в сложных социальных системах, как подчеркивали Макс Вебер и Иозеф Шумпетер, отличительный способ обеспечения подобного доступа заключается в формировании политической элиты (должностных лиц) в конкурентной борьбе за голоса избирателей.

Различные ученые указывали на наличие статистической связи между уровнем экономического развития и существованием устойчивых демократических государств. Проведенные ими исследования показывают, что чем больше развита страна в экономическом и культурном отношениях, тем больше вероятность того, что в ней имеется система конкурирующих партий [6].

---

[6] См.: S. M. Lipset, Political Man, Garden City Doubleday, 1960, p. 48—67; J. S. Coleman, The Political Systems of the Developing Areas, в: Gabriel A. and J. S. Coleman, (eds.), The Politics of the Developing Areas, Princeton, University Press, 1960, p. 538—544; E. Hagen, A Framework for Analysing Economic and Political Change, в: Robert Asher (ed.), Development of Emerging Nations, Washington, Brooklings Institute, 1962, p. 1—8; Ch. Wolf, Jr., The Political Effects of Economic Programs, Santa Monica, The RAND Corporation, RM-3901-ISA, February 1964, p. 19—34; D. Lerner, The Passing of Traditional Society, Glencoe, Ill., The Free Press, 1958, p. 63.

Партии и голосование

Пожалуй, наиболее широкой единой областью научных изысканий в политической социологии являлось и является изучение поведения, связанного с голосованием, а это отчасти объяснялось тем, что оно легче поддается исследованию. По многим странам имеются статистические данные о выборах, охватывающие длительные периоды времени; к тому же можно с легкостью проводить выборочные опросы избирателей с использованием стандартных методов опроса общественного мнения. Сосредоточение внимания на поведении избирателей весьма плодотворно, поскольку голосование является как основным механизмом согласия в демократических обществах, так и главным средством институционализации конфликтов между различными группами. Однако исследователи выборов интересовались прежде всего соотношением между политическими партиями и такими типами раскола, как классовые, профессиональные, религиозные, этнические и региональные различия, рассматривая их преимущественно в качестве факторов, порождающих политические распри, а не факторов политического согласия.

В современных демократических странах наиболее стабильные источники поддержки партий обусловлены факторами, связанными со стратификацией и культурными ценностями. Существуют сравнительно постоянные партийные размежевания между высшими и низшими — по социальному положению, уровню дохода и степени власти — стратами общества, а также между отдельными группами, имеющими весьма несходные представления об идеальном обществе. Прототипом первого вида раскола является классовая партия, прототипом раскола второго вида — партия религиозная. Трудности, коренящиеся в стратификации, преобладают в экономически развитых, устойчивых государствах, в которых в обычай вошла «политика коллективного торга» — борьба вокруг дележа всего экономического пирога, вокруг установления объема социального обеспечения и планирования и т. д. и т. п.

Культурные или глубокие ценностные конфликты гораздо более характерны для развивающихся стран с неустойчивым государственным строем. В дополнение к конфликтам, коренящимся в классовых различиях, возни-

кают расхождения между приверженцами ценностей, которые берут начало в институтах, связанных с эпохой, предшествовавшей модернизации, и сторонниками ориентаций, присущих процессам социального и экономического развития, то есть модернизации. Примерами культурных конфликтов служат усилия, направленные на подкрепление традиционного положения исторической религии, на сохранение статуса и привилегий высших социальных страт, скажем дворянства, положение которых является функцией доиндустриального общества, и на защиту типа семьи, характерного для статичного сельского общества, от требований, предъявляемых более универсалистской системой. Многие из переменных, ассоциируемых с той или иной позицией в Kulturkampf (культурном конфликте), связаны не со стратификацией, а с различиями в вовлечении в традиционные или современные институты (например, религиозные крестьяне-бедняки могут оказаться консерваторами, а преуспевающие молодые адвокаты, врачи, учителя и др. могут быть радикалами) и с различиями в возрасте и опыте: более молодое и лучше образованное поколение против старшего и менее образованного. Пол также может послужить источником расхождений там, где подобные проблемы имеют важное значение, поскольку в большинстве обществ женские роли в большей степени связаны с религиозными институтами, чем с современными экономическими. Кроме того, женщины в среднем менее образованны, чем мужчины, и поэтому склонны поддерживать скорее традиционалистские партии, чем партии, стоящие за модернизацию.

Во многих молодых государствах, развивших ту или иную форму политической жизни, партийный конфликт связан с разделением на модернизаторские и традиционалистские элементы, а не со стратификационным размежеванием на левых и правых, характерным, скорее, для старых, более богатых и устойчивых государств. Социализм и коммунизм в значительной степени ассоциируются символически с независимостью, быстрым экономическим развитием, социальной модернизацией и с максимальным равенством. Капитализм же связывают с иностранными влияниями, традиционализмом и медленными темпами роста. Поэтому радикальные левые партии черпают поддержку не только в среде определенных слоев

рабочего класса, но в значительной степени также и среди более образованных приверженцев модернизации.

Этим я не хочу сказать, что в развивающихся странах стратификация не приводит к размежеванию на левых и правых. Конечно, приводит. В некоторых из этих стран массовые коммунистические и левосоциалистические партии опираются главным образом на рабочих или на бедняцкие слои сельского населения. Хотя движение Кастро зародилось в студенческой среде и значительная часть его первоначальных сторонников принадлежала к «модернизаторским» элементам среднего класса, после прихода Кастро к власти процентная доля его сторонников из числа людей с более низким общественным положением и меньшим образованием возросла. Важно, однако, отметить, что в результате разделения на приверженцев модернизации и сторонников традиционализма левые получают существенную поддержку со стороны более образованных и более привилегированных слоев — студенчества, офицеров армии, гражданских служащих и администраторов,— которые связывают левые движения или социализм с ускоренной модернизацией [7].

Если мы обратимся теперь к положению в развитых странах, то, как это явствует из различных социологических исследований, обнаружим, что во всех этих странах существует определенная связь между левизной или консерватизмом политических партий и переменными, которые можно выстроить в ряд по стратификационным критериям. Более либеральные или левые партии пользуются непропорционально большой поддержкой со стороны малоимущих, рабочих, крестьян-бедняков, людей

[7] Притягательность левых идеологий для работников умственного труда и других слоев интеллигенции с высшим образованием в слаборазвитых странах подверглась довольно подробному анализу. См.: M. Watnick, The Appeal of Communism to the Peoples of Underdeveloped Areas, в: R. Bendix and S. M. Lipset (eds.), Class, Status and Power, Glencoe, Ill., The Free Press, 1953, p. 651—662; H. Seton-Watson, Twentieth Century Revolutions, в: «The Political Quarterly», XXII, 1951, 251—265; J. H. Kautsky (ed.), Political Change in Underdeveloped Countries, New York, John Wiley, 1962, p. 44—49, 106—113; E. Shils, The Intellectual between Tradition and Modernity: The Indian Situation, в: «Comparative Studies in Society and History», приложение № 1, 1961, 94—108. Пожалуй, наиболее полно этот вопрос освещен Эдуардом Шилзом в: «The Intellectuals in the Political Development of the New States», в: Kautsky, op. cit., p. 195—234.

недостаточно образованных, членов религиозных, расовых или этнических групп с низким общественным статусом. Впрочем, эта связь допускает многочисленные исключения, которые социолог призван объяснить.

Сама сложность (многомерность) стратификационной системы современного общества в значительной мере помогает найти объяснение отклонениям от модального образца. В области политики отклонения от установленного соотношения между поддержкой той или иной партии и любым данным показателем классового положения являются фактором, препятствующим получению левыми постоянного большинства, что, по мнению многих консерваторов XIX века, противившихся введению всеобщего избирательного права для совершеннолетних, неминуемо должно было случиться в силу того факта, что бедных, по-видимому, больше, чем состоятельных. Положение многих людей в различных измерениях стратификационной системы подвергает их противоречивым политическим воздействиям. Так, люди могут занимать высокое положение по степени власти, но несоразмерно низкое по статусу или доходу; они могут высоко стоять на экономической шкале и сравнительно низко — на шкале социального статуса и т. д. Как показали многочисленные исследования, когда люди занимают несовместимые социальные положения, два взаимнопротиворечивых статуса могут породить реакции, отличные от действия каждого из них, взятого само по себе, а иной раз даже вызвать к жизни более экстремистскую реакцию.

Можно предположить, что в общем и целом наличие у людей противоречивых стратификационных рангов обеспечивает поддержку скорее правым, чем левым. Ведь люди постоянно стремятся максимизировать свою самооценку, свое «чувство статуса» и ослабить болезненные удары по их чувству собственного достоинства. Вполне естественно, что они будут пытаться организовать свое восприятие окружающей действительности таким образом, чтобы максимизировать свое притязание на как можно более высокий статус. Так, например, человек, достигший высокого профессионального положения, скорее всего, выйдет из числа членов организации, имеющих низкий статус, переедет в более респектабельный район, быть может, даже поменяет свой прежний церковный приход, не пользующийся высоким социальным прести-

жем, на церковь, прихожане которой занимают более высокое положение, и вообще постарается перенять шаблон поведения высших социальных классов. Будучи поставлен перед выбором норм поведения, диктуемых различными аспектами занимаемых им положений на разных стратификационных шкалах, он, вероятнее всего, изберет нормы, соответствующие более высоким положениям. При прочих равных условиях людям свойственно, если у них имеется какой-нибудь выбор, видеть себя скорее среди более привилегированных, чем среди менее привилегированных. Политически это означает давление, побуждающее людей становиться более консервативными. Это может служить иллюстрацией присущего стратификации «консервативного» уклона, помогающего положить предел влиянию антиэлитарных левых партий, апеллирующих к недовольству и устремлениям многочисленных менее привилегированных слоев.

Разумеется, существуют и многие другие важные факторы, не имеющие прямого отношения к стратификации, которые, как было установлено социологической теорией и практическими исследованиями, существенным образом влияют на поведение избирателей. Эти факторы весьма разнообразны, начиная от влияния тех или иных ценностей и кончая воздействием средств массовой информации и коммуникационных систем. Однако в настоящей главе можно было лишь вскользь коснуться всей тонкости и сложности исследований политического поведения.

Заключение

Рассмотренные в данной главе вопросы, конечно, не исчерпывают всего круга интересов политической социологии. Исследованию участия в политике на различных уровнях посвящена обширная литература. Одни ученые занимаются анализом условий, способствующих возникновению новых общественных движений. Другие стремятся выяснить факторы, влияющие на представительный характер добровольных ассоциаций, например политических партий, профессиональных объединений, групп ветеранов, профсоюзов и т. д. Третьи исследуют явление бюрократизации, пытаясь выявить связь между

формальными структурами крупных социальных организаций и другими элементами в обществе. В самое последнее время политическая социология, как и другие социологические дисциплины, все шире применяет сравнительную методологию. Растет объем исследований, посвященных установлению систематических соотношений между несходными аспектами национальной политики тех или иных стран и различиями в общих социальных системах, частью которых является национальная политика, скажем, в их основополагающих ценностях.

14

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Леон МЕЙХЬЮ

Социология права исходит из предпосылки о том, что право осуществляется в социальном контексте и может быть понято только в этом контексте. Слово «осуществляется» имеет здесь важное значение, потому что с социологической точки зрения право должно рассматриваться не просто как всего лишь статичный набор норм, а прежде всего как процесс. Право осуществляется в судах, административных учреждениях, судебно-исполнительных органах, юридических конторах, конторах предпринимателей и в деловых переговорах между частными гражданами разных профессий и разного общественного положения. Оно осуществляется в ходе использования, истолкования, применения и создания социальных норм с юридически обязательной силой действия, то есть социальных норм, обеспеченных правовой санкцией политически организованного общества.

Социолог занимается объяснением порядка и связи в общественной жизни и, преследуя эту цель, часто подчеркивает значение социальных норм — сложившихся социальных правил, способствующих координации человеческой деятельности. Однако социолог не может остановиться на этом, так как ему известно, что нормы не могут действовать автоматически, сами по себе. Люди — вот кто использует нормы, обращается к ним, интерпретирует и применяет их. Лишь уяснив себе этот процесс, мы сможем понять, как функционируют правовые нормы в социальной организации и каким образом социальная организация формирует и вместе с тем ограничивает правовой процесс.

Например, социологу недостаточно знать, что в американской правовой системе существует «право» быть суди-

мым судом присяжных. Он стремится установить, каких людей и из каких социальных слоев включают в коллегии присяжных и каким образом присяжные организуют свою работу. Ему важно узнать, при каких обстоятельствах присяжные пытаются применять формальное право, а при каких — полагаются на свое интуитивное чувство справедливости. Социолог старается выяснить, какие последствия суд присяжных имеет для функционирования правовой системы, и установить, каким образом сказывается на этих последствиях организация общественной жизни.

Таким образом, социология права уходит своими корнями в общую социологию, потому что социологи заинтересованы в любой человеческой деятельности, имеющей социальный характер. Вместе с тем для правильного понимания истории развития в Америке социологии права необходимо уяснить себе, что социологическое исследование правовых институтов происходило и происходит в контексте обсуждения интеллектуальных проблем, выходящего за рамки академической социологии. Сильные и слабые стороны наших попыток подойти к изучению права под социологическим углом зрения обусловлены тем фактом, что рассмотрение роли права в обществе проходит под знаком дискуссии по трем полемическим вопросам.

1. Исторический опыт Америки с запрещением продажи спиртных напитков и нынешние попытки использовать правовые средства для разрешения расовых проблем крайне заострили внимание на вопросе взаимоотношений между правом и моралью. Рассмотрение этой проблемы заставляет вновь и вновь ставить такие вопросы, как: «Может ли право устанавливать в законодательном порядке моральные нормы?» или: «Способно ли право осуществлять социальные перемены перед лицом противоположных установок в обществе?»

2. На американскую социально-правовую мысль оказали влияние ведущиеся во всем мире баталии между приверженцами «концептуальной» и сторонниками «функциональной» юриспруденции, или юриспруденции «интересов». Еще с XIX века критики чисто концептуальной юриспруденции утверждают, что право не является всего только системой логически связанных друг с другом концепций и норм. Утверждать обратное — значит отказываться от использования права для достижения важных социальных целей. Только в результате признания того,

что юридическая интерпретация является творческой деятельностью, неизбежно реагирующей на социальные запросы и давления, сможем мы направлять и контролировать эту творческую деятельность, с тем чтобы поставить ее на службу определяющим общественным функциям.

3. Американская правоведческая мысль питает особый интерес к понятию законности. Мы стремимся разобраться в том, какими средствами юридический процесс может быть организован таким образом, чтобы гарантировать контроль права над государственной властью и защиту прав граждан во всех слоях общества.

В рамках социологии права существует несколько широких областей, и три вышеупомянутые кардинальные проблемы оказывают влияние на прогресс в каждой из этих областей. Удобства ради обширные сферы исследования социологии права можно подразделить на четыре основные категории.

Во-первых, это изучение функционирования юридических учреждений; во-вторых, изучение развития правопорядка в частных секторах общества; в-третьих, изучение воздействия права на поведение и, наконец, изучение права как нормативной системы, определяющей основные общественные институты и способствующей их согласованию друг с другом. Социологические исследования в каждой из этих областей выявили определенные закономерности и расширили наши знания о праве как социальном институте. Наряду с этим в каждой области остаются неисследованными и неосвещенными многие важные вопросы. При более детальном рассмотрении этих областей мы убедимся в том, что в целом ряде случаев как успехи, так и неудачи социологических исследований объясняются стимулирующим или, наоборот, обескураживающим влиянием интеллектуальной полемики в смежных областях.

Наибольшего успеха исследователи социологии права достигли в объяснении функционирования юридических учреждений. Благодаря «разоблачительным» чертам функциональной юриспруденции поддерживается интерес к выявлению неправовых элементов в правовом процессе. Критики стерильности концептуальной юриспруденции с большой готовностью воспринимают документированные доказательства воздействия реальной действительности на правовые действия. Исследователи с социологической ориентацией вновь и вновь демонстрируют факт влияния

социальных давлений на суды, юристов, коллегии адвокатов, присяжных, административные органы и прочие юридические учреждения. В многократно проводившихся исследованиях доказывалось, что правовую деятельность нельзя рассматривать как простое выражение или отражение правовых понятий и норм. В некоторых случаях эти исследования носили сугубо полемический характер. Сравнительно нетрудно доказать, что на должностных лиц, занимающихся отправлением правосудия, оказывают влияние различные требования реальной действительности; решающая же задача заключается в том, чтобы показать, что эти требования сами систематически организуются как элементы движущейся вперед, функционирующей системы и могут быть поняты в качестве таковых. Далее, нет оснований исходить a priori из того, что нормы и правила не играют роли в организации функционирования.

Так, например, в последние годы ученые разработали чрезвычайно тонкие математические методы для выявления закономерностей в принятии судебных решений. Во многих из этих исследований было с исключительной точностью показано, что меняющийся характер реакций судей на ситуации не может быть объяснен только с помощью правовых норм и концепций. Однако во многих случаях исследователи не пошли в деле освещения организационных источников и последствий вариаций в судебных решениях дальше таких пояснительных понятий, как «судейские установки». Такие вопросы, как: «Каким образом в число судей рекрутируются судьи с теми или иными конкретными установками?» и «Какие последствия имеют расхождения в судебных решениях для деятельности правовой системы?», не были исследованы с такой же тонкостью и точностью. Тем не менее предпринимались попытки обсудить проблемы этого рода. Один исследователь, например, продемонстрировал, что объем расхождений во мнениях в Верховном суде не оставался с течением времени неизменным, и высказал мысль, что рост разногласий среди судей не обязательно является признаком распада правопорядка, а служит указанием на предпринимаемые попытки приспособить правовые нормы к стремительным социальным изменениям [1].

---

[1] E. Snyder, Uncertainty and the Supreme Court's Decisions, в: «American Journal of Sociology», LXV, 1954, 241—245.

Полемическим характером работы по изучению функционирования правовых институтов можно также объяснить некоторые из пробелов в социологических исследованиях по вопросам юридической профессии. Хотя этой последней посвящается все возрастающее количество работ, но эмпирических исследований роли адвоката как фактора социального контроля пока еще мало. Высказывалась мысль, что адвокат, преобразующий конкретные требования клиента в нормативно определяемые иски и настаивающий на том, чтобы клиенты смотрели в лицо реальности, действует в качестве орудия социального контроля [2]. Однако в большинстве исследований, посвященных юридической профессии, упор делается на ненормативные влияния на правовую практику. Похоже, исследователи опасаются, как бы их не обвинили в приверженности наивной концептуальной юриспруденции.

Тот факт, что в своих исследованиях социологи не сумели с четкостью выделить нормативные элементы в функционировании правовых институтов, не должен заслонять от нас реальных достижений социологических исследований в этой области. Уже имеется внушительное документальное подтверждение некоторых принципов, имеющих общее значение. Так, например, многочисленными исследованиями подтверждается следующее общее положение: в каждой точке соединения правовой системы с большим обществом правовые процессы отражают и структуру большого общества. Иначе говоря, структура этого общества обусловливается разделением на социальные страты с различными уровнями престижа; и в каждой точке, где право соединяется с большим обществом, правовой процесс свидетельствует о воздействии, оказываемом на него стратификацией. Таким образом, суд присяжных является институтом, призванным соединять правовой процесс с сообщностью; его специальное предназначение состоит в том, чтобы предоставлять защиту от произвольных действий бездушных должностных лиц. Исследования показывают, что, хотя суд присяжных мыслится как демократический институт, стратификация сообщности воспроизводится в составе присяжных и через суд

---

[2] T. Parsons, A Sociologist Looks at the Legal Profession, в: «Essays in Sociologial Theory», Glencoe, Ill., The Free Prees, 1954. p. 370—385.

присяжных стратификационная система общества воздействует на правовой процесс. Лица, принадлежащие к среднему классу, имеют больше шансов попасть в списки присяжных, а оказавшись в составе коллегии присяжных,— быть избранными ее старшиной, вследствие чего они обычно оказывают несоразмерно большее влияние[3]. Было показано, что стратификация влияет на правовой процесс также и в других точках, в которых правовая система соединяется с большим обществом. Как выбор членов правовой профессии, так и подбор требований, выдвигаемых через суд, обусловлены воздействием социальной стратификации. Вот почему стратификация, формирующая первичные материалы, с которыми она имеет дело, формирует тем самым и всю правовую систему[4].

Необходимо признать, что социальные влияния на правовой процесс не ограничиваются социальными давлениями, оказываемыми на лиц, принимающих правовые решения. Социологов в равной мере интересуют и силы, определяющие, какие именно требования должны выдвигаться в судебном порядке. Доказано, что организованные групповые интересы играют важную роль в определении того, какие спорные вопросы передаются для рассмотрения в правовые органы и в какой форме они представляются. Так, на область права, регулирующую расовые отношения в Соединенных Штатах, значительное влияние оказали стратегические планы Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. Эта ассоциация тщательно подбирала судебные дела таким образом, чтобы в убедительной последовательности выставлять принципиально новые требования, а затем всеми силами отстаивать эти стратегические требования.

Нет никакой гарантии того, что важные социальные интересы будут достаточно хорошо представлены групповой организацией, необходимой для их эффективного юридического представления. Таким образом, решающая задача социологии заключается в том, чтобы предпринять исследования, призванные показать, каким образом некото-

[3] W. S. Robinson, Bias, Probability, and Trial by Jury, в: «American Sociological Review», XV, 1950, 73—78, и F. L. Strodtbeck et al., Social Status in Jury Deliberations, в: «American Sociological Review», XXII, 1957, 713—719.

[4] L. Mayhew, Law and Equal Opportunity, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1968.

рые требования оказываются представленными более эффективно, чем другие. Социолог интересуется, например, воздействием профессиональной этики на юристов, которая зачастую запрещает организованное ведение дел о нанесении личного вреда при посредстве соглашений между профсоюзами или больничной администрацией и адвокатами, специализирующимися на делах о нанесении телесных повреждений[5]. Не приводит ли запрещение подобных соглашений к такому положению, когда страховые компании оказываются более эффективно организованными, чтобы добиться отклонения исков, чем пострадавшие, настаивающие на их удовлетворении?

На этом примере мы ясно видим тесную связь между изучением функционирования юридических учреждений и проблемой законности. Социологам свойственно скептически оценивать действенность правил и норм в достижении социальных целей без поддержки со стороны социальной организации. Одной из главных задач политической социологии является изучение социологических устоев, делающих возможной демократию. В этой связи исследователи политической сферы подчеркивают значение полнокровной жизни всевозможных ассоциаций для обеспечения обстановки политического образования и политической заинтересованности, для эффективной защиты широкого круга социальных интересов и эффективного их представительства. Кроме того, законность не гарантируется одним лишь существованием писаной конституции или общепризнанной традиции верховенства правовых норм. Действующая норма права требует организованного представления претензий, с тем чтобы обеспечить привлечение к ним внимания юридических органов и эффективное их изложение. В правовом контексте особенно важное значение имеет один тип организованной группы — организованная юридическая профессия. Интересно, в какой степени хорошо организованная юридическая профессия способна обеспечить достаточную профессиональную подготовку практикующих юристов, поддержание профессиональных критериев, сохранение ква-

---

[5] См.: K. Reichstein, Ambulance Chasing: A Case Study of Deviation and Control within the Legal Profession, в: «Social Problems», XIII, 1965, 3—17.

лифицированной и высоконравственной судейской корпорации и соответствующее представительство правовых притязаний во всех слоях общества?

Опять-таки и в этом случае приверженцам разоблачительной традиции не составляет труда продемонстрировать недостатки американской адвокатуры. Имеются вопиющие примеры использования ассоциаций адвокатов в целях ограничения правовой практики или противодействия по политическим мотивам назначению квалифицированных судей. В ряде исследований было показано, что и сама адвокатура стратифицирована[6]. Юридические учебные заведения, юридические фирмы и типы правовой практики располагаются по слоям различного престижа таким способом, при котором обеспечивается достаточно полно представительство высокопоставленных заинтересованных кругов. Этой же самой системе стратификации, кроме того, свойственно ставить юристов низкого социального статуса в положение, при котором они сталкиваются с сильными давлениями, побуждающими их заняться профессиональной практикой сомнительного характера. Судя по всему, меньший интерес проявляется к документальному исследованию роли профессиональной организации в поддержании законности. Поэтому нет достаточно ясного понимания механизмов, посредством которых в известной степени осуществляются правовые идеалы. И опять-таки мы рассматриваем слабую сторону функциональной юриспруденции в качестве стимула для социологических исследований в области права. Понятие законности исходит из предположения о том, что правовые нормы или концепции действительно могут направлять юридические решения, с тем чтобы обеспечить гражданам известную степень защиты от организованных средоточий власти в обществе. Подходы, выдвигающие на первый план социологические ограничения, налагаемые на концептуальную юриспруденцию, по-видимому, противоречат подходам, ставящим во главу угла поиски организационных устоев, которые делают возможным функционирование концептуальных норм в правовой жизни.

---

[6] См., например: J. Carlin, Lawyers on Their Own, New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1962, и J. Ladinsky, Careers of Lawyers, Law Practice, and Legal Institutions, в: «American Sociological Review», XXVIII, 1963, 47—54.

К счастью, в настоящее время появляются тщательные и всесторонние исследования проблем профессиональной организации. Так, например, в одном недавнем исследовании была внимательно проанализирована степень успеха, которого добилась Американская ассоциация юристов в снижении роли политических мотивов при избрании федеральных судей. Но вместе с тем в том же исследовании показано, что успех ассоциации привел к передаче большей власти высшим слоям юридической профессии, с тем чтобы обеспечить подбор кандидатов соответственно их интересам и ценностям [7]. На концептуальном уровне предпринимаются попытки разрешить проблему путем более тщательного разграничения понятий «легальность» и «легализм». Первое из них связано с установлением процедурной справедливости и нормативно регулируемым принятием решений, а второе — с ритуализацией притязания на логическую безусловность и вытекающей отсюда невосприимчивостью к настоятельным общественным потребностям и проблемам [8]. Социологическая проблема состоит в том, чтобы выявить социальные условия, которые способствуют поддержанию ответственной автономии, а также условия, допускающие нарушения независимости правовой системы, с одной стороны, и невосприимчивого ритуала — с другой.

Социологический интерес законности не исчерпывается ролью государственного права в обществе, взятом в целом. Под влиянием интереса к проблеме бюрократии социологи изучают аналоги правовых процедур в крупных организациях. При изучении таких явлений, как установление порядка подачи и рассмотрения жалоб, социолог может попытаться осветить функции правовых норм и формальных процедур. В качестве примера такой работы может послужить одно недавно проведенное исследование, обнаружившее, что чем более бюрократична организация, тем в большей степени ее служащие убеждены в том, что они находятся под защитой уставных правил [9]. Как пока-

---

[7] J. B. Grossman, Lawyers and Judges, New York, John Wiley and Sons, 1965.

[8] J. H. Skolnick, The Sociology of Law in America: Overview and Trends, в: «Law and Society», приложение к «Social Problems», Summer 1965, p. 38.

[9] Ph. Selznick and H. Vollmer, Rule of Law in Industry, в: «Industrial Relations», I, 1962, 97—116.

зывают исследования этого типа, достигнуты успехи в деле наглядного подтверждения того, что развитие в организации систем правил может скорее укрепить, чем ущемить, свободу ее членов.

Подобные исследования подпадают под рубрику уже охарактеризованных выше исследований развития правопорядка в частных секторах общества. Интерес к этой проблематике также стимулируется функциональной юриспруденцией, поскольку в одной из своих разновидностей (социологическая юриспруденция Юджина Эрлиха) [10] данное направление юридической мысли выдвигает утверждение, что любой жизнеспособный правопорядок должен отражать «внутренний строй» общества, как он проявляется в социальных группах и ассоциациях. Теперь внимание переносится на конкретные исследования развития «живущих» нормативных порядков, формирующихся как внутри ассоциаций и групп, образующих общество, так и во взаимоотношениях между ними Особенно интересными такие исследования становятся тогда, когда они вдаются в изучение того, каким образом частные группы используют государственное право в качестве орудия при переговорах об установлении частных правопорядков. Недавно один ученый, исследовавший применение юридических документов, предоставил в наше распоряжение богатый документальный материал об отношениях между предпринимателями, занимающимися производством автомобилей, и предпринимателями, занимающимися их продажей [11]. Его исследование показывает, что частные, неформальные системы планирования взаимоотношений и разрешения споров имеют широкое распространение и что их не вправе игнорировать ни один ученый, стремящийся понять действие формального права. Вместе с тем организованные усилия Национальной ассоциации по торговле автомобилями привели к изменениям в законодательстве, которые продавцы автомобилей смогли эффективно использовать в качестве контрдоводов в неофициальных переговорах и которые повлияли на конкретные формы частных

---

[10] E. Erlich, Fundamental Principles of the Sociology of Law, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1936.

[11] S. Macaulay, Changing a Continuing Relationship between a Large Corporation and Those Who Deal with It: Automobile Manufacturers, Their Dealers and the Legal System, в: «Wisconsin Law Review», 1965, p. 483—575, 770—858.

соглашений. Дальнейшие исследования подобного типа будут иметь решающее значение, ибо, для того чтобы выяснить влияние права на отношения между людьми, мы должны, не ограничиваясь рассмотрением использования права в официальных учреждениях, обратиться к рассмотрению применения права во взаимодействиях частного характера. Более того, сама проблема законности может быть поставлена вновь как вопрос о том, организована ли официальная правовая структура таким образом, чтобы служить прочной опорой для использования правовых норм в качестве эффективных инструментов в частных переговорах между неравными сторонами.

По аналогичным причинам важное значение имеет для изучения воздействия права на поведение также и исследование использования права. Ведь влияние права не ограничивается результатами проведения в жизнь законов официальными органами. Необходимо разобраться в том, используют ли частные группы существующее право в качестве средства обеспечения их интересов. Просто поразительно, что в социологических исследованиях так мало уделяется внимания механизмам этого типа. Слабость наших знаний о правовом воздействии обусловлена последствиями исторической полемики о праве и морали. В пылу дискуссии участники заняли до странности крайние позиции: некоторые, например, отстаивали точку зрения, согласно которой право способно лишь ратифицировать уже утвердившиеся нормы или шаблоны поведения. Таким образом, социологи оказываются перед необходимостью растолковывать элементарные утверждения вроде того, что американское федеральное правительство, вероятно, не смогло бы поддерживать свой теперешний уровень деятельности на основе добровольных взносов. Тем не менее социологи приходят ныне к осознанию того, что неправильно ставить вопрос: «Может ли право влиять на поведение?» и что вопрос должен формулироваться так: «При каких условиях право влияет на поведение и через посредство какого механизма утверждается влияние права?»

Накапливается все больше и больше доказательств того, что эффективность права в изменении шаблонов поведения не находится в полной зависимости ни от той степени, в которой оно соответствует господствующим в сообщности установкам, ни от строгости санкций, применяемых для проведения норм права в жизнь. Прежде всего

совершенно ясно, что понятие сообщностных установок отличается сложностью. Мы должны проводить различия между убеждениями сообщности относительно необходимости или желательности того или иного закона, справедливости этого закона, права законодателя принять данный закон и справедливости этого закона применительно к конкретным инстанциям [12]. Готовность сообщности повиноваться закону следует отличать от ее желания повиноваться этому закону. Возможно, людям не нравится платить налоги, но в Соединенных Штатах обычно не оспаривают права правительства облагать ими население. Для полноты объяснения определенных шаблонов несоблюдения законов необходимо включить в него рассмотрение типов убеждений относительно незаконности или тривиальности тех или иных законодательных положений, а также лазеек в организации принудительного проведения в жизнь.

Далее, важно отдавать себе отчет в том, что сообщность представляет собой не однородное собрание индивидов, а сложную сеть разнообразных интересов, убеждений и шаблонов поведения с различными степенями организации. То, что одному из секторов сообщности представляется незаконным и обременительным требованием, является в глазах других секторов необходимым условием эффективного и нравственного функционирования сообщности. Следовательно, любое осмысленное объяснение действия права на поведение должно стремиться выделить имеющие отношение к делу черты организации сообщности, с тем чтобы иметь возможность ответить на такие вопросы: заинтересованы ли определенные специализированные группы в проведении в жизнь данного закона, организованы ли такие группы для выдвижения настоятельных требований о принудительном его выполнении и имеются ли у них, в случае если они организованы, четкие каналы для оказания воздействия на административный аппарат государства? К тому же необходимо уточнить местонахождение в сообщности групп потенциальных нарушителей и способность этих групп прибегать к оборонительным видам стратегии. Короче говоря, недостаток определения проблемы права и поведения как вопроса о том,

---

[12] См.: H. Ball, Social Structure and Rent-Control Violations, в: «American Journal of Sociology», LXV, 1960, 598—604.

может ли право действовать вразрез с сообщностными установками, заключается в непонимании того, что право и есть ответ на установки, существующие где-то в сообщности. Таким образом, задача сводится к тому, чтобы определить, в какой степени сторонникам того или иного закона доступны нравственные и политические рычаги как следствие их положения в сети социальной организации.

Даже при рассмотрении проблемы принудительного проведения закона в жизнь с точки зрения органа, обеспечивающего такое проведение, социальная организация представляется важнейшим объектом исследования.

В трех из четырех основных областей социологии права комбинированное влияние социологического интереса к социальной организации и юридического — к функциональной юриспруденции стимулировало социологическое исследование права, но в четвертой области — области изучения права как нормативной системы — эти источники стимулирования оказали обратное действие. Мало того, что это привело к неправильной постановке проблем, социологи в своем рьяном стремлении показать, что право — это нечто большее, чем система норм или правил, имели обыкновение закрывать глаза на то значение права, в котором оно действительно является совокупностью норм, и это отрицательно сказалось на изучении права как нормативной системы. Исследователей настолько пугали опасности, которыми чревато принятие на веру провозглашенных норм без рассмотрения того, как они применяются и истолковываются юридическими органами и соответствуют ли они живым нормам права, фактически действующим в обществе, что они пренебрегли изучением содержания и функции комплексов правовых норм. Каким образом различные типы организационных проблем порождают те или иные виды правовых норм? Как влияют ценности общества на нормативные решения организационных проблем? Очень жаль, что социология игнорировала подобные проблемы, ибо основоположники социологической теории глубоко интересовались широкими проблемами сравнительного изучения структуры и содержания права как нормативной системы.

К счастью, с ростом наших знаний о применении правовых норм и функционировании правовых институтов все легче становится распознавать, как должны расценивать-

ся общие утверждения относительно содержания правовых норм. С учетом этой возможности ученые могут более свободно рассуждать о значении содержания систем норм. Более того, один авторитетный исследователь правовых институтов пришел к выводу, что в конечном счете функциональная юриспруденция не сводится к одной лишь критике косного концептуализма, а представляет собой позитивную попытку разобраться в том, каким образом функционируют правовые нормы, проводящие в жизнь социальные цели путем принудительного введения нормативных средств контроля. Руководствуясь этой плодотворной идеей, профессор Дж. У. Херст и его ученики и коллеги создали ряд монографий, в которых описываются и истолковываются тенденции в развитии правовых норм. Своими стимулирующими мысль работами о развитии права в Соединенных Штатах проф. Херст, преподаватель-правовед, указал путь для дальнейших социологических исследований. В качестве иллюстрации, характеризующей его научный вклад, можно привести даваемую им интерпретацию связей между правом и условиями свободы. Американское право неизменно служило отражением основополагающей оценки высвобождения творческой энергии человека, однако условия высвобождения творческой энергии менялись с изменением организации общества. Так, по мере того как крупные организации и концентрация богатства приобретали в Америке все более важную роль, американское право перенесло упор с заботы о контроле над средой на заботу о контроле над социальным могуществом [13]. К этому заключению Херст пришел не только путем абстрактных рассуждений о значении содержания правовых норм; он изучал происхождение и применение норм в различных секторах общества и политические контексты, в которых возникали эти нормы.

С социологической точки зрения право должно пониматься как социальный процесс, но все больше выясняется, что понять право как социальный процесс — значит понять функциональное значение правовых норм: как они проводятся в жизнь, как применяются, толкуются и в конечном счете через посредство шаблонов использования

---

[13] J. W. Hurst, Law and the Conditions of Freedom in the Nineteenth-Century United States, Madison, Wis., The University of Wisconsin Press, 1956.

воплощаются в институциональную структуру общества.

Более того, социологи надеются, что рано или поздно социологическое исследование права внесет свой важнейший вклад, осветив структуру институтов современного общества. Такое сложное общество, как общество Соединенных Штатов, строится вокруг основных институтов, которые обеспечивают связность организованной социальной жизни. Институты политической власти, собственности, договора, инкорпорации и брака обеспечивают готовые средства установления целенаправленных и обязывающих отношений между людьми. Эти институты определяются и регулируются правом. Задача социологии права—объяснить, каким образом юридические органы и частные группы используют право для формирования и регулирования поведения посредством образования социальных институтов.

15

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Бернард БАРБЕР

Есть один хороший способ составить представление о структуре социальной стратификации западного общества — это рассмотреть ее динамические процессы и типы ее перемен. Поэтому, кратко охарактеризовав некоторые из ряда различных измерений этой структуры, я бегло обрисую перемены, происходившие в каждом из этих измерений в ходе истории Запада начиная с времен средневековья; далее я покажу, каким образом эти перемены влияли на процессы и тенденции мобильности. Разумеется, всегда существовали и сохраняются до сих пор некоторые национальные различия в этих переменах, процессах и тенденциях. Но сейчас для меня важно опустить эти различия и сделать упор на преобладающие черты сходства, которые уже имеются в настоящее время и которые будут неуклонно возрастать.

Первым среди ряда равнозначных измерений стратификации, которые мы собираемся рассмотреть, является престиж профессий. Во всех обществах мужчина — глава семьи (и своих ближайших родственников) дифференциально оценивается в категориях функционального вклада, вносимого им в общество в «производительных» ролях, которым он посвящает свое более или менее полное рабочее время. Подобные роли всегда различаются по величине их функционального вклада и соответственно дифференциально оцениваются, то есть наделяются различным престижем. В наше время мы называем все такие роли «профессиями», но в прошлом некоторые из этих ролей, например религиозные или военные, могли и не подпадать под такое определение. Однако принцип оставался тем же. Даже если землевладельческо-хозяйственные функции дворянина не назывались «профессией»,

эти дворяне все же фактически подлежали оценке в категориях их сравнительного успеха в деле внесения «производительного» вклада в общество. Легче всего это можно проследить на примере тех из них, кто катастрофически не справлялся с этими функциями своей дворянской роли и вследствие этого утрачивал свой престиж.

На протяжении последних шести-семи веков в западном обществе произошли коренные изменения в структуре профессионального престижа. В прежние времена военные, землевладельческие, хозяйственные, правительственные и религиозно-официальные роли оценивались несколько выше, чем коммерческие, промышленные, научные, преподавательские и всевозможные прочие профессиональные роли. Это совсем не значит в противоположность тому, как изображает иной раз дело утвердившаяся идеология нашей эпохи, что последние из перечисленных ролей не наделялись вообще *никаким* престижем. Но в силу того, что они были относительно менее ценимы, люди стремились переместиться сами или поместить своих сыновей в роли первой из упомянутых категорий, как только им представлялась такая возможность. В наше время последние из упомянутых ролей, как правило, обладают таким же престижем, как и первые. Следовательно, ныне через эти последние роли осуществляется бóльшая социальная мобильность, чем прежде, и лица, получившие такую мобильность, обычно не считают переход в традиционно более престижные роли предпочтительным по сравнению с дальнейшим пребыванием в своих «современных» ролях.

В некоторых западных странах сохраняются незначительные остаточные явления предпочтения старых ролей новым.

Второе измерение стратификационной структуры состоит в ранжировании по степени власти и могущества. Власть (authority) можно определить как законную способность к достижению целей в социальных системах, а могущество (power) — как ее *незаконное* подобие. Вполне очевидно, что и то и другое играет функциональную (а при некоторых обстоятельствах и дисфункциональную) роль во всех социальных системах, больших и малых. В любых обществах некоторые роли заключают в себе больше власти или могущества, другие — меньше, в результате чего происходит стратификация их структур.

До самого недавнего времени стратификация власти и могущества в западных странах имела характер остроконечного пика, причем весьма значительная доля и того и другого находилась в руках высшей знати и духовенства. Борьба за власть и могущество обычно велась между группировками дворянства (включая монархию), а не между дворянством и буржуазией, как хотели бы представить дело некоторые. Мобильность в структуре власти и могущества для отдельных представителей буржуазии обычно означала попасть в дворянские роли в индивидуальном качестве, а не объединиться с другими представителями буржуазии как класса, выступающего против дворянства. Однако мало-помалу, а в некоторых местах, например во Франции, и довольно внезапно, все большая доля власти и могущества переносилась из правительственных, клерикальных и землевладельческих ролей в более современные. Кроме того, с постепенным предоставлением права голоса большинству населения в западном обществе власть и могущество подверглись еще более широкому дроблению, причем низшие группы служащих и рабочий класс увеличили свое относительное влияние. Когда большинство людей имеет право голоса и существует демократический, политический и социальный процесс, массы, состоящие из средних и низших слоев населения, могут объединить свои индивидуальные малые доли власти и оказывать общее влияние, достаточно сильное для того, чтобы по меньшей мере уравновешивать влияние высших социальных классов, а порой и брать над ними верх. Этот новый шаблон структуры власти и могущества предоставляет людям в средних и низших слоях общества более широкие возможности для мобильности как в самой этой структуре, так и в других видах стратификационной структуры постольку, поскольку на них оказывает воздействие измерение, касающееся власти и могущества.

Третье измерение стратификационной структуры составляет доход или богатство. Различные профессиональные роли в обществе обладают разной способностью к получению дохода и к накоплению богатства в виде капитала. Столь же различны в силу семейных связей и шансы на получение богатства в наследство. Иной раз роли, обладающие высоким престижем и властью, например роль папы Римского, способны принести лишь незначительный

денежный доход. Иной же раз роли низкого престижа, например роли воров, могут способствовать накоплению больших сумм денег. Происходящая в результате этого стратификация по доходу и богатству может приобрести либо пирамидальную, либо ромбовидную форму, с более или менее выраженными пиками в том и другом случаях. В целом западное общество эволюционирует от более пирамидального к более ромбовидному типу стратификационной структуры по доходу и богатству, хотя даже при новой форме сохраняется значительная пикообразность, пожалуй не меньшая, чем раньше. Кроме того, сохраняется значительный негативный пик крайней нищеты в нижней части структуры, хотя в общем и целом различные страны современного западного общества постоянно поднимают прожиточный минимум тех, кто находится в самом низу структуры дохода и богатства.

Доход и приобретенное либо унаследованное богатство всегда служили средством как для все большего обогащения, так и для приобретения за деньги доступа к более высокооцениваемым ролям, как это имеет место при «покупке» образования, либо аристократических титулов, либо женихов и невест (например, когда дочери богатых родителей выходят замуж за небогатых, но пользующихся престижем аристократов). Таким образом, как в прошлом, так и в настоящем деньги занимали большое место в ряде процессов мобильности. Но не исключена возможность, что в западном обществе значение денег будет уменьшаться по мере того, как доступ к образованию да и к самим высокооцениваемым ролям ставится во все более прямую зависимость от проявляемых способностей. Возможно, мы эволюционируем в сторону того, что Майкл Янг назвал «меритократией» *, в которой деньги играют очень незначительную роль в процессах социального размещения и мобильности. Причем, как он полушутя-полусерьезно отметил, подобное общество не свободно от своих собственных специфических социальных напряжений и дисфункциональных воздействий.

Четвертое измерение стратификационной структуры — это образование или знание. Люди в обществе всегда пользовались неодинаковым доступом к образованию и

---

* От английского merit — «заслуга», «достоинство». — *Прим. перев.*

знанию, что имело важные последствия не только для выполнения ими различных ролей, назначенных им с рождения, но также и для их возможностей продвигаться в те из других, зачастую более престижных ролей, для выполнения которых они наилучшим образом приспособлены благодаря своим «природным» талантам. Стратификация образования и знания в западном обществе вплоть до самого последнего времени носила ярко выраженный пирамидальный характер. Только с XIX века всеобщая грамотность стала рассматриваться в качестве социально необходимой и морально желательной цели; и даже сегодня полное равенство возможностей в области получения образования остается, несмотря на весь прогресс, достигнутый в этом направлении, скорее надеждой, чем реальностью. В период после второй мировой войны стало особенно заметным отставание в способности стран западного общества (пожалуй, за исключением Соединенных Штатов) предоставлять возможности в области образования, необходимые для национального благосостояния и желательные для людей, стремящихся принести пользу своему обществу и занять более высокое положение в социальной иерархии. Однако социальные потребности управления высокоспециализированными индустриальными обществами, равно как и введение все более решительных эгалитарных норм, заставляют во все большей степени предоставлять равные возможности в области образования. Опять-таки на социальном горизонте вырисовывается перспектива «меритократии», которая занимает свое место в наиболее престижных и авторитетных частях общества благодаря своему праву на равный доступ к возможностям в области образования и благодаря продемонстрированной ею способности максимально использовать эти возможности.

Религиозная или ритуальная чистота представляет собой пятое измерение стратификационной структуры. В категориях функционально значимых религиозных идей, господствующих в том или ином обществе, люди могут в большей или меньшей степени обладать высокоценимыми качествами религиозной или ритуальной чистоты. В индуистском обществе в том, что касается этого измерения стратификационной структуры, существует заметное неравенство, имеющее значительные последствия также и для других стратификационных измерений. В западном же

обществе, где христианская вера *в идеале* нашла выражение в таких принципах, как «братство людей во Христе» и «священство всех верующих», это имело своим важным последствием значительное уменьшение фактического неравенства в данном измерении и даже создание с помощью этой концепции равенства по религиозной и ритуальной чистоте определенной основы для более далеко идущего социального, экономического и политического равенства. В реальной социальной действительности неравенство в других измерениях стратификации, вероятно, постоянно мешало осуществлению христианского идеала полного равенства в религиозной и ритуальной чистоте, причем в прошлом, пожалуй, в большей степени, чем ныне, хотя нам по-прежнему еще далеко до наступления «царствия божия» в этом отношении. Впрочем, идеал христианского и так называемого гражданского равенства (который отчасти уходит своими корнями в христианскую веру) носил радикальный характер и имел далеко идущие последствия для всех измерений стратификационной структуры в американском обществе, особенно за последние 100—200 лет.

Ранжирование по родственным и этническим группам составляет последнее наше измерение стратификационной структуры. Во всех обществах родственные группы — и их продолжения в форме этнических групп — выполняют независимые и существенно важные функции: воспроизводство потомства, социализация детей и обеспечение психологической, социальной и моральной поддержки в отношениях между родителями и детьми, самими родителями, братьями и сестрами и прочими родственниками, составляющими расширенные формы семьи, и этнической группой в целом. Родственные и этнические группы в свете того, каким образом они выполняют эти и другие функции для всего общества и местных сообщностей, в которых они живут, оцениваются по-разному, именно как родственные и этнические группы, совершенно отдельно от их профессионального престижа, степени власти или могущества, уровня дохода или богатства. В результате этого повсюду, где существует этническая разнородность, происходит стратификация родственных и этнических групп. Эти различия в ранге влияют на самооценку членов конкретных семей и на отношение к ним со стороны других.

В более раннюю эпоху истории западного общества эта

дифференцированная оценка родственных и этнических групп не только признавалась, но даже окружалась ореолом в качестве оплота стабильности общества. Однако позднее, по мере того как в западном обществе распространились и утвердились эгалитарные нормы, как в реальной действительности, так и в моральных идеалах возникла известная тенденция к принижению роли родственных и этнических групп. Партикуляристский характер связи с родственными и этническими группами пришел в противоречие с универсалистскими нормами западного общества. Тем не менее необходимые функции родственных и этнических групп сохранились, и их пришлось признать даже перед лицом их несовместимости с полным осуществлением универсалистских норм. Связь с определенными семьями и этническими группами по-прежнему считается достоинством или недостатком как в различных видах социального взаимодействия, так и в сфере возможностей получения доступа к разнообразной социальной мобильности. До тех пор пока функции родственных и этнических групп не будут заменены универсалистскими функциональными альтернативами—а пока ничего подобного не наблюдается, — эти группы будут и впредь дифференциально оцениваться и будет сохраняться определенный шаблон компромисса между этими оценками и требованиями универсалистских норм. Если семья в западном обществе больше и не занимает своего прежнего исключительного положения, она все же по-прежнему пользуется известным почетом и имеет некоторые важные последствия и как собственно стратификационная структура, и как фактор, влияющий на другие стратификационные измерения и процессы.

Не будучи сами по себе независимым измерением стратификационной структуры в том смысле, в каком таковыми являются шесть рассмотренных нами измерений, господствующие в обществе институционализованные нормы относительно мобильности оказывают важное независимое влияние на объем и степень совершающейся в данном обществе мобильности. Разумеется, другие факторы, такие, как соответствующие структуры возможностей, также являются важными детерминантами. Нам кое-что известно об этих различных нормах, господствовавших в разные эпохи и в разных странах на протяжении истории западного общества и получивших выражение в писани-

их представителей хорошо образованных высших классов, которые обычно идеологически обслуживали эти классы. Но у нас мало непосредственных сведений о том, каковы были чувства и мысли людей низших слоев общества. В настоящее время мы при желании могли бы, прибегнув к опросам общественного мнения, охватывающим представительную выборку населения всей страны, установить, какие нормы относительно социальной мобильности имеются в действительности у различных общественных классов. Но даже такого рода исследование предстоит осуществить на систематической и сравнительной основе.

Как указывалось выше, несмотря на существование христианского идеала—равенства всех людей, господствующим типом нормы относительно социальной мобильности до самого последнего времени была в западном обществе так называемая «кастовая» норма, то есть норма, не одобряющая социальную мобильность. Человек может стремиться к социальной мобильности лично для себя, но на общих основаниях такая мобильность не одобрялась в качестве морального блага для всех. Пожалуй, лишь в прошлом веке произошел сдвиг в сторону преобладания типа нормы, получившей название нормы «открытого класса», которая одобряет мобильность *в принципе*. Прежний тип нормы опирался на органическую идеологию общества, которая оправдывала не только относительную неподвижность социальной структуры в целом, но и неизменность положения, занимаемого в ней каждым человеком. Тип нормы открытого класса находит оправдание в идеологии, которая отдает предпочтение «изменениям» или «прогрессу» в обществе и которая утверждает, что индивидуальная мобильность, основывающаяся на заслугах, является как необходимой предпосылкой этого прогресса, так и неотъемлемым правом личности. Тип нормы открытого класса явно представляет собой фактор, способствующий увеличению объема мобильности в новейший период истории западного общества.

То, что в социологическом анализе получило название «стиль жизни», опять-таки является не столько независимым измерением социальной стратификации, сколько *индикатором* (термин Лазарсфельда) одного или нескольких из этих рассмотренных нами измерений. Иными словами, стиль жизни складывается из таких поступков людей и таких предметов собственности, которые истолковываются

ими самими и окружающими как показатели или символы положения, занимаемого ими в той или иной стратификационной структуре. Почти любой вид поведения, или любой предмет собственности, либо предмет роскоши может стать показателем или составной частью совокупности показателей стиля жизни, строящегося по классовому типу. Однако легче всего замечаются и чаще всего вызывают разговоры такие предметы потребления, которые бросаются в глаза. Вот почему, говоря о различиях в социально-классовых стилях жизни, американский социолог-экономист Торстейн Веблен употреблял выражение «заметное потребление». В наиболее общем социологическом смысле, применимом ко всем обществам, заметное потребление свойственно любым классам.

В силу пирамидального распределения богатства и относительной дефицитности потребительских товаров в более ранние периоды истории западного общества различия в стилях жизни разных общественных классов носили гораздо более ярко выраженный характер, чем сегодня. Кроме того, под воздействием кастовых норм, осуждавших мобильность, высшие классы пытались поставить под свой контроль доступ к тем проявлениям их стиля жизни, которые они считали особенно характерными для своего поведения, с тем чтобы максимально затруднить допуск в высшие социальные классы выскочкам, или парвеню, которые получали право занять высокое общественное положение благодаря неоспоримым заслугам, накопленному богатству или власти. Так, ношение мехов зачастую в законодательном порядке разрешалось только дворянству; имелись также и другие формы законодательства, регулировавшего расходы, которые отражались на стилях жизни, имеющих отношение к классовой принадлежности.

На протяжении последнего столетия, несмотря на возникновение экономики массового потребления, классовые различия в стилях жизни в западном обществе не исчезли, но приняли несколько более тонкую форму, чем раньше. Именно это мы имеем в виду, говоря сегодня о «малозаметном потреблении», под которым мы подразумеваем не полностью незаметное потребление, а лишь относительно менее заметное потребление. Под влиянием эгалитарных норм в наше время большее число людей по сравнению с прошлым пытается по крайней мере немного уменьшить относительную заметность своего потребления, связанно-

го с классовым положением, хотя нам еще далеко до воплощения в жизнь той или иной утопии в этом отношении, ожидаемой или действительной. Вообще же можно утверждать, что заметное потребление или различия в классовых стилях жизни будут в той или иной форме существовать и впредь, но что возникла и сохраняется тенденция в направлении того, что я называю *шаблоном грубого равенства и тонкого неравенства.* Эта тенденция отражает и подкрепляет аналогичные изменения в самих стратификационных структурах. Если и создается впечатление, что теперь исчезли различия по части престижа, власти, дохода или стиля жизни, это впечатление обычно оказывается иллюзорным и рассеивается при более пристальном взгляде на реальную социальную действительность.

Теперь мне хотелось бы более подробно остановиться на изменениях в объеме и типах мобильности в западном обществе. Социальная мобильность, направленная как вверх, так и вниз, имеет место тогда, когда мужчина — глава семьи (и своих ближайших родственников) занимает более высокое или более низкое положение, чем его отец, в структуре относительных рангов по каким бы то ни было из различных стратификационных измерений. Судя по всему, мобильность вверх и вниз существовала и существует в некотором объеме во всех обществах, и, конечно, в западном обществе на протяжении его длительной истории не было недостатка ни в той, ни в другой. В силу недавно начавшегося расширения структуры возможностей западного общества в последнее время, вероятно, имеет место бóльшая мобильность вверх, чем в более отдаленном прошлом, но это вопрос степени, а не абсолютных различий. Как в прошлом, так и в настоящем мобильность осуществлялась и осуществляется в небольшой степени, иначе говоря, движение вверх или вниз касается лишь немногих рангов во всей шкале рангов любых стратификационных измерений. Впрочем, и в прошлом и в настоящем имел и имеет место также и определенный объем мобильности, осуществляемой в очень большой степени, то есть с самых или почти с самых низов до самой вершины или почти до самой вершины, и наоборот. Произошло ли в настоящее время значительное увеличение объема мобильности, осуществляющейся в высокой степени, это по-прежнему является открытым эмпирическим во-

просом. Так или иначе, как в прошлом, так и в настоящем высокая степень мобильности представляет собой явление, затрагивающее сравнительно незначительный процент людей, мобильных хоть в какой-нибудь мере. Само собой разумеется, этот сравнительно небольшой процент — менее 10% всей мобильности, совершаемой и вверх и вниз,— как об этом свидетельствуют различные исследования мобильности внутри групп американских предпринимателей и профессиональной элиты, в абсолютном выражении может составить значительное число индивидов и их семей.

На протяжении истории западного общества несколько изменились также и процессы или каналы социальной мобильности. Как мы уже указывали ранее, в последнее время относительно больший объем мобильности, вероятно, осуществляется через более современные профессиональные роли, хотя традиционные роли, скажем религиозные, военные и правительственные, продолжают служить каналами мобильности в модернизованной форме. Для всех ролей константой является возрастающее значение образования в процессах мобильности. По мере того как эгалитарные нормы расширяли равенство в области доступа к возможностям получения образования, а обществу требовалось все больше и больше высокообразованных людей для укомплектования его изменившейся структуры, системы и процессы образования становились все более важными определяющими факторами социальной мобильности. В результате постоянно выдвигаются все более настойчивые требования расширения системы образования на всех ее уровнях как в наиболее современных странах западного общества, так и в быстро модернизирующихся странах других районов мира.

Нам остается рассмотреть одну, последнюю тему — изменения в форме западных стратификационных структур. Если каждого из мужчин—глав семьи (или своих прямых родственников) в любом обществе подвергнуть измерению по какой-либо из отдельных шкал социальной стратификации, совокупность этих измерений даст в результате распределение относительных рангов, которое можно представить в виде структурной фигуры наподобие того, как гауссовская кривая нормального распределения представляется фигурой колоколообразной формы. По целому ряду причин, связанных с такими вопросами, как потребности социальных систем и распределение талантов у индиви-

дов, занимающих то или иное положение в социальных системах, структуры относительных рангов обладают не которой — большей или меньшей — степенью иерархии, то есть более или менее крутым заострением к вершине С учетом факта иерархии двумя основными фигурами образующимися при распределении стратификационных рангов, являются пирамида и ромб. Эти две фигуры показывают, что всегда имеется меньшинство, занимающее ранги ближе к вершине, — «элита» или совокупность «элит». Однако в пирамидальной фигуре, кроме того, сравнительно немного людей обладают средними рангами, а масса населения находится в низших рангах. В противоположность этому ромбовидная фигура характеризуется пропорционально бо́льшим сосредоточением людей в средних рангах, чем в низших, хотя в низших рангах остается достаточное количество лиц, чтобы образовать заострение в нижней части ромбовидной в основе своей фигуры.

Хотя, конечно, у нас нет точных данных, похоже на то, что за последние сто лет или около того западное общество проделало эволюцию преимущественно от пирамидального типа структуры в ее различных стратификационных измерениях к преимущественно ромбовидному типу. По мере развития специализации в разделении труда и повышения средних уровней квалификации и ответственности в различных «производительных» или профессиональных областях в западном обществе увеличилась доля ролей среднего ранга. Благодаря взаимодействующим процессам социальной эволюции появилось пропорционально большее количество положений среднего ранга в таких стратификационных измерениях, как власть и могущество, доход и богатство. Это обычно и имеют в виду, говоря, что западное общество характеризуется понятием «средний класс», а именно что самый большой процент населения принадлежит по своему рангу к верхней, средней и нижней частям средних слоев, а не к остроконечной верхушке или основанию стратификационных пирамид. Процент людей, принадлежащих к средним рангам, столь велик, что авторы некоторых трудов об обществе, в особенности противники этой недавно возникшей тенденции, ввели в употребление термин «средняя масса». В обществе современного типа, хронологическим и типологическим предтечей которого является западное общество, огромное большинство людей будет принадлежать к

средним рангам, и их позиции сплошь и рядом будут символизироваться «белыми воротничками». Мы не хотим этим сказать, что устранены все трудности сравнительной оценки, — далеко нет. Как и всегда, проводятся различия в рангах — своих собственных и окружающих людей, но, когда множество лиц занимают близкие друг другу положения в средних рангах, эти различия носят более детальный и тонкий характер.

Изменение пирамидальной в основе своей фигуры в стратификационных структурах западного общества преимущественно на ромбовидную означало постоянное расширение структур возможностей для лиц, находящихся в низших слоях общества. По мере того как относительное количество положений в средних рангах продолжало увеличиваться, возрастало в силу этого и число возможностей для социальной мобильности вверх, возможностей, созданных меняющейся формой социальной системы, в отличие от таких возможностей, которые могут быть созданы самими индивидами даже в сравнительно статичном типе стратификационной структуры. В настоящее время, как и в прошлом, существует некоторая мобильность вниз, но, надо полагать, что сравнительный объем мобильности вверх увеличивается по мере расширения структур возможностей в западном обществе. Так, расширение происходит в различных странах различными темпами и в различные периоды истории, и, хотя подобное расширение, по-видимому, имеет социологический предел, оно, вероятно, пока будет продолжаться в большинстве районов западного общества. Но основополагающая тенденция остается прежней.

РАЗДЕЛ IV
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

16

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

Норман У. СТОРЕР

Если бы мы начертили карту сегодняшней американской социологии, оказалось бы, что социология науки занимает на ней сравнительно незначительное место. Однако она граничит с социологией познания, социологией образования и социологией профессий, и никак нельзя сказать, что она стоит особняком и не имеет союзников. В дополнение к этим трем смежным областям она имеет также тесные связи с исследованиями формальных организаций и творческой деятельности. Хотя в настоящее время в Америке, вероятно, найдется лишь десяток-другой социологов, считающих социологию науки основным центром своих научных интересов, их число неуклонно возрастает. Разумеется, этот рост отчасти объясняется все увеличивающимся практическим значением науки как в национальном, так и в международном плане, но, помимо этого, получает все более широкое признание и самостоятельный интерес к изучению науки в качестве отдельной области социального поведения.

Как и в любой другой специальной отрасли социологии, тот, кто говорит, что предметом его научной работы является «социология X», тем самым указывает, что в центре его интересов находится поведение людей, занимающихся с «X», или принадлежащих к «X», или находящихся под влиянием «X». Итак, социология науки представляет собой исследование шаблонов поведения, свойственных ученым, факторов, влияющих на их поведение, и последствий их поведения для более широких групп и обществ, к которым они принадлежат. Таким образом, наука мыслится как социальный институт, как комплекс шаблонов поведения и взаимоотношений, имеющий доста-

точную внутреннюю связь, чтобы позволить нам отграничить его от других сфер социального поведения.

В этих первоначальных рамках социолог в области науки задается вопросами о характере существующих между учеными взаимоотношений, о том, каким образом люди становятся учеными, а также как обучаются они поддерживать шаблоны поведения, характеризующие их как ученых. Он задается далее вопросом о соотношениях между нормами, регулирующими поведение ученых, и об их связи с общей целью науки. Эта цель, которую Роберт К. Мертон назвал «расширением достоверного знания», представляет собой как бы мерило «социального здоровья» науки и, кроме того, служит основой для анализа того, каким образом ученый обретает желание участвовать в этих шаблонах поведения и поддерживать управляющие ими нормы и ценности.

Помимо этих основополагающих вопросов, ставится, конечно, и множество других, которые могут иметь большее практическое значение. Какие факторы стимулируют или, наоборот, тормозят творческую научную деятельность в различных условиях? Каким образом можно поощрить молодых людей избирать ту или иную научную карьеру? Каким образом сказывается на научной сообщности увеличение объема материальной поддержки, предоставляемой ей обществом, и повышение общественного престижа ученых? То обстоятельство, что социология науки занимается вопросами, имеющими как фундаментальное теоретическое значение, так и прямое отношение к важным практическим проблемам, служит залогом того, что в ближайшие годы произойдет значительное развитие этой области.

Социология науки не сразу пришла к такой перспективе, да я и не могу с уверенностью утверждать, что мои коллеги в данной области во всех отношениях согласятся с этим сжатым описанием нашей работы. По простой аналогии с известным нам развитием других новых научных дисциплин мы знаем, что поначалу в такой новой отрасли могут иметь место значительные разногласия по вопросу об определении ее центральных интересов и основной проблематики. Сплошь и рядом лишь по прошествии десятка лет или даже больше удается выработать общее определение такого рода, приемлемое для всех тех, кто работает на данном поприще. Мне лично кажется, что со-

циология науки уже проделала добрую половину пути в этом направлении, хотя многое еще предстоит сделать, прежде чем обрисуется перспектива, приемлемая для значительного большинства специалистов.

Между прочим, следует отметить одну из характерных черт этой области: она не может не быть порой в высшей степени интроспективной. Ведь говорить о своей собственной речи или анализировать свои собственные аналитические процессы бывает временами довольно затруднительно. Проводить же исследования, посвященные процессу исследования,— задача еще более сложная, но зато она косвенно обещает исследователю, что, изучая науку в более широком плане, он лучше узнает себя как ученого.

После того как новая сфера научных интересов обретает свое собственное лицо, она получает возможность оглянуться назад и попытаться установить, какие ученые и направления научной работы могут теперь рассматриваться как стоящие у ее истоков. Хотя этот процесс бывает иной раз связан с переоценкой значения научного вклада отдельных ученых, имеет смысл совершить краткий экскурс в историю социологического изучения науки, чтобы познакомиться с его основоположниками. Разумеется, нет никакой возможности с точностью указать, кто из ученых первым занялся изучением науки в социологической перспективе. Но мы можем с полным основанием утверждать, что еще в 1921 году немецкий экономист и социолог Макс Вебер отмечал в своих трудах о мировых религиях, что определенные конфигурации социетальных ценностей могут способствовать или препятствовать развитию науки в том или ином обществе. Задолго до этого появлялись исследования о науке и ее отношениях с другими компонентами общества, но вряд ли можно утверждать, что в дискуссиях о «войне между наукой и религией» наличествовал подлинно социологический подход к этой теме.

Вплоть до тридцатых годов нашего века наука рассматривалась прежде всего как нечто такое, что может или, наоборот, не может развиваться в том или ином обществе, или же как неизученный источник знания, имеющий различные последствия для остального общества. Подобные исследования подпадали, как правило, под рубрику изучения социальных перемен или же рассматривались как часть социологии познания. Питирим Сорокин

находил эмпирическую науку особенно симптоматичной для того, что он называл «ощущаемой» системой истины в более широкой теории циклических социальных перемен, а Уильям Филдинг Огборн считал науку главным фактором, порождающим «отставание культуры в обществе». Ученые-марксисты также занимались этой проблематикой и уделяли в тридцатые годы большое внимание вопросу о взаимоотношениях между экономическим строем и подъемом науки.

Пожалуй, высшего расцвета подход к науке с точки зрения социальных перемен достиг в 1938 году с опубликованием труда Роберта К. Мертона «Наука, техника и общество в Англии XVII века», а выход в свет в 1946 году работы Огборна «Социальные последствия авиации» ознаменовал собой вершину исследований, выдвигающих на первый план последствия научно-технического прогресса для общества. Работа в этих областях, конечно, продолжается, но с тех пор центр внимания социологии науки переместился на более конкретные проблемы, связанные с внутренней структурой и динамикой науки.

Интересно отметить, что Мертон был также и автором первой важной работы в этом новом направлении, которая появилась одновременно с опубликованием труда «Наука, техника и общество в Англии XVII века». Речь идет о докладе «Наука и социальный строй», с которым он выступил в 1937 году. В этом докладе и в сделанном им в 1942 году докладе о «Науке и демократической социальной структуре» были сформулированы руководящие принципы, которых с тех пор широко придерживаются другие исследователи.

Вполне естественно, что до конца тридцатых годов социологию науки и социологию познания считали нераздельной парой или рассматривали первую в качестве вспомогательной дисциплины в рамках последней. Это вытекало из той точки зрения, согласно которой основное значение науки для общества заключается в выработке ею эмпирического знания. Как я подозреваю, неспособность социологов более тщательно изучить внутреннюю структуру науки объясняется также тем, что они приняли или стремились защитить существующий внутри науки миф о том, что наука каким-то образом отличается от прочих областей человеческой деятельности и *свободна* от присущих им трудностей. Пока предполагается, что поис-

ки знания ведутся в соответствии с рациональными процедурами и без вмешательства таких не относящихся к делу факторов, как личностные различия и политические соображения, изучение социальной структуры науки явно будет представляться малоинтересным занятием.

Однако, по мере того как социология обретала все большую зрелость и возрастала потребность общества в повышении производительности науки — особенно во время второй мировой войны и в послевоенные годы, — получило признание мнение, что социальные взаимоотношения между учеными не обязательно тождественны отношениям, характеризуемым «чистыми» правилами научной процедуры. Соответственно внимание во все большей степени переносилось на внутренние характеристики научной сообщности, причем «этос» науки стали вполне правильно рассматривать в качестве совокупности *«идеальных»* норм и ценностей, а не в качестве прямого отражения действительности.

Текущие исследования

Вместо того чтобы дать подробный обзор нынешнего состояния дел в социологии науки, который занял бы слишком много места, я хотел бы осветить три важные темы, рассмотрением которых занимается эта дисциплина, в качестве иллюстрации ее сферы охвата и ее нынешних интересов. Во-первых, это центральная проблема динамики и структуры науки — проблема энергии, приводящей ее в движение, и способов направления этой энергии по соответствующим руслам. Во-вторых, это более близкая к практике область вопросов, касающихся морального духа и научной производительности ученых в различных условиях. Наконец, мы рассмотрим отношения между наукой и государственной политикой, сосредоточив внимание на проблеме того, каким образом знания и технические достижения ученых могут быть поставлены на службу важнейшим задачам общества.

Структура и динамика науки

Можно смело утверждать, что начало социологическому анализу социальной и культурной структуры науки

положили исследования Мертона в конце тридцатых годов. Эти исследования явились естественным последствием проявлявшегося им ранее интереса к тому, каким образом ценности, характеризовавшие пуританскую Англию XVII столетия, оказались столь благоприятными для возвышения науки в этой стране. Теперь же он пошел дальше, занявшись концептуализацией компонентов этоса науки и приступив к объяснению их функционального значения для науки. Вкратце этос науки определялся как нечто слагающееся из четырех основополагающих ценностей. Этими ценностями являются: *универсализм* (убеждение в том, что природные явления повсюду одинаковы и что истинность утверждений относительно их не зависит от утверждающего); *общность* (принцип, согласно которому знание должно свободно становиться общим достоянием); *бескорыстность* (ученый не должен использовать свои открытия для личной выгоды—финансовой, престижной или прочей) и *организованный скептицизм* (ответственность каждого ученого за оценку доброкачественности работы других и за предание этих своих оценок гласности).

Как оказалось, эти ценности mutatis mutandis необходимы в любой области научной деятельности, целью которой является получение истины, будь то эмпирической, эстетической или философской. Без шаблонов поведения и взаимоотношений между учеными, предписываемых этими ценностями, коллективные поиски истины оказались бы подорванными в результате своекорыстных побуждений, присущих каждому человеку. Истины продавались бы тому, кто за них больше заплатит, люди науки не решались бы критиковать работу друг друга из страха ответных мер, причем ученые планировали бы свои исследования не таким образом, чтобы принести максимальную пользу в деле расширения совокупности доступного для всех обобщенного знания, а чтобы получить максимальную личную выгоду.

Не останавливаясь на этом, Мертон осветил еще один аспект науки, который вошел в качестве столь же важной составной части в нарисованную им картину. Речь идет о его анализе споров о приоритете научных открытий, который был представлен им в его президентском обращении к Американской социологической ассоциации в 1957 году. Опираясь на многочисленные примеры из истории науки, он указал на основополагающее значение про-

фессионального признания в качестве законного вознаграждения за научные достижения. Для того чтобы быть хорошим ученым, необходимо делать вклад в расширение знания, то есть совершать открытия. Поскольку честь открытия принадлежит только первому человеку, сделавшему его, споры о приоритете в открытиях велись на протяжении всей истории науки. Согласно интерпретации Мертона, эти споры свидетельствуют о том, какое важное значение для ученого имеет профессионально компетентное указание его коллег, что он действительно внес существенный вклад в научный прогресс. Эти указания, составляющие в совокупности то, что мы называем профессиональным признанием, варьируются от простой ссылки в труде другого ученого до такого почетного признания в глазах всего мира, как награждение Нобелевской премией.

Если рассматривать глубокую преданность ученого делу расширения знания под этим углом зрения, становятся понятными как его заинтересованность в профессиональном признании, так и его неизменная поддержка ценностей науки. В первом случае профессиональное признание подтверждает его надежду на то, что он отвечает требованиям своей роли, а во втором он поддерживает эти ценности потому, что они необходимы для дальнейшего расширения знаний.

Иное истолкование данных явлений было предложено автором этих строк. Оно основывается на предположении о том, что творчество является естественным побуждением человека и что для подлинного ощущения завершенности творческого акта нам необходим компетентный отзыв других. Разумеется, творчество представляет собой *высшее благо* в научной деятельности, и, как мне кажется, стремление ученого сохранить свою способность получать компетентный отзыв на свои научные творения может послужить альтернативным объяснением того, почему ученые неизменно поддерживают этос науки и почему их целью принято считать общее расширение знания. С этой точки зрения заинтересованность ученого в профессиональном признании фактически является не чем иным, как его заинтересованностью в получении компетентного отзыва на его научные работы, причем когда благоприятный отзыв выражается в официальной форме, он представляет собой акт профессионального признания. Таким образом, приверженность ученого этосу науки может рассматриваться

как поддержка им социальной структуры, благодаря которой он имеет возможность получать компетентный отзыв на свое научное творчество.

Далее, поскольку считается признанным, что знание каким-то образом существует отдельно от его индивидуальных носителей, оно приобретает универсальный характер, так что творчество должно оцениваться в соответствии с универсальными критериями, воплощенными в литературе или в искусстве. Итак, стремление к созиданию становится в то же самое время стремлением к расширению сферы знания, являющемуся задачей ученого.

Однако из этого отнюдь не следует, что ученые открыто проявляют желание получить профессиональное признание. Более того, их крайняя амбивалентность по отношению к получению профессионального признания послужила Мертону еще одной темой для чрезвычайно интересного раскрытия социальной динамики науки. Он приводит множество примеров того, как ученые сначала отрицают какую бы то ни было свою заинтересованность в профессиональном признании, а затем страстно домогаются его или страстно отстаивают уже полученное ими признание. Как видно, эта амбивалентность объясняется нормой научной скромности, а возможность того, что открытое выражение заинтересованности в получении признания могло бы само по себе отрицательно отразиться на качестве получаемого отзыва, является, вероятно, другой причиной амбивалентности ученого по отношению к признанию.

Итак, здесь мы имеем в идеальной форме социальный институт науки, участники которого коллективно занимаются расширением знаний и руководствуются в своей деятельности системой норм и ценностей, которые одновременно обеспечивают ценность их научного вклада и подкрепляют их мотивацию.

В более широкой перспективе мы можем рассматривать науку в качестве профессии — карьеры, основывающейся на овладении специальной отраслью знаний. Самый главный атрибут любой профессии заключается в том, что ее члены несут ответственность за специализированную отрасль знания — за ее сохранение, передачу, расширение и применение. Таким образом, наука в общих чертах сопоставима с другими профессиями, такими, как юриспруденция и медицина, если не считать того, что она делает упор на расширение знания, тогда как «обслуживающие»

профессии делают упор главным образом на практическое применение знания.

Подобно тому как врачи не могут допустить, чтобы дилетанты указывали им, как они должны лечить, так и ученые должны быть свободны — в интересах максимальной эффективности их работы — от внешнего вмешательства. Хотя большая часть американских ученых занята в правительственных учреждениях и промышленных фирмах, а не в университетах, обидное различие, которое проводится иногда между «чистыми» и «прикладными» исследованиями, по-видимому, отражает тот факт, что ученый, принятый на службу специально из-за его исследовательских способностей, должен подчиняться требованиям своего работодателя. Следовательно, он не может быть полностью свободным в выборе проблематики своих исследований и руководствоваться только соображениями расширения знания и в этом смысле менее «эффективен» как ученый. Он не имеет возможности полностью вести себя так, как надлежит идеальному ученому, и проигрывает при сравнении с университетскими учеными, пользующимися большей свободой.

Моральный дух и научная производительность

Это подводит нас к общей проблеме морального духа и научной производительности ученых — к изучению категорий, которые имеют особенно важное значение при определении того, удовлетворен ли ученый своим положением и своим делом, и которые поэтому оказывают влияние на количество и качество его научной работы. Эта тема по вполне понятным причинам явилась в последние годы предметом многочисленных исследований, результаты которых в общих чертах соответствуют тому, чего следовало ожидать исходя из нашего описания науки как социального института и как профессии.

Считается, что ученые, как и другие профессионалы, мотивируются в своей работе главным образом не экономическими соображениями. Ведь в противном случае профессионалы, скорее всего, эксплуатировали бы приобретенные ими специальные знания за счет своих клиентов и быстро утратили бы доверие последних; в науке, где

выше всего ценится творческая деятельность, а ученые не имеют клиентов в обычном смысле слова, соответствующим quid pro quo является не денежное вознаграждение, а компетентный отзыв на творческие достижения. Таким образом, зарабатываемые ученым деньги расцениваются как средство, облегчающее его работу, а не как цель его деятельности, и, пока его доход достаточен для удовлетворения потребностей его семьи (в свете того, что он считает необходимым для своего социального положения), его моральное состояние будет определяться главным образом другими, специфически научными факторами.

Один из этих факторов имеет прямое отношение к динамике науки: речь идет о степени убежденности ученого в том, что его научная работа получает достаточное признание. Сознание ученого (пожалуй, это в большей степени относится к университетским ученым, чем к ученым, работающим в промышленных и государственных лабораториях), что его научные достижения пользуются заслуженным признанием со стороны его коллег, влияет на общую его удовлетворенность своим положением, на его намерения оставаться на прежней работе или перейти на новую и даже на качество его научной деятельности. Анализируя данные, полученные по крупной государственной лаборатории, Барни Дж. Глейзер обнаружил, что те ученые, которые выражают некоторую неудовлетворенность степенью признания их научных достижений, действительно менее удовлетворены своим местом работы, чаще подумывают о переходе на другую работу и в какой-то мере снижают свою научную производительность по мере роста их неудовлетворенности. По-видимому, подобные данные воспроизводят в небольшом масштабе реакции ученых, обнаруживших, что их открытия уже были сделаны ранее другими, хотя сами они об этом ничего не знали. Мертон приводит несколько исторических примеров, когда, обнаружив это, разочарованный ученый либо вообще бросал науку, либо ожесточался и утрачивал способность к научному творчеству.

В организационном плане потенциальный конфликт между потребностью ученого в профессиональной автономии и потребностью его работодателя в предсказуемости результатов и в осуществлении контроля в рамках организации, как оказалось, также является фактором, влияющим на моральный дух ученых. В основе своей этот кон-

фликт порождается попыткой служить двум господам — ценностной системе науки и работодателю. В университете, естественно, этот конфликт сведен до минимума, поскольку ученому обычно платят за преподавание, а не за осуществляемую им исследовательскую работу, причем заинтересованность работодателя в научной работе ученого ограничивается, как правило, заботой о том, чтобы она имела значение для его собственных коллег. Университет бывает рад иметь в числе своих преподавателей лауреата Нобелевской премии, каков бы ни был характер работы, удостоенной этой награды.

Однако в промышленности, а в меньшей степени и в государственных лабораториях обычно предполагается, что ученый должен работать над теми проблемами, которые важны для его работодателя, скажем над созданием или усовершенствованием новых видов продукции и прочими аналогичными проблемами, что принесет пользу компании, а не науке в целом. Кроме того, здесь нередко подвергается ограничениям свобода ученого предавать гласности свои открытия, поскольку они могут дать его компании важные преимущества в конкуренции с другими фирмами.

Пожалуй, какая-то часть подобных конфликтов может быть сведена до минимума благодаря стилю руководства, применяемому лицом, возглавляющим научную работу. Как показывает исследование, проведенное в Мичиганском университете Дональдом Пельцем и его сотрудниками, наиболее эффективен, то есть больше всего поддерживает у ученых, состоящих на службе, чувство удовлетворения, стиль руководства, характеризующийся своего рода «соучастием», тогда как и авторитарное руководство и полное невмешательство в работу ученого менее эффективны. Этот вывод был совершенно независимо подтвержден Джеральдом Гордоном из Чикагского университета, который обнаружил, что самый высокий процент «наиболее новаторских» научных исследований в области медицины (к числу которых группой профессионально компетентных судей была отнесена примерно пятая часть исследований) поступил из больниц, а не из университетов или медицинских научно-исследовательских учреждений. Объясняется это тем, что гораздо больший процент исследователей, работающих в больницах, сообщили, что они, с одной стороны, пользовались широкой свободой в плани-

ровании своих собственных исследований, а с другой — подробно обсуждали эти исследования со своими вышестоящими руководителями. Там же, где либо не имело место обсуждение с руководителями, либо не было личной свободы, степень новаторства заметно снижалась.

Научная производительность нелегко поддается измерению, главным образом по причине трудностей, связанных с оценкой качества статьи или книги. Разумеется, самый легкий способ оценить научную производительность ученого заключается в простом подсчете его публикаций, при котором книга приравнивается, скажем, к 4—5 статьям, но данный способ вызывает то возражение, что между количеством публикаций ученого и значением его научной работы для развития знания в области его специализации не существует прямой связи. Альтернативой методу простого подсчета является оценка степени «новаторства» научной статьи или исследования. Но эта методика измерения требует более трудоемкой разработки и к тому же не учитывает те материалы, подлинное значение которых будет оценено, может быть, лет через двадцать или больше. Итак, хотя общепризнано, что понятие научной производительности имеет важнейшее значение, в социологии науки нет единства мнений относительно того, каким образом надлежит измерять эту производительность. Следует все же надеяться, что результаты, достигнутые на сегодняшний день с помощью использования сравнительно грубых методов измерения, представляют некоторую ценность.

Так, например, Пельц обнаружил, что качество научной работы ученого (по оценке его коллег и руководителей), по-видимому, повышается, когда он часто общается как с коллегой, разделяющим его ориентации и интересы, так и с коллегой, заметно отличающимся от него в научном отношении; по данным этого конкретного исследования, научная работа ученых, тесно общавшихся с другими учеными, как с «местным», так и с «космополитическим» кругозором, отличалась более высоким качеством по сравнению с работой, осуществлявшейся учеными, в личных отношениях которых внутри лаборатории не было этой смеси поддержки и критики.

Поскольку наука представляет собой коллективное, кумулятивное дело, эффективность коммуникации внутри

науки также в значительной степени влияет на научную производительность. За последние десять лет все большее внимание уделялось следующей проблеме: каким образом довести полезную информацию до сведения людей, нуждающихся в ней, с минимальной задержкой. Невозможно с точностью измерить, насколько реальна все возрастающая трудность, которая стоит на пути к достижению этой цели, но ученые все больше отдают себе отчет в том, что неуклонное увеличение объема научной публикации становится серьезным препятствием для полноценной эффективной коммуникации.

Согласно самым скромным подсчетам, в настоящее время во всем мире издается по меньшей мере 30 000 научных журналов, в которых каждый год публикуется более миллиона статей. Как установил Дерек Прайс, историк науки из Йельского университета, объем ежегодно публикуемых научных материалов удваивается каждые пятнадцать лет, причем эти темпы роста остаются неизменными вот уже на протяжении последних трех столетий. Таким образом, то, что мы называем сегодня «публикационным взрывом», по-видимому, не представляет собой в действительности нового явления; скорее в этом можно усмотреть проблему, которая неуклонно становилась все более серьезной, пока наконец мы не определили ее как своего рода кризис.

Проблема, которую ставит это изобилие публикаций, имеет такое огромное практическое значение, что к ней приковано внимание далеко не одних только социологов; по сути дела, социологи, занимающиеся наукой, только-только начинают изучать различные функции, выполняемые научной коммуникацией, и анализировать факторы, влияющие на способы, закономерность и последствия коммуникаций между учеными. Так, например, помимо распространения информации, коммуникационная система науки распространяет также и профессиональное признание, так что ее функционирование имеет решающее значение как собственно для прогресса науки, так и для постоянного поддержания морального духа и мотивации ученых. Это явно одна из наиболее многообещающих сфер исследования, и, надо думать, в скором будущем мы будем наблюдать заметное расширение работы на этом научном поприще.

Наука и общество

Наконец мы подошли к рассмотрению взаимоотношений между наукой и обществом — темы, которая в силу своей многосложности и масштабности, вероятно, несколько отпугивала в последнее время социологов, предпочитавших заниматься более детальными и легче поддающимися ограничению проблемами. Но как только мы приступаем к изучению результатов науки — идей и техники, — мы по необходимости должны заинтересоваться механизмами, посредством которых эти результаты передаются большому обществу. Конечно, одна сторона этой темы получает освещение благодаря анализу той роли, которую ученые играют в промышленности, начиная от разработки производства новых продуктов и кончая операциями по контролю за качеством. Однако здесь я хочу заострить внимание на более общей проблеме взаимоотношений между наукой и государством, и в частности на последствиях, которыми чревата как для науки, так и для демократического государства их возрастающая взаимозависимость.

Сможет или нет наука разрешить важнейшие вопросы, стоящие ныне перед отдельными странами и всем миром в целом, совершенно ясно одно: правительства больше, чем когда бы то ни было раньше, обращаются к ученым за помощью и советом в деле разрешения проблем в таких областях, как здравоохранение и экономическое развитие, системы связи и транспорта, национальная оборона и всемирное разоружение. Здесь перед нами предстают в многократном увеличении те же самые проблемы, с которыми сталкивается больной, обращающийся к врачу, или клиент, нанимающий адвоката: как обеспечить, чтобы получаемое обслуживание было самого высшего качества, как гарантировать, что специалист не будет использовать свои профессиональные знания для извлечения личной выгоды.

Разумеется, ученые обычно получают от своих правительств достаточное финансовое вознаграждение, но на высших уровнях формулирования политики постоянно существует возможность того, что научные советники будут, сознательно или нет, придавать своим советам тенденциозный характер, с тем чтобы приблизить осуществление политических целей, которым они отдают предпочтение.

В качестве примера одного из первых проявлений широко распространившейся ныне заинтересованности такими проблемами можно привести проведенный Ч. П. Сноу анализ взаимоотношений между Уинстоном Черчиллем и его главным научным советником в годы второй мировой войны Ф. Линдеманом (лордом Черуэллом). Однако эта проблематика, как принято считать, представляет интерес главным образом для политологов и историков, а социологи в области науки почти не уделяют ей серьезного внимания. Действительно, лишь меньше четвертой части из 39 статей, включенных в вышедший под редакцией Нормана Каплана из университета имени Джорджа Вашингтона сборник «Наука и общество», принадлежит перу социологов. Не исключена также возможность того, что фактическая необходимость выносить оценочные суждения и давать практические советы в данной области лишила эту последнюю видимости подобающего объекта социологического исследования.

По оценке директора Института изучения роли науки в деятельности человека при Колумбийском университете Кристофера Райта, быть может, одна тысяча из четверти миллиона ученых в Соединенных Штатах образует то, что он называет «сообщностью по делам науки», — группу ученых, которые регулярно участвуют в работе государственных органов и служат посредниками между научным сообществом и правительством. Проанализировав механизмы, посредством которых ученые становятся членами этой неформальной и изменчивой, но чрезвычайно влиятельной группы, он выдвигает мысль, что, хотя обязательным предварительным условием членства в этой группе является высокий уровень научной квалификации, необходимо также предварительное знакомство с работой государственного аппарата и большое умение вести административную работу. Таким образом, речь идет о до некоторой степени самоувековечивающемся установлении, вызванном к жизни не столько какими бы то ни было своекорыстными побуждениями или тенденциями к получению привилегий за счет других, сколько ограниченностью числа ученых, обладающих желаемым сочетанием талантов и интересов.

Углубляясь несколько далее в этот аспект взаимоотношений между наукой и государством, мы можем задаться также вопросом о последствиях государственного правле-

ния, осуществляемого экспертами, для традиционно демократической идеологии. Вопрос формулируется так: каким образом простой гражданин, не обладающий специализированными знаниями, которые, как видно, становятся все более необходимыми для принятия разумных политических решений, может все же сохранять в конечном итоге контроль над своим правительством? Декан факультета государственной администрации имени Кеннеди при Гарвардском университете Дон К. Прайс высказал мнение, что проблема здесь заключается не столько в том, что политики окажутся в плену у экспертов, сколько в том, что они позволят себе отказаться от своих конституционных обязанностей в обмен на предполагаемую надежность советов экспертов. В основе своей эта проблема, по-видимому, не может быть решена путем принятия законов — ее решение должно зависеть от просвещенной и осведомленной мудрости и ответственности людей во всех сферах государственного правления.

Вновь возвращаясь к непосредственной сфере интересов социологов, коснемся теперь другой стороны проблемы: каким образом более тесные связи с государством повлияют на институт науки? Центральный сюжет романов, посвященных людям творчества, будь то в области искусства или науки, обычно вращается вокруг испытываемого ими искушения отречься от своих собственных художественных или научных критериев ради шумного успеха и финансовой обеспеченности. В известном смысле эта проблема стоит ныне также и перед всей научной сообщностью в целом. Когда крупные ассигнования на исследовательскую работу становятся символом высокой научной квалификации, когда приглашение консультировать правительство начинает олицетворять собой профессиональное признание и когда практические открытия получают все большее признание среди широкой публики, существует возможность того, что система ценностей, на которой зиждется наука, подвергнется извращению.

Впрочем, следует признать, что социология науки не достигла еще такой стадии, на которой подобные умозрительные предположения могли бы быть подкреплены глубоким знанием соответствующих социальных процессов и обширной фактической информацией. Не столько точное социологическое знание, сколько здравый смысл подсказывает, что научная сообщность мало-помалу приспособится

к этим переменам в своем социальном окружении и впредь будет оставаться жизненно важной силой в обществе. Если это суждение справедливо, наука будет попрежнему конструировать все более широкие и глубокие представления о силах, управляющих природой и обществом, и продолжать играть свою особую роль, помогая правительствам, которые в конечном счете составляются из людей, принимать более рациональные и гуманные решения.

В конце концов может случиться так, что именно социология науки сыграет решающую роль в осуществлении всего этого. Быть может, в один прекрасный день изречение «Врачу, исцелися сам» окажется достоверным описанием того, что сможет дать знание, выработанное этой небольшой и сравнительно новой областью социологического исследования, и для самой этой области, и для всей научной сообщности, частью которой она является. Однако пока нам приходится рассматривать социологию науки преимущественно под углом эрения того, что она обещает дать, а не того, чего она уже достигла, ибо главные ее достижения, как чисто теоретические, так и прикладные,— это в основном дело будущего, хотя и не такого уж далекого.

17

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Роберт Н. БЕЛЛА

О священном люди начали размышлять, вероятно, с того самого времени, когда они вообще только научились мыслить, но задумываться над тем, почему человек размышляет о священном, они принялись сравнительно недавно. Немногочисленные попытки дать объяснение религии, предпринимавшиеся мыслителями прошлых эпох — древнегреческими софистами, древнекитайским мыслителем Сюнь-Цзы, Спинозой и другими западными философами XVII и XVIII веков,—имели место в тех обществах, в которых традиционные религиозные системы разрушались и нарастало брожение умов. Периоды же религиозной стабильности не стимулировали серьезных интеллектуальных попыток разобраться в сущности религии.

В наши дни, когда беспокойный дух научного исследования стремится вникнуть буквально во все и вся, так что и религия вполне может стать предметом изучения, атмосфера идеологического конфликта и религиозного сомнения, как и в былые времена, способствует такому изучению. Но, как и в прошлом, подобное изучение встречает сильное противодействие как явное, так и подсознательное. Ведь священное в силу самого определения — это нечто самое сокровенное, самое высокочтимое, самое заветное для тех, кто видит в нем святыню. Объективное или научное исследование религиозной жизни представляется для многих лишь терминологическим противоречием, простым актом насилия со стороны ученого, вторгающегося в непонятную для него область. Другие проницательные критики находят научное исследование религии псевдонаучным занятием, не больше чем прикрытием того, что само представляет скорее форму религии (пусть даже искаженную), чем науку. Оба эти возражения носят

серьезный характер, и, хотя мы не имеем возможности рассмотреть их в настоящей главе с достаточной обстоятельностью, считаться с ними необходимо в качестве первейшего шага любой попытки понять религиозные явления.

В ответ на эти возражения говорилось, что ученый изучает человеческий, а не божественный аспект религии — исследует человека, а не бога. Но говорить так — значит косвенно претендовать на то, будто нам уже известно, что такое человек и что такое бог и в чем между ними различие. Подобная претензия сама по себе вряд ли может быть признана научной. Пожалуй, лучше уж утверждать, что дело касается обязанности человека познать как можно больше обо всем мироздании, в том числе и о самом себе, причем эта обязанность распространяется на все сферы без исключения и даже на религию. Такое утверждение является, по-видимому, составной частью присущей науке этики, хотя оно, может быть, примыкает к религиозному аспекту самой науки, потому что в этой обязанности есть что-то священное.

Современные теории религии рассматривают ее либо как ответ на некоторые общие, но неизбежные проблемы смысла, либо как реакцию на определенный тип опыта, прежде всего на опыт предельности, порождающий чувство запредельного, либо как сочетание и того и другого. Опыт смерти, зла и страданий приводит к постановке глубоких вопросов о смысле всего этого, на которые не дают ответа повседневные категории причины и следствия. Религиозные символы предлагают осмысленный контекст, в котором этот опыт может быть объяснен благодаря помещению его в более грандиозную мирозданческую структуру и предоставлению эмоционального утешения, пусть даже это будет утешением самоотреченности. Далее, религиозные символы могут быть использованы для выражения опыта предельности и первоисточника всякого человеческого могущества и разумения — опыта, который может возникнуть в момент, когда проблемы смысла достигают наибольшей остроты.

Этим теориям присущ один недостаток: в известном смысле они замкнуты в круге повторений. Может быть, именно религиозно-символические системы обусловливают постановку проблем смысла, которые никогда не встали бы сами по себе. Спору нет, религиозные символы и риту-

альные формы нередко вызывали такие состояния психики, которые истолковывались как встречи с божественным. Но по здравом размышлении эта явная трудность помогает нам уяснить важную сторону религии — ее глубоко относительный и рефлексирующий характер. Как давным-давно указывал Дюркгейм, в мире нет ничего, что было бы священно само по себе. Священное — это качество, налагаемое на святыню. Для буддиста-махаяниста в каждом куске дерева, в каждом камне содержится сущность Будды, но ощущает он это только в момент просветления. Святость возникает только тогда, когда имеется та или иная *связь* с реальностью. Итак, мы неизбежно приходим к заключению, что религия не является всего лишь средством совладать с тоской и отчаянием. Скорее, она представляет собой символическую модель, формирующую человеческий опыт — как познавательный, так и эмоциональный. Религия умеет не только умерять тоску и отчаяние, но и вызывать их. Этим я вовсе не хочу сказать, будто религия просто-напросто сводится к «функциям» и «дисфункциям», ибо в некоторых контекстах именно создание и усиление напряженности и тревоги придает религии в высшей степени функциональный характер.

Человек — это животное, разрешающее проблемы. Что делать и что думать, когда отказывают другие способы решения проблем, — вот сфера религии. Религия занимается не столько конкретными проблемами, сколько общей проблематикой природы человека, а среди конкретных проблем — такими, которые самым непосредственным образом примыкают к этой общей проблематике, как, например, загадка смерти. Религия имеет дело не столько с опытом конкретных пределов, сколько с предельностью вообще. Таким образом, до известной степени можно считать, что религия основывается на рефлексирующем опыте второго порядка, более общем и отвлеченном, чем конкретно чувственный опыт. Но из этого отнюдь не следует, что религиозный опыт не может быть конкретным и напряженным; другое дело, что объект этого напряженного опыта выходит за рамки конкретного или лежит вообще за его пределами. Рефлексирующий характер религии, даже самой примитивной, затемняется тенденцией к конкретной символизации и антропоморфизму, которые являются естественными спутниками сильного чувства. Но даже для

самого примитивного дикаря область религии — это нечто отличное, хотя и очень близкое, нечто такое, что можно услышать, но нельзя увидеть, а если можно увидеть, то мельком. Передаваемые религиозные символы, кроме того, сообщают нам значения, когда мы не спрашиваем, помогают слышать, когда мы не слушаем, помогают видеть, когда мы не смотрим. Именно эта способность религиозных символов формировать значение и чувство на относительно высоком уровне обобщения, выходящего за пределы конкретных контекстов опыта, придает им такое могущество в человеческой жизни, как личной, так и общественной.

Выше мы постепенно подходили к определению религии как совокупности символических форм, соотносящих человека с конечными условиями его существования. Разумеется, религия вообще существует только как понятие в научном анализе. Нет такой совокупности символических форм, которая выполняла бы функцию религии для всех людей. Скорее, можно говорить об огромном многообразии форм. Важнейшая задача социологии состоит, пожалуй, в том, чтобы обнаружить и классифицировать эти формы и распознать, какими последствиями с точки зрения действия чревата приверженность им. При решении этой задачи исследование символики и психологии религии должно идти рука об руку с социологическим исследованием, потому что социальные последствия религиозной ориентации можно будет объяснить только после того, как мы поймем символическую структуру религии и ее посредническое действие через отдельных людей.

Одним из измерений для классификации религиозных систем, которое в последнее время обрело новую жизнь после периода забвения, является эволюционное измерение. Мною была предложена пятиэтапная классификация, в основу которой я положил степень дифференциации системы религиозных символов. При этом я вовсе не утверждаю, что развитие через пять этапов неизбежно или что более ранние этапы не могут сосуществовать с более поздними в рамках одного и того же общества. Не закрываю я глаза и на великое разнообразие типов, которое обнаруживается на любом из уровней сложности. Наоборот, я всячески подчеркиваю трудности, особенно в том, что касается способности достигнуть в ходе развития высших этапов дифференциации. Выделенным мной пяти эта-

нам я дал следующие наименования: примитивный, архаический, исторический, раннесовременный и современный.

Религиозно-символическая система на примитивном уровне характеризуется Леви-Брюлем как «мир мифов» (le monde mythique), а Стэннер использует прямой перевод слова австралийских аборигенов, обозначающего это понятие как «мечтание», или сновидение наяву. Последнее — это время вне времени, или, по выражению Стэннера, время, населенное фигурами предков, полузверей-полулюдей. Хотя они нередко приобретают героические черты, наделяются способностями, превышающими способности обычных людей, и считаются прародителями и творцами многих вещей в мире, они, однако, не являются богами — им не приписывается власть над мирозданием, и они не становятся объектом поклонения.

Характерная особенность этого мифического мира состоит в том, что он в очень большой степени связан с деталями реального мира. Мало того, что каждый клан и каждая местная группа определяются в категориях прародителей рода и мифических событий поселения, буквально каждая гора, каждый камень, каждое дерево получают объяснение в категориях поступков мифических существ. В сновидении наяву предвосхищены все человеческие действия, включая преступления и безумства, где фактическое существование и парадигматические мифы теснейшим мыслимым образом связаны между собой.

Другая характерная особенность, обусловленная этой тягой к конкретной детализации, заключается в текучести организации мифического материала. Австралийцы почти сознательно указывают на текучую, зыбкую структуру мифа, употребляя слово «мечтание». Это словоупотребление не является чисто метафорическим, потому что, как показал Рональд Берндт, людям действительно свойственно погружаться во время культовых церемоний в мечты, в сновидения наяву. Через эти сновидения, мечты они преобразуют культовый символизм для личных душевных целей, но, что еще важнее, их мечты могут привести фактически к перетолкованию мифа, а это в свою очередь вызовет обновление ритуала. Как конкретность, так и текучесть помогают объяснить тесную близость мифического мира и мира реального.

Примитивное религиозное действие характеризуется не богослужением и не жертвоприношениями, а лишь

идентификацией, «участием», «воплощением». В ритуальных церемониях участники идентифицируются с мифическими существами, которых они представляют. Дистанция между человеком и мифическим существом, и без того незначительная, исчезает вовсе в момент ритуальной церемонии, когда «всегда» становится «сейчас». Нет ни священнослужителей, ни паствы, ни посредствующих ролей, ни зрителей. Все присутствующие включаются в само ритуальное действо и становятся единым целым с мифом.

На примитивном уровне не существует религиозной организации в качестве отдельной социальной структуры. Церковь и общество — одно. Религиозные роли, как правило, слиты с другими ролями, причем преобладает дифференциация по линии возраста, пола или принадлежности к группе родственников. В наиболее примитивных обществах важным критерием для занятия руководящего положения в церемониальной жизни является возраст. В некоторых племенах имеются специализированные фигуры — шаманы или знахари, но они не выражают собой необходимой черты примитивной религии.

Что касается социальных последствий примитивной религии, то, судя по всему, анализ, осуществленный некогда Дюркгеймом, в основных чертах остается приемлемым и по сей день. Ритуальная жизнь действительно укрепляет солидарность общества и способствует приобщению молодежи к нормам поведения племени. Мы не должны забывать о «новаторских» аспектах примитивной религии, о том, что конкретные мифы и ритуалы находятся в процессе постоянного пересмотра и изменения и что перед лицом сурового исторического кризиса может произойти весьма примечательное переосмысление примитивного материала, как о том свидетельствуют так называемые «нативистические» движения. Однако в общем и целом религиозная жизнь служит наиболее сильным подкреплением основного догмата философии австралийских аборигенов, а именно, что жизнь, пользуясь выражением Стэннера, — это «вещь одной возможности». Сама текучесть и зыбкость примитивной религии служит преградой для радикальных нововведений. Примитивная религия дает мало средств для преобразования мира.

Второго этапа, каким является архаическая религия, мы можем коснуться здесь лишь вкратце. Архаическая

религия в том смысле, в котором я употребляю эту категорию, включает в себя многие из религий, нередко именуемых примитивными, а именно неолитические религиозные системы значительной части Африки, Полинезии и туземного Нового Света. Она, кроме того, включает в себя религии бронзового века, получившие распространение как в Старом, так и в Новом Свете. Характерная черта архаической религии — возникновение подлинного культа с комплексом богов, жрецов, богослужений, жертвоприношений, а в некоторых случаях и обожествляемой или первосвященнической царской властью. Комплекс мифов и ритуалов, присущий примитивной религии, сохраняется в структуре религии архаической, но систематизируется и разрабатывается он новыми способами.

И примитивному и архаическому этапу присуще монистическое мировоззрение, хотя взгляд на мир у них несколько различен. Для каждого из них священное и мирское представляют собой разные способы организации единого мироздания. Но с наступлением третьего этапа, названного мною историческим, провозглашается совершенно отличная сфера действительности, имеющая для религиозного человека наивысшую ценность. Все исторические религии в известном смысле трансцендентальны, и все они — по крайней мере латентно — отвергают мир, поскольку сравнительно с высшей ценностью трансцендентного реальный мир обесценивается.

В определенном смысле исторические религии представляют собой огромную «демифологизацию» по сравнению с архаическими. Идея единого бога, у которого нет ни придворных, ни родственников и который является единственным творцом и вседержителем мироздания, идея самостоятельного бытия, идея абсолютной негативности, выходящей за рамки любых оппозиций и разграничений, — все это в громадной степени упрощает разветвленные космологии архаических религий. И все же над каждой исторической религией довлеют исторические обстоятельства ее возникновения. Наряду с трансцендентальными утверждениями каждая из них содержит, так сказать, в подвешенном состоянии элементы архаической космологии. Тем не менее по сравнению с более ранними формами все исторические религии универсалистичны. С точки зрения этих религий человек больше не определяется главным образом в терминах того, к какому племени или клану он

принадлежит либо какому конкретному богу он служит, скорее, его определяют как существо, способное спастись. Иначе говоря, впервые оказалось возможным увидеть человека, как такового.

Религиозное действие в исторических религиях является прежде всего действием, необходимым для спасения. Даже в тех случаях, когда элементы ритуала и жертвоприношения по-прежнему занимают важное место, они приобретают новое значение. В примитивной ритуальной церемонии человек приводится в гармонию с природным божественным мирозданием. Его ошибки преодолеваются через посредство символизации как части общей картины мировоззрения. С помощью жертвоприношения человек архаической религии может искупить невыполнение своих обязанностей перед людьми и богами, он имеет возможность загладить отдельные проступки против веры. Но исторические религии обвиняют человека в гораздо более серьезном пороке, чем грехи, существовавшие в представлении более ранних религий. Согласно буддизму, сама природа человека — это алчность и злоба, от которых он должен стараться полностью избавиться. Для древнееврейских пророков греховность человека коренится не в конкретных дурных поступках, а в его глубоком небрежении к богу, причем господу будет угоден только поворот к полнейшему послушанию. В понимании Магомета слово «kafir» означает не «неверный», как мы его обычно переводим, а скорее неблагодарный человек, пренебрегающий божественным состраданием. Только ислам, добровольное подчинение воле господа, может привести его к спасению.

Отчасти по причине высшей ценности спасения и многочисленных опасностей и соблазнов, сбивающих мирян с пути истины, идеалом религиозной жизни в исторических религиях является уход от мирской суеты. Раннехристианское решение, которое в отличие от буддистского допускало полную возможность спасения для мирянина, тем не менее идеализировало в своем представлении об особом состоянии религиозного совершенства религиозное удаление от мира. Фактически критерием благочестивости мирянина считалась степень его приближения к идеалу монашеской жизни.

Исторический этап развития религии характеризуется происходящей в небывалой ранее степени дифференциа-

цией религиозной организации от других форм социальной организации. Хотя лишь немногие из исторических религий достигли той степени дифференциации, которой достигла христианская церковь, все они обрели некоторую независимость от прочих структур, в частности от политической структуры. Это означало, что политическая сфера перестала быть носительницей принципа узаконения самой себя (как узаконивала саму себя божественно-царская власть бронзового века), так что ее узаконение в какой-то степени зависело от религиозной иерархии. Чем большую степень структурной независимости имела историческая религия, тем больше была вероятность того, что социальные и политические реформистские движения будут основываться на религиозных ценностях. Во всех случаях исторические религии действительно выдвинули концепции совершенного общества, в течение длительного времени оказывавшие на общества, в которых они существовали, давление в сторону большей реализации ценностей. Однако не следует забывать о том, что в центре интересов исторических религий стояла драма спасения и что они не интересовались социальными переменами как самоцелью. Напротив, эти перемены были им ненавистны, и, когда исторические религии ратовали за реформу, делали они это лишь во имя какого-нибудь предшествовавшего образцового социального строя, возврата к которому и добивались.

Раннесовременная религия, получившая наиболее законченное развитие в протестантской Реформации, но предвосхищенная в ряде других движений, таких, как секта Джодо-шин в Японии, представляет собой определенный сдвиг в сторону посюстороннего мира в качестве главной сферы религиозного действия. Спасения теперь надлежит искать не в той или иной форме ухода из мира, а в гуще мирской деятельности. Разумеется, элементы этого отношения уже с самого начала содержались и в исторических религиях, но в общем и целом институционализированные исторические религии предлагали опосредованное спасение. Для спасения требовалось либо соблюдение религиозного закона, либо участие в сакраментальной системе, либо совершение мистических действий. Все это было в той или иной мере связано с отрешением от мира сего. Далее, в двухступенчатых религиозных системах, характерных для институционализированных историче-

ских религий, группы высшего статуса — христианские монахи, суфийские шейхи или буддийские аскеты — способны силой своих целомудренных поступков и личных достоинств накопить запас благодати, которым они могут затем поделиться с менее достойными. И в этом плане спасение было тоже скорее опосредованным, чем непосредственным. Но с наступлением Реформации весь свет, по словам Макса Вебера, превратился в монастырь. Деятельность в миру, особенно для кальвинистов, стала главным средством прославления господа. Таким образом, не прорываясь за рамки символической структуры исторической религии, раннесовременная религия сумела переформулировать ее таким образом, чтобы направить дисциплину и энергию религиозной мотивации на дело преобразования светского мира. В случае аскетического протестантства это позволило достичь поразительных результатов не только в области экономики, на которые особо указывал Вебер, но также и в области политики, образования, науки, права и т. д.

С недавних пор, и опять-таки главным образом на Западе, начала ставиться под сомнение символическая структура исторической и раннесовременной религий, особенно космологический дуализм, лежащий в основе каждой из них. Форма религии в постдуалистическом мире не совсем ясна, но такая религия должна принимать во внимание громадный рост человеческого знания, ведущий к релятивизации места человека в природе и вселенной вследствие развития естественной науки и к релятивизации человека в культурном мире вследствие расширения познаний об истории и других культурах. Человек не утратил своей склонности задумываться над проблемами, и неустранимые проблемы смысла по-прежнему встают перед ним. Процесс секуляризации влечет за собой не ликвидацию самой религии, а изменение ее структуры и роли. Но мы только начинаем приходить к пониманию этого.

Если данный очерк эволюции религии сколько-нибудь убедителен, он должен был бы подсказать две главные области, на которых может сконцентрировать свое внимание социология религии в современном мире. Первая область — это сдвиг от исторической к раннесовременной религии, от преимущественно потусторонних к преимущественно посюсторонним религиозным интересам,

предвестником которого была протестантская Реформация, но который теперь совершается практически в каждой религиозной сообщности, особенно в римской католической церкви. Наиболее остро данная проблема стоит в развивающихся странах. Вторая область — сдвиг от религии раннесовременной к тому, что я называю современной религией, который происходит в большинстве наиболее развитых западных стран, а также, быть может, в Японии. В заключение настоящей главы я коротко остановлюсь на каждой из этих проблем.

Почти во всех развивающихся странах стимул к различным переменам носил в значительной степени внешний характер, варьируясь от грубого военного нападения и беспощадного экономического нажима до более тонких и коварных форм идеологической диверсии. Из этого следует, что в большинстве случаев потребность защищаться была более первоочередной и сильной, чем потребность меняться. Однако по логике ситуации получалось, что защищаться, не меняясь, просто невозможно. И вот религия оказалась глубоко вовлеченной в этот процесс нападения, защиты и перемен. Христианские миссионеры сплошь и рядом играли роль ударных отрядов западного влияния, которые шли в лобовую атаку на религиозные и этические убеждения людей, не принадлежавших к западному миру. Даже если бы и не было этого прямого вызова со стороны чужеземной религиозной системы, опыт социальных и личных неудач, столь распространенный на первых порах западного влияния, неизбежно ставил бы проблему собственной самобытности. В большинстве таких обществ религиозные символы послужили основополагающими шаблонами для осмысления личных и социальных действий. Однако в обстановке кризиса уместность этих унаследованных шаблонов стала проблематичной.

Сначала общая реакция повсеместно носила апологетический и оборонительный характер. Самым категорическим образом провозглашалось превосходство местной традиции — ислама, индуизма или конфуцианства — над христианством и всей западной культурой. Некоторые мусульмане уверяли, что западная наука и философия целиком и полностью берут свое начало в средневековой исламской культуре и что, следовательно, все подлинно ценное на Западе является в действительности порождением ислама. Последователи же индуизма, напротив, ут-

верждали, что ценности Запада сугубо материалистичны и что единственное обиталище подлинной духовности — это Индия. Что же касается конфуцианцев, то они высказывали мнение, что Западу понятна наука, но ему не дано понять истину об отношениях между людьми, которая доступна только конфуцианству. Однако эта первоначальная оборонительная позиция почти никогда не была свободна от стремления к переменам и реформе. Даже в тех случаях, когда отстаиваемые перемены представляли собой возвращение к более раннему, предположительно более чистому состоянию дозападной традиции, цель, подразумеваемая или ясно выраженная, заключалась в том, чтобы содействовать с помощью таких перемен приспособлению к современному миру. Порой мыслящие люди незападных стран, видя неспособность своей традиционной культуры справиться с проблемами современного мира, настолько разочаровывались в ней, что отрекались от веры своих отцов в пользу христианства или какой-нибудь светской западной идеологии. Для всех этих позиций характерно равновесие между необходимостью защищаться и необходимостью приспосабливаться. Там, где оборонительная позиция становилась абсолютной, отказывала способность приспособляться к ненадежным условиям современного мира. Там же, где адаптация приводила к полному отказу от традиционной культуры, мыслящая личность оказывалась изолированной и отрешенной. Рассмотрим идеальную ситуацию, когда историческая религиозная традиция преобразуется в раннесовременный тип религии, в максимальной степени способствуя процессу модернизации.

Прежде всего историческая религия должна суметь сформулировать заново свою систему религиозных символов таким образом, чтобы придать смысл культурному творчеству в деятельности посюстороннего мира. Она должна суметь направить мотивацию, дисциплинированную через посредство религиозного обязательства, на занятия этого мира. Она должна способствовать развитию солидарной и интегрированной национальной сообщности, не стремясь при этом ни подчинить ее своей власти, ни расколоть, хотя это явно не подразумевает санкционирования нации в качестве высшей религиозной цели. Она призвана придать позитивное значение длительному процессу социального развития и найти возможным для себя высоко

оценивать его в качестве социальной задачи, причем это опять-таки не подразумевает необходимости принимать сам социальный прогресс за религиозный абсолют. Историческая религия должна содействовать утверждению идеала ответственной и дисциплинированной личности. Применяясь к новому соотношению между религиозным и светским в современном обществе, она должна найти силы для того, чтобы принять свою собственную роль как частной добровольной ассоциации и признать, что это не противоречит ее роли как носительницы высших ценностей общества. Этот перечень требований соответствует, как было указано выше, конструкции идеального типа. Конечно же, ни одна религия исторического типа не преобразовывалась подобным образом, да и вряд ли какая-либо из них смогла бы полностью сделать это. Некоторые религии в силу самого характера их системы религиозных символов скорее погибли бы, чем изменились. Но для успешного осуществления модернизации необходимо, чтобы традиционная религия либо произвела эти преобразования, во всяком случае бо́льшую их часть, либо смогла уйти из главных сфер жизни и дать возможность светским идеологиям завершить преобразования.

Вот несколько примеров, иллюстрирующих связанные с этим проблемы и противоречия. В Японии архаический по своему существу, характерный для бронзового века культ божественного императора сумел эффективно направить мотивацию на мирские сферы жизни и укрепить солидарность и единство. Однако ему не удалось ни выработать добровольных организационных форм, ни подчеркнуть роль самостоятельно ответственной личности. Поэтому его с легкостью извратили, превратив в тридцатые годы и в начале сороковых в то, что некоторые японские ученые называют «фашизмом императорской системы». В Индии Ганди, продолживший дело своих многочисленных предшественников — реформаторов индуизма, показал, каким образом можно совместить этот последний с достоинством всех людей независимо от их профессии и с национальным единством, ломающим кастовые перегородки. Однако его двойственное и глубоко противоречивое отношение ко многим аспектам современного общества и его опасения относительно индустриализации, несомненно, в известной мере увели в сторону от прямого пути процесс развития эффективной раннесовременной формы индуиз-

ма. В Турции традиционный ислам был бесцеремонно отброшен ради возвеличения национализма, выдвигающего на первый план доисламскую турецкую культуру. Однако новая идеология сумела завоевать горячую поддержку только среди немногочисленной элиты, тогда как не подвергшийся реформе ислам продолжал безраздельно господствовать в сельских местностях. Наконец, Второй ватиканский собор свидетельствует о явном сдвиге католической церкви в сторону характерных черт раннесовременной религии, но еще предстоит разрешить чрезвычайно серьезные проблемы, касающиеся власти и традиции. Как бы там ни было, любой из этих случаев нуждается в углубленном социологическом исследовании, которое принесет несравненно более богатые практические и теоретические результаты, чем концентрация внимания на таких весьма узких вопросах, как все более детализируемая типология церквей и сект, которая, судя по всему, является преобладающей темой многих американских исследований в области социологии религии.

В заключение позволю себе кратко остановиться на религиозной ситуации в большинстве развитых обществ. Их основное отличие от развивающихся стран заключается в том, что, хотя перед ними тоже стоят внешнеполитические проблемы, они носят менее настоятельный характер. Общий уровень материального благосостояния в этих обществах высок, пусть даже там сохраняются все же нищета и несправедливость. Уровень образования неуклонно возрастает, так что в не столь отдаленном будущем доля людей с высшим образованием в некоторых районах Соединенных Штатов может достигнуть 50%. По самым разнообразным каналам поступает небывалый по своему объему поток сведений о мире — и это несмотря на серьезные помехи в передаче информации. Если в развивающихся странах бóльшая часть эмоциональной и умственной энергии направляется на разрешение насущных экономических и политических проблем, то в наиболее развитых обществах по мере разрешения подобных проблем вопрос о смысле жизни имеет больше шансов стать центром внимания. В развивающихся странах наиболее подходящими оказываются категорические религиозные или идеологические формулировки со сравнительно ясными и простыми мировоззрениями и непосредственной императивной установкой к действию. Хотя подобные тенденции

имеют место и в самых развитых обществах, они непопулярны здесь у наиболее образованного и широкомыслящего слоя населения. Этой постоянно расширяющейся и все более влиятельной группе требуются утонченные, недогматические системы мысли с высоким уровнем самопознания. Религиозные группы больше не могут принимать на веру традиционные обязательства. Все унаследованное от прошлого становится предметом тщательного изучения и проверки, а мотивы для такого принятия подвергаются внимательному рассмотрению, особенно со стороны наиболее подготовленных умов из числа членов самих религиозных групп.

Частичное решение, во всяком случае в Соединенных Штатах, состоит в том, чтобы заняться проблемами борьбы с нищетой и несправедливостью, которые все еще сохраняются в обществе и особенно бросаются в глаза на фоне успешного разрешения столь многих объективных проблем. Об этом наглядно свидетельствует тот энтузиазм, который проявляется по отношению к движению за гражданские права в наиболее рафинированных религиозных и интеллектуальных кругах. Аналогичную функцию может выполнять и забота о развитии всего остального мира. Но все дело в том, что, проявляя рвение в деле разрешения конкретных проблем, такие группы отнюдь не связывают себя с какой бы то ни было всеобъемлющей идеологией раннесовременного образца. Более того, к подобным идеологиям относятся с большим подозрением, и это дает один из поводов утверждать, что в наш век идеологии придет конец. Однако, само собой разумеется, бо́льшая часть мира находится сейчас в интенсивно идеологической фазе развития, и многие группы в большинстве развитых обществ весьма восприимчивы к идеологическому влиянию. В сущности, сравнительно небольшую группу, для которой уже наступил конец идеологии, можно было бы и не принимать во внимание, если бы не тот факт, что она, по-видимому, представляет собой авангард чрезвычайно широкой и крупной по своему масштабу социально-культурной трансформации.

Пока слишком рано пытаться распознать, какую форму примет религия в постдуалистическом мире. Все более укрепляется представление о множественности миров, частично данных, частично построенных в сложной сети взаимоотношений между человеческим «я» и реально-

тью. Главная разновидность имеет личностный и индивидуалистский, но отнюдь не асоциальный или аполитичный характер. Фактически все возрастает признание того, что только чрезвычайно сложная институциональная структура, включающая в себя определенный тип семьи, школы и церкви, в состоянии сформировать и поддерживать личность, способную функционировать в мире, где буквально все, вплоть до самых заветных идеалов человека, радикальным образом становится предметом выбора. Возможности сбиться с пути огромны, но так же огромны и возможности роста. Немецкий теолог Бонхоффер говорил о «достижении человеком совершеннолетия». Но это вовсе не означает самообожествления человека, потому что верить во всемогущество желаний свойственно малому ребенку. Человек же, достигший совершеннолетия, отдает себе отчет в неизбежной своей ограниченности. Однако последнее его не пугает — скорее, это побуждает его стремиться к полному раскрытию своей человеческой сущности.

Но следует постоянно помнить о том, что даже в самых развитых обществах нижний слой примитивного и архаичного все еще очень силен: он господствует в жизни многих людей и присутствует в душе каждого из нас. Любое крупное современное общество представляет собой лабораторию для изучения всех мыслимых типов религиозной ориентации. В Японии, например, мы обнаруживаем и стародавний ритуал крестьянской деревни, и наполовину традиционалистские, наполовину ультрасовременные возрожденческие новые религии низших классов городского населения, и эстетический культ «дзэн» интеллектуалов из высших классов, и мучительные поиски личного смысла жизни, осуществляемые теми, кому ничего не говорит ни одна из существующих религий. Однако, если в этих обществах налицо огромное разнообразие, в них присутствует также в качестве единого измерения религиозной жизни гражданская религия, которая служит более или менее согласованной основой для религиозного единства общества даже там, где религиозный плюрализм носит наиболее ярко выраженный характер. Можно, например, говорить о наличии в Соединенных Штатах деистического символизма, представляющего собой важную составную часть нашего государственного церемониала, и ритуальных святец, в которых День благодарения и День памяти пав-

ших в Гражданской войне занимают более важное место, чем Четвертое июля и поминания святых во главе с нашим погибшим смертью мученика президентом Авраамом Линкольном. Памятник Кеннеди на Арлингтонском национальном кладбище представляет собой наиболее позднюю святыню в национальной вере. Я далек от мысли иронизировать; не считаю также, что все это можно было бы назвать «американским синтоизмом», поскольку синтоизм в основе своей носит совершенно иной характер, хотя и он тоже заслуживает изучения в его нынешнем состоянии. Американская гражданская религия представляет собой серьезную религиозную традицию, которую надлежит анализировать, как таковую, не упуская из виду ни ее глубоких аспектов, ни ее «отклонений». Да и любое другое из великих современных обществ дает в распоряжение исследователя аналогичные материалы. И здесь тоже социолога религии ожидает непочатый край работы [1].

[1] В основу настоящей главы положены две мои недавние работы: «Religious Evolution», опубликованная в «American Sociological Review», XXIX, № 3, 1964, и эпилог к изданной под редакцией Роберта У. Беллы книге «Religion and Progress in Modern Asia» (New York, The Free Press of Glencoe, 1965). Идеи, изложенные здесь в краткой форме, разобраны в этих работах значительно более подробно.

РАЗДЕЛ V
НАПРЯЖЕНИЯ, ОТКЛОНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

18

ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ И КОНТРОЛЬ НАД НИМ

Альберт К. КОЭН

Цель настоящей главы — познакомить читателя с социологией отклоняющегося поведения и контроля над ним. Одним из способов сделать это было бы рассказать о развитии теории и практических исследований в данной области, но я выбрал другой способ, который представляется мне более подходящим для краткого введения в эту дисциплину. Я выскажу ряд социологических соображений по поводу отклоняющегося поведения в одной стране — в Соединенных Штатах, лишь от случая к случаю ссылаясь на теории и на их авторов. Поступив таким образом, мы принесем в жертву соответствующую оценку научной работы, лежащей в основе современной социологии отклоняющегося поведения. Зато этот метод позволит конкретно передать своеобразие социологического подхода к отклонениям, представляющего собой попытку понять присущие обществу отклонения в категориях социальной структуры этого общества.

Соединенные Штаты имеют репутацию страны, где чрезвычайно широко распространены преступность, всяческие правонарушения, акты насилия, сексуальная распущенность, коррупция в частных и государственных сферах и общее моральное разложение. Каково бы ни было реальное положение дел, при нынешнем уровне знаний крайне затруднительно делать сколько-нибудь точные утверждения относительно распространенности той или иной конкретной формы отклонений в какой бы то ни было стране, а еще труднее проводить научно обоснованные сравнения между странами. Ни в одной стране процент официально зарегистрированных преступлений не явля-

ется точным мерилом фактической распространенности соответствующего вида отклоняющегося поведения; всегда остается неучтенной «неясная цифра», смутно известный или неизвестный вовсе остаток такого поведения, который не находит отражения в официальных документах. Разрыв между известным и неизвестным различен для различных видов преступлений, а для любого конкретного вида преступлений он варьируется от страны к стране. Когда у нас нет достоверного знания о какой-либо сфере поведения, воображение склонно создавать свои собственные образы, которые, возможно, далеки от реальных фактов. Это особенно характерно для области отклоняющегося поведения, где, с одной стороны, совершенно неясны сами факты, а с другой — страх, тревога, потребность в выработке какой-либо государственной политики да и просто повышенный интерес к преступному и сенсационному дают исключительно богатую пищу для воображения. Прежде чем мы попытаемся высказать некоторые осторожные общие соображения о фактической распространенности отклоняющегося поведения в американской действительности и о его причинах, будет нелишним остановиться на некоторых аспектах свойственных американцам установок по отношению к отклонениям, как потому, что они помогают объяснить те образы, которые создаются воображением, так и потому, что они имеют некоторое отношение к формам и частоте случаев самого отклоняющегося поведения.

Одной из черт американской культуры является нежелание с философской покорностью примириться с несовершенствами человека и общества. Эта американская установка находит свое характерное выражение не в форме революционных движений, а в форме страстного выявления и разоблачения зла и реформаторского рвения. В соответствии с образом, складывающимся в консервативном сознании, вопиющим злом являются порочность и нечестивость большого города с его политиканами и рэкетирами, с его гедонизмом и чувственностью. Причинами этого зла консервативное сознание считает моральные изъяны людей, безверие, отсутствие дисциплины, ослабление патриотизма и упадок исконных добродетелей; средства борьбы со злом оно видит в религиозном возрождении, моральном воспитании, воздействии примером, насаждении дисциплины и строгом соблюдении законов. В соответствии с

образом, складывающимся в либеральном сознании, вопиющим злом является коррупция деловых и правительственных кругов, жестокость сильных мира сего, руководствующихся своими своекорыстными интересами, угнетение бедняков и пренебрежение к их нуждам. Причинами такого зла либеральное сознание считает изъяны социальных институтов, неравное распределение богатства и возможностей, существование предрассудков и дискриминации; средства борьбы со злом оно видит в реформе социальных институтов, расширении возможностей и наделении политической властью обездоленных классов, в энергичном осуществлении государством контроля над академическими институтами и в гуманном, некарательном, «терапевтическом» подходе к лицам с отклоняющимся поведением. Однако обе стороны активны в своей ориентации: надлежит не мириться со злом, а выкорчевывать его.

Вследствие этого в американском обществе вряд ли найдутся такие отрицательные стороны действительности, которые не подвергались бы суровой критике, или такие формы отклоняющегося поведения, которые не становились бы объектом разоблачения, осуждения и бесконечного документального подтверждения. Другим следствием этого являются огромные масштабы согласованной деятельности, как частной, так и государственной, имеющей целью взять под контроль отклоняющееся поведение. Американцы, как известно, большие любители участвовать в добровольных ассоциациях, многие из которых носят сугубо общественный или профессиональный характер, тогда как другие имеют своим назначением служение обществу и насаждение гражданской добродетели, а весьма популярной формой этой последней является разоблачение, искоренение или врачевание пороков других людей. В Соединенных Штатах легко пускается в ход уголовное право для контроля над шаблонами поведения, которые во многих других обществах также считаются отклоняющимися, но контролируются главным образом с помощью прочих социальных институтов и неформальных процессов общественного мнения. Подобное уголовное законодательство включает в себя репрессивные законы, возводящие в ранг преступления так называемые пороки: проституцию и прочие формы сексуальных отклонений, азартные игры, курение марихуаны и употребление других наркотиков, а по законам некоторых американских штатов

также и (по сей день!) употребление алкоголя. Определенные уголовные законы, касающиеся этих сфер поведения, имеются в большинстве стран, но лишь очень немногие из них стремятся использовать громоздкий механизм уголовного права в качестве главного средства пресечения столь разнообразных видов отклоняющегося поведения.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что эти пороки, каков бы ни был их моральный статус, представляют собой виды деятельности, доставляющие людям глубокое удовлетворение и требующие, как правило, активного соучастия других людей, причем те, кто подвержен этим порокам, при необходимости готовы хорошо платить за их удовлетворение. Следовательно, речь идет о производстве и потреблении товаров и услуг. Поскольку эти товары и услуги пользуются широким спросом и поскольку лица, получающие их, не являются жертвами в обычном смысле слова, будучи скорее выгодоприобретателями, то законы, налагающие запрет на эти товары и услуги, проводятся в жизнь от случая к случаю и в большей своей части неэффективно. Впрочем, эти законы вносят немалый вклад в уголовную статистику. Кроме того, они делают невозможным получение таких товаров и услуг из легальных источников и превращают торговлю ими в позорное и рискованное предприятие, снижают предложение без соответствующего снижения спроса. Поэтому для лиц, готовых пойти на риск, подобная торговля сулит огромные барыши, причем эти барыши тем больше, чем энергичнее проводится отправление законов. В конкретном случае с наркотиками, когда наказание за их продажу или употребление особенно сурово, а спрос на них весьма негибок, за наркотики приходится платить исключительно дорого, и наркоманы бывают вынуждены воровать, чтобы иметь возможность удовлетворять свою потребность в них. Таким образом, усердное стремление к искоренению неконформистского поведения с помощью уголовных законов имеет тенденцию превращать в преступление то, что таковым и не является, способствовать созданию незаконных форм бизнеса и поощрять определенные виды правонарушений, на которые преступник идет ради того, чтобы получить возможность совершать преступления иного рода.

Как уже можно было заметить, я ни словом не обмолвился о конкретном правонарушителе, о специфических

чертах его характера и психологии. Однако из этого вовсе не следует, будто, с моей точки зрения и с точки зрения социологического подхода к отклоняющемуся поведению, все это не имеет отношения к делу, — утверждать такое было бы явной нелепостью. Я лишь хочу подчеркнуть, что изучения одних только характерных черт людей недостаточно для объяснения распространенности и масштабов отклоняющегося, и в особенности преступного, поведения.

Но борьба с отклонениями не ограничивается мерами пресечения с помощью такого сурового средства, как уголовное право. Государственные органы социального обслуживания, равно как и частные квазиобщественные учреждения, занимающиеся социальным обслуживанием, не только предоставляют помощь бедствующим семьям и отдельным людям, но также и активно участвуют в разрешении задач социального контроля. Эти органы и учреждения комплектуются по большей части из работников социального патронажа, которые представляют собой в совокупности многочисленную и специализированную профессию с вполне определенной философией, профессиональным языком и методикой, сложившимися под сильным влиянием психиатрии. Работники социального патронажа склонны рассматривать отклоняющееся поведение как проблему психического заболевания, проблему неиспользованных возможностей или личной эмоциональной незрелости, требующую сочувствия, терпения, поддержки и совета, а зачастую психиатрического и психологического лечения. Кстати сказать, во всем мире наблюдается тенденция, получившая наиболее яркое выражение в Соединенных Штатах, особенно в кругу высокообразованных людей, по-новому определять многие виды отклонений, усматривая в них не полицейские, а медицинские проблемы, проявления болезни, а не порочности или преступности. Речь идет о гомосексуализме, алкоголизме и наркомании. Однако нигде, даже в Соединенных Штатах, эта точка зрения не стала господствующей.

В дополнение к этому некоторые работники социального патронажа и целый ряд социологов разработали программы по борьбе с отклонениями с помощью широких изменений в организации на уровне сообщности, с особым акцентом на увеличение возможностей получения работы неимущими и на предоставление последним бо́льших прав в принятии решений по государственным и гражданским

вопросам, затрагивающим их интересы. В основе этих программ лежит теория, рассматривающая отклонения как продукт разочарования, безнадежности, отчаяния и отчуждения от общепринятых институтов, что в свою очередь вызывается неспособностью бедняка стать хозяином своего окружения и своей собственной судьбы. Превосходным примером такой программы может служить эксперимент по предупреждению преступности в Нью-Йорке, получивший название «Мобилизация ради молодежи», финансируемый главным образом из средств федерального правительства и рассчитанный на многие миллионы долларов.

Тенденция выявлять отклонения и вменять борьбу с ними в обязанность правительству обнаруживается также в области преступности несовершеннолетних, которая толкуется в Соединенных Штатах более широко, чем в большинстве других стран. Под юрисдикцию суда по делам малолетних преступников — института, учрежденного в Соединенных Штатах в 1899 году,— подпадают не только уголовное поведение молодежи, но также и многие виды поведения, которые не имели бы состава преступления, соверши их взрослые. Сексуальная невоздержанность, прогулы, побеги из дому, непослушание родителям и прочие виды дурного поведения, борьба с которыми некогда считалась обязанностью только семьи, составляют ныне значительную часть судопроизводства по делам несовершеннолетних и вносят существенный вклад в официальную статистику детской преступности. Поскольку эта статистика включает в себя столь разнообразные виды поведения и поскольку в своей практике суды по делам малолетних преступников разительно отличаются друг от друга, чрезвычайно трудно проводить сравнения между различными сферами юрисдикции в отношении распространенности тех или иных форм детской преступности и еще труднее проводить сравнения с другими странами. Разумеется, преступность несовершеннолетних представляет в Соединенных Штатах серьезную проблему, так же как и во всех развитых странах и в странах и районах, переживающих период быстрых социальных изменений. Вероятно, некоторые формы детской преступности, в особенности драки между уличными шайками, в Соединенных Штатах распространены шире и опаснее по своему характеру, чем в большинстве других стран, но даже

этот вид преступности, романтизированный в кинофильме «Вестсайдская история», ограничивается главным образом немногими столичными городами, причем, пожалуй, нигде он не имеет такого уж широкого распространения, как это обычно считают, а теперь к тому же по не вполне выясненным причинам похоже на то, что он стал встречаться все реже.

Ко всему этому важно добавить, что Соединенные Штаты — очень богатая страна, которая может себе позволить предавать страстному изобличению всевозможные виды отклонений и вести борьбу с ними самыми разнообразными средствами. Лишь немногие страны могли бы позволить себе такую роскошь, как содержание столь большого и дорогостоящего механизма социального контроля над отклоняющимся поведением.

И последнее замечание об институтах социального контроля. Нарисованная нами богатая и многообразная картина является вместе с тем картиной смятения и конфликта, отражающей различные и несовместимые друг с другом взгляды и методы, о которых шла речь выше. Так, например, согласно господствующей установке по отношению к наркомании, эта последняя представляет собой порок, проблему для полиции и требует беспощадного подавления и сурового наказания. В то же самое время все бо́льшее признание получает взгляд на наркоманию как на преимущественно медицинскую проблему, которая в результате применения полицейских методов только усугубляется, причем имеется целый ряд экспериментальных программ борьбы с наркоманией, базирующихся на этой точке зрения. Таким образом, отношение к наркомании является предметом горячих споров, а к наркоманам подходят с прямо противоположных позиций. Вообще говоря, можно утверждать, что каждое представление о природе человека и общества находит отражение в характерном для него подходе к проблеме контроля над отклоняющимся поведением и что Соединенные Штаты являются единственной страной, где столь многие из этих подходов получают воплощение в конкретных программах контроля.

Многие из этих программ основываются на социологических по своему существу концепциях природы отклонений. К числу таких концепций принадлежит и следующая точка зрения: большинство отклонений является не

просто и не только выражением индивидуальной патологии, но и случаями заимствованного поведения, приобретенного в большей части во взаимодействии с другими лицами, которые служат образцами для подражания, передающими соответствующие навыки и подкрепляющими убеждения и идеологии; отклоняющееся поведение, подобно большинству видов человеческого поведения, требует как материальной, так и моральной поддержки со стороны сообщностей единомышленников; в общем и целом процессы, порождающие и поддерживающие отклоняющееся поведение, мало отличаются от процессов, порождающих и поддерживающих конформистское поведение. В области социального контроля эти допущения во все большей степени находят отражение в программах, ставящих своей целью изменить поведение и убеждения индивида путем изменения культур и социальной организации групп, членом которых он является.

Теперь, прежде чем приступить к рассмотрению новых источников отклонений в американском обществе, мне бы хотелось ясно сказать, что под «отклонением» я понимаю не только преступление и правонарушение, но и любое поведение, нарушающее общепринятые нормы и правила. Что только не подпадает под такое определение! Это и многочисленные разновидности незаконного применения силы, начиная от убийства супруги (или супруга) в приступе гнева и кончая тщательно спланированным убийством политического лидера. Это и поступки людей, предающихся всевозможным порокам, равно как и «деловые» операции лиц, обслуживающих эти пороки. Это и все формы коррупции и неправильного поведения, противозаконного или только неэтичного, в среде судебных, полицейских и правительственных должностных лиц. Это и нарушение законов и обычаев, регулирующих деятельность деловых предприятий, представителей различных профессий, торговцев и ремесленников. Это и самоубийство, и уклонение от уплаты налогов, и мошенническое получение страховых премий, и обман на экзаменах. Можно ли считать, что у всей этой обширной, разветвленной области есть что-то общее? Вопрос этот вызывает в социологии отклонений большие споры. Некоторые утверждают, что в любом случае могут существовать лишь социология проституции, социология хищения, социология наркомании и т. д. Я не согласен с этой крайней точкой зре-

ния, но за недостатком места не могу привести доводов против нее. Впрочем, ясно одно: разнообразные отклонения не являются всего лишь различными выражениями какой-то единой, обобщенной, многоликой склонности к отклоняющемуся поведению. Там, где процветает один вид отклонений, другой вид может встречаться весьма редко. Общества, в изобилии порождающие определенные виды отклонений, могут быть относительно свободны от других их видов. Следовательно, мало того, что приводимые ниже замечания должны восприниматься в свете нынешнего состояния наших знаний как приблизительные,— в той мере, в какой они вообще соответствуют действительности, они не могут быть одинаково справедливыми для всего спектра отклоняющегося поведения.

Характерной особенностью развивающегося индустриального общества является его ненасытная потребность в квалифицированных специалистах. Стремительно растут новые отрасли промышленности и новые виды техники. Возникают новые профессии, как грибы после дождя вырастают новые крупные организации и расширяются старые; создаются и освобождаются миллионы рабочих мест на всех уровнях государственного аппарата, экономики, научной организации и системы образования — гораздо больше, чем может быть заполнено представителями сложившейся элиты. Такое общество различными путями и способами порождает большие притязания, исполненные надежды стремления к лучшей жизни, к успеху, к социальному продвижению и улучшению материального благосостояния.

Подобное общество должно быть более или менее открытым. Оно должно укомплектовывать свои рабочие места квалифицированными людьми, вербуя их на всех социальных уровнях. Это должно быть общество широких возможностей, но фактического наличия возможностей самих по себе еще недостаточно; следует, кроме того, дать людям стимул стремиться к реализации этих возможностей; надо внушить им веру в то, что эти возможности существуют для них и что благодаря целеустремленности, энергии и соответствующей подготовке они смогут воспользоваться ими. Господствующая идеология этого общества, каким бы несовершенным ни было ее практическое воплощение, ставит в заслугу стремление продвинуться вперед; она объявляет неправомерной незыблемость со-

циальных слоев, каждому из которых отводится определенное место в жизни. Она поощряет каждого человека сравнивать себя с широким миром других людей самого различного происхождения.

Главным средством передачи этой идеологии служит, пожалуй, система образования, которая многими способами стремится как можно дольше оставлять открытыми возможности для приобретения качеств, позволяющих человеку подняться над социальным классом своего происхождения. Экономической системе такого общества требуется, чтобы население могло и хотело потреблять ее продукты, и значительная часть ее энергии направляется на стимулирование потребностей. Богатство фактически широко распространено и бросается в глаза, служа людям постоянным напоминанием о том, чего надлежит желать, и о том, что желаемое возможно. Подобное общество является ареной непрекращающейся революции растущих экспектаций.

Указанные черты индустриального общества призваны максимизировать честолюбие и надежду и дать стимул учиться, упорно работать и стремиться к ответственности. Этим постоянным ростом уровней стремления объясняется удивительная производительность американского общества. Но здесь же коренится и причина неудовлетворенности, противоречия между надеждами и реальными достижениями. Более того, динамизм американского общества в значительной степени основывается на этой неудовлетворенности настоящим в сочетании с верой в будущее и надеждой на него. Но когда вера и надежда обманывают, когда законные пути к достижению поставленных перед собой целей оказываются закрытыми или когда для этого не хватает личных данных, неудовлетворенность может обернуться разочарованием и горьким сознанием неудачи. В большинстве своем люди, конечно, все же неплохо приспосабливаются к своему положению, а какая-то доля горького сознания неудачи присуща почти всему человечеству. Люди, как правило, рано или поздно научаются сообразовывать свои надежды с тем, чего они могут реально достигнуть. Однако возникающие давления в сторону эскалации целей вызывают определенную нервозность, неустойчивость и раздражение против ограничений и дисциплины. По мысли Роберта Мертона, американское общество порождает — в исключительно большой степе-

ни и у людей самого различного социального положения — такое противоречие между внушенными им желаниями и законно достижимым, что это приводит к ослаблению норм и институтов, регулирующих и дисциплинирующих поведение людей, а в конечном счете—к отрицанию авторитета норм и к всевозможным отклонениям.

Все дело, разумеется, в том, что возможности по самому своему существу ограничены и распределяются неравномерно, тогда как стимулы к усилению стремлений по сравнению с этим действуют более или менее равномерно, огульно. В результате встает коренная дилемма любого динамичного, демократического общества: как обеспечить такое положение, при котором люди были бы довольны, уважали бы себя и друг друга безотносительно к их житейскому успеху, и в то же самое время создать стимулы к достижению высоких уровней производства и роста? Или же, если сформулировать эту дилемму иначе: каким образом стимулировать надежды людей так, чтобы они стремились к их осуществлению, не собирая при этом обильной жатвы неудач, разочарования и смуты?

Чувство отчаяния и безнадежности и неэффективность традиционных институтов социального контроля особенно заметны среди бедноты в огромных городских агломерациях. Для динамичного индустриального общества характерно также привлечение большого количества мигрантов из районов хронической нищеты — обычно из крестьянских и слаборазвитых районов в пределах того же самого общества — в его крупные столичные центры. В США — это приток переселенцев, как белых, так и негров, из южных штатов и большой наплыв мигрантов из Пуэрто-Рико. Они скапливаются в огромных трущобах вместе с осевшими там остатками предыдущих миграций, неудачниками и отбросами экономики, с жертвами технических изменений.

Но сказать, что они бедны, — это еще недостаточно. Бедняки других обществ или даже американского общества отнюдь не обязательно имеют особую склонность к преступному и отклоняющемуся поведению. Собственно говоря, нищета этих американских бедняков, если измерять ее в абсолютном выражении, возможно, и не так велика по сравнению с нищетой, которую они знали дома, в местах, откуда прибыли. Это бедняки, помещенные из другой культуры в обстановку большого американского

города. Стимулы средств массовой коммуникации, зрелище большого богатства, пример меньшинства их соотечественников, сумевших преуспеть в новых условиях,— все это выбивает их из колеи. Предрассудки и дискриминация ставят их в особо невыгодное положение. Как правило, у них нет необходимых данных для того, чтобы воспользоваться возможностями, предоставляемыми обезличенной городской бюрократической структурой. Их традиционные методы приспособления к ненадежному экономическому положению, для которых особенно характерно опираться на широкую сеть родственников и покровителей, здесь малопригодны. Частая зависимость от государственных органов социального патронажа оскорбляет их чувство собственного достоинства. Они живут в быстро меняющихся и слабо организованных районах, где почти нет стабильных местных институтов, которые пользовались бы авторитетом, особенно среди молодежи. Они живут в обществе, где экономический успех или даже способность выжить в чрезвычайно большой степени зависят от степени образования. Однако их традиционные культуры мало придают значения школьным успехам; родители не ориентируют своих детей на успешную учебу; дети и подростки плохо учатся, рано бросают школу и предлагают свои услуги на рынке рабочей силы, где получают самую неблагодарную, ненадежную и плохо оплачиваемую работу. Здесь мы в больших масштабах обнаруживаем крушение надежд и разочарование, апатию и отчуждение. Люди сознают, что из всех классов населения они меньше всего заинтересованы в существующем социальном строе, поскольку он дает им лишь весьма непостоянное и скудное вознаграждение; этот строй наименее понятен им, и они больше, чем кто-либо, отстранены от власти.

Один из способов суммировать значение всего этого состоит в следующем: общество можно рассматривать как набор игр, которые ведутся по определенным правилам. Эти правила устанавливают соответствующие методы игры и критерии успеха. Положения, занимаемые участниками в этих играх, создают им социальный статус — идентификацию (т. е. указывают другим, кем и чем является данное лицо), равно как и представление о самом себе. Если играющие ценят эти идентификации, значит, у них имеется побудительный мотив играть усердно и подчинять успеху в этих играх импульсы и интересы, которые ставят

под угрозу достоверность подобных идентификаций. Поступая так, они создают основу для самодисциплины и для согласованной и стабильной организации жизни. Когда игры оказываются малопонятными, возможность успешного участия в них оценивается низко. Людям тогда свойственно если не отвергать эти игры, то, во всяком случае, утрачивать к ним интерес, переставать реагировать на правила, по которым ведутся игры, сводить к минимуму в своих жизненных планах значение идентификаций, создаваемых этими играми. Люди тогда имеют склонность, особенно когда находятся в жизненных обстоятельствах, аналогичных жизненным обстоятельствам многих других, разрабатывать или выискивать другие игры, в рамках которых они могут обрести или надеются обрести более вознаграждающие их идентификации, пусть даже последние обеспечивают признание лишь в узких группах, где они вращаются. Если это им не удается, они ведут неустойчивую, сумасбродную жизнь, отдавая себя на волю обстоятельств и сиюминутных побуждений.

В районах нищеты, о которых идет речь, серьезные игры традиционного мира, организуемые вокруг работы, образования и служения сообщности, принадлежат к числу игр, в которых обитателям этих районов трудно рассчитывать на успех. Поэтому люди делают лишь небольшую ставку на свое участие в этих играх и на получение предоставляемых ими идентификаций: они приобретают довольно слабые побудительные мотивы к соблюдению норм общепринятого и респектабельного поведения, служащих выражением такого рода идентификаций. Было бы грубым преувеличением охарактеризовать эти районы как анархические, хаотические и лишенные традиционной дисциплины. Вместе с тем они действительно создают обстановку, порождающую высокий процент отклонений, особенно среди молодых людей, которые меньше, чем любые другие группы, привязаны к идентификации, требующей для своего утверждения демонстрации традиционных и буржуазных добродетелей. Но даже они в большинстве своем — по мере того как взрослеют, женятся и начинают участвовать в системе полезных занятий общества, пусть даже на ее периферии,— приобретают заинтересованность в традиционных добродетелях и становятся в основном достаточно законопослушными гражданами.

За последние годы в американской социологии возрос

интерес к так называемой преступности «белых воротничков», которая впервые была подвергнута серьезному социологическому исследованию американским криминологом Эдвином Х. Сазерлендом. Понятием «преступность «белых воротничков» охватываются далеко не все преступления, совершаемые лицами высокого общественного положения. Скорее, это понятие охватывает преступления, совершаемые бизнесменами и корпорациями в ходе нормального ведения их дел. Сюда относятся, например, нарушения правительственных постановлений о запрещении картелей, монополий и прочих видов сговора и объединений, направленных на ограничение торговли; нарушения постановлений о чистоте пищевых продуктов и лекарств; лживая и вводящая в заблуждение реклама; незаконные операции на фондовой бирже и т. д. Жалобы на такого рода нарушения обычно рассматриваются административными учреждениями и лишь в редких случаях — уголовными судами. Поэтому такие нарушения не получают значительного отражения в уголовной статистике. Кроме того, правонарушителей редко когда клеймят позором, и обычно они продолжают пользоваться уважением и влиянием. Тем не менее акты, о которых идет речь, являются нарушениями уголовных статутов и, следовательно, как указал Сазерленд, представляют собой правомерный объект криминологического исследования; они должны приниматься во внимание при разработке теорий преступного поведения. Теории, основывающиеся на официальной статистике преступности, по большей части отражают преступления низших классов общества и не могут быть распространены на весь мир преступного поведения. Далее, общеизвестен и освещен систематическими исследованиями факт, что упомянутые преступления широко распространены; их жертвами являются конкурирующие деловые предприятия и организации.

Пока очень мало сделано по части разработки теорий, объясняющих подобное поведение, но совершенно очевидно, что такие напрашивающиеся с точки зрения здравого смысла причины, как нищета, разлад в семье, индивидуальная психопатология и т. п., здесь ни при чем. Преступления «белых воротничков», как правило, не принадлежат к числу преступлений, замышляемых и совершаемых отдельными лицами, — они являются плодом политических решений крупных организаций. Объяснение этим преступ-

лениям следует искать на пути анализа процесса принятия решений организациями в обстановке американской экономики. На первый взгляд преступления «белых воротничков» представляют собой аспекты борьбы за существование, устойчивость и развитие, которую ведут между собой крупные и могущественные организации в условиях конкуренции. Многие преступления «белых воротничков», особенно нарушения антитрестовских законов, явно представляют собой средство снизить ненадежность и неустойчивость, порождаемые конкуренцией. Однако рассмотрение преступлений «белых воротничков» в правильной перспективе требует от нас признания того, что многие из этих преступлений являются формами поведения, которые во многих других развитых обществах получили такое же или даже большее распространение, но не подвергаются столь строгому регулированию со стороны уголовного закона или даже пользуются статусом совершенно законной практики бизнеса.

Поэтому, для того чтобы понять преступность «белых воротничков», особенно в сравнительной перспективе, необходимо еще более расширить сферу наших исследований, включив в нее социальные факторы, определяющие социальные установки, уголовное законодательство и практику проведения законов в жизнь. Хотя только что сказанное абсолютно справедливо в отношении преступлений «белых воротничков», это, вероятно, справедливо также и в отношении большинства других преступлений. Отправным пунктом социологического изучения отклонений в любом обществе должно стать рассмотрение способов определения отклонений, институтов и средств контроля над отклонениями, в том числе уголовного права, и методов выборочного применения этих средств для борьбы с различными видами отклонений. Социология мало-помалу поворачивается именно в эту сторону, но она стоит еще в самом начале пути.

19

МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Чарлз БИДУЭЛЛ

Что порождает «проблему поколений»? Всякий раз, когда возникает разрыв между убеждениями и делами молодых людей и экспектациями взрослых, положение молодежи в обществе начинают обсуждать в качестве неотложного и тревожного вопроса. Этот вопрос может подниматься и родителями, раздосадованными своей все возрастающей неспособностью найти общий язык с собственными отпрысками и контролировать их поведение, и политическими или религиозными лидерами, обличающими вступившее в жизнь «отчужденное» поколение, и писателями или комментаторами на социальные темы, которые видят в молодежи воплощенный пример специфических трений и напряжений своего времени.

Приписываемые молодежи характерные черты, которые вызывают тревогу у взрослых, весьма разнообразны, но, как правило, они служат выражением одной из двух взаимопротиворечивых тем: это либо бунтарство (под видом политического или морального радикализма, преступности, склонности к богеме), либо апатия в таких формах, как безответственный гедонизм или слепой конформизм по отношению к принятым взрослыми критериям нравственности, набожности или школьной успеваемости. Точке зрения на молодежь, как на бунтарей, обычно сопутствуют чувства морального негодования и страха, что отклоняющееся поведение разрушит общество. Точка зрения на молодежь, как на апатичное поколение, проникнута чувством разочарования и убежденностью в том, что общество распадается в результате широкого распространения равнодушия и пренебрежения к гражданскому долгу.

Проблема поколений обнаруживается почти исключительно в современных обществах и в обществах, вставших

на путь модернизации. Перед исследователем-социологом стоит важная задача: выявить те факторы в современной социальной действительности, которые определяют проблему поколений и объясняют различие форм, в которых эта проблема проявляется. В настоящей главе будет сделана попытка дать лишь краткое введение в эту проблему. Речь пойдет преимущественно о средних классах и о мужчинах, но при этом нельзя не признать, что разнообразие современных обществ ставит весьма различные проблемы и перед молодыми женщинами, и перед мужчинами — представителями других классов.

Проблемы социального и биологического возраста

Социетальная модернизация вносит глубокие изменения в распределение жизненных циклов. Вступая в юношеский возраст, человек находится в расцвете своих физических сил — он крепок, энергичен и достиг половой зрелости. В той степени, в какой для получения статуса взрослого человека необходима физическая сила, юноши полностью отвечают требованиям, предъявляемым к взрослым. Но ни в одном обществе никто не может участвовать в жизни в качестве взрослого его члена без существенной подготовки. Даже в наименее сложных обществах для получения статуса взрослого необходимо выучить общий язык, усвоить традиции, мотивы и нормы социальной жизни и приобрести некоторое умение в деле собирания или добывания пищи. Однако в большинстве традиционных обществ основные социальные познания без заметного разрыва передаются от одного поколения к другому; обучение осуществляется главным образом внутри семейного или родственного круга и завершается к моменту полного физического развития. Вследствие этого социальное и физическое созревание наступает более или менее одновременно. Кроме того, превращение ребенка во взрослого человека довольно хорошо определяется его возрастным положением внутри семьи; существует сильная тенденция конкретизировать и координировать процесс достижения социальной и физической зрелости с помощью серии социально определяемых возрастных градаций.

Это составляет резкий контраст с современными обществами, в которых ввиду сложного высокоспециализированного разделения труда достижение статуса взрослого человека определяется овладением профессией. Лишь немногие профессии, за исключением неквалифицированного труда, находятся в сколько-нибудь прямой или серьезной зависимости от физической зрелости, зато они требуют приобретения определенных навыков и известного объема научно обоснованных знаний, необходимых для рационального выполнения работы. К тому же число таких профессий постоянно увеличивается, а во многих профессиях требуемые навыки и знания становятся все более сложными. В результате этого, как указывал Кингсли Дэвис несколько лет назад, достижение социальной зрелости отстает от достижения физической зрелости, причем с успехами социальной модернизации этот разрыв все увеличивается[1]. В этих условиях человек продолжает оставаться на положении юноши, готовящегося к вступлению в жизнь взрослых, еще в течение некоторого времени после того, как он станет взрослым физически.

Этот разрыв сам по себе является источником напряжения, поскольку в современных обществах по-прежнему сохраняется, в несколько ослабленной форме, представление о том, что физическая зрелость свидетельствует о достижении статуса взрослого. Но главная роль профессии неизбежно задерживает достижение статуса взрослого, даже если (как это имеет место в отношении многочисленных семейных аспирантов в Америке) человек приобретает символ взрослости, даваемый положением семьянина. Более того, противоречие между взрослым статусом женатого человека и профессиональным несовершеннолетием само по себе может породить напряженность. Только в низших сферах мира трудовой деятельности, среди неквалифицированных работ, сулящих невеселое будущее, может еще сохраняться в современном обществе соответствие между физическим и социальным созреванием.

Важно также отметить, что статус человека в семье его родителей не является в современных обществах определенным показателем взрослости или юности. Под-

---

[1] K. Davis, Adolescence and the Social Structure, в: «Annals of the American Academy of Political and Social Science», CCXXXVI, November 1944, 8—16.

нимаясь на все более высокие ступени системы образования, например учась в аспирантуре или проходя профессиональную практику, человек может постоянно жить вне дома своих родителей и даже быть финансово независимым от них, скажем зарабатывать себе на жизнь и на учебу или, что более вероятно, жить на займы или стипендии, но все это не дает ему статуса взрослого человека.

Более того, если молодой человек все еще находится в процессе подготовки к профессиональной деятельности, он может достичь такого положения в семье своих родителей, которое при иных обстоятельствах налагало бы на него обязанности взрослого человека (например, если речь идет о старшем сыне родителей, утративших способность зарабатывать себе на жизнь), хотя он и не всегда способен выполнить эти обязанности. И здесь опять-таки коренится источник напряжения для молодых людей, потому что затянувшаяся юность не аннулирует права и обязанности по отношению к родительской семье, но откладывает их реализацию на неопределенное время. Невозможность для молодого человека пожать плоды собственной зрелости может вызывать острое разочарование, а его неспособность выполнять обязательства, скорее всего, будет рассматриваться им самим и другими как нечто неподобающее.

С модернизацией общества источником напряжения становится также и отношение молодежи к зрелому возрасту. В традиционных обществах наиболее зрелый возраст обычно сам по себе считается признаком мудрости — высокоценимого накопления опыта. Происходит это более или менее независимо от отличительных качеств или прошлых поступков тех или иных индивидов, а поскольку подобные общества сравнительно мало дифференцированы, то на лиц старшего возраста обычно возлагается большее число важных социетальных обязанностей. Таким образом, люди старшего возраста становятся государственными деятелями в обществе.

Однако в современных обществах зрелый возраст сам по себе ценится гораздо меньше. Вместо общей для всех серии возрастных градаций с соответствующими обязанностями и опытом мы имеем здесь дело с различными карьерами, специализированными в соответствии со связанными с ними профессиями и секторами общества, в которых они осуществляются, например, с торговлей, промышлен-

ностью, государственной службой, церковью. Таким образом, зрелый возраст отнюдь не обеспечивает определенного объема существенного опыта, разделяемого с другими сверстниками.

Кроме того, в основе продвижения людей по ступеням карьеры лежит не старшинство по возрасту, а скорее достоинства и заслуги, в результате чего это продвижение осуществляется различными темпами, хотя в этом отношении их карьеры значительно отличаются друг от друга. Например, в таких привилегированных профессиях, как медицина или право, одни так и заканчивают свою карьеру на низших ступенях; другие, сделав блестящую карьеру, достигают наиболее почетных постов уже в раннем возрасте; третьи же занимают высокое положение в зрелом возрасте. Кроме того, высокое профессиональное положение — вещь непрочная, зависящая от сохранения высокого качества работы, а не от прошлых заслуг, какими бы превосходными они ни были. Лица старшего возраста, переставшие выполнять высококачественную работу, обнаруживают, что на них смотрят как на «сухостой», хотя, быть может, к ним по-прежнему относятся с известным почтением, обусловленным прошлыми заслугами. Итак, темпы и качество продвижения по ступеням карьеры рассматриваются в современных обществах как дело индивидуальной ответственности. Доброкачественность работы говорит о степени доброкачественности работника — о его уме, мотивации и подготовке.

Этот постоянный разрыв между возрастом и профессиональным положением ставит молодого человека, готовящегося к той или иной карьере, перед сложными проблемами. Его возраст сам по себе не является препятствием к достижению целей: профессионального успеха, а также социального статуса, дохода и авторитета, приносимых этим успехом. Однако один только факт, что он будет становиться старше, отнюдь не гарантирует получения им каких бы то ни было из этих вознаграждений. Вдобавок к этому социальное определение молодости как поры подготовки, отсроченных стремлений и материальной зависимости придает будущему чрезвычайно большое значение. Прошлое и настоящее не имеют большой внутренней ценности; их значение для человека оценивается с точки зрения того, что они могут дать для успеха в зрелом возрасте.

Эти факторы порождают у многих молодых людей нетерпеливое стремление поскорее начать делать свою карьеру. Старшинство по возрасту еще не обеспечивает взрослым уважения, ведь некоторые из них действительно могут быть «сухостоем». Далее, в условиях происходящих в современных обществах стремительных научно-технических изменений молодые люди, находящиеся в процессе обучения, возможно, окажутся лучше подготовленными к работе взрослых и более умелыми работниками, чем старшие люди. Поэтому таких молодых будет, видимо, раздражать система, отдающая явное предпочтение возрасту перед личными достоинствами; они будут настойчиво стремиться зарекомендовать себя успешно работающими, а не просто подающими надежды специалистами, показать себя на деле и получить заслуженные вознаграждения.

Недетерминированность судьбы взрослых

Со значительным уменьшением в современных обществах роли семьи и родства в качестве основы для распределения между людьми социальных положений, соответствующих зрелому возрасту, перед молодым человеком открывается сравнительно широкий выбор в таких вопросах, как работа, женитьба, стиль жизни, религия и политика. Ограничения для выбора профессии в основном обусловлены не социальным рангом семьи, а скорее такими индивидуальными факторами, как способность и желание учиться и возможности нести как прямые, так и косвенные расходы, связанные с обучением. Семья молодого человека играет важную роль в деле передачи генетической наследственности, формирования мотивов и основных социальных навыков и предоставления финансовой и социальной поддержки во время затянувшегося периода юношества, однако нет и речи об автоматическом наследовании отцовской профессии. Профессиональная связь между отцом и сыном еще более ослабляется в результате непрерывного процесса изменений, затрагивающих рационализированные профессии. Более того, конкретный разрыв между отцами и сыновьями в профессиональном отношении носит резкий и определенный характер; подлинные

учителя и конкуренты — как старые, так и молодые — находятся за пределами семейного и родственного круга.

Снижение роли наследования профессии не освобождает, однако, сына от обязанностей перед семьей своих родителей. Поскольку возможности в области профессий складываются заново с приходом каждого нового поколения, классовый ранг, доход и стиль жизни семьи не могут быть обеспечены автоматически, после того как сыновья придут на смену отцам. Для сохранения семейного статуса требуются целеустремленные и большие усилия, а успех при этом отнюдь не гарантирован. Задача молодых людей, обычно возлагаемая на них родителями и зачастую остро ими ощущаемая, заключается в том, чтобы добиться успеха в какой-нибудь профессии, социальный ранг которой эквивалентен по меньшей мере социальному рангу профессии отца.

Давление, оказываемое родителями на своих детей и побуждающее последних к успеху и мобильности, разжигает у молодых чувство нетерпения; кроме того, оно косвенно способствует сохранению родительской власти над сыновьями. В годы юности деловая состоятельность сына в его собственных глазах и в глазах его семьи и сверстников в очень значительной мере измеряется его способностью пройти процесс профессиональной подготовки и сделать хорошее начало карьеры. Итак, положение молодого человека носит двойственный, противоречивый характер: он остается связанным с родительской семьей как носитель ее благосостояния (да и своего собственного благосостояния, поскольку достигнутый в зрелом возрасте успех отчасти измеряется в сравнении с происхождением родительской семьи), тогда как требования подготовки к карьере побуждают его порвать связь с родителями и ориентироваться на школу и учителей, на конкуренцию со своими сверстниками.

В низших сферах современных обществ, где представления о карьере и профессиональной подготовке не имеют большого значения, социальное положение поневоле наследуется, потому что сыновья не могут опуститься ниже своих отцов, а кое-кто находит способ подняться даже выше, хотя желать этого могут довольно многие. Вместе с тем в процессе «возрастающих стремлений», по мере того как на первый план выдвигается продвижение по лестнице карьеры, значительное число молодых людей из низ-

ших классов может, подобно молодежи более высокого статуса, начать заботиться о своем будущем. Однако этих молодых людей ожидает мрачная перспектива, и поэтому деятельность молодежи более высокого статуса в основном не является ее личной заслугой.

Центральная роль образования

В современных обществах всеобщее обязательное образование является необходимостью, и дети покидают родительский кров не для того, чтобы вступить в мир взрослых, а для того, чтобы поступить в школу. Хотя в этих обществах семья может служить главным средством формирования ценностей и убеждений новых поколений, сложность и рационализация общества требуют такого образования в наиболее специфичных сторонах социальной жизни, которое могут дать лишь немногие семьи. Больше всего это бросается в глаза в области подготовки к работе, но об этом говорят и такие школьные предметы, как основы гражданских и экономических знаний, усваивая которые ученик обучается участию в крупных политических и экономических системах.

Потребность во всеобщем образовании еще более усиливается благодаря изменчивости профессиональных возможностей молодых людей. Поскольку эти возможности нельзя конкретно предсказать исходя из социального положения родителей, требуется система школ, которая может дать различную профессиональную подготовку и которая занимает промежуточное положение между семьями и профессиональными судьбами их детей.

С точки зрения общества обучение необходимо еще и по двум другим причинам. Ввиду недетерминированности судьбы взрослых, которой сопутствуют высокие уровни мобильности между поколениями, все дети и молодые люди должны получать минимальное однотипное образование. Всеобщее обучение уравнивает резкие, приводящие к разрыву различия в способности родителей дать образование своим детям. Вдобавок к этому семьям обычно свойственна узость кругозора, отражающего убеждения и образ жизни, характерные для определенного района, класса, религии и этнической группы. Обычно они форми-

руют привязанности детей, отличающиеся такой же узостью. Однако всеобщее образование способно укрепить у детей преданность самому обществу и поощрить в них приверженность к его важнейшим ценностям и чувствам.

Итак, дети в современных обществах переходят из семьи в школу, которая с годами начинает занимать центральное место в их жизни. Кроме того, сложность подготовки к профессиональным ролям, равно как и к другим социальным ролям, приводит к расширению объема материала, подлежащего изучению, что порождает тенденцию к удлинению срока школьного обучения. В высшей школе, окончание которой является необходимым предварительным условием приобретения профессии высокого статуса, обучается все больший процент молодых людей (например, в 1961 году в Соединенных Штатах 38% молодых людей возрастной группы от 18 до 21 года против 14% в 1939 году) [2]. Эти тенденции еще более усиливаются в результате растущих экспектаций населения, получающего все более широкую возможность нести расходы, связанные с длительным образованием, а также действия профессиональных групп — особенно врачей, юристов и др., — направленных на осуществление контроля над пополнением их рядов посредством увеличения объема, сложности и стоимости требуемой ими подготовки. В современных обществах именно фактор продолжительной учебы фактически является определяющим для молодежи как социальной категории и обусловливает продолжающуюся зависимость молодых людей после того, как они уже давно достигают физической зрелости.

В данном контексте особенно важное значение имеют три аспекта длительного образования. Во-первых, школы и учителя оказывают огромное влияние на своих учащихся, причем их способность оказывать такое влияние на учеников, за исключением самых худших, не уменьшается в серьезной степени и с повышением уровня образования. В старших классах школ и в колледжах это влияние в противоположность расплывчатому моральному авторитету учителей младших классов основывается на способности преподавательского персонала осуществлять контроль над профессиональными судьбами своих учеников.

Отметки, выставляемые учителями, и прочие виды оце-

[2] M. Trow, The Democratization of Higher Education in America, в: «European Journal of Sociology», III, 1962: 231—262.

нок способностей учащихся играют центральную роль в их продвижении в рамках системы образования, а затем и в сфере трудовой деятельности. Но на высших уровнях образования преподаватель осуществляет свое влияние лишь время от времени. По мере того как учащиеся все более определенно готовятся к самостоятельной трудовой деятельности и приобретают некоторое умение, преподаватели осуществляют над ними менее тщательный надзор и свою власть проявляют лишь во время периодических экзаменов.

Вследствие этого молодежь в школе занимает двойственное, противоречивое положение. Хотя во многих отношениях молодые люди пользуются независимостью, эта независимость им *разрешена* в качестве составной части их образования. Она неизменно ограничена экспектациями и мнениями преподавателей, пусть даже они не получают формального выражения. Далее, свобода действий, приобретаемая в результате того, что молодой человек все более явственно выходит из-под контроля семьи, должна использоваться таким образом, чтобы не нанести серьезного вреда школьным занятиям. Итак, учителя и школы образуют в глазах молодежи, пожалуй, самый заметный барьер на пути к достижению статуса взрослых, и молодые люди выражают сомнение в правомерности этого барьера в той степени, в какой школьная работа представляется им не имеющей связи с их будущим как взрослых людей.

Во-вторых, несмотря на центральное место учебы в деле освоения ролей взрослых людей, предъявляющих высокие требования, учащихся, даже на уровне колледжей, не слишком часто обременяют чрезмерными учебными нагрузками. Как отмечает Дэвид Матца, процесс обучения в современных обществах, несомненно, мог бы осуществляться быстрее, а молодежь могла бы более ускоренными темпами достигать статуса взрослых [3]. Однако в современных обществах сохраняется убеждение, что детство и юность — это беззаботная и счастливая пора. Это убеждение накладывает отпечаток на определение сроков обучения с его длительными каникулами и умеряет требования преподавателей. В результате юность оказывается

[3] D. Matza, Position and Behavior Patterns of Youth, в: R. E. L. Faris (ed.), Handbook of Modern Sociology, Chicago, Rand McNally, 1964, p. 197.

щедро наделенной избытком досуга, и у молодых людей образуется большой запас свободного времени и энергии, которыми они могут распоряжаться по собственному усмотрению. Студенты свободны от всепоглощающего и определяющего влияния работы, которому подвержено большинство взрослых; свойственный юности досуг переносится и на годы, когда человек становится взрослым, главным образом у лиц, освоивших профессии низшего статуса.

В-третьих, обучению в современных обществах присущи противоречивые тенденции к «непрактичному» и инструментальному. С одной стороны, отчасти в результате сохранения взгляда на гуманитарное образование, как на образование, достойное аристократа, а отчасти ввиду тех преимуществ, которые дает личная гибкость в сложных обществах, многие предметы, преподаваемые в старших классах школы и в колледжах, предлагаются в качестве самопели — для расширения гуманитарного кругозора — и не играют никакой прямой роли в профессиональной подготовке.

С другой стороны, школы представляют реальную действительность мира взрослых в абстрактной и опосредованной, копируемой форме. Задержка с получением статуса взрослого означает, что роли взрослых приходится воспринимать через рассказы и чтение о мире взрослых или через искусственное подражание деятельности взрослых. Абстрактность поневоле необходима в сложных современных обществах, поскольку детям и молодым людям приходится готовиться к овладению многочисленными различными видами опыта путем распределения по категориям и путем усвоения весьма обобщенных норм, управляющих целыми классами ситуаций. Флориан Знанецкий утверждал, что абстрактный и опосредованный характер обучения подрывает непосредственность учебы, а вместе с ней—и прямую заинтересованность в изучаемом предмете [4]. Напротив, обучение всегда должно осуществляться в интересах будущего и казаться искусственным в настоящем. Оно становится важным и терпимым только ради достижения более или менее отдаленных целей.

---

[4] F. Znaniecki, Educational Guidance, в: «Social Actions», New York, Farrar and Rinehart, 1936, p. 189—231.

Следовательно, молодые люди, скорее всего, будут удовлетворены школьным обучением, продолжат свою учебу дальше и будут делать успехи в той степени, в которой эти отдаленные цели будут иметь для них смысл и значение. Таким молодым людям экспектации родителей, требования и санкции учителей представляются разумными и правомерными; опосредованный характер обучения укрепляет в их сознании авторитет школы. Другие учащиеся, у которых связь между настоящим и будущим носит менее прочный характер, не считают ограничения родителей или учителей сколько-нибудь разумными или правомерными, и авторитет этих взрослых в их глазах падает.

Альтернативные типы культуры молодежи

Учитывая напряженное состояние, создавшееся вокруг положения молодежи в современных обществах, можно было бы ожидать широкого распространения среди нее движения протеста либо в форме бунта, либо в форме пассивного ухода. Этот протест мог бы быть направлен на значимые персоны и организации мира взрослых, в частности на школу и на родителей с их настойчивыми экспектациями в отношении статуса. Поведение молодых людей зачастую истолковывается именно в этом плане. В действительности, однако, мало что говорит о том, чтобы молодежное движение протеста против мира взрослых было сколько-нибудь характерным для современного общества.

К сожалению, несмотря на многочисленные разговоры о молодежи, действия и убеждения молодых людей изучены весьма мало; особенно заметно отсутствие сравнительных исследований, посвященных молодежи, в международном масштабе. Тем не менее здесь уместно будет предложить и альтернативную интерпретацию. При ближайшем рассмотрении трудно обнаружить хотя бы одинединственный вид убеждений или поведения, характерный исключительно для молодежи, подобно тому как нет ни одного исключительно «взрослого» вида убеждений или поведения. Внутренняя дифференциация современных

обществ фактически делает возможным образование разнообразных культурных группировок, формируемых вокруг альтернативных ценностей и отличающихся непохожими друг на друга стилями жизни. Отчасти это разнообразие отражает различия, связанные с классовым положением, но наряду с этими широкими различиями в социальном ранге обнаруживается заметное разнообразие, обусловленное такими факторами, как конкретные различия в профессиях, в региональных субкультурах, в этнической и религиозной принадлежности и просто во вкусах.

Тот факт, что молодость в современных обществах в столь значительной степени связана с надеждами на будущее, говорит о том, что молодые люди будут склонны скорее принимать, чем отвергать ценности и критерии взрослых. Именно здесь следует искать источники «молодежной культуры» [5]. Это тяготение к культуре взрослых должно еще более усиливаться благодаря господствующему положению взрослых и их учреждений. Тем не менее молодежная культура не является точной копией культуры взрослых. Зависимое положение и затянувшаяся пора юношеских ожиданий побуждают молодых людей выделять среди всего диапазона ценностей и стилей поведения взрослых лишь те, которые наилучшим образом помогают им справляться с напряжениями их противоречивого статуса. То обстоятельство, что сама культура взрослых отличается разнообразием, увеличивает ее способность служить почвой для достаточно хорошего приспособления молодых людей различного социального происхождения, с различными возможностями и интересами к молодежному статусу.

Кроме того, молодежные версии ценностей и стилей взрослых имеют тенденцию доводить эти присущие взрослым свойства до крайности, представлять их в различных идеализированных или романтически преувеличенных формах. Молодые люди имеют возможность действовать и мыслить в условиях отсутствия ограничений и обязанностей, свойственных жизни взрослых и побуждающих этих последних к компромиссу. Абстрак-

---

[5] T. Parsons, Age and Sex in the Social Structure of the United States, в: «Essays in Sociological Theory», 2nd ed., Glencoe, Ill. The Free Press, 1954, p. 91—94.

тный и опосредованный характер обучения молодежи также приводит к идеализации убеждений и общества взрослых. Далее, наличие у молодых людей свободного времени позволяет им следовать избранным ими среди взрослых образцам для подражания с известным постоянством и основательностью, даже когда они плохо согласуются с учебными занятиями.

Взрослый наблюдатель может упустить из виду культурное разнообразие его собственных сверстников и спутать чрезвычайно высокие уровни достижений и обязательств, необходимые для профессий, предъявляющих наиболее высокие требования, со всем диапазоном трудовой деятельности взрослых. Для такого наблюдателя молодежные типы могут в этом случае действительно показаться «пугающими» и «антиобщественными». Большинство взрослых, включая родителей, могут увидеть лишь очень немногое из того, что происходит в стенах учебных заведений, вследствие чего взрослые наблюдают молодых людей главным образом в их часы досуга. Поэтому легко можно спутать виды поведения, имеющие для их участников второстепенное или частичное значение, со всем образом жизни.

Однако нам мало что известно о распределении типов молодежной культуры или об условиях, порождающих тот или иной из них. Все, что мы можем здесь сделать, — это лишь конкретно обрисовать главные из этих типов.

Не подлежит сомнению, что многие молодые люди приспосабливаются к своему положению путем строгого соблюдения «официальных» норм взрослых. Это «прилежные» или «добросовестные» молодые люди, как охарактеризовал их Матна, которые в сферах академической успеваемости или религиозно-моральных обязательств с готовностью принимают правомерность норм взрослых и в большей своей части отстраняются от альтернативных видов использования свободного времени, свойственных другим молодежным типам [6]. На взгляд некоторых, это может представлять собой выражение невротического сверхконформизма, особенно среди добросовестных молодых людей, но, разумеется, есть немало таких прилежных молодых людей, которые признают инструментальную ценность образования, а также и таких, которые находят

[6] Matza, op. cit., p. 200—214.

удовлетворение в учебных занятиях и всецело посвящают себя достижению этих целей. Кроме того, добросовестность может в определенных контекстах служить отражением откровенного принятия основополагающих тем, имеющихся среди религиозных и моральных убеждений взрослых.

Есть и другой путь, находящий свое отражение в юношеском гедонизме или приверженности к развлечениям, который чаще всего воспринимается в качестве молодежной культуры и подвергается критике за отсутствие серьезности и строгих обязательств[7]. Встречавшаяся некогда в старших классах школ и в колледжах тяга к юношеским забавам, по-видимому, стала теперь более редким явлением в высших учебных заведениях и, возможно, идет на убыль также в средних школах. Этот спад, быть может, обусловлен интенсивной целеустремленностью, порожденной инструментальным увязыванием учебы и статуса взрослых. Тем не менее гедонистический тип имеет широкое распространение и, по-видимому, копирует бегство от работы, распространенное среди работников всех профессий, за исключением профессий, предъявляющих наиболее высокие требования, и особенно характерное для классов рабочих и служащих. Надо полагать, это весьма легкий путь для молодых людей, являющихся выходцами из этих классов, потому что на упомянутых уровнях общества обучение ни в профессиональной, ни в гуманитарной своей форме не бывает столь тесно связанным с судьбами взрослых, как оно связано у детей из семей с более высоким общественным положением.

Бегство от школьных занятий в гедонистическое времяпрепровождение может само по себе осуществляться по примеру взрослых и через созданные ими каналы. Многие виды этой деятельности имеют место в рамках контролируемых школой оздоровительно-развлекательных и спортивных мероприятий или в учреждениях для взрослых вне школы (например, в ИМКА — Ассоциации молодых христиан). Эти занятия поощряются взрослыми, которые с энтузиазмом поддерживают школьный спорт и прочие проявления «молодого задора». Вероятно, и сами

[7] Ср.: P. Goodman, Growing Up Absurd, New York, Random House, 1960.

роцители стимулируют и направляют менее формальными способами юношеский гедонизм, поощряя общительность и выражая опасения по поводу чрезмерного усердия. Есть некоторые данные, свидетельствующие о том, что эти формы контроля взрослых менее характерны для низших социальных классов[8], но тем не менее контролируемый взрослыми гедонизм, по-видимому, широко распространен в современных обществах в качестве важного и «безопасного» выражения напряжений, вызываемых длительным периодом зависимости и нереализованных желаний.

Конечно, имеется и значительное число бунтующих молодых людей. Некоторые из них, особенно в средних школах, бунтуют потому, что они не видят никакой практической связи между школьными занятиями и своей будущей судьбой или же не могут вынести зависимости, присущей развлечениям, которые санкционируются взрослыми. Эти молодые люди, чаще всего являющиеся выходцами из низших социальных слоев, могут быть постоянными источниками беспокойства в классе; по окончании школы они начинают жизнь взрослых людей, поступая на работу, не требующую высокой квалификации, но, вероятно, в данный момент удовлетворяющую их. В своей наиболее ярко выраженной форме бунтарство такого рода переходит в преступность несовершеннолетних; это специальное правовое определение, относящееся к молодежи, символизирует крайний характер ее поведения. Однако интересно отметить, что даже преступность несовершеннолетних, возможно, не представляет собой полного отречения от чувств или поведения взрослых. Как было обнаружено в недавно проведенном исследовании на материале участников банд подростков в одном трущобном районе Чикаго, эти молодые люди посвящают значительную часть своего времени видам деятельности, пользующимся одобрением взрослых, — особенно спорту[9]. Более того, главари банд зачастую могут с помощью взрослых переключиться на постоянную работу[10].

---

[8] M. and C. Sherif, Reference Groups, New York, Harper and Row, 1964, p. 238—239.

[9] R. Ash, An Educational Experiment in the Inner City, в: «Working Paper», № 56, Center for Organizational Studies, University of Chicago, 1966.

[10] J. Short, Street Corner Groups and Patterns of Delinquency, 1961.

Как мы недавно видели на примере Соединенных Штатов, бунтарство молодежи имеет также место в колледжах и университетах. Это бунтарство, получившее распространение среди студентов, которые делают успехи, довольно способны и, по-видимому, твердо ориентированы на привлекательную будущую карьеру, чрезвычайно ясно отражает свойственное молодежи нетерпение и, кроме того, серьезную заинтересованность в ценностях и организациях взрослых. Фактически здесь мы сталкиваемся в противоположность общему политическому индифферентизму молодежи с активной политической ориентацией и деятельностью [11]. В некоторых случаях бунтарство направляется на сами университеты, как это имеет место при выдвижении требования о предоставлении студентам подлинного права голоса в решении университетских дел. Действия этих студентов говорят о стремлении к получению авторитета взрослых, о нетерпеливом желании начать жизнь взрослых и о попытке преобразовать, а не разрушить до основания свои учебные заведения.

В других же случаях студенты выходят в своем бунтарстве за пределы университетов и колледжей — особенно в Соединенных Штатах, где они участвуют в движениях за предоставление гражданских прав неграм. Эти студенты выражают также раздражение против порядков и лидеров взрослых, но это раздражение сочетается с твердым моральным сознанием и преданностью определенным важнейшим ценностям, которые попираются у них на глазах. Знаменательно, что такого рода студенческая деятельность, за немногими исключениями, зарождалась вне стен колледжей. Вернее, американские студенты обращались к движению, возглавлявшемуся видными взрослыми защитниками моральных устоев, преимущественно священниками. Это движение пользуется поддержкой главным образом со стороны религиозных групп и ряда других респектабельных учреждений взрослого мира. Бунтующие студенты такого типа нашли для себя систему ценностей и учреждений взрослых, через посредство которой они выражают свои собственные моральные требования и свое нетерпение в связи с затянувшейся юностью.

---

[11] Ср.: R. Lane, Political Life, Glencoe, Ill., The Free Press, 1959, p. 216—217

20

РАСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Томас Ф. ПЕТТИГРЮ

Расовые отношения в Америке представляются большинству читателей главным образом в виде серии кричащих газетных заголовков. Вспомним, например, широко освещавшиеся в печати беспорядки в Литтл-Роке (штат Арканзас) в 1957 году и в университете Миссисипи в 1962 году, взрывы бомб и акты насилия в Бирмингеме (штат Алабама) в 1963 году и волнения в Лос-Анджелесе в 1965 году.

Эти нашумевшие события служат важными показателями процесса расовых перемен в Соединенных Штатах. Они говорят об ожесточенном сопротивлении некоторых белых американцев и об отчаянном упорстве американцев-негров. Однако сенсационные эпизоды, оказавшиеся в центре внимания средств массовой коммуникации, сами по себе еще не могут дать широкую социологическую перспективу, необходимую для полного понимания коренных изменений, происходящих в настоящее время в американской расовой действительности. Поэтому в настоящей главе предпринимается попытка заглянуть несколько дальше газетных заголовков и обрисовать этот жизненно важный вопрос в более широкой перспективе.

Четыре ключевых фактора

Все отношения между группами обусловлены четырьмя взаимозависимыми классами факторов: *историческими, социально-культурными, личностными и ситуационными*[1]. Первая совокупность факторов относится к единственной в своем роде истории групп — особенно истории общения

[1] Заимствовано из модели, предложенной Дж. У. Оллпортом: G. W. Allport, The Nature of Prejudice, Cambridge, Mass., Addison-Wesley, 1954, Ch. 13.

между группами. Так, невозможно полностью оценить многошаблонные групповые взаимоотношения Южно-Африканской Республики, не углубившись в своеобразную и сложную историю общения между африканцами, африкандерами, мулатами, англичанами и индейцами, населяющими эту беспокойную страну.

Второй общий класс переменных относится к *социально-культурной обстановке* межгруппового общения. Здесь вступает в действие множество культурных, экономических, политических, демографических и экологических факторов. Сплошь и рядом на основании этих переменных можно предсказать приблизительные темпы изменений в групповых отношениях. Например, на юге Соединенных Штатов ряд показателей конфликта и согласия между неграми и белыми — начиная от актов насилия и кончая быстрой десегрегацией мест общественного пользования — может быть с надежностью предсказан по различным географическим районам благодаря использованию таких демографических переменных, как процент негритянского населения и процент городских жителей в той или иной местности [2].

Личностные факторы образуют третью широкую категорию Глубоко укоренившиеся личностные склонности к внегрупповым предрассудкам имеют важное значение; эти соображения хорошо изучены — взять, к примеру, хотя бы авторитарную личность. Но важную роль играют также и глубоко укоренившиеся личностные потребности проявлять конформизм и добиваться социального одобрения, потребности, также приводящие к отказу по соображениям внегруппового порядка от норм, санкционированных внутри группы в качестве «правильных». Аналогично этому должна быть принята в расчет индивидуальная феноменология, потому что межгрупповое поведение сплошь и рядом определяется в большей степени восприятием действительности, чем самой объективной действительностью. На формирование таких восприятий могут оказать воздействие политические идеологии и расовые мифы или же просто потребность индивида в выборочном восприятии ситуации.

Последняя категория — непосредственная межгруппо-

[2] T. F. Pettigrew and M. R. Cramer, The Demography of Desegregation, в: «Journal of Social Issues», XV, № 4, 1959, 61—71.

вая *ситуация* — представляет собой важнейшую структуру, связывающую воедино эти различные уровни. Здесь действие исторических, социально-культурных и личностных факторов сходится в одну точку и, обусловленное конкретными характерными чертами ситуации, порождает межгрупповые *отношения,* как таковые. Так, например, в Индии как раз фактическая ситуация, в которой встречаются друг с другом члены различных каст, в конечном счете определяет, что́ будут отражать возникающие в результате этого отношения — древние традиции кастовой системы или же предписания современного правительства Индии, стремящегося к ликвидации кастовых различий.

А теперь приглядимся повнимательнее к взаимодействию этих четырех совокупностей факторов в области отношений между неграми и белыми в Соединенных Штатах.

Исторические соображения

Рассмотрим сначала историческую обстановку. Американцы негритянского происхождения с момента их прибытия в Виргинию в 1619 году являлись неотъемлемой составной частью общества. Было бы неправильно смотреть на негров только как на переселенных на другую почву африканцев или как на обособленную группу с обособленной культурой, полностью оторванную от американского общества в целом, потому что эта точка зрения не учитывает жизненно важной исторической стороны дела. Американцы негритянского происхождения, которые вот уже на протяжении четырнадцати поколений живут жизнью своей страны, — это плоть от плоти Соединенных Штатов; даже белые расисты не ставят под сомнение их американскую принадлежность. Негры являются американцами в любом смысле, и из этого факта вырастает преисполненная иронии проблема: хотя негры составляют неотъемлемую десятую часть своей страны, они лишены, как граждане, всей полноты своих прав. В основе их нынешнего движения протеста и требований изменений в расовых отношениях лежит стремление обрести эти права и принять полное участие в жизни американского общества, сравнявшись в материальном положении и достоинстве с другими американцами. Короче говоря, американцы-негры *хотят соединения,* а не разъединения. Именно этим

основополагающим стремлением американцев-негров к включению в жизнь страны и отличается их движение протеста от преобладающих ныне требований независимости, которые раздаются от Квебека до Анголы.

Рассматриваемая проблема уходит своими корнями в институт рабства. Узаконенное в Виргинии в конце XVII столетия рабство наложило на американца негритянского происхождения клеймо существа низшего порядка, от которого только теперь он начинает избавляться. В связи с этим сам собой напрашивается важный вопрос: почему рабство в Соединенных Штатах оставило такой глубокий и долго не заживающий шрам, тогда как в других районах земного шара, скажем в Бразилии, институт рабства существовал дольше, а последствия его тем не менее преодолеваются более успешно? Ответ на этот вопрос лежит в специфической природе рабства в соответствии с английским правом. Историк Фрэнк Тапненбаум указывает, что в отличие от Англии страны Пиренейского полуострова — Испания и Португалия — уже имели к моменту основания колоний Нового Света многовековой опыт рабовладения[3]. Поэтому в соответствии с испано-португальским правом выработалась особая юридическая категория, расценивавшая раба как человеческое существо. В английском же праве, незнакомом с институтом рабства, не было такой особой категории, и оно подходило к рабу как к обычному имуществу, лишенному всякой человеческой сущности и ничем не отличающемуся в юридическом отношении от дома, сарая или скотины. Вследствие этого в Латинской Америке, право которой развивалось в соперничестве с испано-португальским правом, на рабство не легло клеймо института, полностью обесчеловечивавшего раба, как это имело место в американских колониях, развивавшихся на основе английского права. Из этого вовсе не следует, что в Латинской Америке рабство не носило такого жестокого характера или что ныне там не существует никаких расовых проблем; однако из этого следует, что благодаря иному юридическому определению института рабства латиноамериканские страны в меньшей степени обременены тяжелым наследием в области расовых отношений, на котором лежит клеймо бесчеловечности. Между прочим, эта мысль профессора Танненбаума подтверждается при сопо-

[3] F. Tannenbaum, Slave and Citizen: The Negro in the Americas, New York, Knopf, 1947.

ставлении с историей Южной Африки: рабству в Южной Африке было положено начало при голландской правовой системе, которая, так же как и английское право, относит раба к той же категории, что и имущество.

Прокламация президента Авраама Линкольна об освобождении негров формально покончила с рабством в 1863 году, но она не смогла покончить с тем глубоким влиянием, которое этот институт оказал как на негров, так и на всех американцев. В конце XIX века освобожденные негры являлись в подавляющем большинстве своем крестьянами, обитавшими в сельских районах Юга и во многом зависевшими от тех самых белых, которые были их поработителями до Гражданской войны. Вслед за коротким периодом надежд после окончания Гражданской войны, когда к Конституции Соединенных Штатов были добавлены три важнейшие поправки, предусматривающие защиту прав негров — тринадцатая, четырнадцатая и пятнадцатая, — расовые отношения на Юге стали неуклонно ухудшаться. Наконец, на рубеже веков нация позволила Югу лишить негров гражданских прав и создать широкую систему расовой сегрегации общественных мест, ликвидация которой началась только теперь. Таким образом, на расовых отношениях в Соединенных Штатах лежит историческое бремя не только двух столетий обесчеловечивающего рабства, но и последовавшего за ними столетия унизительной сегрегации.

Социально-культурные соображения

Значение социально-культурных факторов наглядно обнаруживается при рассмотрении последнего пятидесятилетия истории негров в Соединенных Штатах. Поистине переломным стал 1914 год. В результате разразившейся в Европе первой мировой войны в американскую промышленность хлынул поток военных заказов, но одновременно с этим резко прекратился приток иммигрантов. Компании Севера отреагировали на создавшуюся нехватку рабочей силы посылкой на Юг вербовщиков, которые предлагали желающим перебраться на Север бесплатные железнодорожные билеты и обещание работы.

Эти условия вызвали массовую миграцию негров из сельского Юга в городские районы Севера — миграцию,

продолжающуюся до сих пор. О значении этого явления красноречиво говорят следующие цифры[4]: в течение двадцатых годов почти половина всех мужчин-негров в возрасте от 15 до 34 лет, живших в Джорджии, уехала из своих родных мест; когда в результате второй мировой войны перед неграми открылись широкие возможности поступления на работу, почти половина молодых негров штата Миссисипи также покинула в сороковые годы свой штат. Уже в пятидесятые годы полтора с лишним миллиона негров переселились с Юга в городские районы Севера и Запада. В результате, тогда как в 1910 году 89% американских негров жили на Юге, преимущественно в сельской местности, сегодня более 40% всех негров Соединенных Штатов живут за пределами Юга, причем три четверти из них обитают в городах. Более того, американцы негритянского происхождения сосредоточиваются ныне в крупнейших городах страны, а процент городских жителей среди негров выше соответствующего процента белых американцев. Вот крайние показатели этого явления: более половины всех американцев негритянского происхождения живет в настоящее время в крупных городах с численностью населения, превышающей 500 тыс. человек; на сельском Юге остается менее четвертой части всех негров страны. Короче говоря, на протяжении последних 50 лет произошло превращение негров из сельских жителей Юга в горожан, расселившихся по всей территории Соединенных Штатов.

Этот громадный сдвиг в структуре негритянского населения формирует заново американские расовые отношения во многих важных аспектах. Совершенно очевидно, что он превращает отношение к американцам негритянского происхождения из регионального вопроса в общенациональную проблему. Он также означает, что негры покидают глубинные районы Юга, наиболее упорно сопротивляющиеся переменам в расовых отношениях, и переселяются в города, где — даже на Юге — расовые перемены принимаются с большей готовностью. Урбанизация прямым путем ведет к расширению кругозора людей, к осознанию ими того факта, сколь многого лишала их в тече-

[4] Karl E. Taeuber and Alma F. Taeuber, The Negro Population in the United States, в: J. P. Davis (ed.), The American Negro Reference Book, Englewood Cliffs, N. J., Prentice-Hall, 1966, Ch. 2.

ние долгих лет дискриминация, и к повышению их способности заявлять эффективный протест. Она также приводит к крупному сосредоточению негритянского населения, облегчающему общение и организацию, которые были просто-напросто невозможны в далеко отстоящих друг от друга сельских населенных пунктах.

Помимо этого, урбанизация порождает политическую власть. В сочетании с важными решениями Верховного суда и недавно принятыми федеральными законами о гражданских правах переселение в города означает стремительный рост числа избирателей-негров даже на Юге. Сегодня на Юге регистрируются в качестве избирателей более двух миллионов негров — в восемь раз больше, чем в 1940 году. Вопиющие случаи лишения негров права голоса происходят только в глубинных сельских районах Юга, причем даже там имеются теперь федеральные регистраторы, осуществляющие запись новых избирателей.

Вдобавок к этому массовая миграция из сельских местностей Юга привела к значительной концентрации избирателей-негров в таких стратегически важных для выборов штатах, как Нью-Йорк, Пенсильвания, Огайо, Мичиган, Иллинойс и Калифорния. Ввиду увеличившейся численности избирателей-негров от их голосов зависит теперь исход выборов во многих из этих штатов. Более того, как покойный президент Джон Ф. Кеннеди, так и Линдон Джонсон победили на выборах в ряде штатов, даже на Юге, с небольшим перевесом, который обеспечили им голоса избирателей-негров. В шестидесятые годы на выборах в местные органы власти и в органы управления штатов негры впервые в нашем веке были избраны в законодательное собрание Джорджии, на высшие официальные должности в штатах Коннектикут и Массачусетс, а также на сотни менее важных постов по всей стране.

Не так наглядны, как успехи на политической арене, но столь же существенны завоевания негров в области образования, трудоустройства и дохода, явившиеся результатом их миграции из бедных сельских районов Юга в более богатые и процветающие города [5]. Так, с 1940 по 1960 год процент негров, учившихся в колледже, увеличился больше чем вдвое, а средний срок образования нег-

---

[5] T. F. Pettigrew, A Profile of the Negro American, Princeton, N. J., Van Nostrand, 1964. Ch. 8.

ров в важнейшей возрастной группе от 25 до 29 лет возрос от 7 до 11 лет. Аналогичным образом постепенно расширялись возможности получения негритянской молодежью работы в качестве учителей, врачей, юристов, служащих и т. д., равно как и в более традиционных сферах обслуживания. Эти тенденции в свою очередь привели к повышению доходов. С 1947 по 1962 год средний доход семьи американцев негритянского происхождения более чем удвоился — с 1600 до 3300 долларов. Вследствие упомянутого расширения возможностей произошла дифференциация по социальным классам и по всей стране образовался и постоянно возрастает негритянский средний класс. По сути дела, примерно каждый третий американец негритянского происхождения может быть социологически отнесен сегодня по таким критериям, как уровень образования, профессия и размер дохода, к среднему классу.

Мы охарактеризовали успехи, достигнутые неграми за последние годы,— успехи в области политики, образования и экономики. Однако читатель вправе спросить: почему же тогда, несмотря на эти непрерывные улучшения, американцы негритянского происхождения столь решительно требуют на данном историческом этапе изменений в расовых отношениях? Ведь житейская мудрость, казалось бы, подсказывает, что после неуклонного прогресса, происходившего на протяжении жизни целого поколения, негры должны быть сегодня более довольны, чем когда бы то ни было раньше. Однако эта мудрость упускает из виду один из основных принципов социальной мотивации. Важная особенность поведения людей состоит в том, что после удовлетворения элементарных физиологических потребностей, таких, как голод и жажда, первостепенное значение приобретает различие между тем, что у вас имеется, и тем, что вы хотите иметь. Иными словами, важен не столько абсолютный уровень достигнутого, сколько *относительный* разрыв между тем, на что человек рассчитывает, и тем, чего он достигает. Нынешние требования перемен, выдвигаемые американцами негритянского происхождения в пору расцвета и прогресса, представляют собой не исключение, а правило мировой истории, ибо эпохи волнений и революций обычно следуют за периодами общего улучшения условий, периодами, в течение которых надежды на улучшение жизни возрастают быстрее, чем такое улучшение происходит в действительности.

Факт остается фактом: за последние два десятилетия коренных изменений испытываемое американцами-неграми чувство разочарования и отчаяния значительно обострилось. Хотя негры достигли важного абсолютного прогресса в области политики, образования и трудоустройства, их надежды на лучшую жизнь в качестве подлинно равноправных граждан возрастали еще быстрее. Короче говоря, сейчас они сравнительно более обездолены, чем в сороковые годы. В значительной мере это объясняется тем, что абсолютный прогресс американцев негритянского происхождения во многих областях не был прогрессом по сравнению с достижениями белых американцев. Так, например, ежегодный средний доход негритянской семьи по-прежнему составляет лишь немногим больше половины среднего дохода белой семьи; хотя за пятнадцать лет, с 1950 по 1965 год, доходы негров в абсолютном выражении удвоились, удвоились также и доходы белых.

Сбрасывая со счетов значение этой *относительной обездоленности,* некоторые апологеты статус-кво из числа белых американцев превозносят нынешнее положение негров с помощью броских международных сравнений. Они похваляются, например, тем, что негры в Соединенных Штатах обладают такой же покупательной способностью, как и все население Канады, примерно равное им по численности. Или тем, что процент американских негров, которые учатся в колледжах, превышает процент учащихся высших учебных заведений среди обитателей Британских островов. Но мы не должны под влиянием столь ослепительных сравнений закрывать глаза на факт огромного социологического значения. Критерии американцев негритянского происхождения имеют смысл только по сравнению с критериями других американцев, а не канадцев и англичан. Американский негр судит о своем жизненном уровне, о своих возможностях — более того, даже о самом себе — на основании единственных известных ему культурных показателей: культурных показателей Соединенных Штатов. Лауреат Нобелевской премии мира и руководитель движения протеста среди негров доктор Мартин Лютер Кинг с полной прямотой выразил эту мысль: «Негр живет на одиноком острове нищеты посреди обширного океана материального процветания... и чувствует себя изгнанником в своей собственной стране».

Личностные соображения

Однако негры требуют не только материального равенства; они требуют также признания за ними такого достоинства, какое признается за другими американцами. И это прямым путем приводит нас от сугубо социально-культурных соображений к соображениям личностного порядка, составляющим нашу третью категорию. Требование признания за ними равного достоинства представляет собой попытку негров раз и навсегда снять с себя клеймо рабства, которое по сей день лежит на них во многих сферах американского общества. Опять-таки и в этом случае сравнения расовых отношений в Америке с групповыми отношениями в других странах помогают пролить свет на данный вопрос.

Можно провести психоаналитическое различие между двумя широко распространенными стереотипными представлениями о неграх как внешней группе. Образ отвергаемой группы, характерный для одного типа, сосредоточен на заботах super-ego («сверх-Я»); он приписывает всей группе такие личностные черты, как чрезмерное честолюбие, хитрость, умение держаться за своих близких, ловкость, острый ум, лицемерие и бесчестность. В противоположность этому образ, характерный для другого типа, сосредоточен на заботах id («оно»); он приписывает всей группе такие личностные черты, как отсутствие честолюбия, лень, беспечность, шумливость, безответственность, глупость, неряшливость, дурной запах, несдержанность и повышенная чувственность.

Психоаналитическая интерпретация этих до странности противоположных стереотипов весьма откровенна. Оба эти типа противоположных внешних групп служат отчасти в качестве alter ego («другого Я») для предубежденного человека. Межгрупповая враждебность истолковывается в психоаналитических категориях как проекция своих собственных неприемлемых внутренних побуждений такого предубежденного человека на внешнюю группу. Таким образом, этот предубежденный человек персонифицирует грехи своего собственного super-ego — честолюбие, лживость и эготизм — в создаваемом им образе внешней группы первого типа, а плотские грехи своего

собственного id — в создаваемом им образе внешней группы второго типа [6].

Выбор конкретного стереотипа применительно к различным группам определяется всей совокупностью исторических, социально-культурных, личностных и ситуационных факторов. Стереотип, характерный для super-ego, обычно применяется повсеместно в мире по отношению к посредническим меньшинствам — группам, состоящим по большей части из торговцев, которые оказываются структурно втиснутыми между землевладельческими и трудящимися классами. Однако стереотип, характерный для id, обычно связывается во всем мире с группами, находящимися в самом низу социальной структуры.

Классический пример посреднической ситуации — это положение европейских евреев в эпоху средневековья. Они приняли на себя свой посреднический статус в силу особых исторических условий того времени, лишавших их возможности стать землевладельцами и побуждавших их заниматься финансовыми операциями. Эта ситуация неоднократно повторялась в ходе истории — отчасти потому, что в действительности член внешней группы лучше, чем внутренней, способен функционировать в условиях рынка, которые требуют объективности и беспристрастности. Используя знакомые социологические понятия, можно сказать, что узы gemeinschaft (сообщностные) зачастую могут мешать отношениям gesellschaft (большого общества).

Ситуационные соображения

Всемирное распространение этих двух противоположных стереотипов побудило некоторых наблюдателей прийти к поспешному выводу, что конфликты, дискриминация и предубеждения в отношениях между расовыми и религиозными группами сохранятся на веки вечные. Межгрупповая ненависть, заключают они в отчаянии, является одним из условий человеческого существования. Но подобная точка зрения не принимает во внимание многих обще-

[6] B. Bettelneim and M. Janowitz, Social Change and Prejudice, New York, The Free Press of Glencoe, 1964.

известных случаев, имевших место в различных районах земного шара, когда межгрупповая рознь была фактически ослаблена, а то и вовсе ликвидирована. Более того, такой исполненный цинизма анализ приводит к принятию как неизбежного зла ситуаций, поддающихся исправлению, и к пренебрежению возможными средствами исправления.

Поэтому социологи обратились к изучению иных возможностей. Какими структурными способами можно было бы изменить общества, с тем чтобы увеличить взаимную приемлемость групп друг для друга? При рассмотрении этого вопроса социологи систематически исследовали результаты общения между двумя враждебными в прошлом группами. Вполне очевидно, что межгрупповое общение само по себе не обязательно будет иметь благотворные последствия. Как показывают тщательные исследования, увеличение взаимодействия, будь то между отдельными людьми или между группами, усиливает и увеличивает уже идущие процессы. Следовательно, увеличение межгруппового общения может привести либо к усилению предубеждений и неприятия, либо к укреплению взаимного уважения и приятия в зависимости от конкретной ситуации. Итак, главная задача состоит в том, чтобы определить, при каких ситуационных условиях общение порождает недоверие, а при каких — доверие.

На основе обзора соответствующих исследований видный социальный психолог Гордон Оллпорт пришел к выводу, что важнейшее значение имеют следующие характерные черты ситуации общения. Предубеждения и конфликты ослабляются, когда две группы: 1) обладают в ситуации одинаковым статусом, 2) преследуют общие цели, 3) зависят от сотрудничества друг с другом, а не соперничают между собой и 4) взаимодействуют при позитивной поддержке властей, закона или обычая[7]. Память услужливо подсказывает примеры межгрупповых конфликтов во всем мире, при которых не соблюдаются эти ситуационные условия: кастовый конфликт в Индии; греко-турецкая рознь на Кипре; расовые отношения в Южной Африке. Но более надежные доказательства дают контрольные исследования. А в такой стране, как Соединенные Штаты, где типы межгрупповых отношений претерпевают широ-

[7] Allport, op. cit., Ch. 16.

кие изменения, возможностей для подобных исследований больше чем достаточно.

Так, сформулированные Оллпортом четыре принципа общения можно наблюдать в действии в целом ряде расовых ситуаций, характеризующихся проведенной за последние два-три десятилетия десегрегацией. Например, в конце сороковых годов президент Гарри Трумэн издал постановление об отмене расовой сегрегации и дискриминации на торговых судах Соединенных Штатов. Проведенное вскоре после этого исследование показало, что расовые установки белых американских моряков находятся в прямой зависимости от численности плаваний, совершенных ими с американскими моряками-неграми, пользующимися равным с ними статусом: чем больше они совершили плаваний в условиях десегрегации, тем положительнее были их установки [8]. Аналогичным образом, как показало исследование полицейских города Филадельфии, те из белых полицейских, которые работали в личном контакте с полицейскими-неграми, гораздо более благоприятно относились к идее дальнейшей десегрегации полиции, чем другие белые полицейские [9].

Такие межрасовые связи, сложившиеся в условиях ситуаций оптимального общения, способны выдержать даже весьма суровые кризисы. Например, когда во время расовых беспорядков 1943 года в Детройте на улицах бушевали толпы белых и негров, работники предприятий, на которых была осуществлена десегрегация, студенты университета и соседи, издавна поддерживавшие между собой добрые отношения, как ни в чем не бывало продолжали жить и работать бок о бок друг с другом [10].

В связи с упоминанием о десегрегации по местожительству можно сослаться на самые надежные из имеющихся у нас данных. Как показывают неоднократно проводившиеся исследования, совместная жизнь белых и негров в коммунальных жилых домах в условиях расовой десегрегации, отвечающих всем четырем из выдвинутых Оллпортом критериев межрасового общения,

[8] I. N. Brophy, The Luxury of Anti-Negro Prejudice, в: «Public Opinion Quarterly», II, 1946, 456—466.

[9] W. M. Kephart, Racial Factors and Urban Law Enforcement, Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1957.

[10] A. M. Lee and N. D. Humphrey, Race Riot, New York, Dryden, 1943.

приводит к резкому ослаблению межгрупповых предубеждений как среди негров, так и среди белых, поселившихся по соседству друг с другом [11]. Вместе с тем эти же самые исследования свидетельствуют о том, что жизнь в сегрегированных, но во всех прочих отношениях идентичных жилищных условиях формирует межрасовое общение, приводящее скорее к усилению межгрупповой розни.

Впрочем, коль скоро речь зашла об изменениях установок и поведения через посредство межгруппового общения, необходимо сделать одну важную оговорку: перемены зачастую ограничиваются, во всяком случае на ранних этапах, конкретной ситуацией, в которой они имеют место. Так, в результате другого исследования обнаружилось, что белые рабочие сталелитейных предприятий на Севере Соединенных Штатов обычно поддерживают расовую десегрегацию своего профсоюза, вплоть до совместного пользования наряду с неграми всеми благами и удобствами, предоставляемыми союзом, и избрания негров на высокие посты в профсоюзной организации, но что они же решительно выступают против десегрегации своих жилых районов, населенных исключительно белыми [12]. В этом случае, так же как и во многих других, институциональные структуры ограничивают благотворное действие общения. При поддержке профсоюзной организации удалось изменить межрасовые установки и поведение в ситуации работы, но эти изменения не распространились на ситуацию местожительства, где организация местной сообщности противилась десегрегации.

Из данных исследования межрасового отношения непосредственно вытекают определенные политические выводы. Соединенные Штаты должны продолжать расширять свою нынешнюю деятельность по ликвидации всех барьеров, которые препятствуют общению между амери-

---

[11] M. Deutsch and M. Collins, Interracial Housing: A Psychological Evaluation of a Social Experiment, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1951; D. M. Wilner, R. Walkley, and S. W. Cook, Human Relations in Interracial Housing: A Study of the Contact Hypothesis, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1955, and E. Works, The Prejudice-Interaction Hypothesis from the Point of View of the Negro Minority Group, в: «American Journal of Sociology», LXVII, 1961, 47—52.

[12] J. D. Lohman and D. C. Reitzes, Note on Race Relations in Mass Society, в: «American Journal of Sociology», LVIII, 1952, 340—346.

канцами-неграми и белыми американцами в условиях равенства и сотрудничества. Яснее ясного, что в качестве первого шага необходимо покончить с практикой расовой сегрегации, потому что сегрегация накладывает серьезные ограничения на общение в духе четырех критериев Оллпорта. В 1954 году Верховный суд Соединенных Штатов положил официальное начало этой кампании, приняв свое знаменитое решение об отмене юридической сегрегации в государственных школах. Другой вехой в этой кампании стал 1964 год, когда был принят акт о гражданских правах — радикальный закон, призванный подкрепить избирательное право негров и упразднить дискриминацию при поселении в коммунальных жилых домах и при приеме на работу. В дальнейшем усилия были сосредоточены на разрешении проблем сегрегации по местожительству и *фактического* расового разделения в городских государственных школах, обусловленного наличием сегрегации по местожительству.

Прогресс не всегда будет идти семимильными шагами. После решения первоочередных проблем все труднее будет осуществлять дальнейшие меры. Например, когда будет полностью ликвидирована дискриминация при приеме на работу, во весь рост встанет другая проблема: как подготовить достаточное количество квалифицированных работников-негров, способных выполнять более интересную и сложную работу, в неблагоприятных условиях нищеты и недостатка образования, столь распространенных среди негров. Крупные социальные сдвиги всегда порождают свои собственные новые проблемы, всегда осуществляются неравномерно и противоречиво, и расовые перемены в Соединенных Штатах не являются в этом смысле исключением. Но направление этих перемен не вызывает никаких сомнений. И ясно вырисовывается один из конечных результатов — расширение общения между американцами-неграми и белыми американцами в условиях равного статуса, общности целей, сотрудничества и социального одобрения.

Заключение

Еще двадцать с лишним лет назад известный шведский социолог и экономист Гуннар Мюрдаль проницательно отметил, что Соединенные Штаты оказались в плену му-

чительной дилеммы. Эта дилемма, по его словам, встает как следствие контраста между исповедуемыми страной высокими принципами равенства прав и возможностей для всех ее граждан и ее несправедливым обращением с неграми. Ныне эта свойственная Америке дилемма находится в процессе разрешения. Несомненно, еще будут происходить вспышки насилия — одни по инициативе белых, другие по инициативе негров. Более того, на протяжении ближайших двух десятков лет Соединенные Штаты будут переживать нелегкую переходную эпоху в расовых отношениях.

РАЗДЕЛ VI
ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

21

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Рейнхерд БЕНДИКС

Выражение «современное общество» взято из обиходной речи. Оно обозначает социальные условия нашего времени или недавнего прошлого и настоящего в отличие от социальных условий, существовавших прежде. Социологи нередко начинают свои работы с употребления этого выражения, основывающегося на простом здравом смысле, но обычно они стараются уточнить значение, в котором используют это понятие. Так, например, они могут отметить, что значение термина «современное общество» зависит от подразумеваемого сравнения с обществом прошлого. Изменяя содержание понятия «общество прошлого», мы вместе с тем изменяем и смысл, вкладываемый нами в понятие «современность».

Возьмем область техники. Возможно, первое, что нам придет в голову, — это отнести понятие «современное» исключительно к таким категориям, как реактивные пассажирские лайнеры, исследование космоса, ядерная энергия. Но такое сведение понятия «современное» только к самым последним техническим достижениям весьма сужает его значение. Нам, к примеру, пришлось бы причислить винтомоторную авиацию или иные источники энергии, скажем электричество, к характерным чертам прежней, более старой техники. И в этом есть определенный смысл. Исключительные технические достижения последней четверти века побудили некоторых ученых во весь голос заговорить о «второй промышленной революции» в отличие от первой, начавшейся в конце XVIII века с изобретения паровой машины и использования ее в целях промышленного производства. Но, с другой стороны, употреблять слово «современное» только лишь применительно

к последним техническим достижениям — значит смешивать общее понятие с одним из наиболее узких его значений, иначе говоря, ставить знак равенства между «современное» и «самое современное». Более широкая интерпретация, безусловно, плодотворней. Она позволяет нам охарактеризовать как «современную технику, которая зависит от «неодушевленных» источников энергии и применения на практике результатов научных исследований. Она хорошо согласуется с общепринятым словоупотреблением. Поэтому есть все основания утверждать, что термин «современное общество» объемлет всю современную эпоху начиная с конца XVIII века, когда была заложена техническая основа для индустриализации обществ. Более того, термины «индустриальное общество» и «современное общество» зачастую употребляются взаимозаменяемо.

Подобные определения всегда носят несколько произвольный характер. Можно, например, утверждать, что содержание понятия «современное общество» надлежит расширить, включив в него и век великих географических открытий, начинающийся для нас с открытия Колумбом Америки в 1492 году. Это открытие было составной частью кругосветной экспансии Европы. Размышляя о таких ученых XVI века, как Коперник и Галилей, отдаешь себе отчет в том, что без научных основ, заложенных в эпоху Возрождения, европейская экспансия, вероятно, не имела бы таких прочных, длительных последствий. Но сегодня несколько неевропейских стран имеют свой собственный независимый научный истэблишмент, используемый не только в их промышленности, но и в деле развития ядерной энергетики. Если считать, что начало современному обществу положил век европейской экспансии, основанной на превосходстве пушек и ружей, то, возможно, упомянутое приобретение наукой ряда неевропейских стран способности работать в области ядерной энергии знаменует собой конец этого века. Эта возможность наводит на мысль о том, что такое выражение, как «современное общество», в известном смысле ограничивается каким-то историческим периодом, имеющим не только начало, но и конец, при всей произвольности подобной датировки. Неудивительно поэтому, что некоторые ученые уже используют формулировки типа «постиндустриальное» или «послесовременное» общество, призванные выразить их представление о временном или переходном характере того, что мы

понимаем под «современным обществом». Всякая социальная структура, в том числе и «современное общество», может рассматриваться в качестве переходной от того, что уже ушло, к тому, что грядет. Эти общие соображения сами по себе не лишены интереса, но они ни в коей мере не отменяют нашего анализа характерных отличительных черт современного общества.

В сущности, этот интерес зародился вместе с самим современным обществом, если мы датируем его возникновение примерно концом XVIII столетия. Именно тогда отдельные авторы стали использовать выражение «гражданское общество», говоря о нравах и обычаях всего народа в целом, в отличие от прежнего словоупотребления, ограничивавшего значение слова «общество» тем, что мы назвали бы сейчас «высшим обществом», то есть меньшинством, сосредоточившим в своих руках богатство и власть. Употребление слова «общество» в его более широком значении служило отражением народившегося осознания большой человеческой ценности простых людей, пусть даже они и не имели голоса в политических делах. Это распространение понятия «общество» на все более и более широкий круг людей было постепенным процессом, который продолжается по сей день. Для того чтобы составить себе представление о «современном обществе», возникшем в результате такого хода событий, проще всего будет сопоставить то, что мы видим сегодня, с тем, что было характерно для общества лет двести-триста назад.

К концу XVII века население Англии и Уэльса составляло 5,2 млн. человек; ныне же соответствующая цифра достигает примерно 45 млн., что представляет собой девятикратное увеличение. Сравнение показателей рождаемости и смертности в ту эпоху и в настоящее время выявляет главную причину быстрого роста народонаселения. В 1750 году на 1000 человек населения в Англии и Уэльсе приходилось 35 рождений и 30 смертей, тогда как к 1950 году эти цифры сократились до 16 рождений и 12 смертей на 1000 человек населения. Благодаря успехам современной медицины, улучшению санитарных условий и улучшению питания смертность резко сократилась: три столетия назад средняя продолжительность жизни составляла чуть больше 30 лет; сегодня она превышает 70 лет. Наряду с этими демографическими переменами совершались перемены в установках, хотя здесь мы зависим от косвенных

свидетельств. Когда жизнь была в среднем очень коротка, смерть по вполне понятным причинам была частой гостьей в семье, а ее излюбленными жертвами были младенцы и роженицы. В таких обстоятельствах родители стремились иметь побольше детей, чтобы хотя бы некоторые из них выжили; вдовцы же зачастую вступали в новый брак. Можно предположить, что в те времена отношение к детям в корне отличалось от нашего; как явствует из исследования, недавно проведенного Филиппом Арье, грудных младенцев не окружали особой заботой; зато, как только детей отнимали от груди, с ними начинали обращаться, как с маленькими взрослыми. Само понятие детства складывалось весьма медленно, появившись лишь где-то в XVI веке. В конце концов заботливое чувство по отношению к каждому ребенку стало нормой, что хорошо согласуется с практикой регулирования рождаемости и с установкой на сохранение единства нуклеарной семьи, состоящей из родителей и детей. Это изменившееся отношение к детям может рассматриваться в качестве показателя того значения, которое мы придаем каждому индивиду как личности, причем подобный индивидуализм пустил в современном обществе многочисленные корни.

Возьмем, к примеру, политическую область. Социологи и политологи обычно проводят различие между правителями и управляемыми, но в «современном обществе» эти слова лишены четкого смысла. Люди, стоящие у кормила правления, являются лицами, временно занимающими высокие должности, тогда как народ в целом, будучи управляемым, вместе с тем осуществляет власть при помощи периодических выборов. Однако в более ранние времена нашей истории это различие было ясным и недвусмысленным. Обратимся вновь к Англии XVII века. Большинство взрослых людей, в том числе все женщины, находились в экономической зависимости от главы того семейства, к которому они принадлежали. Да и много лет спустя после того, как наступил XIX век, людей отказывались считать полноправными членами общества, если они пребывали в таком экономически зависимом положении. От них всегда ожидалось почтение к вышестоящим лицам, и главы даже заурядных семей пользовались благодаря своему праву голоса на местных выборах таким же уважением, как и люди, обладавшие богатством и чинами. Эта полная подчиненность низводила большинство людей

до какого-то второразрядного положения. Будучи взрослыми, они тем не менее ничего не значили: ведь государственные дела входили в исключительную компетенцию «вышестоящих лиц». В этих условиях простой человек даже не принимался в расчет как личность; с вниманием относились лишь к личности тех, кто «имел вес» в обществе, кто принадлежал к правящему меньшинству страны в силу своей знатности и богатства.

Все это изменилось, и самым наглядным свидетельством этой перемены является, пожалуй, расширение избирательного права. На протяжении XIX столетия гражданские условия преобразовывались исподволь, постепенно, так что всеобщее избирательное право—право всех взрослых людей, достигших 21 года, участвовать в голосовании — было введено только после первой мировой войны. (В некоторых европейских странах женщины и по сей день не имеют права голоса; во многих государствах сохраняется некоторый минимальный ценз оседлости.) Надо полагать, такое расширение избирательного права встречалось с сильным противодействием—иначе дело пошло бы гораздо быстрее; между прочим, это красноречиво говорит о том, что для осуществления модернизации западным обществам понадобилось немало времени.

Тем не менее тот факт, что каждый взрослый человек имеет право голоса, символизирует собой то уважение, которое ему оказывается и как личности и как гражданину. Вместе с тем лица, чьи права все еще остаются урезанными в силу их положения граждан второго сорта, ратуют за предоставление им всей полноты прав, апеллируя к принципу равенства. Как писал в 1835 году знаменитый французский ученый Алексис де Токвиль, «государства нашей эпохи не в силах помешать уравнению общественного положения людей». Если бы он имел возможность наблюдать, как многие страны, достигшие независимости после второй мировой войны, незамедлительно вводили всеобщее избирательное право, он еще больше утвердился бы в этом своем мнении.

Параллельно великим изменениям, происходившим в семье и в политической сфере, совершались изменения и в экономической жизни. Выше уже упоминалось о сдвигах в области техники, причем и в этом случае мы тоже сможем лучше всего понять подлинную сущность «современного общества», сравнив его с обществом прошлого.

Три столетия назад типичной производственной единицей было домашнее предприятие, состоявшее либо из помещика, его семьи, слуг, управляющих имением и крестьян с чадами и домочадцами, находившихся в разной степени экономической зависимости, либо из мастера-ремесленника, его жены, детей, неженатых подмастерий, вольнонаемных ремесленников и слуг. В подобных экономических условиях лишь очень немногие категории лиц — такие, как шахтеры и моряки, — работали вдали от своего родного дома. Нищих, живущих подаянием, принудительно поселяли и работные дома. Совсем иное положение наблюдается в современном обществе. Теперь лишь очень немногие — по большей части мелкие независимые фермеры, писатели, художники да еще лица некоторых профессий — могут работать, оставаясь дома. Все прочие зарабатывают средства к жизни по месту работы — где-то вне дома. Объясняется это, конечно, тем, что современные условия производства требуют концентрации рабочей силы на предприятии, использующем такие сложные механизмы, как сборочные конвейеры, мартеновские печи, счетно-решающие устройства и т. д. Даже труд ученых невозможен вне библиотек и лабораторий, сосредоточенных в научно-исследовательских институтах и университетах.

Причина подобного развития событий была уяснена давным-давно. Такие авторы, как Адам Фергюсон, Джон Миллар и Адам Смит, еще в конце XVIII века отмечали, что производительность возрастает в результате все большего разделения труда. В ту пору это чаще всего означало расчленение производственного процесса на отдельные операции, так чтобы каждый рабочий мог специализироваться и повышать производительность. Таким путем рабочие операции все больше упрощались, пока не оказалось возможным заменить во многих случаях ручной труд машиной. В конце концов это привело к беспрецедентному в истории человечества повышению производительности труда.

В 1800 году 73% самодеятельного населения Соединенных Штатов было занято в сельском хозяйстве; в 1960 году количество занятых в сельском хозяйстве здесь уменьшилось до 6,3%. За тот же период доля сельского хозяйства в национальном доходе снизилась с 39 до 8%. Взяв более поздние цифры и оценки на ближайшее будущее, мы обнаружим, что население Соединенных Штатов

увеличилось с 30 млн. человек в 1857 году до 180 млн. в 1958 году. С 1910 по 1959 год валовой национальный продукт возрос со 118 млрд. долл. до 480 млрд. За тот же период выработка за человеко-час увеличилась с 42 в 1912 году до 146 в 1959 году. Это стало возможным благодаря многим факторам, в том числе все более широкому использованию технического оборудования в процессе производства и повышению уровня квалификации населения.

Признаки возникшего в результате всего этого изобилия окружают нас со всех сторон; нет никакой необходимости приводить здесь примеры тех чудес производительности, которые способно совершать высокоиндустриализированное общество. Однако, как я отмечал выше, работа вне дома и все возрастающее разделение труда являют собой важные черты современного общества. Вот почему изучение того, каким образом самодеятельное население распределяется между отдельными занятиями, поможет нам лучше понять это общество. Уже говорилось об уменьшении процента людей, занятых в сельском хозяйстве; уменьшилась также и доля неквалифицированных рабочих и домашней прислуги. Доля же прочих занятий пропорционально возросла, и особенно заметно — в порядке перечисления — доля «белых воротничков», представителей привилегированных профессий, квалифицированных рабочих и мастеров, управленческого персонала. Вся эта картина распределения самодеятельного населения отражает относительный сдвиг из сельского хозяйства в так называемый «третий» сектор экономики, а именно в занятия, связанные с транспортом, коммуникациями, торговлей, обслуживанием, преподаванием, здравоохранением, юриспруденцией и пр. Важнейшей составной частью этой картины является рост значения образования в современном обществе, поскольку это общество зависит не только от дальнейшего усложнения техники, но, кроме того, и от повышения уровня квалификации населения. В 1920 году в школах учился 91% детей в возрасте от 7 до 13 лет, а к 1960 году этот высокий показатель возрос до 98%; однако еще более знаменателен тот факт, что за этот же период времени процент учащихся в возрасте 18—19 лет возрос с 18 до 42.

Пока в данной главе речь шла о некоторых общих характерных чертах «современного общества». Остаток гла-

вы вполне можно было бы посвятить дальнейшему развитию этой же темы, но тогда читатель получил бы, пожалуй, несколько бледное представление о ней. Во избежание этого зададимся лучше вопросом, какие страны надлежит называть «современными» в свете высказанных выше соображений и полностью ли удовлетворительно отнесение их к подобной категории.

На первый из этих вопросов мы могли бы ответить, перечислив все страны, где в сельском хозяйстве занято менее 50% самодеятельного населения. В этот перечень вошло бы большинство стран Европы, включая Испанию, Грецию, Польшу и Югославию, которые находятся либо на самом этом рубеже, либо в непосредственной от него близости; из стран Америки, Северной и Южной, в список попали бы Канада, Соединенные Штаты и Аргентина; из стран Африки — только Южно-Африканская Республика, из всех стран Азии — одна лишь Япония. Входит в этот список и Советский Союз, расположенный частично в Азии и частично в Европе. Однако даже в категориях этого единственного показателя подобная группа стран чрезвычайно разнородна по своему составу. Доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, у разных стран весьма различна: от всего лишь 5% в Великобритании и 6% в Соединенных Штатах до 45% в Советском Союзе и 49% в Японии. Этот пример красноречиво говорит о том, какого рода данные можно было бы рассчитывать обнаружить, займись мы изучением ну хотя бы двух факторов, о которых шла речь выше: перемен в народонаселении или в структуре занятий. Точнее, мы могли бы ожидать не только общего сходства, но также и значительных различий среди стран, где в сельском хозяйстве занято менее 50% самодеятельного населения.

Некоторые наблюдатели склоняются к мнению, что эти остающиеся различия будут стираться по мере того, как страны, относимые к приблизительной категории современных обществ, будут осуществлять дальнейшую индустриализацию. Однако это лишь предположение. Нельзя заранее знать ни того, как далеко пойдет та или иная страна по пути индустриализации, ни того, что произойдет с ней в ходе этого процесса. Разумеется, мы можем с уверенностью говорить о некоторых взаимосвязях в ходе изменений. Нам не известно ни одно общество, заслуживающее того, чтобы его называли «современным», которое

достигло бы такого состояния без расширения специализации профессий или без отделения места работы от местожительства семьи. Во всех современных обществах можно обнаружить и другие характерные черты: большую среднюю продолжительность жизни, концентрацию населения в городских районах и прочие явления, представляющие собой побочные продукты технического прогресса, основывающегося на прикладной науке. Труднее с уверенностью говорить о менее заметных последствиях модернизации.

Одна из причин этого состоит в том, что общества включаются в процесс модернизации, обладая своими собственными конкретными природными ресурсами, историческим опытом и культурным укладом. Два столь явно родственных общества, как Англия и Соединенные Штаты, одинаково «современных», согласно большинству критериев, все-таки разительно отличаются друг от друга. Взять хотя бы область образования. В 1956 году в высших учебных заведениях Англии и Уэльса училось всего лишь 4% молодых людей в возрасте от 20 до 24 лет по сравнению с 27% в Соединенных Штатах. Ныне в Англии многое делается для расширения системы образования, но различия носят не только количественный, но также и качественный характер.

Мой коллега Ральф Тернер, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, указывает, что на занятиях в американских школах учащиеся соревнуются друг с другом, как на спортивных состязаниях. Они принимают участие в соревновании равных, где наибольшее восхищение вызывают такие качества, как инициативность и упорство тех, кому для победы приходится преодолеть дополнительные препятствия. В свете основополагающего принципа равенства их победе придается большее значение, чем, скажем, успеху наиболее одаренных и глубоко образованных учащихся, которым не приходится преодолевать дополнительные трудности личного порядка. Хотя выражение: «Пусть победит сильнейший» употребляется достаточно часто, культ человека, самостоятельно поднявшегося наверх, ставит в особую заслугу умение победить, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. В кредо американца это умение стоит выше, чем совершенство, как таковое, хотя на практике четкой грани не существует. В этом можно усмотреть печать наследия аме-

риканской истории. Становясь на ноги в Америке, иммигранты сталкивались с огромными дополнительными трудностями. Идеал человека, успешно преодолевающего стоящие перед ним трудности, вероятно, пришелся им по душе, подобно тому как он пришелся по душе—по совсем другим причинам — преуспевающему дельцу.

Эти американские шаблоны не имеют точного соответствия в английской культуре. Там процессу отбора лучших среди учащихся чужда идея «соревнования равных». О них в Англии судят с другой точки зрения: обладают ли они соответствующими качествами ума и характера и в какой степени. Вместо того чтобы побеждать в соревновании или завладеть высокими положениями, к которым открыл бы им доступ успех в области образования, студент занимает эти положения, если будет отобран элитой судей, устанавливающих, что он обладает требуемыми качествами. Пользуясь выражением профессора Тернера, подобная «организуемая» мобильность разительно отличается от американской «соревновательной» мобильности. В Англии ценится совершенство, как таковое, высокое качество независимо от того, каким образом оно достигнуто; более того, особо похвальным считается успех, достигнутый без заметного приложения усилий. Это находит отражение в свойственной англичанам манере писать, пикироваться и во многом другом. Англия стала буржуазным обществом, но в ее культуре сохраняется склонность предоставлять приоритет ценностям, по существу аристократическим.

Сравнение Англии с Соединенными Штатами наводит нас на мысль также и о других различиях между современными обществами. Возьмем опять-таки наш простой показатель — процент населения, занятого в сельском хозяйстве. В 1850 году он составлял для Соединенных Штатов 65%, но уже снизился до 22% в Великобритании. К 1900 году он уменьшился до 38% в Соединенных Штатах и до 9% в Великобритании. Раньше встав на путь индустриализации, Англия опережала Америку по части перевода ее самодеятельного населения из сферы сельского хозяйства. Но из более раннего старта вытекает также и иное обстоятельство: другие страны, присоединившиеся к «гонке» позже, имели возможность воспользоваться техническими достижениями, уже внедренными за границей. Англия, которая первой ввела у себя многие из этих до-

стижений, постепенно стала находить все более обременительным для своей экономики и дорогостоящим делом превращение в лом старого оборудования и вложение больших средств в самую современную технику, сулящую экономические преимущества. Одно событие, имевшее место в годы второй мировой войны, наглядно иллюстрирует данную мысль. Как сообщает Дональд Нельсон, возглавлявший тогда военное производство, встал вопрос о массовом производстве в Соединенных Штатах, которым не угрожали немецкие бомбежки, танка новой модели. Все чертежи этой модели танка, разработанной в Англии, были пересланы в США. И тут обнаружилось, что данный проект, разработанный применительно к английским условиям, где делается большой упор на высококвалифицированный труд рабочих, не подходит для американских методов производства. Так что пришлось доставить в Америку построенный в Англии танк новой модели, и здесь детройтские инженеры-производственники разобрали его и спроектировали заново, после чего можно было развертывать производство танка в американском стиле.

Этот пример возвращает нас к мысли, высказанной мною в самом начале главы, где я отметил, что обычно мы употребляем выражение «современное общество» применительно к целому периоду, наступившему после первой промышленной революции в Англии XVIII века. Теперь я добавил еще одну идею: время вступления той или иной страны на путь модернизации, а также скорость и методы осуществления этого процесса накладывают большой отпечаток на отличительный характер «современности» этого общества. Такова вторая причина сохранения заметных различий между обществами, которые на основе многочисленных критериев должны быть отнесены к числу современных.

22

ОБЩЕСТВО И ОБЩЕСТВА: МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Эдуард ШИЛЗ

I

Говоря об американском обществе, об английском обществе, об арабских или африканских обществах, мы, конечно, имеем в виду что-то совсем отличное от такой добровольной ассоциации, как кооперативное общество, или дискуссионное общество, или общество по охране памятников старины. Не имеем мы при этом в виду и «общества» богатых, красивых, влиятельных и элегантно одетых людей, которых живописал когда-то «Тэтлер» и которых мы по сей день видим на страницах газет и журналов многих и многих стран мира. Нет, мы подразумеваем нечто «более глубокое», более постоянное, более укоренившееся в конститутивных свойствах человеческого бытия; мы подразумеваем нечто менее частное в своих целях, менее искусственное по своему происхождению, менее расчетливое в своих действиях, менее тривиальное, менее поверхностное. Но ведь такие качества, как глубина, основательность, постоянство и серьезность, присущи семьям, общинам, деревням — всем тем способам организации жизни, которые социологи называют «первичными сообщностями». Однако эти последние могли бы быть признаны обществами только при наличии особых условий. Важнейшим из этих особых условий является самостоятельность: саморегулирование, самовоспроизводство, самозарождение.

Иными словами, социальная система является обществом только в том случае, если она не входит в качестве *составной части* в более крупное общество. Объединение родственников, или племя, не является частью более крупного общества, если браки заключаются между его членами; если оно имеет территорию, которую считает своей собственной; если оно пополняет свой членский состав главным образом за счет детей тех людей, которые уже

являются его признанными членами; если оно имеет свою собственную систему правления; если у него есть свое собственное название и своя собственная история, то есть такая история, в которой многие его взрослые члены — или большинство таковых — видят историческое объяснение их связей со «своим собственным прошлым», и, наконец, если у него имеется своя собственная культура.

Впрочем, и кооперативное общество обладает некоторыми из этих характерных черт. У него есть свое собственное название; в известной мере оно имеет свою собственную систему правления и даже может иметь свою собственную историю, но ему недостает некоторых других чрезвычайно важных черт. Так, у него нет территории, которая была бы его исключительной собственностью; его членский состав не пополняется за счет потомков людей, уже являющихся его членами; что же касается его системы правления, то она должна функционировать в рамках законов, установленных более могущественным институтом правления, осуществляющим свою власть над территорией, на которой расположено кооперативное общество. Исключительность категории, которую мы хотим выделить из ряда других, состоит в том, что она представляет собой такую социальную систему, которая обладает генетической историей и своей собственной территорией, имеет отдельные части, но сама не является частью более широкой системы власти, осуществляемой над данной территорией и сосредоточенной где-то в другом месте. Определение общества применительно к современному предполагает существование семей, общин и городов, церквей и сект, штатов и провинций, школ и университетов, фирм, ферм, промышленных предприятий и кооперативных обществ, причем все они взаимно проникают друг в друга и взаимно обслуживают друг друга в пределах общей территории, имеющей определенные границы; обладают общей всеобъемлющей системой власти, вырабатывающей и проводящей в жизнь правила и нормы, ликвидирующей или улаживающей конфликты. Но подобное определение вполне применимо и к несовременным, прежде всего аграрным, обществам с менее дифференцированными институциональными системами. В подобных обществах понятие общества также предполагает наличие родственных и территориальных единиц, религиозных убеждений и религиозной организации, экономической организации и т. д.

Главное, что все эти категории являются единицами, или подсистемами, более широкого целого. Сами по себе они не являются самостоятельными, но зато самостоятельно это более широкое целое.

Что же входит в общества? Как мы уже говорили, наиболее дифференцированные из них состоят не только из семей и родственных групп, но также из ассоциаций, союзов, фирм и ферм, школ и университетов, армий, церквей и сект, партий и многочисленных других корпоративных органов или организаций, которые в свою очередь имеют границы, определяющие круг членов, над которым соответствующие корпоративные власти — родители, управляющие, председатели и т. д. и т. п.— осуществляют известную меру контроля. Сюда входят также системы, формально и неформально организованные по территориальному принципу — общины, деревни, округа, города, районы,— причем все они тоже имеют некоторые черты обществ. Далее, сюда входят неорганизованные совокупности людей внутри обществ — социальные классы или слои, занятия и профессии, религии, языковые группы,— которые обладают культурой, присущей в большей степени тем, кто имеет определенный статус или занимает определенное положение, чем всем остальным. Почему же все эти образования или некоторые из них не являются обществами? Мы уже дали ответ на этот вопрос, но теперь мы сформулируем его несколько иначе. Каждое из этих образований осуществляет имеющуюся у него власть внутри структуры или в условиях подчинения *общей* власти, которая находится за их пределами и представляет собой власть всего общества.

Само собой разумеется, независимость и самостоятельность относительны. Ни одна социальная система, которую мы называем обществом, не является полностью самостоятельной или независимой. Лишь очень немногие общества, признаваемые нами в качестве таковых, пополняют свое население исключительно за счет естественного его прироста. У большинства достаточно крупных обществ нет единой истории — ее заменяет смесь историй различных народов, включенных в данное общество путем завоевания или иммиграции. У некоторых обществ нет четко очерченных территориальных границ, причем в прошлом обществ с нечетко обозначенными границами было относительно больше, чем в наше время. Ни одно современное

общество не обладает культурой, которая была бы исключительно его собственной. Даже у лучших и наиболее прочно утвердившихся обществ Северной Америки или Западной Европы культуры не являются абсолютно самобытными. Соединенные Штаты имеют общий язык и литературу с Великобританией, Мексика — с Испанией. Франция имеет общий язык с отдельными частями Бельгии и Швейцарии, а также с теми странами Африки, где говорят по-французски, а культуру свою она разделяет с большей частью мира. Ни одно общество, в котором наука поставлена на современную ногу, не является независимым в научном отношении: даже самые передовые по своему научному развитию страны заимствовали и заимствуют многие из своих основополагающих научных идей у других стран.

В экономическом отношении также нет ни одного общества, которое было бы полностью самообеспечивающимся и независимым. Все общества осуществляют импорт из других стран и экспорт в другие страны. Они связаны друг с другом сложными взаимоотношениями и договорными обязательствами, которые они обычно соблюдают и нарушение которых чревато для них невыгодными последствиями (хотя и не всегда).

В наше время одним из характерных признаков общества является суверенитет по отношению к другим суверенным государствам — впрочем, что-то вроде суверенитета всегда было отличительной чертой обществ даже в те эпохи и в тех культурах, которым была неведома нынешняя четкая концепция суверенитета. Кстати, сегодня, когда понятие суверенитета получило сравнительно четкое определение, Организация Объединенных Наций представляет собой нарушение суверенитета. Спору нет, нарушение это не так уже велико, но тем не менее оно остается нарушением — не столько ввиду наличия у Организации Объединенных Наций сколько-нибудь реальной принудительной власти, сколько ввиду мнений, выражаемых и отражаемых ее органами.

Таким образом, мы видим, что *полная* самостоятельность не является абсолютно необходимым предварительным условием определения социальной системы как общества. Для того чтобы быть обществом, социальная система должна обладать своим собственным внутренним «центром тяжести», то есть она должна иметь свою соб-

ственную систему власти в рамках своих собственных *границ*. Кроме того, она должна иметь свою собственную *культуру*. Какую-то часть своей культуры она по необходимости разделяет с другими обществами, от которых происходит и с которыми поддерживает отношения. Другая же часть этой культуры самобытна и принадлежит только ей. Эта культура составляется из убеждений, касающихся истории и характера данного общества, его связи с определенными идеальными или трансцендентными ценностями, его происхождения и предназначения. Сюда же входят убеждения о правомерности его существования как общества и о качествах, дающих членам общества право принадлежать к нему. Разумеется, культура включает в себя произведения искусства, литературы и отвлеченной мысли, многие из которых посвящены упомянутым убеждениям. Общества имеют тенденцию быть «национальными».

Современные «национальные» общества — общества, претендующие на то, что они служат воплощением национального единства, и обладающие своими собственными национальными культурами, своими собственными, скорее независимыми, чем зависимыми, экономическими системами, своими собственными системами правления, своим собственным генетическим самовоспроизводством и своим собственным суверенитетом над территорий, обозначенной границами, — представляют собой наиболее самостоятельные из всех социальных систем, известных нам из истории человечества, самые независимые общества своих эпох.

II

Итак, мы убедились в том, что общество — это не просто совокупность объединившихся людей, изначальных и культурных коллективов, взаимодействующих и обменивающихся услугами друг с другом. Все эти коллективы образуют общество в силу своего существования под *общей властью,* которая осуществляет свой контроль над *территорией, обозначенной границами,* поддерживает и насаждает более или менее *общую культуру.* Именно эти факторы превращают совокупность относительно специализированных изначальных корпоративных и культурных коллективов в общество.

На каждой из составных частей лежит печать *принадлежности к обществу*, именно к данному обществу и ни к какому другому. Одна из многочисленных задач социологии, и в частности ее конкретной отрасли, получившей название макросоциологии, состоит в освещении механизмов или процессов, в силу которых это собрание, или совокупность, изначальных корпоративных и культурных групп функционирует как общество.

Главными факторами, создающими и сохраняющими общество, являются центральная власть, согласие и территориальная целостность. Центральная власть формирует общество не просто через посредство осуществляемой ею фактической власти над любыми конкретными действиями в любых конкретных обстоятельствах, хотя подобные акты власти и имеют важное значение, как таковые. Конкретные акты власти, кроме того, производят остаточное действие на тех, по отношению к кому они применяются. Это остаточное действие слагается из: 1) сосредоточения внимания на центре; 2) чувства отождествления с другими людьми, тоже ощущающими свою подчиненность той же власти,—всеми теми, кто разделяет территорию, над которой осуществляется власть; и 3) убеждения в правомочности власти действовать так, как она действует. Вот эти-то три остаточных эффекта подчиненности общей власти и превращают лиц, подчиняющихся ей, в членов данного общества, формируя их представления и убеждения. Экологическая взаимозависимость и принудительная власть еще не образуют необходимую обществу культуру, хотя и весьма способствуют ее возникновению.

Эти три остаточных эффекта входят в культуру, то есть в убеждения и символы членов общества. Членство в обществе, как таковое, само по себе не создает культуры общества. Культура общества является продуктом творческих усилий и щедрой фантазии творческих личностей — религиозных пророков и святых, ученых, великих (и не только великих) писателей, художников, журналистов, философов, старейшин и мудрецов,— чье миросозерцание приходится по сердцу их современникам и потомкам. Культура представляет собой продукт потребности простых, творчески менее одаренных людей иметь представление об окружающем их мире, помогающее осмыслить важнейшие события человеческого бытия, объяснить их причины и отличить хорошее от дурного. Главная

культура общества и его вариантные культуры являются в известной мере самозарождающимися. Никогда еще не бывало, чтобы они были полностью созданием существующих центральных властей какого бы то ни было общества (да и не полностью — весьма редко).

Вместе с тем три упомянутых мною выше остаточных эффекта усваиваются культурой различных культурных групп. Происходит это в силу того, что созидатели культуры сплошь и рядом непосредственно касаются в своих религиозных проповедях или философских рассуждениях, в своих литературных трудах или произведениях изобразительного искусства фактов и символов центральной власти. Центральная власть занимает их мысли, и они не могут не думать о ней. Дело в том, что могущество и величие центральной власти имеют обертоны, которые конститутивно входят в мир мыслей и чувств творческих личностей. Кроме того, три остаточных эффекта центральной власти принадлежат к сфере убеждений, и в этом своем качестве они сами представляют собой часть культуры. Они к тому же не могут не соединяться и не сплавляться самыми различными способами с продуктами или содержанием самостоятельно возникающей религиозной, литературной, художественной и умозрительной или философской культуры.

Итак, вследствие этих процессов каждое общество приобретает наряду с центральной системой власти— которая, как мы убедимся ниже, никоим образом не сводится исключительно к власти правительственной, политической или военной — центральную культурную систему. Эта центральная культурная система слагается из тех убеждений и экспрессивных символов, которые имеют отношение к центральной институциональной системе и к категориям, превосходящим эту центральную институциональную систему и отражающимся на ней. Центральная культурная система имеет свою собственную институциональную систему: церкви, секты, школы, университеты, библиотеки, музеи и т. п. Элиты людей, управляющие этими культурными институтами, вступают в многообразные и тесные отношения с центральной институциональной системой и становятся ее частью. Система образования представляет собой такую часть комплекса институтов центральной власти и культурных институтов, которая внедряет значительные компоненты центральной культур-

ной системы в другие секторы общества. Тем самым она способствует формированию и распространению общей культуры.

Центральная культурная система в большинстве обществ включает в себя за основную часть времени их существования многие продукты культуры, положительно ориентированные по отношению к центральной институциональной системе. Там, где центральная культурная система преимущественно отчуждается от центральной институциональной системы или же никогда не достигает единства с ней, центральная институциональная система утрачивает (либо вообще не приобретает) некоторую толику своей законности, а вместе с тем и своей способности мирно и эффективно осуществлять свою власть. Это приводит к резким конфликтам и подготавливает коренные изменения.

III

Каждое общество, рассматриваемое под макросоциологическим углом зрения, может быть представлено как центр и периферия. Центр состоит из тех институтов (и ролей), которые осуществляют власть, будь то власть экономическая, правительственная, политическая, военная или культурная (в области религии, литературы, образования и т. д.). Периферия же состоит из таких слоев, или секторов, общества, которые воспринимают распоряжения и убеждения, вырабатываемые и назначаемые к распространению помимо них. Периферия слагается из множества сегментов; она, можно сказать, охватывает обширную сферу вокруг центра. Одни секторы общества более периферийны, другие — менее. Чем более периферийное положение они занимают, тем менее они влиятельны, менее созидательны, менее проникнуты культурой, исходящей из центра, и менее непосредственно охватываются властью центральной институциональной системы.

Центр не только заставляет повиноваться, но и завладевает вниманием. Он обладает властью притягивать умы, которая захватывает воображение и зачастую приковывает к себе все мысли людей. Он и сам стремится к этому — хотя, впрочем, в разной степени при различных режимах — и автоматически достигает этого в силу самого факта своего существования.

Следует в скобках отметить, что все общества, имеющие обширную территорию, обычно обладают также и пространственным центром, который является или считается местоположением центральной институциональной и центральной культурной систем. Большинство населения смотрит на центр (или центры), как на источник руководящих указаний, инструкций и распоряжений, касающихся поведения, стиля жизни и убеждений. Центр определенного конкретного общества может также быть в некоторых отношениях центром других обществ (так, например, Париж в течение нескольких веков являлся культурным и художественным центром не только Франции, но и значительной части Европы, а также Африки, говорящей на французском языке).

Пока мы рассуждали об обществе вообще — почти как если бы все общества были одинаковы. Но общества отнюдь не одинаковы. Подобно тому как непохожи друг на друга семьи и семейные системы в разные эпохи в разных обществах и районах, подобно тому как непохожи друг на друга университеты и университетские системы, отличаются друг от друга и общества. С точки зрения нашего макросоциологического анализа наиболее интересно их отличие друг от друга в плане отношений между центром и периферией.

В одних обществах отношения между центром и периферией более интенсивны, в других — менее. Тогда как в некоторых обществах, где имеется главный центр, существуют также и второстепенные центры, наличие которых ослабляет центральную роль главного центра, в обществах того типа, на которых мы собираемся сейчас остановиться, существует центр, исключающий все прочие центры и стремящийся взять на себя их функции. Другими словами, периферия в рассматриваемом типе общества испытывает более интенсивное, более непрерывное вмешательство со стороны центра. В подобных обществах центр и периферия, кроме того, отделены большой дистанцией друг от друга: они редко сближаются, но зато из центра постоянно исходит направленный наружу поток распоряжений и убеждений, которыми деятели центра пытаются пропитать периферию. Именно к этому образцу стремились некоторые общества XX века. Элиты этих обществ старались навязать массе населения, вплоть до обитателей мельчайших и самых захолустных сельских районов, свои собственные

убеждения по каждому вопросу; они также стремились добиться того, чтобы поведение масс полностью соответствовало образцам и предписаниям, исходящим из центра. Центр господствует над периферией и пропитывает ее — во всяком случае, он стремится к этому и в известной степени добивается успеха. Общество становится более интегрированным — от центра к периферии — в своих убеждениях и действиях.

Таков один из типов модели односторонних отношений между центром и далеко отстоящей от него периферией. Другой тип гораздо чаще встречался в мировой истории. Он тоже характеризуется наличием большой дистанции между центром и периферией, но в обществе этого второго типа периферия преимущественно, то есть бóльшую часть времени и в большинстве сфер действия и убеждений, лежит за пределами радиуса действия центра. Самые отдаленные от центра окраины периферии остаются вне его досягаемости, и, если не считать эпизодического сбора налогов и дани да возложения время от времени некоторых повинностей, периферия предоставлена самой себе. Эти отдаленные зоны периферии, в которых, возможно, сосредоточено большинство населения общества, имеют свои собственные относительно независимые центры. Более того, во многих важных отношениях эта модель находится на самой границе нашего представления о том, чтó является обществом. Здесь существует лишь минимум общей культуры, а проблема законности возникает лишь от случая к случаю ввиду чрезвычайно нерегулярного характера действий правительства. Обычно в таких обществах слабо развита общественная политическая жизнь; та общественная жизнь, которая происходила в них, и вся их тайная политическая жизнь осуществлялись либо в самом центре, либо в самой непосредственной близости от его внешних кругов.

Эта модель была характерна для больших бюрократически-имперских обществ, которые, несмотря на устремления — то усиливающиеся, то ослабевающие — их правителей к более высокой степени интеграции, в общем и целом были минимально интегрированными обществами. Модель бюрократически-имперских обществ, напоминающая тоталитарные общества нашего века в том, что касается различия центра и периферии по высоте положения, полярно противоположна тоталитарным обществам в том,

что касается объема господства и степени пропитывания периферии, которых домогался и фактически добивался центр.

Существует и промежуточная модель общества, характеризующаяся большой дистанцией между центром и периферией. Здесь эта дистанция заполняется целой лестницей уровней власти, каждый из которых в известной степени самостоятелен, но признает главенствующую роль большого центра. Примерами этой модели, характеризующейся наличием главного центра и множества субцентров, являются феодальные системы (и в меньшей степени федеральные системы). Феодальное поместье было маленьким квазиобществом. Его неполнота была обусловлена производным характером власти владельца поместья от власти феодала, стоящего над ним в иерархии знати, и зависимостью его культуры и культуры, которую он стремился привить своим подданным, от культуры королевства и связанного с ним религиозного института.

Кроме того, имеются общества, в которых центр и периферия не отстоят далеко друг от друга. Некоторые из так называемых традиционных или родо-племенных африканских обществ в определенных отношениях напоминали древнегреческий полис: почти все люди там лично знали друг друга. В подобных обществах, даже когда правители и управляемые не соединялись в одном лице, оба эти слоя характеризовались связывавшим их друг с другом сильным чувством близости, взаимной привязанности. Они были «ближе» друг к другу.

Подобную близость правителей и управляемых, элит и масс можно обнаружить и в современных «массовых обществах». Эти последние гораздо более сложны и дифференцированы, чем прочие общества, где имеет место сходная близость. Вот почему обнаруживаемая современными «массовыми обществами» близость не проявляется в ситуациях личного контакта между обитающими в центре и обитающими на периферии. Ощущение приблизительного равенства скорее проявляется через представительные институты, а в конечном счете — через сознание близости, через убеждения в общности существования у всех или большинства членов общества определенных важнейших качеств, которые, как предполагается, приблизительно равномерно распределены между ними. Самые важные из них — это простой и не поддающийся определению факт

человеческой сущности и ясный и очевидный факт членства в гражданском сообществе, находящий свое проявление в долгом проживании в нем.

IV

Таково одно из главных отличий современных индустриальных обществ от обществ предшествовавших эпох и обществ Востока. Тогда как практически во всех крупных обществах, предшествовавших современному массовому обществу, и в большинстве малых обществ, переросших свою родовую основу, считалось, что харизма пребывает в центре, в современном массовом обществе считается, что харизма распределена более широко. Общая культура в современном массовом обществе включает в себя убеждение в том, что люди, как таковые, в силу самого своего членства в национальной сообщности и своего проживания на общей для них всех территории, имеющей определенную границу, обладают харизматическим качеством, которое ранее считалось достоянием элит центральных институциональных и культурных систем.

Что же представляет собой упомянутое харизматическое качество? Это такое качество, которым обладает либо отдельный человек, либо класс, либо род, либо совокупность ролей. Данным качеством обладают в силу «связанности» с «метафизической сущностью» или «проникнутости» ею. Эта метафизическая сущность представляет собой творение человеческого разума, который сознает, что некоторые вещи в жизни имеют особо важное значение — настолько важное, что они требуют к себе почтения, уважения, пиетета. Коренное их значение обусловлено их «абсолютным» характером — абсолютным в смысле чего-то предельно справедливого, доброго и сильного.

На протяжении большей части истории человечества понятие «абсолютное» символизировалось в виде понятия «божество»; и даже теперь, в эпоху, когда по крайней мере образованные классы менее религиозны в любом традиционном смысле, чем когда бы то ни было раньше, эта концепция абсолютного по-прежнему сплошь и рядом определяется в категориях, носящих на себе отпечаток религиозных образов. Но независимо от того, формулируется ли эта метафизическая сущность в традиционных ре-

лигиозных категориях или в категориях современной политической теории, трактующей о «правах человека» либо «суверенитете народа», факт остается фактом: население периферии изменило свой статус по отношению к центру. Оно приобрело некоторые из основных качеств, которые некогда считались монополией центра и доступ к которым, как полагали, был возможен только лишь через посредство центра, как это имело место при отправлении священниками религиозных обрядов либо при предоставлении светскими правителями титулов, рангов и привилегий.

Попытка объяснить данную перемену увела бы нас далеко в сторону. Здесь достаточно будет сказать, что ей в значительной степени способствовали экономический прогресс по пути повышения производительной способности национального хозяйства, перемены в политических институтах и идеях, придавшие обитателям периферии большее влияние и вес, более широкое распространение образования и сдвиги в религиозных верованиях в сторону большего равенства.

V

Важным следствием этого начавшегося на Западе сдвига в культуре современных обществ явилась деколонизация — рост националистических движений на колониальных территориях и создание многочисленных новых государств в Азии и Африке. Перед тем как попасть под империалистическое господство европейских стран, Азия состояла из обществ того типа, который, как говорилось выше, характеризовался большой дистанцией между центром и периферией. В странах с феодальными либо бюрократически-имперскими режимами контакт между правителями и управляемыми осуществлялся лишь эпизодически, а чувство близости, привязанности между ними было крайне слабо. Центр не пропитывал периферию.

В подобных условиях непрочной интеграции приход нового иностранного правящего класса, с негодованием встреченный прежними правителями, на первых порах был с безразличием воспринят периферией. Иностранное правление и постепенное частичное включение колониальных обществ в экономическую систему, государственный строй и культуру западного общества вызвали в общест-

вах, находившихся под колониальным господством, весьма важные сдвиги. Создание небольшого класса образованных людей, урбанизация, некоторое усовершенствование методов ведения сельского хозяйства и какая-то, пусть незначительная, степень индустриализации — все это вызвало к жизни некоторые из тех же самых тенденций, которые в прошлом действовали в более широком масштабе в Западной Европе и в Америке. Здесь и там на колониальных территориях (и у отдельных людей и организаций) стало возникать стремление к созданию общества, более сходного с обществом, развившимся на Западе. Правда, в какой-то мере это стремление обусловливалось самим содержанием западного образования и западной политической мысли. Однако это культурное влияние было лишь частью более широкой картины.

Начали изменяться основные установки. Возникло стремление к образованию общества с большей близостью между центром и периферией. Те, кто мечтал о таком сокращении дистанции между центром и периферией, между элитой и массой, видели препятствие в самой этнической чужеродности элиты. Тот факт, что центр был всегонавсего центром политической и экономической власти и не являлся вместе с тем центром культурных ценностей, еще более обострял сознание непреодолимого отчуждения периферии от центра.

Росту национальных настроений соответствовал рост убежденности в том, что общество должно состоять из тех, кто разделяет общий опыт длительного проживания на определенной территории. Если бы англичане или голландцы прочно обосновались в Индии или Индонезии, как это делали в прошлом завоеватели, вместо того чтобы служить в качестве временных агентов, представляющих далекие и территориально оторванные районы земного шара, националистические движения не приобрели бы столь широкого размаха. Но иностранные элиты так никогда и не стали составными частями обществ, которыми управляли; они оставались частью других обществ. По этой причине они не могли быть включены в зародившееся новое требование образовать самостоятельное гражданское общество.

Наряду с этими событиями происходили изменения и в структуре обществ метрополий, которые сделали более понятной и приемлемой идею, что общества должны быть самостоятельными, что центр и периферия должны быть

ближе друг к другу и что культура центра должна пропитывать периферию. Было вполне очевидно, что культура центра в колониальных странах не способна пропитать периферию. (Более того, колониальные политические власти, как правило, старательно избегали любых попыток пропитать ее.) Оба эти движения, действовавшие одновременно и в одном и том же направлении, настроили общественное мнение стран-метрополий в пользу предоставления колониям независимости. Эти настроения, само собой разумеется, были сильнее в Соединенном Королевстве, чем во Франции и Нидерландах — в той мере, в которой Соединенное Королевство дальше продвинулось в направлении создания современного массового общества. Португалия, внутренний государственный строй которой представляет собой гибрид бюрократической олигархии и тоталитаризма, меньше всех склонна сочувствовать стремлениям населения колоний к образованию самостоятельных и, значит, самоуправляющихся обществ.

Ни одному из бывших колониальных обществ не удалось преобразоваться после получения независимости в современное массовое общество, гражданское в своей политической жизни. Ближе всего подошла к этому типу общества Индия, потому что и в колониальные времена это общество было наиболее модернизированным в смысле наличия крепкой местной политической элиты, обширного класса интеллигенции, значительного среднего класса и формирующегося городского пролетариата. И вот в разных слоях индийского общества началось движение за образование самостоятельного общества, где членство и права определялись бы длительным проживанием на территории Индии. Применительно к основам общества сказывалось действие изменившегося представления о том, кого следует считать членом общества; применительно же к высшему уровню действовало убеждение, что пригодность тех, кто должен управлять территорией, определяется в пределах границ этой территории. Раз население призвано создать общество, его правители должны быть живым свидетельством его самостоятельности.

Те самые особенности, которые сделали возможным для Индии принятие иностранного господства, мешают ей продвигаться в направлении создания современного общества, во всяком случае в настоящее время. Убеждение в том, что харизма обретается в наследственных правителях,

в землевладельцах, в этнических группах, родах и кастах, преграждает Индии путь к созданию гражданских условий современного массового общества. Одной из главных причин этого убеждения является нищета наряду с глубоко укоренившейся центральной культурной системой, которая в течение столетий существовала в отрыве от центральной институциональной системы.

То же самое можно сказать mutatis mutandis и о многих других новых государствах Азии и Африки. Они еще не стали обществами в современном смысле слова, и поэтому героические усилия, предпринимаемые некоторыми из их политических деятелей и многими из их гражданских служащих с целью поощрения экономического развития этих государств, пока не увенчались особым успехом.

VI

Теперь несколько заключительных замечаний.

Все человеческие коллективы имеют тенденцию замыкаться, обеспечивая свою самостоятельность. Они стремятся через посредство своих властей создать и поддерживать определенную индивидуальность, установить свои границы и оградить свою целостность. Они стараются сохранить свою численность и предотвратить утечку членов. В очень многих из таких коллективов эта тенденция выражена слабо, потому что их члены, вступившие в них с ограниченными и специальными целями, не позволяют, чтобы притязания коллектива становились слишком настоятельными. Кроме того, в крупных обществах открыто плюралистического типа люди являются членами многих коллективов, заявляющих конкурирующие и противоречивые притязания на их время, лояльность и послушание, которые никак не могут быть удовлетворены одновременно. Удовлетворение требований одного коллектива практически всегда влечет за собой отказ удовлетворить требования других.

Однако есть такие виды коллективов, в которых тенденции к замыканию выражены сильнее, чем в других. Таковы изначальные коллективы, например семьи, племена и деревни. Там, где люди определяют свое членство и воспринимают других членов применительно к определенным изначальным качествам или характерным чертам —

таким, как общие биологические характеристики (например, происхождение от общих родителей или предков) или общность территориального местоположения (например, семейного очага или деревни),— требования замкнутости получают более сильный сочувственный отклик. Впрочем, даже эти коллективы не могут быть полностью замкнутыми: экологические нужды, мощное давление извне и сила индивидуальных привязанностей и желаний прорывают границы, создаваемые процессом замыкания.

Одна из главных черт исторического развития, или эволюции, заключается в разрушении некоторых изначальных оснований замкнутости. Родственная и племенная общность утратила свое относительное значение. Уменьшилась также и роль местной общности. Впрочем, это еще не означает полной сдачи позиций. Что касается местной общности, которая является особой разновидностью общности территориальной, то эта категория сохранилась, изменив свое содержание. Центр тяжести территориальной общности переместился с небольшой местности на более обширную территорию — бóльшую, чем та, которую любой средний человек способен узнать непосредственно, на основе своего собственного опыта. Этому сдвигу в сторону более широкой территориальной общности благоприятствовали экологические перемены, вызванные укрупнением рынков и усовершенствованием техники транспорта и связи. Образование помогло сделать наглядным существование более обширной территории. Расширившаяся деятельность и повысившаяся эффективность правительств помогли людям составить ясное представление о той бóлее широкой территории, на которой они живут.

Этому формированию представлений о более обширной территории сопутствовало уменьшение значения чисто биологического критерия близости между людьми. Отчасти он был заменен территориальным критерием близости, который в качестве местной общности до сих пор был связан с биологическим критерием.

Пока правительства были слабы и неэффективны и пока они не могли помышлять об абсолютном господстве над своими подданными (даже если и считалось, что они обладают неограниченной властью), общества не могли не иметь многочисленных второстепенных центров, вокруг которых в известной степени создавалась замкнутость. Главный центр в таких обществах, как бюрократические

империи и феодальные системы, был недостаточно внушителен. Он не мог завладеть воображением своих подданных, потому что неспособен был осуществлять свою власть всепроникающим и эффективным образом.

Однако, после того как изменилось содержание чувства близости, а правительства стали более активными и сильными, главный центр общества начал подчинять себе менее важные центры. Ему так и не удалось полностью уничтожить эти второстепенные центры — даже в обществах, правители которых стремились к тоталитарному господству; но сдвиг в сторону преобладания главного центра все-таки произошел. Этот сдвиг с неизбежностью изменил круг понятий, охватываемых тенденцией к замкнутости. Теперь замыкалось то, что проявлялось среди обитателей более обширной территории. Место родственной связи и принадлежности к деревне и племени стало занимать гражданство. Биологические изначальные критерии не были полностью упразднены. Сохраняется семья, а этническая общность даже выдвинулась на первый план, заменив собой расширенную родственную и родовую общность.

Этническая общность представляет собой умозрительный конструкт, причем, когда более широкая территориальная общность стала главным критерием для распознания своих соотечественников, этническая общность сублимировалась и трансформировалась в общность национальную. Даже когда национальная общность освобождалась от этнической (или расовой) общности, в концепции национальной общности по-прежнему оставалось много от мифологии, поскольку она является плодом воображения.

Независимо от того, является она мифологической или нет, национальная общность образует ныне существенный компонент — компонент культуры — современных обществ. В некоторых из этих обществ, например обществах Азии и Африки, которые не стали еще обществами в современном смысле слова и для которых по сей день типичны слабости центра и значительная сила родовых, этнических и местных субцентров, национальная общность еще недостаточно упрочилась в широкой массе населения. По этой причине центр остается слабым. Впрочем, если административный аппарат и аппарат по поддержанию порядка будут укреплены (или останутся сильными), а экономика приобретет общенациональный либо рыночный характер,

главный центр покорит периферию и завладеет умами живущих там. Тем самым центр мало-помалу станет не только центром институциональной системы, но также и центром культурной системы. Таким способом новым государствам, возможно, удастся стать современными — то есть интегрированными — обществами, каковыми в настоящее время хотят их сделать некоторые члены их элит.

Интегрированные общества, в которых прочно утвердились системы власти, институциональные и культурные системы, могут стать гражданскими обществами, характеризующимися широким распространением добродетелей, требуемых для эффективных гражданских отношений. Это может произойти в тех случаях, когда замыкание вокруг центра сопровождается сближением центра и периферии. Именно по этому пути шли в течение последних полутора столетий страны Западной Европы, Соединенные Штаты и Австралия, а в меньшей степени—Япония и Канада. В этих странах взаимный обмен между центром и периферией и сопутствующее этому обмену повышенное чувство близости привлекли в центр более значительную долю населения и до некоторой степени уничтожили границу, отделявшую в прошлом центр от периферии.

Хотя это и не является единственной возможной альтернативой, мы не сможем коснуться других альтернатив в краткой главе, в которой и без того уже было затронуто столь много сложных проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

23

ОБЩИЙ ОБЗОР

Талкотт ПАРСОНС

В данной книге речь идет о социологии как об интеллектуальной дисциплине, причем особый упор делается на ее роль и применение в Соединенных Штатах. Социологи относят себя преимущественно к числу представителей одной из «чисто» интеллектуальных дисциплин в отличие от таких прикладных областей, как работа по улучшению социальных условий и образование. Таким образом, они теснее всего связаны в социальной области с экономикой, политологией, психологией и антропологией.

Основным организационным местоположением профессиональных социологов как представителей интеллектуальной дисциплины является мир академической науки — университеты и колледжи страны, причем главным образом их гуманитарные и естественнонаучные факультеты; только примерно один из семи университетских социологов получает назначение в технический институт. Большие масштабы американской системы высшего образования предоставляют исключительные возможности для расширения и развития различных дисциплин. Социология преподается ныне в качестве самостоятельного предмета во всех крупных американских университетах и почти во всех ведущих гуманитарных колледжах, хотя небезынтересно отметить, что именно этот последний тип высших учебных заведений больше всего противился введению курса социологии.

В социологии, так же как практически во всех родственных ей дисциплинах, особенно естественнонаучных и социальных, наблюдался быстрый рост объема научно-исследовательской деятельности и публикаций ее результатов. Позволяющая вести самостоятельные исследования квалификация в сочетании с уже имеющимися научными

трудами стала, пожалуй, важнейшим единым критерием профессионального положения ученых; и все сколько-нибудь видные ученые, за немногими исключениями, начинают активную исследовательскую деятельность сразу по окончании учебы. За последние годы стремительно увеличивалось количество журналов, включающих в себя социологические материалы, и быстро возрастало число публикуемых монографий по социологии.

Быстро росла также и численность группы, члены которой могут быть названы профессиональными социологами. Общее количество членов Американской социологической ассоциации составляло в 1966 году около 10 000 человек. Из них примерно 40% являлись дипломированными профессиональными социологами или же — в ряде случаев — представителями смежных дисциплин, «с интересами, близкими к социологии»; остальные же 60% составляли студенты и ассоциированные члены. За пятнадцать лет количество профессиональных социологов более чем удвоилось. В 1966 году социологов было больше, чем антропологов; примерно столько же, сколько и политологов; значительно меньше, чем экономистов, и намного меньше, чем психологов (впрочем, многие из этих последних являлись практикующими специалистами в области клинической психологии, а не представителями преимущественно сугубо теоретической дисциплины).

Само собой разумеется, ряды социологов в Соединенных Штатах пополняются главным образом за счет программ подготовки аспирантов в университетах. В 1947/48 учебном году было присвоено всего лишь 66 научных степеней доктора социологии; в 1961/62 году таких степеней было присвоено уже 173. Произошло это благодаря расширению существующих программ и введению новых в тех университетах, в которых ранее таких программ не имелось.

Как в количественном, так и в ряде других отношений, например в сфере финансирования научных исследований, американская социология росла быстрее и достигла большего развития, чем социология в любой другой стране. Вместе с тем ее рост представляет собой составную часть всемирного развития социологии, которое идет все более быстрыми темпами почти во всех странах. По официальным данным, число принимавших участие в созывавшихся до последнего времени раз в четыре года сессиях Междуна-

родной социологической ассоциации возрастало, во всяком случае после 1953 года, в геометрической прогрессии, причем отнюдь не за счет увеличения процента участников-американцев. Эти данные, конечно, не отражают подлинной численности социологов, работающих в районах, особо отдаленных от места проведения сессий, таких, как Япония и Индия. Другим весьма знаменательным явлением стало быстрое развитие за последние годы социологии в ряде социалистических стран, особенно в Советском Союзе, Польше, Чехословакии и Югославии.

Ни одна из дисциплин в сфере социальной науки и науки о поведении не складывалась на основе чисто теоретически очерченных границ; в развитии этих дисциплин немалую роль сыграло то, что применительно к данному контексту может быть названо «исторической случайностью». Но несмотря на это, налицо почти вполне четкое и осмысленное разделение труда между ними, которое поможет читателю разобраться в том, что представляют собой предмет и метод социологии.

В отличие от двух самых общих смежных дисциплин — психологии и антропологии — социология занимается анализом социальных систем, уделяя особое, но отнюдь не исключительное внимание типу социальной системы, именуемому нами обществом. Общество представляет собой социальную систему, обладающую относительной самодостаточностью с точки зрения критериев равновесия между такими факторами, как территориально ориентированная политическая организация, доступ к экономическим ресурсам, восполнение и социализация населения и культурная легитимизация системы как независимого целого.

Психология — на уровне человеческого поведения — занимается личностью индивида, включая сюда в случае социальной психологии изучение взаимодействия человека с социальными системами и их взаимопроникновение друг в друга, тогда как внимание социологии сосредоточено на социальной системе, как таковой, то есть на системе процессов и отношений, образуемой взаимодействием множества — зачастую поистине огромного количества — отдельных людей.

Труднее охарактеризовать то особое положение, которое занимает антропология, потому что в определенных отношениях она присвоила себе область еще более широкую, чем область самой социологии, тогда как в других

отношениях она сконцентрировала свое внимание на культурах и обществах, не знающих письменности. Однако в той степени, в какой может быть очерчен аналитически определенный круг интересов антропологии, он, по-видимому, включает в себя аналитическое изучение явлений культуры, структурированных символически значимых систем, в которых и посредством которых ориентируются и направляются социальные системы и личности. В этом отношении антропология особенно тесно связана, с одной стороны, с гуманитарными дисциплинами, исследующими содержание культуры на более высоких уровнях цивилизации, особенно характеризующихся наличием документальных источников, а с другой — с лингвистикой, которая изучает наиболее всеобщее и основное средство коммуникации и выражения в области культуры — язык. Социальной психологии соответствует в смысле положения на стыке наук социальная антропология, которая в основном изучает социальные структуры и процессы применительно к их культурным условиям и связям, и в особенности по традиции применительно к «простейшим» обществам.

Из сказанного выше следует, что социальные системы, в том числе и общества, мы рассматриваем не как конкретную агрегацию взаимодействующих и проявляющих себя в поступках людей, а как получившую аналитическое определение подсистему всей совокупности социальных действий людей, абстрагированную на основе аналитического вычленения процессов взаимодействия и структур, образуемых взаимоотношениями между исполняющими свои роли людьми. В противном случае социальную систему невозможно было бы отделить, с одной стороны, от личностей участников, которые тоже должны получить аналитическую определенность в связи с их индивидуальным аспектом, отличным от аспекта взаимодействия, а с другой — от культурной системы, структурируемой вокруг символически значимых компонентов и их взаимоотношений, включая сюда коды, в категориях которых символизируются культурные смыслы.

В противоположность многим современным точкам зрения я не рассматриваю социологию как дисциплину, имеющую дело со всей социальной системой, даже в этом аналитически абстрагированном смысле. Ведь это значило бы либо отказать экономической и политической наукам в праве называться социальными науками в самом стро-

гом смысле слова, либо превратить их во вспомогательные отрасли социологии. Обе альтернативы одинаково неприемлемы. Поэтому, согласно моему представлению, социология занимается лишь одним, преимущественно функциональным, аспектом социальных систем, а именно изучает структуры и процессы, имеющие отношение к *интеграции* этих систем, включая, конечно, и случаи неудавшейся интеграции, равно как и силы, благоприятствующие интеграции или же препятствующие ей. Под интеграцией я подразумеваю в данном контексте такие структуры и процессы, посредством которых отношения между частями социальной системы — людьми, играющими те или иные роли, коллективами и компонентами нормативных стандартов,—либо упорядочиваются способом, обеспечивающим гармоничное их функционирование в соответственных связях друг с другом в системе, либо, наоборот, не упорядочиваются, причем тоже каким-нибудь определенным и объяснимым способом. Интеграция имеет как негативный, так и позитивный аспекты. Негативный связан с отсутствием или сведением к минимуму действия, вследствие чего интеграция системы нарушается из-за взаимных помех и противоборств. Важно отдавать себе отчет в том, что последствия действий в плане интеграции во многом независимы от намерений участвующих единиц. Классическим примером может служить транспортный затор. Можно с уверенностью утверждать, что лишь в крайне редких случаях какая-нибудь группа водителей намеренно создает «пробку», но подобная «пробка» сплошь и рядом возникает вследствие того, что слишком большое количество водителей пытается одновременно использовать одну и ту же дорожную систему в условиях отсутствия достаточно эффективного контроля над уличным движением. Позитивная интеграция, напротив, представляет собой явление взаимной поддержки, взаимного содействия друг другу единиц социальной системы, рассматриваемое в перспективе «функционирования» этой системы как целого. Типичным примером может служить явление кооперации в деле разрешения групповой задачи.

По сравнению с этой нацеленностью социологии на интеграцию экономическая наука, как нам представляется, нацелена, в соответствующем же аналитическом смысле, на изучение структур и процессов социальных систем, имеющих преимущественно приспособительные (адаптив-

ные) функции. Это структуры и процессы, связанные с производством и мобилизацией сравнительно обобщенных средств, поступающих в распоряжение различных единиц и подсистем социетального или интерсоциетального порядка. В относительно современных обществах это прежде всего рынки и денежный механизм в различных его формах, а также средства ориентации бесчисленных действий на денежные и рыночные явления и в терминах денежных и рыночных отношений.

В таком случае политическая наука, как я ее представляю, занимается в первую очередь изучением организации социальных систем в контексте достижения коллективных целей. На уровне общества и его сегментарных территориальных подсистем в центре внимания оказываются явления управления. Однако основные положения этой же теории применимы и к функционированию любого коллектива, ориентированного на достижение цели, и притом тем больше, чем крупнее и сложнее коллектив. Так, крупная современная торговая фирма или даже университет либо церковь имеют исключительно важный политический аспект. Власть, как обобщенное средство мобилизации обязательств содействовать коллективному функционированию — и в том числе воздерживаться от подрывных или препятствующих действий, — занимает в анализе политических систем место, во многих отношениях сходное с тем, которое занимают деньги в экономических системах.

В контексте сказанного можно утверждать, что главным предметом социологического анализа является *институциональный* аспект социального действия. Говоря в самых общих выражениях, это такая область, в которой выявляются действующие в социальных системах *нормативные экспектации,* коренящиеся в культуре и определяющие, что́ именно *надлежит* делать при тех или иных обстоятельствах людям в различных статусах и ролях *одного* или нескольких различных значений. Эти экспектации интегрируются с *мотивами* деятелей в ролях, то есть с тем, что они «испытывают побуждение» сделать или «хотят» сделать в соответствующих ситуациях и обстоятельствах. Однако, поскольку социологическая система соотнесения ориентирована не на личность отдельного человека, а на социальные системы, социология интересуется прежде всего *коллективами,* составленными из людей, а не са-

мими этими людьми, пусть даже исполняющими роли. Поэтому, когда речь идет о мотивации, то в центре внимания находятся типы мотивов, их сравнительная распространенность и обусловленное ими поведение, а не индивидуальные случаи.

Рассмотрим некоторые общие условия социетальной интеграции. Что касается нормативной стороны дела, то здесь таким условием является достаточная степень непротиворечивости, определенности и обобщенности норм, определяющих экспектации. Непротиворечивость имеет двойное соотнесение. Поскольку нормы призваны служить руководством к действию для отдельных исполняющих роли людей и для коллективов, нормы, определяющие экспектации в различных контекстах действия *одного и того же человека* или коллектива, должны быть относительно согласованы между собой. В то же время подобная система норм должна быть относительно непротиворечивой и на уровне социетальной системы в целом, поскольку одни и те же нормы применяются в различных конкретных ситуациях.

На каком-то уровне определенность и обобщенность могут показаться несовместимыми; и действительно, многие нормативные системы достигают определенности, по сути дела, ценою отказа от обобщенности, как это имеет, например, место в некоторых системах «религиозного права». Однако оба эти критерия могут оказаться совместимыми на высоких уровнях, если удается использовать общие принципы для четкого определения пределов свободы и самостоятельности в действиях, а также способов соединения различных принципов при определении экспектаций для конкретных классов ролей или действий. Так, принцип «равной для всех защиты со стороны закона» запрещает конгрессу некоторые типы дискриминационного налогообложения, но налоговые обязательства каждого данного гражданина могут при всем том получить совершенно точное определение. Уровень обобщенности нормативной системы имеет первостепенное значение для сочетания высокого уровня социальной интеграции с высокой адаптивностью в экономическом смысле и высокой эффективностью — в политическом. С другой стороны, определенность имеет первостепенное значение для мотивации участников. Неопределенность в системе экспектаций является главным источником широко распространенного

типа отклонений, которому Дюркгейм, первый описавший его, дал название *аномия*.

Характерно, что содержание нормативных экспектаций не зависит от способа их санкционирования. Во всех высокоразвитых обществах основная часть нормативной системы имеет *правовой* статус: права и обязанности имеют обязательные для всех определения, установленные государственными учреждениями; предусматриваются конкретные наказания за их несоблюдение; специальным государственным органам поручается их истолкование и принудительное осуществление. Однако правовая система никогда не исчерпывает собой нормативного содержания, так что важное значение всегда имеют и многие другие, неправовые, санкции. Более того, обе эти области переменных независимы друг от друга: нормы, имеющие правовой статус, санкционируются не только правовыми, но и другими способами, а неправовые нормы иной раз принудительно проводятся в жизнь. Второй важнейшей основой нормативных обязательств наряду с правовой является так называемое «моральное обоснование». Фактическая эффективность правовых систем во многом зависит от получаемой ими моральной поддержки как систем, обладающих, с точки зрения большинства людей, на которых распространяется их действие, «внутренне присущей» им справедливостью.

Имеются, однако, еще два других важных типа санкций и, следовательно, оснований для «призыва» соответствовать нормативным экспектациям. С одной стороны, существует не только «заинтересованность» в практической эффективности и умелости, но и *обязательство* действовать «рационально» в экономических и политических контекстах; иногда это обязательство подлежит принудительному санкционированию, чаще же — нет. Так, например, разного рода расточительность обычно сурово осуждается, а неспособность справляться с практическими задачами не вызывает к себе благосклонного отношения. Однако другим типом санкций, более характерным для социальной интеграции, является обязательная лояльность, которая требуется от индивида как члена коллектива в обмен на солидарность, проявляемую этим коллективом по отношению к данному индивиду. Относительно независимо от юридического обязательства и от чисто моральных соображений членство в коллективах обычно влечет

за собой обязательства быть лояльными, поддерживать коллектив и его членов именно как членов данного коллектива. Порой такие обязательства доходят до крайности, как, скажем, в случае принципа: «Права она или нет, но это моя страна».

В той мере, в какой система норм интегрируется предположительно эффективной совокупностью поддерживающих санкций, мы говорим, что она *институционализировалась*. Как правило, это означает, что охарактеризованные выше типы санкций действуют не порознь, а в той или иной группировке, так что каждый данный компонент нормативной системы в дополнение к тому, что определяемые им экспектации соблюдаются добровольно, подкрепляются еще и санкциями двух или более типов.

Отметим, однако, что категория, которую мы назвали «моральной», занимает в системе санкций особое место. Ведь моральная обязательность того или иного образа действий — та самая обязательность, которая предписывает не только совершать одни действия и воздерживаться от других, но также уважать определенные области свободы других людей и брать на себя ответственность за свое собственное надлежащее использование свободы в таких же пределах,— служит проявлением в действии приверженности ценностям и, следовательно, главной точкой сочленения социальной сообщности с нормативным аспектом культурной системы. Ценности, эти составные части социальной системы, я определил бы как общепринятые представления о *желательном типе социальной системы* — прежде всего об обществе в представлении его собственных членов. Подобные социальные ценности следует отличать от ценностей, относящихся к желательным типам иных, чем социальные системы, объектов, например людей, организмов или физических предметов.

Сочленение системы норм и экспектаций с «регулирующими» их ценностями может быть названо *легитимизацией* нормативной системы. Здесь находится важнейшая точка сочленения социальной системы с системой культурной. В конечном счете легитимизация восходит к религиозным обоснованиям, но в сложных обществах, кроме религиозного, имеются и многие другие нижележащие уровни узаконения. Можно говорить о том, что ценности, так же как и нормы, институционализируются, во-первых, в той мере, в какой основные очертания нормативных экспекта-

ций, институционализированных в обществе, согласуются с ценностными предпосылками, на которые принято ссылаться при возникновении проблемы узаконения; и, во-вторых, в той мере, в какой такая отсылка к ценностным обоснованиям разрешает проблему легитимизации в том смысле, что «понимание» связи между ценностью и нормой активизирует реальное осуществление ценностных приверженностей всеми, кто их разделяет. Например, ценностные предпосылки американского общества сформулированы прежде всего в таких исторических документах, как Декларация независимости, преамбула к Конституции и Билль о правах.

Теперь мы можем обратиться к рассмотрению другой стороны основной проблемы социологической интеграции — стороны, которая выше была названа нами «мотивационной». В конечном счете речь идет о мотивации индивида на личном уровне. Однако, пока индивид рассматривается как участник более или менее институционализированной системы социального взаимодействия, мы говорим о нем как об *исполнителе* роли. Роль мыслится не просто как «сектор» конкретной системы действия данного индивида, но — в соответствии с нашей общей аналитической концепцией социальной системы — как именно таковой сектор в той мере, в какой он одновременно и подчинен определенной совокупности нормативных экспектаций на уровне социальной системы, и связан с совокупностью отношений взаимодействия с другими исполнителями такого типа, что вместе они составляют *коллектив*.

Коллектив в таком случае есть единица социальной системы (в каком-то смысле и с каких-то точек зрения и система как целое может быть определена как коллектив), образуемая социальным взаимодействием множества отдельных индивидов в ролях и управляемая соответствующим образом специфицированной совокупностью нормативных экспектаций. В центре внимания социологического анализа находится сочленение между нормативными системами и коллективами, в то время как роли являются компонентами, более «удаленными» по направлению к личностным системам, а ценности — компонентами, более «удаленными» в сторону культурных систем.

Институционализацию нормативной системы дополняет собой *интернализация* системы экспектаций в личности

отдельного человека. Это предполагает, что общим результатом интеграции явится совокупность экспектаций, приносящая удовлетворение участвующим в ее реализации индивидам, что в каком-то смысле тождественно культурной легитимизации нормативной системы. Эта удовлетворяющая функция может быть подразделена в целях анализа на три компонента, соответствующих определенности, обобщенности и непротиворечивости нормативной структуры.

Первым из этих компонентов является интернализованная индивидом в роли целевая структура. В самом широком смысле это тот аспект интернализации, который психологически коренится в интернализации достиженческих мотивов, конкретизируемых в виде приемлемых для данного общества и данной совокупности ролей в этом обществе ориентиров, на которые эти мотивы направлены. Однако приверженность к определенным уровням и типам ролевого достижения должна подкрепляться мотивационной заинтересованностью в соответствующем напряжении исполнительских способностей, что, разумеется, оказывается возможным и приносит индивидам удовлетворение только в том случае, когда общество предоставляет им должную структуру благоприятных условий деятельности. Наконец, поскольку индивид должен действовать в системе коллективов, основным условием их солидарности — что в свою очередь представляется важнейшим аспектом интеграции социальной системы — является интернализация мотивации соблюдения надлежащих уровней лояльности по отношению к коллективным интересам и потребностям.

Процесс интернализации этих мотивационных структур социологи называют *социализацией*. В основе этого процесса лежит генетически данная пластичность человеческого организма и его способность к обучению. Ранние стадии этого процесса повсеместно протекают в пределах родственных коллективов, и особенно в нуклеарной семье. Хотя социализация происходит во всех социальных группах, но за пределами семьи она, конечно, наиболее сконцентрирована в коллективах, занимающихся формальным образованием, значение которого в прогрессивной степени возрастает с ходом социальной эволюции.

Чрезвычайно важной чертой социальных систем, приковывающей к себе особое внимание социологии, является

плюралистический характер их структур. Главное в этой проблеме — тот факт, что ни в одном обществе индивид, вышедший из младенческого возраста, не является членом лишь одного-единственного коллектива. Так, благодаря запрещению кровосмешения обеспечивается такое положение, при котором человек, вступив в брак, становится членом двух независимых нуклеарных семей — единственным их общим членом; кроме того, он принадлежит к многочисленным другим коллективам, организованным по местожительству, профессиональной функции, общности принимаемых решений, отправлению религиозных обрядов и т. д. и т. п.

Поэтому дифференцированность общества должна сочленяться со способностями его отдельных членов успешно исполнять эти многочисленные роли, что по мере возрастания дифференциации влечет за собой потенциальную возможность возникновения конфликта ролей, а также неопределенность нормативных экспектаций.

Все это в своей основе дополняется и нормативной стороной. Высокодифференцированное общество по необходимости плюралистично как в коллективном, так и в нормативном отношении. Иначе говоря, одни и те же ценностные предпосылки должны служить для легитимизации целого ряда разнообразных норм, дифференцированных в соответствии с функциями действующих единиц, на которые эти нормы распространяются, и с ситуациями, в которых данные единицы вынуждены действовать.

Если учесть наличие глубоко заложенных тенденций к стабилизации весьма специфических стандартов поведения как с культурной, так и с личностной стороны этого взаимоотношения, существо социологической проблемы выступит на первый план в форме так называемой «кантианской» формулировки: с нормативной стороны ситуационные давления неизменно действуют в центробежном направлении, «ослабляя» ценностные приверженности, коренящиеся в культурных факторах. Соответственно этому с мотивационной стороны усложнение ситуационной системы и рост ее разнообразия дает индивидам и субколлективам возможность — более того, вынуждает их — выбирать такие линии поведения, которые находятся в известном противоречии с системой нормативных экспектаций. Эта возможность, разумеется, возрастает в силу того факта, что сама нормативная система никогда не бы-

вает вполне совершенной: в ней всегда имеются элементы противоречивости, чрезмерной или недостаточной определенности, двусмысленности, чрезмерной или недостаточной обобщенности. С одной стороны, люди оказываются мотивированными на неконформное, или, как часто говорят социологи, отклоняющееся, поведение, а с другой — они сплошь и рядом при всем своем желании просто-напросто *не способны* полностью отвечать социетальным экспектациям, так как не знают, что́ именно им надлежит делать. Общий процесс, посредством которого подобные расхождения между системой экспектаций и фактическим поведением сводятся к минимуму, получил у социологов название *процесса социального контроля.*

Первая линия социального контроля — это, конечно, воздействие обычных санкций процесса социального взаимодействия. Общественно одобряемые достижения поощряются с помощью перспективы различного рода вознаграждений, а неодобряемое поведение предотвращается с помощью перспективы наказаний или лишения вознаграждения. Однако важность интернализации социетальных норм и ценностей в личностных системах означает, что полагаться только на более рациональные эгоистические интересы недостаточно, потому что интернализованные амбивалентности, конфликты и т. п. могут во многих случаях лишить людей возможности поступать рационально. Поэтому сложные общества обычно вырабатывают специализированные механизмы социального контроля, которые в определенных отношениях дополняют собой упомянутые выше механизмы социализации. Дюркгейм одним из первых понял, что некоторые религиозные обряды, усиливающие мотивацию на поддержание социальной солидарности, а вместе с этим и на более полное выполнение нормативных экспектаций, имеют именно этот смысл. В качестве типичного примера можно привести функции обрядов похорон, призванные противодействовать мотивационным нарушениям, вызванным тяжелой утратой, и благоприятствовать сохранению дееспособности социальных единиц, потерявших ценимого ими человека. Особо важный класс институтов, имеющих непосредственное значение для социального контроля, образуют институты, организованные вокруг «терапевтических» процессов. Глубоко уходя корнями в историю религии и магии, они вместе с тем связываются теперь с некоторыми аспектами

науки в различных областях здравоохранения, особенно в области лечения душевнобольных.

Подобно тому как все типы санкций участвуют в процессах социального взаимодействия, все они имеют то или иное значение и в процессах социального контроля. Есть, однако, один тип обобщенной санкции, имеющий особо важное значение на социологическом уровне процессов взаимодействия, роль которого в известной степени соответствует роли денег в экономических системах и роли власти в системах политических. Речь идет о санкции, которую отдельные социологи называют в сугубо специальном смысле слова *влиянием.* Вознаграждение за одобряемое действие и предотвращение неодобряемого путем апеллирования к лояльности соответствующему коллективу, к которому принадлежит и влияющий и объект этого влияния, и к необходимости выполнения нормативных экспектаций институционализируются в соответствующих ролях в этих коллективах. Объем влияния, имеющегося у социальной единицы — индивида или коллектива,—может быть назван уровнем ее *престижа* в системе. В этом качестве влияние представляет собой своего рода обобщенную способность к убеждению других. Когда такое убеждение ориентировано на открытое коллективное действие, особенно в политических контекстах, мы можем говорить о лидерстве как о высоковлиятельном положении.

Институциональные комплексы в рассматриваемом нами смысле дифференцируются по типам явного действия, ролей и коллективов, хотя и не в однозначном соответствии с ними. Так, институциональными комплексами, преимущественно имеющими отношение к экономическим функциям в обществе, являются договор и собственность, центральное назначение которых состоит в регулировании процессов обмена, а также прав, относящихся к обмениваемым товарам, к которым относятся и деньги во всех их разновидностях. Использование человеческого труда ставит особые проблемы, которые не следует слишком тесно связывать с договором или собственностью, где речь идет только о деньгах и товарах. В достаточно дифференцированной ситуации использование трудовых услуг обычно институционализируется в категориях профессиональных ролей, что порождает особую связь с политическим комплексом. Независимо от того, являются ли функции организаций, использующих услуги, преимущественно

экономическими (как это имеет место в случае торговой фирмы) или нет, их системы командования и подчинения должны быть классифицированы как политические, а не как экономические.

Действительно, если собственность является центральным экономическим институтом, то в политике ей соответствует власть — обобщенное право требовать выполнения обязательств в интересах достижения коллективных целей. Обобщенное средство осуществления власти получило в нашем сугубо специальном смысле слова наименование *могущества*. Власть в таком случае связана с совокупностями регуляционных институтов, имеющих отношение к столкновениям в области экономических ресурсов и интересов, в том числе к договорным и имущественным интересам соответствующих коллективов. Вместе с тем она связана с институционализацией лидерства как способности направлять коллективные процессы, ориентированные на достижение цели, путем убеждения и оказания влияния, а не путем употребления власти и могущества. Особенно важным типом связи между убеждением и употреблением власти является выборная должность в государственных или частных ассоциациях: убеждение служит главным средством добиться избрания на эту должность, тогда как пребывание в ней открывает доступ — в определенных, четко очерченных рамках — к власти, могуществу.

Третий институциональный комплекс связан с сочленением социальной системы с глубинными слоями личностных структур ее членов и с культурной системой, которая легитимизирует и другими способами ориентирует действия членов социальной системы. Эти комплексы имеют два центра: применительно к личностям — систему родства, а применительно к культурной легитимизации — религию. Религия здесь интерпретируется в качестве функциональной универсалии общества. Важнейшим третьим компонентом в этой категории является компонент, связывающий содержание культуры с личностью через посредство образования и через имеющую к нему самое тесное отношение совокупность функций культурного новаторства, как такового, которое в современных обществах наиболее ярко проявляется в деятельности, называемой нами научно-исследовательской.

В соответствии с общей двойной соотнесенностью с нормативными и мотивационными компонентами инсти-

туты, имеющие наиболее прямое отношение к основам социетальной сообщности, можно подразделить на две главные категории. Первая из них может быть названа, используя термин, заимствованный из области права, «судебной». Эта категория включает в себя юридический процесс принятия судебного решения, связанный не только с разрешением конкретных спорных вопросов, но также и с важнейшей функцией юридического толкования. Однако я хотел бы рассмотреть этот комплекс несколько шире, а не только в правовом аспекте, и включить в него любой нормативно обязательный процесс уточнения нормативной структуры, особенно — помимо юридического — в моральном контексте. В центре внимания здесь институционализация процедур, посредством которых нормативные неопределенности могут быть разрешены относительно конкретными способами. Особо важная сфера действия такого рода «судебных» функций связана с распределением ресурсов, вознаграждений и обязанностей.

Второй важный комплекс интегративных институтов составляют стандарты социальной стратификации. Речь тут идет о нормативно узаконенном упорядочении единиц общества в соответствии с критериями относительного престижа, который в свою очередь является главной основой влияния. Само собой разумеется, стратификационным системам присуще «вертикальное» измерение, но необходимо иметь в виду, что чем больше дифференцировано общество, тем более плюралистична стратификационная система. Влияние — это не линейное средство, изменяющееся лишь в количественном отношении; оно связано также с тем содержанием, к которому имеет отношение данный конкретный источник влияния; так, с лечащим врачом обычно не консультируются по вопросу о том, за какого кандидата отдать голос на выборах. Следовательно, влияние варьируется как по своему уровню — применительно к конкретному основанию престижа, так и по диапазону действия, то есть по широте охвата разных сторон функционирования соответствующей социальной системы.

Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах. Однако и на стратификацию в свою очередь оказывают воздействие всевозможные способы распределения высоко ценимых объектов, положений, воз-

можностей и т. п., так что конфликты могут приобрести весьма обобщенный характер, когда они связаны с такими обобщенными средствами, как деньги и могущество, а также влияние и престиж. Региональные, этнические и религиозные различия, конечно, тоже могут стать основой конфликта, не говоря уже об интересах и ценностных приверженностях независимых, политически организованных обществ.

Ввиду своей особой заинтересованности проблемами интеграции социальных систем социология, естественно, склонна придавать особое значение условиям стабильности. Однако не менее важны и процессы изменений, которые являются предметом такого же основополагающего теоретического анализа, как и процессы, посредством которых поддерживаются порядок и устойчивость. Одним из источников изменения служит распространение отклоняющегося поведения, равно как и разрастание различного вида конфликтов, причем большинство конфликтов содержит в качестве существенных ингредиентов то, что может быть с полным основанием названо отклоняющимся поведением. Впрочем, имеется также и целый ряд других источников изменения, которые отчасти свойственны самой социальной системе, а отчасти связаны с состоянием и способами взаимозависимости различных ее компонентов.

Хотя темпы роста народонаселения отнюдь не независимы от социальных систем, они, как это с очевидностью вытекает из опыта большинства стран современного мира, могут стать наряду с климатическими изменениями, истощением природных ресурсов и многими другими явлениями того же порядка чрезвычайно важным, относительно независимым фактором. На другом полюсе, пожалуй, важнейшие из всех факторов изменения коренятся в культурных системах. Макс Вебер, как никто другой из социологов, показал значение великих религиозных движений как для дифференциации основных типов обществ, так и для создания (через институционализацию берущих в них начало ценностей) важного стимула к определенным видам изменения, что особенно наглядно проявилось в случае аскетического протестантизма, внесшего решающий вклад в развитие общества современного индустриального типа. Другим особо важным культурным источником изменения в наше время является развитие науки, которое,

понятно, так же как и развитие религии, представляет собой составную часть социального процесса.

Вообще говоря, социологи отказались от прежних споров о приоритете тех или иных факторов в процессах социальных изменений. Так, вопрос о приемлемости теории экономического детерминизма ныне утратил значение реально важной проблемы. В принципе все факторы, воздействующие на поведение людей, начиная от физической среды и биологического состава населения через психологические, экономические, политические, правовые и прочие интрасоциетальные факторы и кончая факторами культурной системы, заслуживают подробного рассмотрения в качестве факторов социальных изменений. При этом очень многое зависит не только от конкретного случая, но и от характера рассматриваемой проблемы изменения.

Свои первые шаги социология делала под большим влиянием эволюционных идей — вспомним хотя бы столь отличные друг от друга подходы Огюста Конта и Герберта Спенсера. Затем на протяжении примерно всей первой половины нашего века социологи, за исключением Макса Вебера, отвергали эти идеи, что было непосредственно связано с общей атмосферой, царившей в антропологии. В самое последнее время наметилось явное возрождение интереса к эволюционным идеям,— интереса, который полностью разделяется и автором данных строк. Этому возрождению во многом способствовало дальнейшее развитие и укрепление связей между биологическими* и социальными науками, все более убедительно свидетельствующее о том, что их неразрывное единство как «наук о жизни» носит основополагающий характер. Если это действительно так, то столь фундаментальная концепция, как концепция эволюции, не может не быть общей для обеих категорий наук. Этот возобновившийся интерес к эволюции тесно связан с быстрым расширением за последнее время объема сравнительных исследований.

В настоящей главе я ставил своей задачей рассмотреть прежде всего самостоятельное теоретическое содержание социологии, пользуясь терминологией, которая, как я надеюсь, не является исключительной монополией данного автора. Хотя наша дисциплина отнюдь не покончила с делением на «школы», все же сейчас такое деление куда менее заметно, чем каких-нибудь тридцать лет назад. Социология, как научная дисциплина, несомненно, все

еще находится на раннем этапе своего развития, но она делает большие успехи. Картина, нарисованная здесь мною в общих чертах, призвана дать читателю определенное представление об организации материала данной книги в целом, как общего очерка интеллектуального содержания социологии и ее состояния на современном этапе.

В заключение я хотел бы упомянуть о двух аспектах социологии, которые не являются научными в строгом смысле слова. Разумеется, любая подобная дисциплина устанавливает связи за пределами своего непосредственного круга ведения (притом в тем большей степени, чем более «социальный» характер она носит) двумя основными способами. Первый из них — это сфера практического применения, наиболее известными примерами которого является использование достижений физики и химии в технике и достижений биологических наук в медицине. Социология имеет пока что довольно скромное практическое применение, хотя, на мой взгляд, в целом ряде областей, таких, как отклоняющееся поведение, психическое заболевание, организация локальных сообщностей и политический процесс, практическое использование социологии может быть охарактеризовано как весьма существенное. В будущем наверняка можно ожидать крупных успехов в этих областях.

Вторая сфера «продолжения вовне» связана с местом, занимаемым той или иной дисциплиной в более общей интеллектуальной культуре. Тут за последнее тридцатилетие в положении социологии произошел заметный сдвиг. Не будет преувеличением сказать, что со времен Рикардо и после — в период огромной популярности Маркса — экономическая наука считалась ключевой дисциплиной для понимания социального мира, причем интерес к экономике в этом плане в общем и целом вытеснил предшествовавшие ему преимущественно политические интересы. На короткое время в центре внимания оказывались различные психологические теории, особенно те, которые были связаны с психоанализом. Однако в наши дни в центр научных интересов начинает перемещаться социология.

А

«Авторитарная личность» (Т. Адорно и др.) 148
Авторитарность 48
Агрессия
— самоубийство как акт *а.* 39—40
Администрация и бюрократия 96—104
Адорно Т. В. 148
Академические успехи и социальный класс 181—182
Аксиома кумулятивной инерции 158—159
Акт о гражданских правах 1964 г. 328
Александер Норман К. 66
Алжир 124
Алкоголизм 41, 286
Американская ассоциация юристов 228
Американская медицинская ассоциация 94
Американская социологическая ассоциация 174, 253, 361
«Американский солдат» (Стоуффер и др.) 149
Анклавы 131
Аномия 367
Антропология и социология 362—363
Арабские государства 211
Аренсберг Конрад М. 193
Арье Филипп 333
Ассоциация молодых христиан 311
Африка 73, 130, 211

Б

Байон У. Р 88
Барбер Бернард 235—247
Барнард Честер 101
Бартон Аллен Х. 149
«Бегство от свободы» (Фромм) 42
Бедность
— и отклоняющееся поведение 286—287, 291—293
— религия и *б.* 279
— родство и *б.* 292—293
Безработица и досуг 79—81
Бейлз Роберт Ф. 87—88
Белла Роберт Н. 201, 265—281
«Белые воротнички» 336
— преступность *«б. в.»* 294—296
Бендикс Рейнхард 201, 330—340
Берджесс Эрнест 194
Берндт Рональд 269
Бидуэлл Чарлз 297—313
Билль о правах 369
Бихевиоризм Уотсона 56
Блау Питер М. 65, 93—105
Блум Б. С. 48
Богардус Э. С. 75
Богатство
— и стратификация 237—238
— и отклонения 291
Боулдинг Кеннет 72
Бронзовый век 271, 273, 277
Буддизм 267, 272
Бунт и сообщность 114
Буржуазия 237
Бурроу Т. 88
Буф Чарлз 68
Бэвелас А. 86
Бэч Дж. М. 86
Бюрократия
— и администрация 96—104
— величина организации и *б.* 103—104
— иерархические уровни *б.* 98
— карьера в *б.* 98—99
— неформальная организация в *б.* 100—102
— правовые процедуры в *б.* 227
— принцип заслуг в *б.* 100
— принцип старшинства в *б.* 100
— профессионализация в *б.* 104—105
— теория *б.* Вебера 96—100
— экономическая деятельность и *б.* 200

в

Валовой национальный продукт 336
«Введение в математическую социологию» (Дж. Коулмен) 155
Вебер Макс 41, 75, 96—105, 197—202, 203, 205, 213, 250, 274, 376—377
Веблен Торстейн 243
Великобритания
— численность занятых в сельском хозяйстве *В.* 337
Верховный суд США 223, 320, 328
Взрослые
— проблемы *в.* 302—308
Власть (Authority)
— гражданская *в.* 212
— законность и *в.* 205—208
— институциональная *в.* 373—374
— лидерство и *в.* 209—210
— определение *в.* 236
— рационально-правовая *в.* 206, 209—210
— в самостоятельных обществах 342—344
— в сообщности 109—110
— стратификация и *в.* 236—237
— харизматическая *в* 206
— центральная *в.* 347
Власть (Power)
— политические системы и *в.* 207—208
— стратификация и *в.* 236—237
Влияние 373
«Влияние религии» (Буф) 68
Воздержание
— движение за *в.* от спиртных напитков 69
Возраст социальный и биологический 298—302
«Война миров» (Уэллс) 58
Воспитание детей
— роль родителей в *в. д.* 51
Воугел Эзра Ф. 163—173
Время как основная переменная 155
«Всемирная революция и типы семьи» (Гуд) 169
Всеобщее избирательное право 333—334
Вторая мировая война
— и всеобщее избирательное право 334
— исследования во время *в.м.в.* 85, 146—147
— лояльность к группе во время *в.м.в.* 85
— и метод групповой терапии 85, 88—89
— наука и *в.м.в.* 252
— негры и *в.м.в* 319
— рост образования после *в.м.в.* 174—176, 239
— и социология образования 174—175, 177—179
«Вторжение с Марса» (Кэнтрил) 58

г

Ганди Мохандас К. 277
Гарвардский университет 89, 263
Гилберт Д. 47
Глейзер Барни Дж. 257
Глюк С. и Э. 41.
Голосование
— исследование проблем 61, 214—216
— негры и проблемы *г.* 320
Гордон Джеральд 258
Город
— доиндустриальные формы *г.* 126, 194
— национальные шаблоны *г.* 119—122
— против деревни 128
— социальная организация в *г.* 121, 123
Государственные школы
— десегрегация в *г.ш.* 327—328 (см. также Образование)
Гражданская власть 212
— и законность 211
Группа
— индивид и *г.* 84, 90—91
— малые *г.* 82—92
— научное изучение *г.* 83
— первичная *г.* 191—197

— производительность труда и *г.* 85
— процессы в *г.* 82—92, 314—316
— самоанализа 89
— терапевтический эффект *г.* 85, 88—89
Гоулднер Элвин У. 102
Групповая лояльность 211, 367
Групповая терапия 85, 88—89
Гуд Уильям Дж. 169, 171, 194

Д

Давление родителей 303
Де Голль Шарль 210
Дейч К. 86
Демографические исследования 52, 118
Демократия 207, 213
Десегрегация 326—328
Дети
— изменения в отношениях к *д.* 333
— система образования и *д.* 184—185
Джеймс Уильям 139
Дзэн-буддизм 280
Диксон Уильям Дж. 102
Дифференцированное общество 371
Доверие к источнику 59
Досуг
— безработица и *д.* 79—81
— перераспределение *д.* 71
— и потребление товаров 71—73
— работа и *д.* 68—81
Доход
— досуг и *д.* 71
— престиж и *д.* 135—136
— стратификация и *д.* 237—238
Дружба и друзья 62—66
Дэвис Джеймс Э. 54—67
Дэвис Кингсли 193, 299
Дюркгейм Эмиль 38—41, 84, 92, 174, 267, 270, 367, 372

Е

Евреи 212—213, 324

Ж

Жена
— роль *ж.* в семье 163—165
Женщины
— работа и досуг *ж.* 71
— избирательное право *ж.* 334

З

Закон о запрещении продажи спиртных напитков 69, 143, 221
Законность
— гражданская власть и *з.* 221
— источники *з.* 205—211
— кризис *з.* 206
— и политическая социология 205—213
Законодательная власть в сообщности 114
Запрет кровосмешения 164, 211—212
Зольдич Моррис 165
Зиммель Георг 84
Знанецкий Флориан 55, 62, 307
«Значение истины» (У. Джеймс) 139

И

Игры азартные 284
Идеология
— локализма 108, 111—112
— социалогия и *и.* 378
— яростного индивидуализма 56
Иерархия популярности 64
Измерение 134—149
— компьютеры в *и.* 144
— конкретизация конструкта в *и.* 138—139
— образы в *и.* 138
— переменные в *и.* 142—143
— шкалы и индексы в *и.* 140
ИМКА (см. Ассоциация молодых христиан)
Индивид
— и группа 84—85, 90—91
— коллективы и *и.* 366

Индия 196, 354, 355
Индуизм 275—276, 277
Индустриализация
— и досуг 68—69
— и нуклеарная семья 170
— и сельское хозяйство 335—338
— и системы ценностей 171
— урбанизация и *и.* 117, 123, 128—129, 131—133
Индустриальная психология 75
Инкельс Алекс 37—53
Институционализация 369
Институциональные комплексы 373
Ислам 123—124, 272, 275, 278
Исследования
— демографические 52, 118
— новое в методах *и.* 150—162
— в области радио 56—58
— стиль руководства в *и.* 258
Йельский университет 260

К

Калифорнийский университет 338
Кальвинизм 198, 274
Капитализм
— кальвинизм и к. 198
— и протестантская этика 41—42
— традиционализм и *к.* 215
Каплан Норман 262
Кардинер А. 44
Карр-Сондерс Э. М. 77
Картрайт Дорвин 63
Кац Элихью 60, 196
Кемени Джон 155
Кеннеди Джон Ф. 320
Кимболл Солон Т. 193
Кинг Мартин Лютер, младший 322
Китай
— семья в *К.* 168, 193, 194
Классовая структура 52, 95, 106 (см. также Социальная стратификация и Социальная структура)
«Классы в американском обществе» (Рейссман) 148
Клики 63
Колледжи
— задачи *к.* 186—187
Коллектив
— лояльность по отношению к *к.* 368
— определение *к.* 369
— организация *к.* 95
— самостоятельность *к.* 356
— социальные системы и *к.* 366
Колониализм 124—126, 355—356
Колумбийский университет 57, 169
Коммунизм 215
Компьютеры
— измерение и *к.* 144
— в индустриальной психологии 76
— в исследовании групп 88
— в социологии 159—162
Конкретизация конструкта 138—139
Конституция США 369
Конт Огюст 377
Контекстуальная связь 66
«Конфликт в сообщности» (Коулмен) 63
Конформность и санкции 367
Конфуцианство 275—276
Корнелльский университет 157
Коулмен Джеймс 63—64, 65, 155
Коэн Альберт К. 282—296
Крейвен Ида 79
Кровосмешение
— запрет *к.* 164, 211—212
Кули Чарлз Х. 84, 92
Культура
— массовая *к.* 111
— молодежная *к.* 309—310
— экономическая жизнь и *к.* 198—201
Культурная система, центральная *к. с.* 347
Культурный конфликт 215
Кумулятивная инерция, аксиома *к. и.* 158
Кэмпбелл Эрнест 66
Кэнтрил Хэдли 45, 58

Л

Лазарсфельд Поль Ф. 60, 65, 134—149, 196, 242
Ландекер Вернер С. 148
Латинская Америка
— образование в *Л. А.* 182
Леви-Брюль Люсьен 269
Левин Курт 86
Левинсон Д. Дж. 47
Леви-Стросс Клод 119
Легитимизация нормативной системы 368
Лепле Пьер Ж. 84, 92
Лернер Макс 165
Ливи Мэрион, младший 193
Лидерство 86, 166, 198, 373 (см. также Харизматическое лидерство)
Лидеры общественного мнения 61
Линдеман Ф. 262
Линейные графы 62—63
Линкольн Авраам 318
Липсет Сеймур Мартин 203—219
Литвак Юджин 195
«Личное влияние» (Кац и Лазарсфельд) 60—61
Личность
— модальные шаблоны *л.* 46—52
— общая теория *л.* 37—46
— и социальная организация 41—42, 49—52
— социальные движения и *л.* 41—46
— социальные изменения и *л.* 46
Локализм, идеология *л.* 108, 111—112
Лояльность 85, 211, 367
Лэндс Дэвид 193

М

Макгиннис Роберт 150—162
Макклеллан Дейвид 148
Макросоциологический подход к обществу 341—359
Макфи Уильям 155
Малиновский Бронислав 164
Малые группы
— определение *м. г.* 82
— и социальное давление 83
— социология *м. г.* 82—92
Марихуана 284
Марковские цепи 157—159
Маркс Карл 197—202, 378
Марксизм и социология науки 251
Массовая культура 111
Массовое производство, влияние *м. п.* 75
Массовые общества 351—355
Математика в социологии 150—162
«Математические модели в социальных науках» (Кемени и Снелл) 155
Матца Дэвид 306, 310
Мать, роль *м.* в семье 163—164
Межгрупповые отношения 315, 324—325
Международная социологическая ассоциация 361—362
Межличностные связи 62—66
Мейхью Леон 220—234
Мертон Роберт К. 47, 112, 249—255, 257, 291
Местная автономия и сообщность 109—110
Мёде В. 85
Миграция
— рынок труда и *м.* 74
— урбанизация и *м.* 130—131
Мид Джордж Герберт 55—56, 58—60, 67
Миллар Джон 335
Миллер Делберт 51, 200
Миллз С. Райт 199
Миллз Теодор М. 82—92
Мифический мир и религия 269
Мичиганский университет 63, 258
Мобильность (см. Социальная мобильность)
Могущество (см. Власть — Power)
Молодежная культура 309—310
Молодежь
— «антисоциальность» *м.* 310

Отставание культуры и наука 251
Отчужденное поколение 297

П

Парето Вильфредо 203
Парк Роберт Э. 68
Парсонс Талкотт 25—36, 87, 165, 194, 360—378
Пельц Дональд 258—259
«Первая из новых стран» (Липсет) 209
Первичная группа 191—197
Переменные в измерении 142—143
Петтигрю Томас Ф. 314—329
Поведение
— ролевое *п.* 46—47, 369—370
— теория вероятности и *п.* 154—155
Показатели рождаемости 332—333
Пол и культурные конфликты 215
Политическая наука 365
Политическая социология 203—219
— законность и *п. с.* 205—213
— определение *п. с.* 204
Политические партии 213—217
Половое влечение 212
«Польский крестьянин в Европе и Америке» (Томас и Знанакецкий) 55
«По направлению к общей теории действия» (Белз) 87
Послушание и законность 212
Потребление
— производство и *п.* 72—73
Потребность в достижениях 47—48
Право
— всеобщее избирательное *п.* 333—334
— проведение норм *п.* в жизнь 230—233
— и мораль 221
— расовые отношения и *п.* 225
— социология *п.* 220—234
Прайс Дерек 260
Прайс Доп К. 263
Престиж
— доход и *п.* 135—136
— относительный *п.* 375
— предположения о *п.* 59
— *п.* профессий 77—78, 136—137, 235—237
— *п.* профессий и стратификация 235—237 (см. также Статус)
Преступность 38—41
— *п.* «белых воротничков» 294—296 (см. также Отклоняющееся поведение)
Принцип
— наименьшего действия 64
— равной защиты 366
Принципы социологии (Росс) 64
Принятие решений
— и демократия 212—213
— законность 205
— контроль над *п. р.* 107—108, 112—113
— и политическая социология 205
— принятие судебных решений 223
— в сообщности 112—113
— элита и *п. р.* 113
Продвижение по службе 98—99
Проецирующая техника 142
Производительность труда (см. Труд)
Производство
— и машинный труд 335
— и потребление 72
— и социальная структура 197—198
— и экономическая деятельность 191
— и экономическая социология 188—189
Пропаганда 56—58
Проституция 284
— социология *п.* 289
Протестантизм 273
— капитализм и *п.* 41—42
— реформация и *п.* 273—274

Профессионализация 105
Профессия
— наследование *п.* 302—304
— привилегированные *п.* 76—77, 336
Прэтт Дж. Н. 85
Психические состояния и религия 267
Психология
— индустриальная *п.* 75
— социальная *п.* 54—67, 362—363
— социология и *п.* 362—363

Р

Работа
— и досуг 68—81
— и массовое производство 75
— и организация 101—102
Рабство и негритянская проблема 316—318
Разделение труда (см. Труд)
«Районы преступности» (К. Р. Шоу) 40
Райт Кристофер 262
Расовые отношения 50, 314—329
— межгрупповые *р. о.* 315—316
— право и *р. о.* 225
— стереотипы *в р. о* 323—324
— «супер-эго», «ид» и «альтер-эго» в *р. о.* 323—324
Реальная действительность и религия 266—267
Революция
— вторая промышленная *р.* 330
— растущих экспектаций 210
— и социальные классы 215—217
— французская *р.* 128
Рейсс Элберт Дж., младший 106—115
Рейссман Леонард 148
Реклама 57
Рекрутирование на роль 49
Религия
— архаическая *р.* 270—272
— и бедность 279
— благосостояние и *р.* 278—279
— как вид социального контроля 372—373
— *р.* Запада и Востока (в сравнении) 275—276
— исторические *р.* 271—273
— и магия 372
— и мифический мир 269—270
— наука и *р.* 265—266
— политика и *р.* 216—217
— примитивные *р.* 269—272
— раннесовременная *р.* 273—275
— секуляризация и *р.* 274—275
— символы *р.* 266—269, 276—277
— *р.* в современную эпоху 278—281
— социология *р.* 265—281
— спасение и *р.* 272
— как способ разрешения проблем 267
— стратификация и *р.* 239
— как функциональная универсалия 374
— этапы развития *р.* 268—273
Рикардо Дэвид 378
Римская католическая церковь 275, 278
Ритуалы в религии 270, 372
Родство
— и бедность 292—293
— государство и *р.* 168—169
— *р.* в Китае 168
— семья и *р.* 163—173
— стратификация и *р.* 240
Ролевое поведение 46—47, 369—370
Роль
— поведение в роли 46—47, 369—370
— рекрутирование на *р.* 49
— совокупность (набор) ролей 370
Росс Е. А. 64
Ротлисбергер Фриц Дж. 102
Роузен Бернард 48
Рузвельт Франклин Д. 58

С

Сазерленд Эдвин Х. 295
Самнер Уильям Грэхем 95
Самодисциплина 185, 293—294
Самостоятельность 341—344, 354
— с. коллективов 356
Самоубийство
— как агрессия 39—40
— и групповые связи 84
— и уровень преступности 38
«Самоубийство» (Дюркгейм) 39
«Самоубийство и убийство» (Хенри и Шорт) 39
Санкции
— интеграция норм и с. 368
— конформность и с. 367
— с. в процессе социального контроля 372
Саттон Фрэнсис 201
Свобода и личность 42
Сегрегация 318 (см. также Негры)
Селзник Филип 100
Сельское хозяйство
— занятость в с. х. 335—337
— научное ведение с. х. 127
— общество и с. х. 342
— урбанизация и с. х. 116
Семрад Элвин В. 88
Семья
— город и с. 194
— индустриализация и с. 169—172
— в Китае 168, 193, 194
— негритянская с. 172
— нуклеарная с. 165, 169—170, 194
— как организация 94
— потребление и с. 195
— и родство 163—173
— ролевая структура в с. 90
— на Среднем Востоке 194
— статус в с. 299—300
Сети чувств 62—66
Сибли Элбридж 152
Символы и символизм 56, 266—269, 279—281
Скептицизм как ценность науки 253
Смелсер Нейл Дж. 188—202
Смит Адам 335
Снелл Лори 155
Советский Союз 130
— влияние достижений С. С. на внутреннюю политику США 176
— сельское хозяйство в С. С. 337
— семья в С. С. 172
— социология в С. С. 362
Современное общество 330—340
— изобилие в с. о. 336
— культурные изменения в с. о. 353—354
— образование в с. о. 336—337
— на примере США и Великобритании 339—340
Сообщность
— автономность с. 107—109, 112—113
— законодательная власть в с. 114
— насилие в с. 40—41, 113—114
— определение 106
— социологические проблемы с. 106—115
Сорокин Питирим А. 44, 149, 250
Социализация 370
Социализм 215
Социальная антропология 75, 362—363
Социальная мобильность
— богатство и с. м. 235—247
— возможности для с. м. 52—53
— время и с. м. 155
— математическая теория с. м. 156—158
— определение с. м. 244
— и престиж профессий 235—236
— урбанизация и с. м. 128 (см. также Социальная стратификации)
Социальная психология 54—67, 362—363

Социальная система
— желательный тип *с. с.* 368
— интеграция *с. с.* 364
— личность и *с. с.* 49—52
— микросистемы и *с. с.* 82—84
— нормативные экспектации в *с. с.* 365
— плюралистичность *с. с.* 370—371
— центр тяжести *с. с.* 344—345
Социальная стратификация
— конфликт и *с. с.* 375
— образование и *с. с.* 179, 238—239
— политика и *с. с.* 216—218
— право и *с. с.* 224—225
— и религия 239
— и социальная мобильность 235—247 (см. также Кассовая структура и Социальная структура)
Социальная структура
— население и *с. с.* 45
— наука и *с. с.* 251
— и организация 94—96
— религия как *с. с.* 270 (см. также Классовая структура и Социальная стратификация)
Социальные изменения 376—377
— законность и *с. и.* 206—208
— личность и *с. и.* 45—46
Социальные науки 154—155
Социальные нормы
— действенность *с. н.* 226
— право и *с. н.* 220—222
— эгалитарные *с. н.* 245
«Социальные последствия авиации» (Огборн) 251
Социальные символы 56, 266—269, 347
Социальный класс
— академические успехи и *с. к.* 181—182
— революция и *с. к.* 215—217 (см. также Социальная мобильность и Социальная стратификация)
Социальный контроль
— отклоняющееся поведение и *с. к.* 286—289
— санкции и *с. к.* 372
— сообщность и *с. к.* 108
Социальный конфликт 375
Социолог
— профессия *с.* 361
— как собиратель фактов 150—151
— как теоретик 150—152
Социология
— антропология и *с.* 362—363
— и идеология 378
— интеграция социальных систем 364
— и компьютеры 159—162
— математика в *с.* 150—162
— модернизация и *с.* 202
— науки 248—264
— как научная дисциплина 360—362
— *с.* образования 174—187
— политическая *с.* (см. Политическая социология)
— пополнение ее рядов 36
— преподавание *с.* 360
— как профессия 361
— «психологистская» школа в *с.* 44—45
— психологии и *с.* 362—363
— в социалистических странах 362
— установки 54—67
— шкалы и индексы в *с.* 140—143
— школы в *с.* 44—45, 377
— *с.* экономики 188—191
— экстенсивность *с.* 378
Спенсер Герберт 55, 174, 377
Способности академические 180
Средства массовой коммуникации 56—58, 144, 292—293
Стайн Моррис 48
Статус и структура статусов 48, 136, 164
Стенлиберль, анклавы в *С.* 131
Стереотип
— с. «ид» 323—324
— расовые *с.* 323—324
Стерн Г. Г. 48

Стиль жизни 242—244
Сторер Норман У. 248—264
Стоуффер С. А. 146, 149
Стратификация (см. Классовая структура, Социальная стратификация, Социальная структура)
Суонсон Г. 51
Сьоберг Гидеон 194
США
— Верховный суд 223, 320, 328
— в сравнении с Великобританией 339—340
— деистический символизм в США 280—281
— изменения в праве 233—234
— как общество изобилия 335—336
— классовая структура 106
— конституция 369
— национальный валовой продукт 336
— отклоняющееся поведение в США 282—296
— проблемы урбанизации 109—110 (см. также Урбанизация)
— расовое и этническое разделение труда в США 74—75
— расовые отношения 177, 314—329
— рост городов 119—121
Сюнь-Цзы 265

Т

Танненбаум Фрэнк 317
Тард Габриель 70
Творчество 254, 346—347
Тейлор Фредерик У. 192
Телевидение и массовая культура 112
Теория
— вероятностные т. 154
— доминирования 153—154, 155
— структурного баланса 60
Терапевтические процессы 372
Тернер Рельф 338—339
Тернстром Стефен 111
Территориальная близость 358
Тест
— психологические т. 50—51
— тематической апперцепции (ТАТ) 51
Технический прогресс и образование 176—177
Тилли Чарлз 116—133
Типы личности и раса 50
Томас У. И. 55, 62, 84
Треугольник Хайдера (Р-О-Х) 60
Троу Мартин 174—187
Труд
— производительность и группа 85
— разделение т. 299, 335—336, 362
— расовая и этническая дискриминация в т. 74—75
Трумэн Гарри С. 326
Трэшер Ф. М. 84

У

Универсализм 253
Университет
— задачи у. 186—187
— Гарвардский у. 89, 263
— им. Джорджа Вашингтона 262
— Йельский у. 260
— Калифорнийский у. 338
— Колумбийский у. 57, 169
— Корнелльский у. 157
— у. Миссисипи 314
— Мичиганский у. 63, 258
— Чикагский у. 48, 55, 194, 258
Уоллер Уиллард 64
Уоллес Уолтер 65
Уорф Луис 129
Урбанизация 109, 124—126
— индустриализация и у. 117, 128—129, 131—133
— миграция негров и у. 318—320
— миграция и у. 130—131
— и «образ жизни» 129
— формы у. 116—133
— (см. также Город)
Установки, социология у. 54—67
Ученые
— свобода у. 255—256
— моральный дух и произ-

водительность *у.* 256—260
Уэбб Юджин Дж. 148
Уэллс Герберт Дж. 58

Ф

Фергюсон Адам 335
Фестинджер Леон 86
Физические науки 153
Формальная организация 94—100
— Вебер о *ф. о.* 96—100
«Формальные теории массового поведения» (Макфи) 155
Французская революция 128
Фрейд Зигмунд 44
Френч Дж. Р. П., младший 64
Фромм Эрих 42—45

Х

Хайдер Фриц 59—60, 62—65
Хаптер Флойд 200
Харизматическое лидерство 166, 206, 208—209
— определение *х. л.* 352
Хенри Э. Ф. 39
Херст Дж. У. 233
Хоторнский эксперимент 192
Хоуманс Джордж 63
Хэрери Фрэнк 63
Хьюз Эверетт С. 68—81

Ц

Целевая структура индивида 370
Центральная культурная система 347

Ч

«Человеческая группа» (Хоуманс) 63
Черчилль Уинстон С. 262
Чикагский университет 48, 55, 194, 258
Чиной Илай 201

Ш

Шериф Музафер 85
Шехтер С. 86
Шилз Эдуард А. 87, 112, 341—359
Шкала-Ф. 47—48, 141, 148
Шорт Дж. Ф. 39
Шоу К. Р. 40
Шульце Роберт 200
Шумпетер Иозеф 213

Э

Эволюция
— социальные изменения и *э.* 377
Экономическая деятельность 188—202
— первичные группы в *э. д.* 191—197
— политические и культурные переменные в *э. д.* 197—202
— и принцип самостоятельности 341—343, 350—352, 354
«Экономическая психология» (Тард) 70
Экспектации
— нормативные *э.* 365—370
— революция *э.* 210
Элита и принятие решений 113
Эпстайн Т. Скарлетт 194
Эриксон Эрик Х. 45
Эрлих Юджин 229
Эскалация целей и отклонения 291
Этнические группы
— национальность и *э. г.* 358
— стратификация и *э. г.* 240—241 (см. также Расовые отношения)
Этос науки 252, 253

Ю

Южно-Африканская Республика 315, 318
Юношеская преступность 40—41, 287 (см. также Отклоняющееся поведение)
Юриспруденция концептуальная и функциональная 221—222, 224, 227

Я

Язык и урбанизм 130
«Язык социального исследования» (Ландекер) 148
Янг Майкл 238
Япония
— религия в *Я.* 273, 277, 280
— урбанистская история *Я.* 122

СОДЕРЖАНИЕ *

Вступительная статья . 5
Введение (Талкотт Парсонс) 25

Раздел I. Компоненты социальных систем
А. Социальные установки . 37
1. Личность и социальная структура (Алекс Инкельс) 37
2. Социология установки (Джеймс Э. Дэвис) 54
3. Работа и досуг (Эверетт С. Хьюз) 68

Б. Типы коллективов 82
4. О социологии малых групп (Теодор М. Милз) . 82
5. Исследования формальных организаций (Питер М. Блау) 93
6. Некоторые социологические проблемы американских сообществ (Элберт Дж. Рейсс-младший) 106
7. Формы урбанизации (Чарлз Тилли) 116

Раздел II. Методы исследования
8. Измерение в социологии (Поль Ф. Лазарсфельд) 134
9. Новое в методах исследования (Роберт Макгиннис) 150

Раздел III. Функциональные подсистемы
10. Семья и родство (Эзра Ф. Воугел) . . 163
11. Социология образования (Мартин Троу) . 174
12. Социология экономической жизни (Нейл Дж. Смелсер) 188
13. Политическая социология (Сеймур Мартин Липсет) 203
14. Социология права (Леон Мейхью) . 220
15. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности (Бернард Барбер) 235

Раздел IV. Социология культуры
16. Социология науки (Норман У. Сторер) 248
17. Социология религии (Роберт Н. Белла) 265

Раздел V. Напряжения, отклонения и социальный контроль
18. Отклоняющееся поведение и контроль над ним (Альберт К. Коэн) 282
19. Молодежь в современном обществе (Чарлз Бидуэлл) 297
20. Расовые отношения в Соединенных Штатах Америки: социологическая перспектива (Томас Ф. Петтигрю) 314

Раздел VI. Общество и социальные изменения
21. Современное общество (Рейнхард Бендикс) . 330
22. Общество и общества: макросоциологический подход (Эдуард Шилз) 341

Заключение
23. Общий обзор (Талкотт Парсонс) 360
Указатель 379

* Введение, 1—9-я главы и Указатель переведены Е. В. Зиньковским; 10—23-я главы — В. В. Ворониным.